КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА:

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ИДЕОЛОГИЯ

1980

МОНГОЛИЯ
ХЭЙЛУНЦЗЯН
Харбин
ЦЗИЛИНЬ
Чанчунь
Шэньян
ЛЯОНИН
Урумчи
СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ
РАЙОН
АВТОНОМНЫЙ РАЙОН ВНУТРЕННЯЯ
Хух-Хото
ПЕКИН
ТЯНЬЦЗИНЬ
ХЭБЭЙ
ШАНЬСИ
Тайюань
Шицзячжуан
Цзинань
ШАНЬДУН
ГАНЬСУ
Иньчуань
Синин
ЦИНХАЙ
Ланьчжоу
ШЭНЬСИ
Сиань
Чжэнчжоу
ХЭНАНЬ
ЦЗЯНСУ
АНЬХОЙ
Нанкин
Хэфэй
ШАНХАЙ
Ханчжоу
ЧЖЭЦЗЯН
АВТОНОМНЫЙ
РАЙОН
ТИБЕТ
Лхаса
СЫЧУАНЬ
Чэнду
ХУБЭЙ
Ухань
Наньчан
ЦЗЯНСИ
Чанша
ХУНАНЬ
ГУЙЧЖОУ
Гуйян
ФУЦЗЯНЬ
Фучжоу
Тайбэй
о.Тайвань (Кит.)
Куньмин
ЮНЬНАНЬ
ГУАНСИ-ЧЖУАНСКИЙ АВТ. РАЙОН
Наньнин
ГУАНДУН
Гуанчжоу
Сянган (Гонконг) (Брит.)
Аомынь (Макао) (Порт.)
о.Хайнань (Кит.)
ПЕКИН — Столица КНР
ШАНХАЙ — Города центрального подчинения
Ланьчжоу — Административные центры провинций и автономных районов
Государственная граница КНР
Границы провинций, автономных районов и городов центрального подчинения
1- Нинся - хуэйский автономный район
250 0 250 500км

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА В 1980 ГОДУ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ИДЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

ББК 92
К 45

Китайская Народная Республика в 1980 году.
К45 Политика, экономика, идеология. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», М., 1984.

256 с.

В очередном, восьмом выпуске ежегодника систематизируются основные сведения о социально-экономическом устройстве, политике, идеологии и культуре Китайской Народной Республики за 1980 г. Подробно анализируются основные процессы и важнейшие изменения в государственной и общественной жизни страны. В ежегоднике постоянно ведутся разделы «Хроника», «Персоналии», «Знаменательные даты».

К $\frac{0302030100\text{-}173}{013(02)\text{-}84}$ КБ-15-2-84 ББК 92

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Ежегодник «Китайская Народная Республика в 1980 г. Политика. Экономика. Идеология» представляет собой восьмой выпуск серии, издаваемой Институтом Дальнего Востока Академии наук СССР с 1973 г. В нем освещаются основные факты и события, определившие развитие страны за истекший год.

В 1980 г. в КНР продолжалось осуществление мероприятий в области экономики, намеченных на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва (июнь 1979 г.), когда была произведена корректировка планов развития народного хозяйства, определены меры по ликвидации диспропорций в экономике (прежде всего между промышленностью и сельским хозяйством), по уменьшению дефицита государственного бюджета и сокращению доли капиталовложений в тяжелую промышленность и т. п. В результате в 1980 г. снизились темпы прироста добычи угля, нефти, газа, производства стали, чугуна и ряда видов продукции машиностроения. Продолжалась децентрализация управления промышленностью, расширялась хозяйственная самостоятельность предприятий, велись поиски сочетания централизованного планирования с использованием рыночного механизма. Курс урегулирования народного хозяйства был направлен на решение текущих социально-экономических проблем, стоящих перед страной. Программа «четырех модернизаций» сохранялась как стратегическая задача развития Китая до 2000 года.

В сельском хозяйстве большая часть крестьянских хозяйств была переведена на систему «производственной ответственности». В городах (главным образом в торговле и сфере обслуживания) развивалось мелкое частное предпринимательство. Активно использовались капиталовложения и технический опыт капиталистических стран. Создание совместных с иностранным капиталом предприятий означало возникновение в социально-экономической структуре КНР особых форм экономической деятельности государственно-капиталистического типа. Таким образом, определилась тенденция к возрождению многоукладности, появлению несоциалистических форм хозяйствования — мелкотоварного и государственно-капиталистического укладов.

В китайском обществе происходили заметные изменения. Наметился рост жизненного уровня трудящихся, продолжалась реабилитация жертв «культурной революции», проводилось усовершенствование законодательства, начались прямые выборы в местные органы власти вплоть до уездного уровня.

Во внешней политике осуществлялся прежний политический курс.

* * *

Композиция книги сохраняет проблемно-тематический принцип систематизации материалов, сложившийся в предшествующих справочно-аналитических изданиях серии. В данном выпуске ежегодника дан справочный обзор: «Юго-Западный Китай».

В научно-технической подготовке книги к изданию принимали участие Ф. Б. Белелюбский, В. В. Демченко, Л. А. Романова, Г. С. Цимбалов, И. А. Яковлев.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

КРАТКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Территория — 9 597 520 кв. км. Протяженность страны в широтном направлении — 5700 км, в меридиональном — 3650 км.

Протяженность границ — 36,5 тыс. км, в том числе свыше 21,5 тыс. км — по суше; около 15 тыс. км — морские границы. Протяженность советско-китайской границы — 7518 км.

КНР граничит с КНДР, СССР, МНР, Афганистаном, Индией, Непалом, Бутаном, Бирмой, Лаосом и СРВ.

Рельеф преимущественно гористый: $^2/_3$ территории расположено свыше 1000 м над уровнем моря и лишь $^1/_6$ территории составляют равнины.

Крупнейшие реки: Янцзы — 6,3 тыс. км, Хуанхэ — 5,5 тыс. км, Чжуцзян — 2,1 тыс. км [1].

Крупнейшие города: Пекин — 8,9 млн., Шанхай — 11,5 млн., Тяньцзинь — 7,5 млн., Гуанчжоу — 5,4 млн., Чэнду — 3,9 млн., Ухань — 4,0 млн., Нанкин — 3,6 млн., Цзинань — 3,3 млн., Сиань — 2,8 млн., Чанша — 2,4 млн. человек [2].

Население — 987 млн. человек. Китай занимает первое место в мире по его численности, составляющей 22—23% жителей земного шара.

В 1983 г. официально опубликованы уточненные данные о численности населения страны за все годы существования Китайской Народной Республики. Впервые признано, что в 1960—1961 гг. население Китая уменьшилось на 13 млн. человек. Кроме того, произведены уточнения и по другим годам. В соответствии с этими данными численность населения КНР [3] в 1949—1981 гг. составляла (млн. человек) [4]:

1949—542	1965—725
1950—552	1966—745
1951—563	1967—764
1952—575	1968—785
1953—588	1969—807
1954—603	1970—830
1955—615	1971—852
1956—628	1972—872
1957—647	1973—892
1958—660	1974—909
1959—672	1975—924
1960—662	1976—937
1961—659	1977—950
1962—673	1978—963
1963—692	1979—975
1964—705	1980—987

[1] «Чжунго байкэ няньцзянь. 1980» («Энциклопедический ежегодник Китая. 1980»). Пекин — Шанхай, 1980, с. 40.

[2] «Чжунго байкэ няньцзянь. 1981». Пекин — Шанхай, 1981, с. 39—69.

[3] Без Тайваня.

[4] «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1983» («Китайский статистический ежегодник. 1983»). Пекин, 1983, с. 103.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ

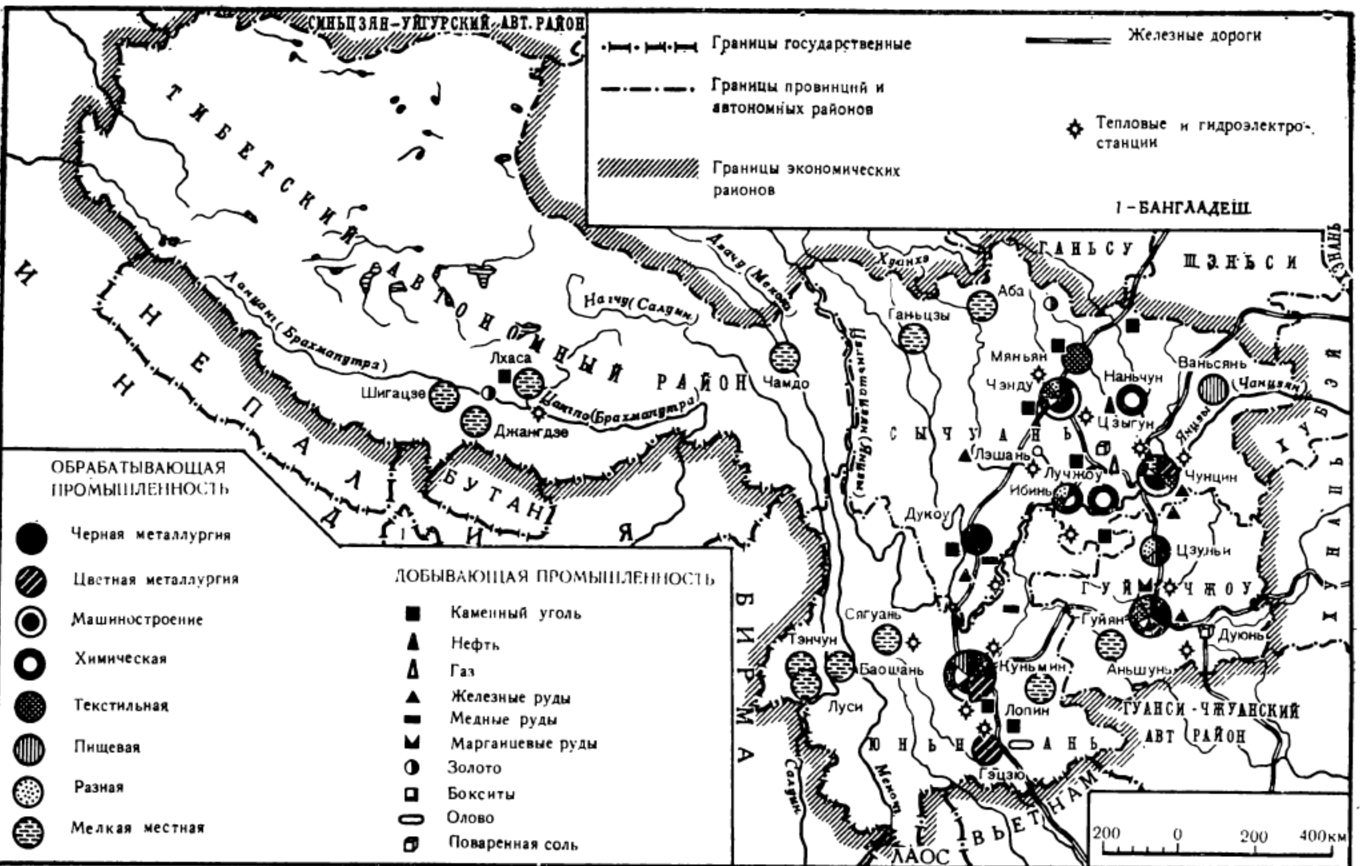
Хотя Юго-Западный Китай находится на 5-м месте по производству сельскохозяйственной и промышленной продукции (среди шести экономических районов), его роль в экономике КНР достаточно важна. Производство цветных металлов, добыча и переработка природного газа, производство фосфорных удобрений, на которых специализируется район, имеют общенациональное значение. Большую роль в экономике Юго-Запада играет также производство шелковых тканей, зерна и некоторых технических культур.

Приведем данные об административном составе, территории и населении Юго-Западного Китая (на 31 декабря 1980 г.) [1]:

Провинция, автономный район (в скобках — административный центр)	Территория, тыс. кв. км	Население, млн. человек
Сычуань (Чэнду)	570	98 820
Гуйчжоу (Гуйян)	170	27 770
Юньнань (Куньмин)	390	31 740
Тибет (Лхаса)	1200	1 850
Всего	2330	160 180

Особенности географического положения, природные условия и ресурсы

Крупнейший по площади после Северо-Западного экономического района Юго-Западный Китай отличается крайне сложными и разнообразными географическими и природно-климатическими условиями, оказывающими большое влияние на развитие его экономики. Это район горных хребтов и высокогорных плато с большим количеством речных долин и горных ущелий. В провинциях Юньнань и Гуйчжоу горными массивами занято свыше 80% территории. Здесь особенно заметны резкие перепады высот, большие колебания температур и количества осадков. Все это существенно отражается на характере и темпах хозяйственного освоения огромных площадей района, занимающего почти четверть территории КНР. К настоящему времени эффективно вовлечена в хозяйственный оборот лишь незначительная часть наиболее обжитой территории Юго-Западного


СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКИЙ АВТ. РАЙОН
Границы государственные
Границы провинций и автономных районов
Границы экономических районов
Железные дороги
Тепловые и гидроэлектростанции
1 – БАНГЛАДЕШ
ТИБЕТСКИЙ АВТОНОМНЫЙ РАЙОН
ИНДИЯ
НЕПАЛ
БУТАН
БИРМА
ЛАОС
ВЬЕТНАМ
ГАНЬСУ
ШЭНЬСИ
СЫЧУАНЬ
ГУЙЧЖОУ
ЮНЬНАНЬ
ГУАНСИ-ЧЖУАНСКИЙ АВТ РАЙОН
Лхаса
Шигацзе
Джангдзе
Чамдо
Ганьцзы
Аба
Мяньян
Чэнду
Наньчун
Ваньсянь
Цзыгун
Лэшань
Лучжоу
Ибинь
Чунцин
Дукоу
Цзуньи
Гуйян
Дуюнь
Аньшунь
Куньмин
Лопин
Гэцзю
Сягуань
Баошань
Тэнчун
Луси
Цанпо (Брахмапутра)
Нагчу (Салдин)
Дзачу (Меконг)
Хуанхэ
Цзиньшацзян (Янцзы)
Янцзы
Чанцзян
Салдин
Меконг
ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
Черная металлургия
Цветная металлургия
Машиностроение
Химическая
Текстильная
Пищевая
Разная
Мелкая местная
ДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
Каменный уголь
Нефть
Газ
Железные руды
Медные руды
Марганцевые руды
Золото
Бокситы
Олово
Поваренная соль
200 0 200 400км

Китая. Так, общий фонд пахотных земель Сычуани, Гуйчжоу и Юньнани в 1979 г. составил 11,4 млн. га, или немногим более 10% площади[2].

Значительная удаленность основной территории района от развитых центральных и восточных районов Китая тормозит рост его экономики. Положение усугубляется недостаточной обеспеченностью транспортными коммуникациями, несмотря на разветвленную речную сеть.

Специфика климатических, почвенных и гидрогеологических условий позволяет возделывать в этом районе многие ценные технические культуры, служащие сырьем для ряда отраслей промышленности. Длительный период вегетации дает возможность собирать в значительной части района по 2—3 урожая различных сельскохозяйственных культур в год.

Благоприятным для экономического развития фактором является разнообразие природных ресурсов, особенно топливно-энергетических и рудных. На долю района приходится около 15% разведанных к 1980 г. в Китае запасов каменного угля, 80% природного газа, свыше 70% запасов гидроэнергетических ресурсов. В Юго-Западном Китае разведаны значительные запасы нефти, имеются месторождения горючих сланцев. По запасам железных и марганцевых руд он стоит на одном из первых мест среди экономических районов КНР.

Юго-Западный Китай — кладовая цветных и редких металлов. По запасам руд тяжелых цветных металлов (меди, свинца, цинка) он занимает ведущее место в КНР. Здесь сосредоточено до 80% запасов олова, приблизительно 90% ртути, около 40% бокситов, почти все разведанные запасы редко встречающихся в Китае никель-кобальтовых руд. Известны месторождения вольфрама, сурьмы, ванадия, золота, серебра, бериллия, лития, циркония и многих других редких и редкоземельных металлов. Только в Сычуани сосредоточено свыше 90% общекитайских разведанных запасов титана и свыше 80% ванадия.

К важнейшим видам неметаллического минерального сырья, промышленные запасы которого имеются в Юго-Западном Китае, относятся асбест, сера, слюда, бораты, соль (включая мирабилит), фосфориты, плавиковый шпат и ряд других. Месторождение высококачественного асбеста в Шимяне (Сычуань) содержит примерно 60% общекитайских запасов этого минерала. Имеются значительные залежи сырья, необходимого для развития промышленности строительных материалов, в особенности для производства цемента.

Население и трудовые ресурсы

В целом Юго-Западный Китай — относительно малонаселенная часть КНР, где проживает около 16% населения страны. Район отличается крайне неравномерным распределением населения. При средней плотности в районе 65 человек на

1 кв. км (почти в 1,5 раза меньше, чем в целом по КНР) этот показатель в Сычуани составляет 170, в Гуйчжоу — 161, в Юньнани — 80, в Тибете — немногим более 1 человека на 1 кв. км. Распределение населения внутри административных единиц в районе также очень неравномерное. Так, почти $^2/_3$ населения Сычуани — самой населенной провинции Китая — проживает на территории Сычуаньской впадины, где в районе сравнительно небольшой Чэндуской равнины плотность достигает 600 человек на 1 кв. км. К югу и западу от Сычуаньской впадины плотность заметно снижается и на обширных территориях составляет менее 1 человека на 1 кв. км. Эти цифры свидетельствуют о неодинаковой обеспеченности административных единиц Юго-Западного Китая трудовыми ресурсами. Если, например, в провинциях Сычуань и Гуйчжоу трудовые ресурсы избыточны, а в Юньнани достаточны, то Тибет испытывает острую нехватку рабочих рук.

К началу 80-х годов удельный вес городского населения в Юго-Западном Китае заметно возрос. Если в 1957 г. этот показатель составлял в Сычуани 9,3%, в Гуйчжоу — 6,3, в Юньнани — 7,9%, то в настоящее время, по оценке, в Сычуани он значительно превышает 20%, а в Гуйчжоу, по официальным данным, достигает 19% [3]. В 1979 г. в Юго-Западном Китае насчитывалось пять городов, население которых превышало 1 млн. человек: Чунцин — 6,3 млн., Чэнду — 3,85 млн., Цзыгун — 1,5 млн., Куньмин — 1,93 млн., Гуйян — 1,26 млн. Обеспечение занятости трудоспособного городского населения продолжает оставаться нерешенной проблемой.

Юго-Западный Китай — один из многонациональных районов страны. На его территории проживают представители более 30 наций, народностей и национальных групп (примерно 20 млн. человек, или около 13% всего населения района). Около 80% всех национальных меньшинств расселены в провинциях Юньнань и Гуйчжоу. Наиболее многочисленными группами являются: *и* — около 3 млн., *тибетцы* — более 2 млн., *мяо* — 2 млн., *буи* — 1,5 млн., *чжуаны* — около 1 млн. человек.

Общая характеристика экономики

В структуре экономики Юго-Западного Китая преобладает отсталое сельское хозяйство, дающее основную часть совокупной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства района и поглощающее основную часть его трудовых ресурсов. Этому району свойственны резкие контрасты в уровне развития производительных сил, «очаговый» характер их размещения. В промышленности высок удельный вес технически плохо оснащенных мелких и мельчайших предприятий, на которых преобладает ручной труд. В сельском хозяйстве сохраняются отсталые агротехнические приемы возделывания сельскохозяйственных культур, велика доля ручного труда. В некоторых отдален-

ных районах, населенных нацменьшинствами, до сих пор применяется подсечно-огневой способ земледелия [4].

Сычуань с наиболее развитой экономикой занимает доминирующее положение в хозяйстве района, выделяясь относительно высокотоварным сельским хозяйством и преобладающей долей промышленности (согласно официальным данным, к началу 1980 г. — 64%). Сычуань производит более 5% валовой продукции промышленности КНР, тогда как на долю Гуйчжоу, Юньнани и Тибета приходится соответственно 0,9, 1,1 и 0,1% [5].

Сельское хозяйство

Эта отрасль не только является важным источником финансирования промышленного развития Юго-Западного Китая, но и поставляет значительное количество сельскохозяйственного сырья для ряда перерабатывающих отраслей промышленности.

Основное направление сельского хозяйства района — земледелие с преобладанием зернового хозяйства. Ведущий зерновой район — Сычуань, главным образом Сычуаньская впадина. Важнейшие зерновые культуры — рис и пшеница, причем на долю риса приходится $^2/_3$ валового сбора продовольственных культур.

Этой провинции с ее развитым высокотоварным зерновым хозяйством отводилось важное место в решении продовольственной проблемы, которая всегда остро стояла перед Китаем. Сычуань снабжала зерном Шанхай, Пекин, а также ряд промышленных городов провинций Цзянсу, Хэнань, Хэбэй, Ляонин и др. На долю провинции к началу 80-х годов приходилось 57% всего фонда пахотных земель, около 70% сбора зерна и 65% валовой продукции сельского хозяйства региона [6].

Экономические потрясения, вызванные «большим скачком» и «культурной революцией», привели к тому, что в 1976 г. Сычуань, по признанию китайских руководителей, превратилась в провинцию, ввозящую зерно из других районов страны (об этом было заявлено на совещании по изучению опыта Дацина в апреле 1977 г.). В 1979 г., согласно официальным данным, удельный вес Сычуани в общекитайском производстве зерновых снизился до 9,6% (по сравнению с 12,9% в 1957 г.). Уменьшение ее доли в валовом сборе зерна в КНР привело к значительному снижению соответствующего показателя и для Юго-Западного Китая в целом: с 20% в конце первой пятилетки до 15% к началу 80-х годов. В 1979 г. сбор зерновых в Юго-Западном Китае составил около 47 млн. т, приблизительно на 30% превысив показатель, достигнутый в 1957 г. [7]. За то же время численность населения района возросла почти в 1,5 раза, что заметно отразилось на уровне товарности зерновой базы Юго-Западного Китая. Недостаток в собственном продовольствии испытывают все административные единицы, входящие в состав Юго-Западного Китая.

Одним из важнейших направлений сельского хозяйства района является производство ряда ценных технических культур, служащих сырьем для многих отраслей перерабатывающей промышленности и являющихся предметами китайского экспорта. Основным поставщиком этой продукции традиционно была Сычуань.

На долю района приходится около 30% всего сбора рапса в стране, около 20% сахарного тростника, 30% табака. Значительную роль в сельском хозяйстве Юго-Запада играет сбор фруктов. По сбору коконов шелкопряда он занимает 3-е место в Китае (после Восточного и Центрального районов).

Главным направлением животноводства Юго-Западного Китая является разведение крупного рогатого скота и свиней. Согласно сообщениям китайской печати, лишь к концу 70-х годов удалось в основном восстановить численность поголовья крупного рогатого скота, значительно сократившуюся за последние 20 лет[8]. В 1980 г. поголовье свиней только в Сычуани увеличилось до 50 млн., а общая цифра по Юго-Западному Китаю превысила 70 млн., составив 22% общекитайского показателя[9].

Развитие сельского хозяйства Юго-Западного Китая оказывает существенное влияние на рост многих отраслей промышленности района, особенно тех, которые связаны с производством предметов потребления, так как до настоящего времени около 70% необходимого им сырья поступает из сельскохозяйственной сферы.

Промышленность

Как известно, в связи с провозглашением «особого курса» китайские руководители отказались в конце 50-х — начале 60-х годов от ранее намеченных планов по выравниванию уровней экономического развития отсталых районов. С тех пор и вплоть до последнего времени индустриальное развитие Юго-Западного Китая осуществлялось главным образом с учетом военно-стратегических планов. Это привело к обособленному росту небольшого числа относительно крупных территориально-производственных комплексов, возникших главным образом в период первой пятилетки, углублению диспропорций в размещении промышленности, сохранению низкого уровня индустриализации других частей района (Тибет, Гуйчжоу, Юньнань) и в конечном счете к снижению его удельного веса в промышленном производстве КНР с 8,3% в 1957 г. до 7,4% в 1980 г.

В Юго-Западном Китае получили развитие такие отрасли, как цветная металлургия, добыча и переработка природного газа, некоторые виды машиностроения и др. Для этого района характерно сочетание немногих крупных заводов и фабрик, оснащенных современным оборудованием, с массой мелких полукустарных предприятий. По официальным данным, на начало 1980 г. из 58 600 промышленных предприятий района прибли-

зительно 11 200 (немногим более 19%) были государственными и свыше 47 тыс. — мелких и мельчайших — находились в коллективной собственности. На первых трудилось около 3,5 млн. рабочих и служащих, или 83% всего числа занятых в промышленности района. На долю крупных и средних предприятий приходилось свыше 40% объема производства валовой промышленной продукции Юго-Западного Китая [10]. Следует отметить, что наиболее крупные промышленные объекты района — главным образом военные заводы и предприятия базовых отраслей промышленности, связанные с военным производством. Им отдается абсолютное предпочтение в обеспечении рабочей силой, материально-техническими и финансовыми средствами [11].

К началу 80-х годов почти ¾ всего промышленного потенциала Юго-Западного Китая было сосредоточено в Сычуани. Ведущее положение провинции в промышленной системе района обусловлено прежде всего ее особым местом в военно-стратегических планах китайского руководства, которое на протяжении последних 20 лет рассматривало ее в качестве стратегической тыловой военно-промышленной базы Китая. Это определило направленность и темпы экономического развития самой провинции и всего Юго-Запада. С середины 60-х годов в Сычуани для создания «комплексного в своей основе производства главных видов продукции военной промышленности, а также научно-исследовательской базы, соответствующей потребностям оборонного строительства» [12], развернулось широкое промышленное и дорожное строительство, началась интенсивная прокладка линий электропередачи и связи. Сюда в спешном порядке стали перемещаться из других районов страны многие предприятия, в основном тяжелой и военной промышленности. Было также возобновлено строительство ряда крупных промышленных объектов, замороженных вследствие провала «большого скачка».

В то же время в Юньнани, Гуйчжоу и Тибете индустриальное развитие в основном не выходило за рамки строительства средних и мелких предприятий, способных лишь в известной степени обеспечить внутренние потребности этих частей региона в основных видах промышленной продукции.

Наращивание военно-промышленного потенциала Сычуани за счет замедления темпов и свертывания хозяйственного строительства в других районах Юго-Западного Китая вело к нарушению естественно складывавшихся в годы первой пятилетки внутрирегиональных производственных связей, к ослаблению специализации отдельных составных частей региона в общекитайском разделении труда. К концу 70-х годов пришла в упадок даже цветная металлургия Юго-Запада, традиционно являвшаяся отраслью его промышленной специализации. Из-за недостаточного финансирования со стороны государства сократилось производство олова, ртути, меди, свинца, цинка и других металлов в Юньнани и Гуйчжоу, по запасам которых эти

провинции занимают ведущее место в КНР. Так, производство олова на крупнейшем в Китае оловянном комбинате Гэцзю (Юньнань) в 1980 г. уменьшилось вдвое по сравнению с обычным уровнем в годы, предшествовавшие «культурной революции».

Продолжает увеличиваться разрыв между добывающими и перерабатывающими мощностями в цветной металлургии района, не восполняется естественное истощение запасов руд цветных металлов, под угрозу поставлено существование многих предприятий этой отрасли промышленности [13].

По мере укрепления сычуаньского промышленного ядра остальные составные части региона все больше утрачивают свою хозяйственную самостоятельность, превращаясь в его сырьевые придатки. Там в основном развиваются лишь некоторые добывающие отрасли промышленности, обслуживающие военно-промышленный комплекс: добыча угля, марганцевой и железной руд и др.

В условиях крайне неравномерного развития производительных сил и исторически сложившейся экономической отсталости большинства составных частей Юго-Западного Китая здесь особенно остро ощущалось разрушительное воздействие политических и экономических «экспериментов» наподобие «большого скачка» и «культурной революции». По признанию китайских руководителей, провинции Юго-Запада сильнее других пострадали в годы проведения этих кампаний. Не была в данном случае исключением и Сычуань.

Она в силу объективных обстоятельств тесно привязана к хозяйственной системе региона. Нормальное функционирование ее промышленности во многом зависит от состояния экономики остальных составных его частей. Особенно это становится заметным в периоды, когда в Китае по разным причинам нарушаются межрегиональные производственные связи. Из-за удаленности от развитых центральных и восточных районов страны Сычуань в такой ситуации не может восполнить нехватку сырья и материалов за счет других поставщиков, а Юньнань, Гуйчжоу и Тибет не в состоянии полностью обеспечить потребности ее индустриального ядра. Так, по свидетельству руководителей провинции, ущерб, причиненный промышленному производству Сычуани только в 1974—1976 гг., составил приблизительно 10 млрд. юаней, т. е. $^{1}/_{10}$ часть суммы всех потерь, понесенных промышленностью Китая за то же время. Металлургические предприятия провинции в 1974—1976 гг. недодали государству около 1 млн. т стали, что почти вдвое превышало их годовое производство в обычное время [14].

К началу 80-х годов положение в промышленности Сычуани оставалось напряженным. Производственные мощности использовались на 70—80%, производительность труда и фондоотдача на предприятиях были ниже, чем в среднем по стране, не хватало электроэнергии, топлива.

Топливно-энергетическая промышленность Юго-Западного Китая представлена комплексом отраслей, из которых важнейшими являются угольная, нефтегазовая и электроэнергетическая. В структуре топливно-энергетического баланса, как свидетельствуют данные на начало 80-х годов [15], преобладающую роль играет каменный уголь:

	Производство, млн. т условного топлива	Удельный вес, %
Каменный уголь	46,8	79,0
Электроэнергия, вырабатываемая ГЭС	4,2	7,2
Нефть	0,1	0,2
Природный газ (включая попутный)	8,1	13,6
Всего	59,2	100,0

Крупнейшей базой угольной промышленности Юго-Западного Китая является Сычуань. Производственные мощности по добыче каменного угля в провинции составили к началу 1981 г. 40 млн. т; фактическая добыча была несколько ниже (в 1980 г. — 39,4 млн. т). Крупнейшие угольные бассейны провинции — Чунцинский, Наньтунский, Миньцзянский, Гуаньюаньский, Баодинский.

Вторая по величине угольная база Юго-Западного Китая — пров. Гуйчжоу. Крупнейшие предприятия угольной промышленности расположены близ ее столицы — Гуйяна, в Шуйчэне, Сичжи и Дуюне. В последние годы особенно важное значение для промышленности Юго-Западного Китая приобрел угольный бассейн Люпаньшуй. Главная задача этого бассейна состоит в обеспечении высококачественным коксующимся углем металлургического комплекса Паньчжихуа на западе Сычуани [16]. В 1980 г. в Гуйчжоу добыто 14 млн. т угля (включая добычу на мелких угольных шахтах).

В пров. Юньнань бóльшая часть запасов — бурые угли. Крупнейшими районами угледобычи являются Ипинлан (уезд Гуансянь), бассейны Сюаньвэй, Илян и Сяолунтань. Суммарная добыча угля (включая мелкие шахты) составила в 1980 г. приблизительно 11 млн. т.

Таким образом, общая добыча угля в Юго-Западном Китае превысила в 1980 г. 60 млн. т [17]. Этот район, обладая относительно небольшим удельным весом в общекитайских запасах каменного угля, в состоянии не только удовлетворить свои внутренние потребности, но и снабжать им некоторые провинции Южного Китая, недостаточно обеспеченные этим видом топлива.

Нефтегазовая промышленность Юго-Западного Китая получила развитие с конца 50-х годов. Основные месторождения нефти расположены в центральной части Сычуани — в районах

Наньчун, Луннюсы, Пэнлай, природного газа — в южной части провинции (Лунчан, Цзыгун, Лучжоу и др.).

По оценке, в середине 70-х годов добыча нефти в районе приблизилась к 0,5 млн. т. В 1980 г. она снизилась до 0,1 млн. т. До недавнего времени значительная часть сычуаньской нефти перерабатывалась на Нанкинском нефтеперерабатывающем заводе. В 1958 г. в Наньчуне был введен в строй нефтеперерабатывающий завод проектной мощностью 300 тыс. т. По мнению японских экономистов, к началу 70-х годов завод достиг проектной мощности [18]. В начале 70-х годов после увеличения мощностей Чунцинского нефтехимического завода он стал способен перерабатывать до нескольких сотен тысяч тонн сырой нефти в год. Для обеспечения его сырьем из района нефтепромыслов был проложен нефтепровод протяженностью 250 км.

Добыча природного газа в Сычуани ранее велась в незначительных масштабах и в середине 60-х годов составила немногим более 1 млрд. куб. м. К 1975 г. число действующих газовых скважин возросло в 3,3 раза, а суточная добыча газа — в 3,2 раза по сравнению с 1965 г. [19]. В 1980 г. добыча природного газа в Юго-Западном Китае достигла 6,5 млрд. куб. м (приблизительно 45% общекитайского показателя). Несмотря на значительную нехватку природного газа, который занимает 22% в энергетическом балансе Сычуани (в 1980 г. дефицит внутреннего потребления составил 1 млрд. куб. м), в рассматриваемом году наметилась тенденция к сокращению его добычи (5,8 млрд. куб. м). Это вызвано уменьшением объема капиталовложений, увеличением глубины бурения скважин, более длительными сроками подготовки к эксплуатации [20].

Одна из характерных особенностей *электроэнергетической промышленности* Юго-Западного Китая — крайне неравномерное размещение электростанций как внутри района, так и в его отдельных частях (данные на 1 января 1981 г.) [21]:

Провинция, автономный район	Установленные мощности, тыс. кВт	Удельный вес, %
Сычуань	4400	66,0
Юньнань	1200	18,0
Гуйчжоу	1000	15,0
Тибет	100	1,0
Всего	6700	100,0

В Сычуани, на долю которой приходится ²/₃ установленных мощностей электростанций, они в основном сконцентрированы вблизи двух крупных промышленных узлов: Чунцина и Чэнду.

Богатые гидроэнергетические ресурсы Юго-Западного Китая определили сравнительно высокий удельный вес гидроэлектростанций в выработке электроэнергии. В 1957 г. последние про-

изводили 27,8% электроэнергии района (аналогичный показатель по КНР в целом — 24,9%). В 1980 г. мощности ГЭС Юго-Западного Китая составили 2680 млн. кВт, или более половины всех установленных электроэнергетических мощностей этого района, а их удельный вес в выработке электроэнергии достиг 44%. В Сычуани на долю ГЭС приходится 52,5% всех установленных электроэнергетических мощностей [22]. В Юго-Западном Китае создана крупная энергосистема (Сычуань) с линией электропередачи напряжением 220 кв [23]. В стадии завершения, по-видимому, находится юньнаньская энергосистема, которая объединит электростанции куньминского и гэцзюского промышленных узлов, а также относительно крупный гидроэлектроэнергетический узел Илихэ, расположенный на севере провинции.

Крупнейшими электростанциями сычуаньской энергосистемы являются ГЭС Гунцзуй (750 тыс. кВт), каскад ГЭС Лунцихэ (свыше 100 тыс. кВт), ГЭС Юйцзуй (100 тыс. кВт), две ТЭС в Чунцине суммарной мощностью более 300 тыс. кВт, две ТЭС в Чэнду — 250 кВт и др.

Основу юньнаньской энергосистемы составляют ГЭС Илихэ (около 200 тыс. кВт) и Сиэрхай (проектная мощность — 250 тыс. кВт) [24], две ТЭС в Куньмине (около 100 тыс. кВт), две ТЭС кайюаньского энергоузла (около 100 тыс. кВт) и другие электростанции. Электростанции в Гуйчжоу сконцентрированы в основном в Гуйянском промышленном узле и вокруг него.

Металлургическая промышленность Юго-Западного Китая представлена небольшим числом сравнительно крупных комплексов черной и цветной металлургии, включающих горнодобывающие предприятия, а также рядом мелких заводов (в основном чугунолитейных) и рудников.

Основу современной *черной металлургии* района составляют несколько комплексов, сложившихся главным образом в первое десятилетие существования КНР. К их числу относятся Чунцинский и Куньминский металлургические комбинаты, металлургические заводы в Чэнду и Гуйяне, а также введенный в строй в середине 70-х годов металлургический комбинат Паньчжихуа. Проектные мощности последнего составляют 1,6 млн. т чугуна, 1,5 млн. т стали и 1 млн. т проката [25]. В 1980 г. комбинат перекрыл проектные мощности и произвел 1,95 млн. т чугуна, 1,65 млн. т стали и 1,1 млн. т проката [26].

С учетом значительного числа мелких и средних предприятий черной металлургии мощности Юго-Западного Китая по чугуну и стали составили на начало 80-х годов соответственно 4—5 млн. и 4—4,5 млн. т, а фактическое производство к 1981 г. — соответственно 4,2 млн. и 3,5 млн. т (примерно 10% общекитайского производства). На долю Сычуани, где наряду с перечисленными выше металлургическими предприятиями уже в начале 70-х годов действовало более 10 других небольших металлургических заводов, приходится ныне свыше 60% производст-

ва чугуна, около 80% стали и проката, выпускаемых в Юго-Западном Китае.

Цветная металлургия является одной из отраслей промышленной специализации Юго-Западного Китая. К началу 80-х годов район давал 30% меди, 40% свинца, 22% цинка, около 70% олова и ртути и около 10% алюминия, производимых в КНР. На базе богатейших в Китае месторождений медных, полиметаллических и оловянных руд в Юньнани сложился крупнейший на Юго-Западе комплекс предприятий этой отрасли. Юньнань дает ⅔ меди, свыше 90% свинца, более 80% цинка, производимых в Юго-Западном Китае.

В Цзиньчуане (Сычуань) с 1964 г. на медно-никелевом комбинате действует крупнейший в Китае цех по электролизу никеля годовой мощностью 10 тыс. т. Предполагается увеличить здесь производство никеля в 1,5 раза [27]. Особое значение для всего Китая имеет месторождение оловянных руд в Гэцзю. В годы первой пятилетки здесь добывалось около 25 тыс. т олова в год. К началу 80-х годов производство в Гэцзю сократилось вдвое. Такое положение, явившееся результатом истощения запасов россыпных месторождений, а также значительного роста диспропорций между добывающими и перерабатывающими мощностями, поставило под угрозу перспективы эксплуатации этого месторождения [28].

Производство ртути сосредоточено в Тунжэне (Гуйчжоу), никеля — в Хойли (Сычуань), Моудине и Моцзяне (Юньнань). На базе месторождения Цинчжэнь в Гуйяне действует один из крупнейших в отрасли алюминиевый завод годовой мощностью в несколько десятков тысяч тонн. В конце 70-х годов на нем были введены в строй дополнительные мощности [29]. В 1978—1979 гг. в Паньчжихуа начали давать продукцию первый в Китае титановый завод мощностью 50 тыс. т продукта в год и крупнейший в стране цех по производству ванадиевого концентрата мощностью в несколько десятков тысяч тонн в год [30].

Машиностроение Юго-Западного Китая специализируется на выпуске электроэнергетического, металлургического, горного и транспортного оборудования; производстве прецизионных станков с программным управлением; приборостроении, особенно тех его направлениях, которые связаны с военной промышленностью, а также на выпуске радиоэлектронной аппаратуры. За годы существования КНР здесь освоен выпуск гидро- и тепловых электроагрегатов единичной мощностью соответственно 210 тыс. и 200 тыс. кВт, экскаваторов емкостью 4,5 куб. м и выше, дизельных тепловозов, железнодорожных вагонов, небольших речных судов и т. д. В конце 1979 г. введен в строй тракторный завод в Цзуньи (Гуйчжоу), построенный с помощью СРР и специализирующийся на производстве тракторов типа ДТ-445 с комплектом навесных сельскохозяйственных орудий. Мощность 1-й очереди — 1500 тракторов в год [31]. Удельный вес района в общекитайском производстве энергетического оборудо-

вания превышал 28%, металлорежущих станков — 8%, в выпуске радиоэлектронной аппаратуры — приближался к 30%. По сообщению китайской печати, основная масса телевизионных кинескопов в КНР выпускается на предприятиях Чэнду (Сычуань) [32].

Химическая промышленность района в основном базируется на переработке нефти, природного газа, солевых растворов, мирабилита и фосфоритов. Главные направления специализации отрасли — производство минеральных удобрений, синтетических смол и волокон, продуктов основной химии (кальцинированная и каустическая сода, серная кислота и т. д.) и ряда других видов химической продукции. На долю района приходится примерно 17% общенационального производства минеральных удобрений, более 6% кальцинированной и около 7% каустической соды, 5% серной кислоты. Основными центрами химической промышленности являются Чунцин, Цзыгун, Лучжоу, Лэшань, Утунцяо, Куньмин, Гуйян, Чишуй и др. В Юго-Западном Китае ведется строительство нескольких крупных заводов химических удобрений на основе оборудования, закупленного в капиталистических странах в начале 70-х годов. Уже введен в строй один из крупнейших в отрасли — Лучжоуский химический комбинат мощностью 1 млн. т сульфата аммония в год. В 1979 г. в Сычуани начал работу завод по производству винилового волокна, закупленный в Японии (мощностью 45 тыс. т, работает на природном газе).

Из прочих отраслей промышленности группы «А» более развиты на Юго-Западе *промышленность стройматериалов и лесообрабатывающая промышленность.* Юго-Западный Китай производит около 5% цемента и приблизительно 10% деловой древесины в стране.

Легкая промышленность представлена в районе главным образом множеством отраслей текстильной и пищевой промышленности. Основное текстильное производство сосредоточено в Сычуани. Чунцин и Чэнду дают свыше 2/3 всех хлопчатобумажных тканей, изготовленных в Юго-Западном Китае. В последние годы значительное внимание уделяется развитию шелковой промышленности, по производству которой Юго-Западный Китай занимает 3-е место в КНР. Центры шелковой промышленности: Чунцин, Чэнду, Мяньян, Наньчун (Сычуань).

Хотя Юго-Западный Китай занимает ведущее место в стране по производству масличного сырья, переработка последнего развита здесь слабо. Удельный вес района в производстве пищевых растительных масел в КНР не превышает 10%. Он дает около 15% общекитайского производства сахара и соли. Важнейшие центры пищевой промышленности: Чунцин, Чэнду, Цзыгун, Куньмин, Гуйян, Нэйцзян, Цзычжун и др. Только в Чунцине сосредоточена примерно 1/3 предприятий этой отрасли.

Экономическое развитие Юго-Западного Китая за годы существования КНР, характер размещения производительных сил

в этом районе в значительной мере обусловлены развитием транспортных коммуникаций, прежде всего железных и шоссейных дорог. В 1980 г. протяженность первых в районе превысила 5800 км (в 1949 г. — немногим более 200 км), что составляет более 10% общекитайского показателя. Сеть шоссейных дорог к началу 80-х годов равнялась 170 тыс. км, многократно увеличившись по сравнению с периодом до образования КНР[33]. В районе начал развиваться трубопроводный транспорт, предназначенный для транспортировки добываемых здесь нефти и газа. И все же Юго-Западный Китай остается территорией со слаборазвитыми транспортными коммуникациями. Густота железных дорог в районе в 1980 г. не достигала 0,5 км на 100 кв. км (без Тибета), по-прежнему большое место в грузоперевозках принадлежит автогужевому транспорту и мелким речным судам.

Развитие производительных сил в Юго-Западном Китае за годы существования КНР — сложный, далеко не однозначный процесс, на котором сказались негативные стороны комплекса политических и экономических установок, проводившихся в Китае на протяжении последних 20 с лишним лет.

К началу нынешнего десятилетия Юго-Западный Китай по-прежнему остается одним из наиболее отсталых в экономическом отношении районов КНР, а в направленности развития его производительных сил сохраняются тенденции, зародившиеся в первой половине 60-х годов. Так, в 1980 г. промышленное производство в Сычуани возросло почти на 7% в сравнении с предыдущим годом, Юньнани — немногим более чем на 3%, в Гуйчжоу оно сократилось почти на 1,5%[34]. Роль Тибета в экономике региона, как и прежде, весьма незначительна.

[1] «Чжунго байкэ няньцзянь. 1981», с. 57—60.
[2] См.: «Чжунго байкэ няньцзянь. 1980», с. 110, 111, 113.
[3] «Чжунго байкэ няньцзянь. 1980», с. 109—114; «Гуанмин жибао», 4.IX.1980.
[4] «Жэньминь жибао», 5.IX.1981.
[5] Подсчитано по: «Чжунго байкэ няньцзянь. 1980», с. 110—114; «Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1981» («Экономический ежегодник Китая. 1981»), ч. IV, с. 293—305; «Тюгоку кэйдзай кэнкю гэппо», февраль 1980, с. 24—27.
[6] Подсчитано по: «Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1981», ч. IV, с. 293—305; «Чжунго байкэ няньцзянь. 1981», с. 76, 277; «Чжунго нунъе няньцзянь. 1981» («Сельскохозяйственный ежегодник Китая. 1981»), с. 111.
[7] «Чжунго байкэ няньцзянь. 1981», с. 76; «Чжунго циннянь бао», 22.XII.1979.
[8] «Жэньминь жибао», 19.XII.1980.
[9] Подсчитано по: «Чжунго нунъе няньцзянь. 1981», с. 119, 120; «Жэньминь жибао», 27.XII.1979.
[10] Подсчитано по: «Чжунго байкэ няньцзянь. 1980», с. 109—114.
[11] См.: «Жэньминь жибао», 10.IX.1980.
[12] «Хунци». 1978, № 1, с. 21.
[13] «Гунжэнь жибао», 22.X.1980.
[14] «Хунци». 1978, № 1, с. 19, 20.
[15] Подсчитано на основании оценок производства упомянутых видов продукции с учетом данных: «Жэньминь жибао», 24.VIII.1980; «Чжунго цзинцзи

няньцзянь. 1981», ч. IV, с. 293—305 и «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1981», с. 237.
[16] «Жэньминь жибао», 15.III.1979.
[17] Оценка по имеющимся мощностям с учетом относительных данных о росте производства.
[18] «Дайямондо», 27.X.1973.
[19] «Китай на стройке». 1975, № 4.
[20] «Цзинцзи гуаньли». 1981, № 5, с. 23—25.
[21] Подсчитано по: «Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1981», ч. IV, с. 223, 298, 300; «Чжунго байкэ няньцзянь. 1981», с. 250; «Жэньминь жибао», 24.VIII.1980, и др.
[22] «Жэньминь жибао», 24.VIII.1980.
[23] «Дили чжиши». 1976, № 12.
[24] В 1978 г. введен в строй первый агрегат мощностью 75 тыс. кВт («Beijing review». 1979, № 5, с. 15).
[25] «Китай на стройке». 1979, № 12, с. 7—13.
[26] «Жэньминь жибао», 22.XI.1981.
[27] «Жэньминь жибао», 10.IX.1981.
[28] «Гунжэнь жибао», 22.X.1980.
[29] «Жэньминь жибао», 23.V.1979.
[30] «Гунжэнь жибао», 13.I.1979.
[31] «Жэньминь жибао», 26.I.1980; «Гуйчжоу хуабао». 1980, № 1, с. 1.
[32] «Жэньминь жибао», 25.IX.1979.
[33] «Чжунго байкэ няньцзянь. 1980», с. 109—115.
[34] Подсчитано по: «Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1981», ч. IV, с. 293—305; «Чжунго байкэ няньцзянь. 1981», с. 76.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

3-я СЕССИЯ ВСЕКИТАЙСКОГО СОБРАНИЯ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ 5-ГО СОЗЫВА

3-я сессия ВСНП 5-го созыва явилась одним из важнейших политических событий в жизни Китая в 1980 г. Она проходила в Пекине с 30 августа по 10 сентября. Ее работа — одно из проявлений стремления руководства вывести страну из затяжного социально-экономического и политического кризиса.

Обширная повестка дня включала плановые и бюджетные вопросы, внесение изменений в Конституцию, принятие новых законов, изменения в составе высших государственных органов, отчеты Постоянного комитета ВСНП, Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры. В ходе работы сессии произошло расширение круга рассматриваемых вопросов. При обсуждении планово-бюджетных вопросов практически была выдвинута новая программа экономического развития страны. Персональные перемещения сопровождались декларированием важных программных принципов кадровой политики и работы аппарата управления и т. д.

Сессия имела некоторые особенности, отличавшие ее от предшествующих. В частности, над президиумом сессии не вывешивались портреты китайских руководителей. На пленарные заседания были приглашены иностранные дипломаты и корреспонденты. В китайских газетах более подробно публиковались критические выступления депутатов и участвовавших в сессии ВСНП членов Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК). Премьер Госсовета Хуа Гофэн критически оценил свою деятельность и работу возглавлявшегося им правительства, признав факты отрыва от действительности, игнорирования объективных экономических законов, погони за дутыми показателями, чрезмерной централизации государственного управления.

На сессии была официально признана нереальной принятая ранее ВСНП программа социально-экономического развития Китая на десятилетие (1976—1985) и заявлено о нецелесообразности дальнейшей корректировки ее показателей. Выход из серьезных экономических трудностей, как можно сделать вывод на основе анализа материалов сессии, намечалось искать на путях реформы хозяйственного механизма, восстановления многоукладной экономики, опоры на помощь развитых капиталисти-

ческих государств (в связи с чем было решено усилить льготный характер условий привлечения в Китай иностранного капитала).

Изменение Конституции КНР было произведено сессией ВСНП согласно постановлению 5-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (февраль 1980 г.), предложившего исключить из ст. 45 основного закона, говорящей о политических правах и свободах граждан, «четыре больших» (*сы да*), т. е. «широкое высказывание мнений, полное изложение взглядов, широкие дискуссии и дацзыбао». Как известно, «четыре больших» появились в Конституции КНР после «культурной революции», они были частью ее демагогического инструментария. Но не только пресловутая «четверка» пользовалась такими приемами борьбы с политическими противниками. Дацзыбао, например, часто бывали и орудием других политических сил в борьбе с выдвиженцами «культурной революции»; в частности, они широко использовались в период подготовки 3-го пленума ЦК КПК (декабрь 1978 г.). К 1980 г. китайское руководство уже не нуждалось в использовании таких политических методов, как «четыре больших».

Сессия приняла резолюцию о пересмотре Конституции КНР и образовала для этой цели комиссию. Было заявлено, что в 1978 г. при принятии Конституции «еще не успели всесторонне обобщить опыт и уроки за все время существования республики, не успели глубоко распознать и ликвидировать влияние левацких взглядов времен десятилетней смуты», в Конституции осталось «немало нецелесообразного», «много не совсем совершенных и четких выражений» [1].

В связи с намеченным пересмотром Конституции всеобщее внимание привлекло заявление на сессии председателя комиссии законодательных предположений ВСНП, члена Политбюро ЦК КПК Пэн Чжэня о характере власти в КНР. Впервые за более чем два десятилетия в официальном выступлении одного из китайских руководителей политическая система КНР была названа «демократической диктатурой народа», т. е. снова так, как она именовалась при образовании государства и до конца 50-х годов. В течение же последних двух десятилетий китайские лидеры определяли классовую сущность политического строя страны, в том числе и в период «культурной революции», как «диктатуру пролетариата».

Согласно принятому 3-й сессией ВСНП постановлению о пересмотре Конституции КНР председателем образованной сессией конституционной комиссии назначен Е Цзяньин.

Сессия приняла несколько законов, направленных на то, чтобы вооружить государственный аппарат правовыми нормами, обеспечивающими эффективное проведение в жизнь провозглашенных политических установок: Закон о гражданстве КНР; измененный Закон о браке; Закон о взимании подоходного налога со смешанных обществ, основанных на китайском и иност-

ранном капитале; Закон о взимании личного подоходного налога (анализ этого законодательства см. в соответствующих тематических рубриках: «Новое законодательство», «Положение классов и основных социальных групп», «Внешнеэкономические связи», «Политика в отношении китайцев, проживающих за границей»).

Зачитавший доклад о работе Постоянного комитета ВСНП Пэн Чжэнь сообщил, что соответствующие ведомства Госсовета разработали и разрабатывают более 70 экономических законов и положений. Как отмечала китайская печать, депутаты ВСНП настоятельно требовали в своих выступлениях «скорейшего утверждения экономического законодательства» [2]. Первоочередной разработке, как отмечалось выступавшими, подлежали законы о предприятиях, о хозяйственных договорах, о национальной районной автономии, о труде, об энергоресурсах, гражданский и гражданско-процессуальный кодексы. Однако, как заявил в докладе Пэн Чжэнь, «в Китае еще недостает опыта экономического законодательства» и для разработки его «нужно определенное время» [3].

Большое внимание привлекли утвержденные на сессии изменения высших государственных органов, прежде всего отставка Хуа Гофэна с поста премьера Госсовета КНР. Его заменил Чжао Цзыян (о других перемещениях см. раздел «Состав Госсовета» в данном ежегоднике). Обращает на себя внимание освобождение от должности премьера Госсовета выдвиженца «культурной революции» Чэнь Юнгуя, которого объявили виновником провала известного эксперимента в Дачжае, долгое время объявлявшегося образцом развития сельскохозяйственного производственного коллектива. Оставили руководящие посты в Постоянном комитете ВСНП заместители председателя ПК ВСНП Не Жунчжэнь, Лю Бочэн, Чжан Динчэн, Цай Чан, Чжоу Цзяньшэнь.

Сессия подтвердила установку на чистку аппарата управления в качестве одного из важных принципов кадровой политики государства. Кроме «фракционеров» и активных деятелей «культурной революции» чистке должны быть подвергнуты еще две категории ганьбу: а) те, кто «глубоко поражен ядом, отличается ошибочностью идеологической и политической линии, все еще препятствует осуществлению линии, курса и установок партии», если даже они обладают работоспособностью и активностью; б) «лица, которые пригодны по своим политическим качествам, однако отличаются низкой активностью, недостаточной компетентностью и неспособностью решать дела» [4].

Одним из путей обеспечения эффективности работы аппарата является установление определенного образовательного ценза для заполнения кадровых вакансий [5]. Образовательный ценз, таким образом, превратился в важный критерий формирования аппарата. Социальное происхождение во внимание не принимается, однако берется в расчет состояние здоровья («быть в

расцвете творческих и физических сил»). Но главный критерий — «твердо держаться руководства партии и социалистического пути», который трактуется прежде всего как приверженность политической линии китайского руководства, сложившейся после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва [6].

На сессии много раз речь шла о бюрократизме в аппарате управления КНР и борьбе с ним. Об этом говорили и Хуа Гофэн, и депутаты ВСНП, и участвовавшие в сессии члены ВК НПКСК. Для такой постановки вопроса были объективные основания. Широко известно, что «культурная революция», формально проходившая под антибюрократическими лозунгами, на практике привела к небывалому разбуханию бюрократического аппарата. Однако проблема не только в неоправданном разрастании аппарата и даже не в упоминавшихся на сессии традициях китайского бюрократизма, идущих от феодальных времен.

Дело и в том, что «культурная революция» привела в аппарат управления миллионы новых людей из числа «активистов», в большинстве своем выходцев из непролетарских слоев, не обладавших необходимыми знаниями и навыками. Этих людей в аппарат управления привлекала прежде всего «железная (т. е. гарантированная) миска риса», которую они путем коррупции стремились превратить в «золотую миску риса». С приходом в аппарат выдвиженцев «культурной революции» небывалый размах приобрели взяточничество, различные разновидности коррупции, бюрократических извращений.

НОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Как уже отмечалось, 3-й сессией ВСНП 5-го созыва 10 сентября 1980 г. были приняты десять новых законодательных актов, в том числе шесть — по вопросам экономического строительства. Наиболее важные из них — законы о подоходном налоге со смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале, и о личном подоходном налоге. Первый из них дополняет Временное положение о постоянных представительствах иностранных предприятий в КНР (30 октября 1980 г.) и Временное положение КНР о контроле за иностранной валютой (18 декабря 1980 г.). Второй был дополнен принятым Государственным советом КНР Положением КНР о порядке применения закона о личном подоходном налоге (10 декабря 1980 г.).

Согласно Закону КНР о подоходном налоге со смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале, «с доходов от производства, хозяйственной деятельности и других доходов» таких предприятий в пределах КНР «взимается подоходный налог» (ст. 1) [7]. Ставка подоходных налогов со смешанных предприятий определяется в размере 30% (ст. 3).

Дополнительно взимается местный налог в размере 10% суммы подоходного налога (ст. 3). Таким образом, с учетом местного налога общий размер подоходного налога со смешанных предприятий составляет 33%, что ниже, чем в Западной Европе и США, но гораздо выше, чем, например, в Гонконге (15—17%).

В соответствии с новым законом смешанные предприятия, деятельность которых рассчитана более чем на десятилетний срок, освобождаются по их просьбе (с санкции налогового органа) от уплаты подоходного налога в первый год получения прибыли, а во второй и третий годы уплачивают налог в размере половины установленной ставки (ст. 5). В странах Западной Европы и США с подобных предприятий вовсе не взимаются налоги на протяжении трех, пяти и даже десяти лет с начала их деятельности. Если иностранный участник смешанного предприятия использует полученную прибыль для реинвестиции на территории КНР на срок не менее пяти лет, то по его просьбе и с санкции налогового органа ему возвращается 40% суммы налога, уплаченного за ту часть прибыли, которая используется для реинвестиции. Закон также определяет, что с прибыли от смешанного предприятия, переведенной иностранным партнером за границу, взимается подоходный налог в размере 10% переводимой суммы. Эти положения закона направлены на то, чтобы побудить вкладчиков капитала в смешанные предприятия расходовать прибыль в самом Китае или же использовать ее для реинвестиции в китайские производственные объекты.

Законом о личном подоходном налоге установлено шесть категорий доходов, подлежащих обложению: заработная плата и жалованье; вознаграждение за оказание личных услуг; лицензионные платежи; проценты, дивиденды и премии; доходы от сдачи в аренду имущества; прочие виды доходов, подлежащие обложению (ст. 2). Ставки налога с отдельных лиц делятся на два вида. Первый — прогрессивные налоговые ставки — от 5 до 45%, — которыми облагаются сверхлимитные доходы, т. е. превышающие 800 юаней в месяц. Второй — единая ставка (20%) налогов на вознаграждение за оказание услуг, за выдаваемую патентную лицензию, в виде процентов от прибыли, дивидендов, премий, на доходы от сдачи имущества в аренду и другие облагаемые доходы (ст. 3).

Новое налогообложение (в обоих вариантах) распространяется прежде всего на иностранцев и эмигрантов (*хуацяо*), вкладывающих в КНР капиталы или занимающихся торговыми операциями и получающих доход свыше 800 юаней в месяц. Оно не затрагивает — в силу их характера и размеров — доходы подавляющего большинства китайских граждан.

В законе перечисляются категории доходов, которые не подлежат обложению: премии за достижения в науке, технике и культуре, пенсии и т. п. (ст. 4). Таким образом, положения это-

го закона направлены на то, чтобы получить больше средств от проживающих в КНР иностранцев и хуацяо. Аналогичным целям служит принятое Госсоветом КНР Временное положение о постоянных представительствах иностранных предприятий в КНР[8], а также Временное положение КНР о контроле за иностранной валютой[9]. В первом акте указывается, что правительство КНР берет на себя обязательство по охране законных прав и интересов работников представительств иностранных предприятий и членов их семей и «обеспечивает им бытовые условия для их постоянной деятельности» (ст. 12). В свою очередь, персонал представительств обязывается соблюдать китайские законы (ст. 14). Как говорится во Временном положении, в случаях, им не предусмотренных, надлежит руководствоваться китайскими законами.

Временное положение КНР о контроле за иностранной валютой преследует цель увеличить инвалютные поступления в Китай и усилить контроль за обменом валюты. Согласно этому акту распределением и использованием иностранной валюты ведает специальный орган — Главное валютное управление КНР. Особое место во Временном положении уделено распределению и использованию инвалюты в связи с деятельностью в КНР частных и смешанных предприятий.

Положением КНР о порядке применения закона о личном подоходном налоге[10], введенным в действие одновременно с законом КНР о личном подоходном налоге, установлены определенные правила для представителей китайской буржуазии, недавно поселившихся в КНР, но продолжающих получать доходы от своих зарубежных предприятий. Согласно ст. 3 Положения, лица, прожившие в Китае не более пяти лет, платят налоги только с сумм, переведенных в Китай (т. е. основное их имущество, оставшееся за рубежом, обложению не подлежит). Однако в целом введены довольно жесткие требования к уплате личных налогов, что связано с усиленными поисками средств для финансирования намеченных экономических программ.

Мероприятия по проведению экономической реформы нашли, в частности, закрепление во Временном положении о развертывании и защите социалистической конкуренции, принятом Постоянным бюро Госсовета КНР 17 октября 1980 г.[11]. До принятия этого акта в Китае проходила дискуссия по вопросу о роли конкуренции в развитии экономики страны. Предлагалось разрешить «свободную циркуляцию» рабочей силы и официально ввести статус «ожидающих трудоустройства» (т. е. временно безработных) для тех, кто лишился работы в процессе развертывания конкуренции между предприятиями, а также распространить конкуренцию на непроизводственную сферу — на область науки, культуры, подготовки кадров[12].

Согласно Временному положению предприятиям разрешалось планировать производство и сбыт продукции в соответствии со спросом на рынке. Вместе с тем запрещались монополия на

производство и сбыт, а также бойкот продукции, выпускаемой в других районах. Наряду с конкуренцией поощрялись сотрудничество и технический обмен между предприятиями. Для развертывания конкуренции предприятиям как «независимым производителям товаров» предоставлялись Временным положением широкие права. Если предприятие выполняло государственные заказы, оно получало право планировать свое производство в соответствии с рыночным спросом или заключать контракты с другими предприятиями, самостоятельно изыскивая пути снабжения сырьем и материалами. Хотя это положение не распространялось на те виды сырья, снабжение которыми контролируется государством, оно все же давало возможность предприятиям не зависеть целиком от снабжения по государственному плану, как было раньше. Предприятия получили право самостоятельно реализовать продукцию, произведенную сверх плана и из материалов, приобретенных по собственной инициативе, а также понижать цены на реализуемые виды продукции при изменении рыночного спроса или экономической политики при условии, что это не отразится на финансовых поступлениях в пользу государства. Для повышения цен по-прежнему требовалась санкция соответствующих государственных ведомств.

При строительстве некоторых объектов допускается конкуренция между подрядными организациями. Заказчик имеет право выбора подходящего проекта строительства и подрядной организации. Во Временном положении подчеркивается, что, допуская конкуренцию, государство требует от предприятий обязательного выполнения государственных планов, улучшения методов управления, укрепления хозрасчета, расширения ассортимента продукции, повышения ее качества, осуществления режима экономии, повышения производительности труда и т. п.

Как показала практика, введение в действие Временного положения о конкуренции породило негативные тенденции в области хозяйственной деятельности. Закрытие многих нерентабельных предприятий, не выдержавших конкуренции, привело к росту безработицы в стране. Конкуренция вызвала в целом ряде случаев нарушение сложившихся ранее хозяйственных связей между отдельными предприятиями и отраслями. Поэтому в конце 1980 г. наметилась тенденция к отказу от форсированного проведения в жизнь положений о конкуренции.

10 сентября 1980 г. на 3-й сессии ВСНП 5-го созыва впервые в истории КНР был принят Закон о гражданстве [13]. Определяя условия приобретения гражданства, он предусматривает применение принципов кровного родства и места рождения. Тем самым имеющими китайское гражданство считаются лица, родившиеся на территории Китая, оба или один из родителей которых являются китайскими гражданами, а также лица, родившиеся на территории другого государства, оба или один из родителей которых являются китайскими гражданами. Китайское гражданство приобретают также все лица, родившиеся на тер-

ритории КНР, если их родители являются лицами без гражданства (ст. 6).

Выступая на сессии, заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП Пэн Чжэнь отметил, что главным в законе о гражданстве является «непризнание двойного гражданства»[14]. Это, по его словам, диктуется «долгосрочными интересами» китайцев, проживающих за границей и получивших местное гражданство, а также стремлением содействовать урегулированию отношений Китая с другими государствами. Согласно закону все хуацяо, имеющие гражданство другого государства, автоматически утрачивают гражданство КНР. В то же время у них сохраняется возможность восстановления китайского гражданства. Вопрос о восстановлении этими лицами китайского гражданства решается министерством общественной безопасности после соответствующей проверки каждого из них (ст. 15, 16).

Выполнение намеченной программы урегулирования потребовало внесения существенных изменений в принятый 13 апреля 1950 г. Закон КНР о браке[15]. Как указывалось в «Разъяснениях» заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП У Синьюя по поводу нового закона о браке[16], прежний был исправлен с учетом «практического опыта последних 30 лет и новой обстановки в стране»[17].

В соответствии с курсом на сокращение рождаемости в стране новый закон установил брачный возраст для мужчин не менее 22 лет, а для женщин — не менее 20 лет (вместо 20 и 18 лет в прежнем законе). При этом специально подчеркивается, что государство поощряет вступление в брак в более позднем возрасте (ст. 5) и что в КНР «осуществляется плановое деторождение» (ст. 2).

По старому закону не допускалось заключение брака, если мужчина и женщина состояли в прямом кровном родстве или в родстве «по боковой линии до пятого поколения». Новые правовые нормы не допускают вступление в брак лишь для состоящих в прямом кровном родстве или «в родстве по боковой линии до третьего поколения» (ст. 6), что обеспечивает более свободные условия вступления в брак. С учетом сложности жилищной проблемы в Китае, а также особенностей китайских семейно-брачных отношений в закон включена статья, которая устанавливает, что «после регистрации брака по взаимному решению супругов жена может стать членом семьи родителей мужа, а муж — членом семьи родителей жены» (ст. 8).

На содержание Закона о браке 1980 г. явное влияние оказали участившиеся со времени «культурной революции» факты антиобщественного поведения детей и подростков, совершения ими хулиганских действий, избиений, грабежей и убийств, случаи невыполнения своих обязанностей по отношению к родителям. Ряд положений закона направлен на решение этой острой социальной проблемы. Так, в нем указывается, что в случае нанесения несовершеннолетними ущерба государству, коллек-

тиву или отдельным гражданам родители обязаны возместить материальный ущерб (ст. 17). Как устанавливает закон, в случае невыполнения детьми обязанностей по отношению к родителям «нетрудоспособные или оказавшиеся в стесненных жизненных обстоятельствах родители имеют право требовать уплаты детьми алиментов» (ст. 15).

Несколько упрощена процедура развода. Как и раньше, предусмотрена попытка примирения сторон народным судом. Однако новый закон требует от судей учитывать такой фактор, как «окончательная утрата супружеских чувств». В целом закон о браке 1980 г. направлен не только на ограничение рождаемости, но и на укрепление китайской семьи, рассматриваемой в качестве основной ячейки общества.

В 1980 г. новым правовым актом дополнилось и законодательство КНР о суде и прокуратуре. На 15-м заседании Постоянного комитета ВСНП 5-го созыва 26 августа 1980 г. было принято Временное положение об адвокатуре [18]. Тем самым был восстановлен созданный в 50-х годах, но не получивший развития, а затем отмененный важный правовой институт.

Положение об адвокатуре было названо «временным» не случайно: оно было принято в тот момент, когда в КНР насчитывалось не более трех с половиной тысяч квалифицированных юристов. Поэтому право работать в качестве адвокатов получили не только лица, окончившие высшие юридические учебные заведения или получившие иным путем специальную юридическую подготовку, но и специалисты с высшим образованием, не менее трех лет занимавшиеся экономической, научно-технической работой, изучившие соответствующие законодательные акты (ст. 8); юристам разрешается занятие адвокатской практикой по совместительству (ст. 10). Вопрос о праве практиковать в качестве адвоката решается департаментами (бюро) юстиции провинций, автономных районов, городов центрального подчинения.

Для организации работы адвокатов создаются юридические консультации, контроль за деятельностью которых осуществляют государственные административные органы (ст. 13). В положении говорится, что консультации создаются в уездах, городах и городских районах (однако при малочисленности юридически подготовленных кадров это решение остается трудновыполнимым). В соответствии с положением учреждается Союз адвокатов, в целях «обмена опытом» осуществляющий международные связи.

Провозглашение в КНР курса на «модернизацию науки и техники» ознаменовалось принятием Положения об ученых степенях (на 13-м заседании Постоянного комитета ВСНП 5-го созыва 12 февраля 1980 г.) [19]. Отныне соискателем одной из трех ученых степеней (бакалавра, магистра и доктора наук) может быть любой гражданин КНР, обладающий «определенным уровнем научных знаний»; однако первостепенными требова-

ниями к нему являются политические (ст. 2). Работу по присвоению ученых степеней в масштабе страны возглавляет образуемая Государственным советом КНР Комиссия по присвоению ученых степеней, которая составляет список высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений, их факультетов и отделов, имеющих право принимать решения о присуждении степеней (ст. 7).

Принятие ряда законодательных актов явилось заметным прогрессом по сравнению с беззаконием периода «культурной революции». Однако, как неоднократно вынуждены были признавать сами китайские руководители, проведение законов в жизнь сопряжено в КНР с серьезными трудностями, связанными как с умышленным сопротивлением чиновников, не желающих отказаться от инерции беззакония, так и с неподготовленностью общества к принятию режима законности.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

С 1980 г. началось проведение прямых выборов в местные органы государственной власти — собрания народных представителей (СНП) уездного звена, т. е. уездов, автономных округов, автономных уездов, хошунов, городов без районного деления, городских районов. Выборы проводились на основе Закона КНР о выборах в ВСНП и местные СНП, принятого 2-й сессией ВСНП 5-го созыва 1 июля 1979 г.[20] и введенного в действие с 1 января 1980 г.

Новый избирательный закон заменил действовавший до «культурной революции» Закон о выборах 1953 г.[21], согласно которому депутаты СНП вышестоящего звена избирались нижестоящими СНП. По Закону 1979 г. такой порядок сохранен только для СНП провинций, автономных районов, городов центрального подчинения и городов с районным делением. Депутаты СНП не только народных коммун и поселков, но и уездного звена избираются прямым голосованием непосредственно населением по месту жительства или работы.

Согласно Закону о выборах 1979 г. кандидаты в депутаты СНП всех ступеней выдвигаются по территориальным избирательным округам и производственным избирательным участкам. В отличие от Закона 1953 г. право выдвижения кандидатов в депутаты по Закону 1979 г. принадлежит не только КПК, демократическим партиям и народным организациям, но и группам граждан (не менее трех человек). При этом требуется, чтобы численность кандидатов в депутаты, избираемых непосредственно населением, превышала планируемое число депутатов в 1,5—2 раза.

Закон о выборах 1979 г. подтвердил положения избирательного закона 1953 г., предусматривающие неодинаковые нормы представительства в местных СНП для сельских и городских

жителей. Так, оба нормативных акта предусматривают, что в СНП уездов, автономных округов, автономных уездов один депутат от сельского населения представляет в 4 раза больше избирателей, чем депутат от городского населения.

Начавшаяся в 1980 г. в соответствии с Законом о выборах 1979 г. кампания по проведению прямых выборов в СНП уездного звена проводилась в КНР впервые. С самого начала она столкнулась с определенными трудностями, связанными прежде всего с отсутствием соответствующего опыта. Поэтому до середины 1980 г. она велась в порядке эксперимента в некоторых единицах уездного уровня и только со второй половины года начала разворачиваться повсеместно в масштабах всей страны.

В провинциях, автономных районах, городах центрального подчинения были разработаны положения о порядке проведения выборов; для руководства ими на местах были образованы органы, подчинявшиеся учрежденной по решению ПК ВСНП в структуре министерства гражданской администрации Канцелярии по проведению прямых выборов во главе с министром гражданской администрации Чэн Цзыхуа. К каждому избирательному округу прикреплялось по два-три прошедших специальную подготовку кадровых работника.

При проведении выборов от избирательного округа выдвигалось до трех кандидатов в депутаты. В сельской местности избирательной единицей служила, как правило, большая производственная бригада, в городах и поселках городского типа — крупные учреждения, организации или предприятия, а также кварталы. Сложная трехэтапная процедура «демократических консультаций», применявшаяся при выдвижении кандидатов в депутаты и проверке их списков, оставляла последнее, решающее слово за вышестоящими организациями. Выборы в местные органы власти уездного звена были завершены в 1981 г.

СОСТАВ ГОССОВЕТА И ИЗМЕНЕНИЯ В НЕМ

В 1980 г. были произведены значительные кадровые изменения как в высшем руководстве Госсовета КНР, так и в руководстве министерств и ведомств.

Как уже упоминалось, решением 3-й сессии ВСНП 5-го созыва Хуа Гофэн был освобожден от обязанностей премьера Госсовета. Новым премьером утвержден Чжао Цзыян [22] (член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, занимавший с февраля 1980 г. пост заместителя премьера). Эта же сессия ВСНП удовлетворила, как сообщается в официальном коммюнике, «ходатайства» Дэн Сяопина [23], Ли Сяньняня [24], Чэнь Юня [25], Сюй Сянцяня [26], Ван Чжэня [27] и Ван Жэньчжуна [28] об освобождении их от постов заместителей премьера Госсовета КНР. От аналогичных же постов были освобождены «по его просьбе»

Чэнь Юнгуй (на 3-й сессии ВСНП), а также Цзи Дэнкуй[29] и Чэнь Силянь[30] на 14-м заседании ПК ВСНП 16 апреля (после 5-го пленума ЦК КПК в феврале 1980 г.).

Сессия ВСНП утвердила Ян Цзинжэня, Чжан Айпина и Хуан Хуа новыми заместителями премьера Госсовета КНР.

Ян Цзинжэнь (род. 1905) — член ЦК КПК, заместитель председателя ВК НПКСК, председатель Госкомитета по делам национальностей, заместитель заведующего отделом Единого фронта ЦК КПК. По национальности — хуэйец. В 1968 г. был репрессирован. Реабилитирован в 1977 г.

Чжан Айпин (род. 1908) — член ЦК КПК, заместитель начальника Генштаба НОАК, председатель Комиссии по оборонной науке и технике. До «культурной революции» — заместитель начальника Генштаба НОАК. В 1967 г. был репрессирован. Реабилитирован в 1975 г.

Хуан Хуа (род. 1910) — член ЦК КПК, министр иностранных дел КНР (с декабря 1976 г.).

В системе Госсовета были созданы новые ведомства: Государственный комитет энергетических ресурсов, который возглавил Юй Цюли (секретарь ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета), освобожденный от обязанностей председателя Государственного планового комитета; Государственный комитет по делам машиностроения, председателем которого назначен заместитель премьера Госсовета Бо Ибо; Комитет по иностранным капиталовложениям при Госсовете, главой которого стал Гу Му (секретарь ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета).

Новым председателем Государственного планового комитета назначен Яо Илинь — секретарь ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета.

За этот же период были освобождены с постов: У Бо — министр финансов, Сяо Хань — министр угольной промышленности, Сун Чжэньмин — министр нефтяной промышленности, Хо Шилянь — министр сельского хозяйства, Чэнь Годун — министр продовольствия; Ло Юйчуань — министр лесного хозяйства и Лян Лингуан — министр легкой промышленности (Хо Шилянь, Чэнь Годун и Лян Лингуан переведены на партийную работу). Министром финансов назначен Ван Бинцянь (бывший заместитель министра финансов), министром угольной промышленности — Гао Янвэнь (переведен с поста заместителя министра металлургической промышленности), министром продовольствия — Чжао Синьчу (был заместителем председателя Государственного планового комитета), министром лесного хозяйства — Юн Вэньтао (ранее заместитель министра лесного хозяйства). Посты министров нефтяной промышленности, сельского хозяйства, легкой промышленности оставались вакантными.

Было произведено также более 20 новых назначений на уровне заместителей министров, заместителей председателей

госкомитетов и других ведомств. Так, новыми заместителями министра иностранных дел стали: Гун Дафэй, кадровый работник МИД, в последнее время был помощником министра; Пу Шоучан (до «культурной революции» — секретарь канцелярии премьера Госсовета); Хань Кэхуа (в МИД работает с 1964 г.; был послом КНР в Венгрии, Гвинее, Италии и других странах). Ян Дэчжи (начальник Генштаба НОАК) назначен заместителем министра обороны КНР. Заместителями министров также стали: гражданской администрации — Ши Хуайби (до «культурной революции» — заместитель Председателя Комитета по культурным связям с заграницей); целинных земель — Чжан Сюечжу (занимал этот же пост до 1967 г.; в 1967—1978 гг. публично не появлялся); с 1978 г. — член ВК НПКСК); лесного хозяйства — Чжан Шицзюнь (до «культурной революции» работал в Управлении лесного хозяйства пров. Хэйлунцзян; был репрессирован; после реабилитации — заместитель председателя ревкома пров. Хэйлунцзян); коммуникаций — Ли Вэйчжун (переведен из Шанхая, где работал в Управлении городского транспорта). Подавляющее большинство из вновь назначенных лиц занимало ответственные посты в государственных органах еще до «культурной революции». По состоянию на 31 декабря 1980 г., Госсовет КНР действовал в следующем составе (министерства и ведомства Госсовета приводятся в той последовательности, которая принята в официальных материалах КНР):

Премьер Госсовета — Чжао Цзыян

Заместители премьера: Бо Ибо, Вань Ли, Гу Му, Гэн Бяо, Кан Шиэнь, Фан И, Хуан Хуа, Цзи Пэнфэй, Чжан Айпин, Чэнь Мухуа (женщина), Юй Цюли, Ян Цзинжэнь, Яо Илинь

Председатель Финансово-экономического комитета при Госсовете КНР— Чэнь Юнь

Министр иностранных дел — Хуан Хуа

Министр обороны — Сюй Сянцянь

Председатель Государственного планового комитета — Яо Илинь

Председатель Комитета по иностранным капиталовложениям — Гу Му

Председатель Комитета по экспорту и импорту — Гу Му

Председатель Государственного комитета по делам сельского хозяйства — Вань Ли

Председатель Государственного экономического комитета — Кан Шиэнь

Председатель Государственного комитета капитального строительства — Гу Му

Председатель Государственного комитета по делам машиностроения — Бо Ибо

Председатель Государственного комитета энергетических ресурсов — Юй Цюли

Председатель Государственного комитета по науке и технике — Фан И

Председатель Государственного комитета по делам национальностей — Ян Цзинжэнь

Министр общественной безопасности — Чжао Цанби

Министр юстиции — Вэй Вэньбо

Министр гражданской администрации — Чэн Цзыхуа

Министр внешней торговли — Ли Цян

Министр внешних экономических связей — Чэнь Мухуа (женщина)

Министр сельского хозяйства — пост оставался вакантным

Министр целинных земель — Гао Ян
Министр лесного хозяйства — Юн Вэньтао
Министр водного хозяйства — Цянь Чжэнъин (женщина)
Министр металлургической промышленности — Тан Кэ
Министр цветной металлургии — Сюй Цзинцянь
Министр 1-го министерства машиностроения — Чжоу Цзыцзянь
Министр 2-го министерства машиностроения — Лю Вэй
Министр 3-го министерства машиностроения — Люй Дун
Министр 4-го министерства машиностроения — Цянь Минь
Министр 5-го министерства машиностроения — Чжан Чжэнь
Министр 6-го министерства машиностроения — Чай Шуфань
Министр 7-го министерства машиностроения — Чжэн Тяньсян
Министр 8-го министерства машиностроения — Цзяо Жоюй
Министр сельскохозяйственного машиностроения — Ян Лигун
Министр угольной промышленности — Гао Янвэнь
Министр нефтяной промышленности — пост оставался вакантным
Министр химической промышленности — Сунь Цзинвэнь
Министр промышленности стройматериалов — Сун Янчу
Министр геологии — Сунь Дагуан
Министр текстильной промышленности — Цянь Чжигуан
Министр электроэнергетической промышленности — Лю Ланьбо
Министр железных дорог — Го Вэйчэн
Министр легкой промышленности — пост оставался вакантным
Министр коммуникаций — Цзэн Шэн
Министр связи — Ван Цзыган
Министр финансов — Ван Бинцянь
Управляющий Китайским народным банком — Ли Баохуа
Министр продовольствия — Чжао Синьчу
Министр торговли — Ван Лэй
Председатель Всекитайской федерации снабженческо-сбытовых кооперативов — Ню Иньгуан
И. о. министра культуры — Чжоу Вэйчжи (с декабря 1980 г.)
Министр образования — Цзян Наньсян
Министр здравоохранения — Цянь Синьчжун
Председатель Государственного комитета по делам физкультуры и спорта — Ван Мэн

Руководители учреждений, не входящих в состав Госсовета, назначавшиеся ВСНП:

Президент Академии наук — Фан И
Президент Академии общественных наук — Ху Цяому
Председатель Верховной народной прокуратуры — Хуан Хоцин
Председатель Верховного народного суда — Цзян Хуа

ИЗМЕНЕНИЯ В КОМАНДОВАНИИ НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ КИТАЯ (НОАК)

В 1980 г. в высшем командовании НОАК продолжался процесс кадровых изменений, начатый в конце 1979 г. Так, Дэн Сяопина на посту начальника Генерального штаба НОАК сменил Ян Дэчжи, до этого командовавший Куньминским региональным военным округом. Со своих постов сняты командующие региональными военными округами: Ланьчжоуского — Хань Сяньчу, Уханьского — Ван Бичэн, Цзинаньского — Цзэн Сыюй. Их сменили соответственно Ду Идэ (бывший политкомиссар

ВМС НОАК); Чжан Цайцянь (до этого занимал пост заместителя начальника Генштаба НОАК); Жао Шоукунь (был командующим Северным флотом).

Произведены перестановки и новые назначения на уровне командующих и первых политкомиссаров военных округов провинций Гуандун, Гуйчжоу, Ляонин, Цзянсу, Шаньси.

По состоянию на 1 января 1981 г., посты командующих и политкомиссаров видов вооруженных сил и родов войск занимали следующие лица:

Вид вооруженных сил и род войск	Командующий	Первый политкомиссар
Военно-морской флот	Е Фэй	—
Военно-воздушные силы	Чжан Тинфа	Гао Хоулян
Ракетные войска	Ли Шуйцин	Чэнь Хэцяо
Артиллерийские войска	Сун Чэнчжи	Цзинь Жубай[31]
Бронетанковые войска	Хуан Синьтин	Мо Вэньхуа
Инженерные войска	Тань Шаньхэ	Ван Люшэн
Железнодорожные войска	Чэнь Цзайдао	Люй Чжэнцао

Командующие и первые политкомиссары региональных военных округов:

Округ	Командующий	Первый политкомиссар
Гуанчжоуский	У Кэхуа	Жэнь Чжунъи
Куньминский	Чжан Чжисю	Лю Чжицзянь
Ланьчжоуский	Ду Идэ	Сяо Хуа
Нанкинский	Не Фэнчжи	Го Линьсян
Пекинский	Цинь Цзивэй	—
Урумчийский	Сяо Цюаньфу	Ван Фэн
Уханьский	Чжан Цайцянь	Ли Чэнфан
Фучжоуский	Ян Чэнъу	Ли Чжиминь
Цзинаньский	Жао Шоукунь	Сяо Вандун
Чэндуский	Ю Тайчжун	—
Шэньянский	Ли Дэшэн	Ляо Ханьшэн

1 «Жэньминь жибао», 9.IX.1980.
2 «Жэньминь жибао», 5.IX.1980.
3 «Жэньминь жибао», 3.IX.1980.
4 «Гунжэнь жибао», 14.X.1980.
5 «Гуанмин жибао», 21.VI.1980.
6 См.: «Жэньминь жибао», 14.X.1980.
7 КНР. Конституция и законодательные акты. М., 1984, с. 253.
8 Там же, с. 257—260.
9 Там же, с. 239—247.
10 Там же, с. 233—238.
11 Там же, с. 186—190.
12 «Цзефан жибао», 2.VIII.1980.
13 КНР. Конституция и законодательные акты, с. 424—426.
14 «Жэньминь жибао», 14.IX.1980.
15 Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики, с. 475—481.
16 Текст закона см.: «Жэньминь жибао», 16.IX.1980.
17 «Жэньминь жибао», 3.IX.1980.

[18] КНР. Конституция и законодательные акты, с. 129—233.

[19] Там же, с. 440—444.

[20] См.: «Жэньминь жибао», 5.VII.1979.

[21] См.: Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1955, с. 82—96.

[22] О нем см. «Персоналии» в данном ежегоднике.

[23] О нем см.: Китайская Народная Республика в 1977 г. М., 1979, с. 299—300.

[24] О нем см.: Китайская Народная Республика в 1976 г. М., 1978, с. 336.

[25] О нем см.: Китайская Народная Республика в 1979 г. М., 1981, с. 311—313.

[26] О нем см.: Китайская Народная Республика в 1976 г. М., 1978, с. 340.

[27] О нем см.: Китайская Народная Республика в 1979 г. М., 1981, с. 313—314.

[28] О нем см.: «Персоналии» в данном ежегоднике.

[29] О нем см.: Китайская Народная Республика в 1976 г. М., 1978, с. 336.

[30] О нем см.: Китайская Народная Республика в 1976 г. М., 1978, с. 337.

[31] Цзинь Жубай скончался 27 марта 1984 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

5-й ПЛЕНУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ 11-ГО СОЗЫВА

Пленум состоялся в Пекине 23—29 февраля. Ему предшествовало совещание руководящих кадровых работников 16 января 1980 г., на котором с докладом «О современной обстановке и задачах» выступил Дэн Сяопин [1]. Судя по затронутым в нем вопросам, а также по многочисленным публикациям в китайской печати, последовавшим вслед за ним, и по тому вниманию, которое уделялось его обсуждению и изучению внутри партии, этот доклад можно считать установочным. На 80-е годы Дэн Сяопином были выдвинуты три основные задачи: борьба против «гегемонизма», борьба за возвращение Тайваня, форсированное осуществление «четырех модернизаций». Основные положения доклада, особенно раздела о партии, были предметом обсуждения на 5-м пленуме.

В работе пленума приняли участие 201 член ЦК КПК и 118 кандидатов, а также 37 «ответственных товарищей» от различных районов и ведомств. Пленум был посвящен идейно-политическим и организационно-кадровым вопросам. Проблемы экономики не были включены в повестку дня (в коммюнике пленума специально отмечено, что задачи КПК в сфере народного хозяйства рассматривались на Всекитайском совещании по планированию, состоявшемся в конце 1979 г., в упомянутом выступлении Дэн Сяопина, а также в докладе Ли Сяньняня по экономическим вопросам 10 февраля 1980 г.) [2]. Пленум принял ряд решений. Важнейшие из них:

— *О созыве внеочередного XII Всекитайского съезда КПК.* Досрочный созыв съезда КПК объяснялся необходимостью неотложного решения ряда важнейших вопросов, включая разработку перспективного плана и некоторых других проблем народного хозяйства, образования, «политической жизни страны и партии». Конкретные сроки созыва съезда не назывались.

— *О восстановлении созданного на VIII съезде КПК руководящего органа партии — Секретариата ЦК КПК,* упраздненного в период «культурной революции». Генеральным секретарем ЦК КПК стал Ху Яобан (о нем см.: раздел «Персоналии» в данном ежегоднике). Членами секретариата утверждены: Ху

Ябан, Ван Жэньчжун, Вань Ли, Гу Му, Пэн Чун, Сун Жэньцюн, Фан И, Ху Цяому, Юй Цюли, Ян Дэчжи и Яо Илинь (о них см.: раздел «Персоналии» в данном ежегоднике. Кандидаты в члены Секретариата в коммюнике не названы). Как было заявлено, это вызвано не только потребностями осуществления дела «модернизации», но и необходимостью на длительный срок обеспечить преемственность линии, курса и политики партии и стабильность коллективного руководства. На Секретариат по решению пленума возлагалось ведение текущей работы партии.

— *Об изменениях в Уставе КПК.* Согласно коммюнике, предусмотрены более строгие требования к членам партии, дополнены положения о демократическом централизме и др. Фактически необходимость внесения изменений в Устав КПК на объявленном внеочередном съезде КПК была вызвана уже произведенной или постепенно осуществлявшейся переоценкой важнейших явлений в жизни КПК (например, иной трактовкой «культурной революции», «идей» Мао Цзэдуна, системы занятия руководящих постов и т. д.).

— *«О некоторых нормах внутрипартийной политической жизни».* Этот документ назван в коммюнике «необходимым конкретным дополнением к Уставу партии», имеющим важное значение для развития положительных и преодоления негативных факторов во внутрипартийной жизни, развития авангардной роли коммунистов. Проект документа, как говорилось на пленуме, широко обсуждался внутри партии, несколько раз подвергался исправлениям.

— *О полной реабилитации Лю Шаоци и дезавуировании решений 12-го пленума ЦК КПК 8-го созыва.* Важность решения о реабилитации бывшего председателя КНР, заместителя председателя ЦК КПК Лю Шаоци определялась не только снятием обвинений с одного из основных противников Мао Цзэдуна в период «культурной революции», но и тем, что его реабилитация неизбежно влекла за собой переоценку «культурной революции». Отменялись решения 12-го пленума ЦК КПК (1968 г.), по которым Лю Шаоци как «главное лицо, идущее по капиталистическому пути», «изменник, предатель и штрейкбрехер», «крупнейший главарь „буржуазного штаба“» был снят со всех постов внутри и вне партии. На 5-м пленуме эти решения квалифицировались как «совершенно ошибочные и абсолютно беспочвенные», клевета же по адресу Лю Шаоци называлась «умышленно сфабрикованной и не знающей себе равных по несправедливости». Реабилитация Лю Шаоци в коммюнике 5-го пленума ЦК КПК, в последующих выступлениях печати и на траурной церемонии в мае в Пекине представлялась как один из актов восстановления «подлинного облика идей Мао Цзэдуна» [3].

— *О внесении изменений в ст. 45 Конституции КНР.* Было аннулировано право на «широкое высказывание мнений, полное изложение взглядов, широкие дискуссии и дацзыбао». При-

нятие этой меры объяснялось необходимостью «способствовать ликвидации факторов нестабильности».

Решения 5-го пленума ЦК КПК 11-го созыва и документ ЦК КПК «О некоторых нормах...» были в течение 1980 г. предметом обсуждения и изучения на заседаниях партийных комитетов всех уровней. Контроль за ходом выполнения документа «О некоторых нормах...» стоял в центре внимания Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины и соответствующих комиссий на местах. В преддверии 5-го пленума ЦК КПК в январе 1980 г. на заседании Центральной комиссии КПК под председательством Ху Яобана были подведены итоги работы в области проверки дисциплины за предыдущий год, пересмотрен и дополнен проект упомянутого документа[4]. В июне 1980 г. Центральная комиссия КПК подвела итоги внедрения в жизнь выдвинутых в нем положений. В выступлении Ху Яобана отмечалось, что, хотя «темпы восстановления славных традиций партии ускорились», ряд ведомств проявляет нерешительность и медлительность[5]. В конце июня в печати было опубликовано Уведомление Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины, в котором говорилось о необходимости «полного искоренения порочного стиля работы» и обязательного выполнения требований документа, особенно руководящими кадрами[6]. По сообщениям печати, положение существенно не изменилось и к концу года (в ноябре на совещании той же комиссии были подведены итоги по выполнению содержащихся в документе указаний за год). Выступления первого секретаря комиссии, заместителя председателя ЦК КПК Чэнь Юня и ее третьего секретаря, генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана были посвящены стилю работы партии. В передовой статье «Жэньминь жибао», освещавшей работу итогового совещания комиссии, подчеркивалось, что «выправление порочного стиля» происходит в КПК в сложной обстановке и встречает препятствия[7].

В 1980 г. еще более явственно проявилась и получила дальнейшее оформление тенденция разъединения функций партийных и административных органов. Хуа Гофэн, являвшийся председателем ЦК КПК и одновременно премьером Госсовета КНР, заявил в выступлении на 3-й сессии ВСНП об уходе с этого государственного поста, ссылаясь на соответствующие установки ЦК КПК[8] (об изменениях в руководстве Госсовета см. раздел «Состав Госсовета»). По предложению Хуа Гофэна во избежание «чрезмерной централизации и совместительства множества должностей», а также для «четкого и ясного отделения партийной работы от правительственной» ЦК КПК принял решение, согласно которому первый секретарь парткома, как правило, не должен занимать должность председателя народного правительства соответствующего уровня, что позволит ему сосредоточиться на «решении важных партийных дел». Курс на разделение обязанностей партийного и государственного аппарата под лозунгом укрепления и улучшения партий-

ного руководства в интересах «осуществления социалистической модернизации», по существу, представлял собой отход от прежней установки на слияние партийных и административных органов.

Китайское руководство в течение рассматриваемого года неоднократно обращалось к материалам 1-й сессии VIII съезда КПК (1956 г.). В выступлении Дэн Сяопина в январе 1980 г. говорилось, что «добрая слава и традиции VIII съезда КПК» восстановлены. Аналогичные формулировки появились в коммюнике 5-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, в публикациях в связи с реабилитацией Лю Шаоци. В мае 1980 г. материалы 1-й сессии VIII съезда были переизданы без каких-либо комментариев.

В порядке подготовки к созыву XII внеочередного съезда КПК в 1980 г. были проведены партийные конференции низового уровня. Их задачей, как говорилось в «Жэньминь жибао», является создание партийных комитетов, способных руководить осуществлением «четырех модернизаций». В связи с этим предлагалось избирать в состав новых парткомов кадры молодого и среднего возраста; кадровых работников преклонного возраста и слабого здоровья рекомендовалось переводить во «вторую и третью линии», «не справляющимся со своими обязанностями» — предоставлять другую работу [9]. Китайская печать неоднократно возвращалась к вопросу об изменении состава руководящих органов различных ступеней [10].

На проходивших летом и осенью 1980 г. партийных конференциях на уровне городов, уездов, аймаков, автономных округов избирались новые составы парткомов и делегаты на партконференции провинциального уровня. При этом, как сообщалось, учитывались предъявляемые нынешним руководством партии требования по улучшению состава «руководящих групп». Новые составы парткомов малочисленнее прежних. Их работники имеют более высокий общеобразовательный и профессиональный уровень, средний возраст их ниже, чем раньше. Средний возраст руководящего состава новых парткомов ряда уездов Цинхай, например, составляет 41—43 года. В парторганизациях пров. Шаньдун в состав руководящих органов также выдвигались кадровые работники среднего возраста, имеющие специальную подготовку.

В обновление руководящего состава партийного аппарата на различных уровнях, объявленное важной задачей при подготовке к съезду, вовлечены сотни тысяч партийных работников всех звеньев аппарата КПК. Это чрезвычайно усложнило предсъездовскую перевыборную кампанию. Согласно сообщению китайской печати, за 10 месяцев, прошедших после 5-го пленума ЦК КПК, удалось провести партконференции всего в 700 с лишним уездах, городах, автономных округах и только в двух провинциях [11].

В разделе о партии упоминавшегося выше доклада Дэн Сяо-

пина в январе 1980 г. говорилось, что в КПК «стоит вопрос об упорядочении». В преддверии XII съезда КПК объектом «упорядочения» (т. е. чистки партийных рядов от «случайных элементов» и «карьеристов») станут прежде всего те, кто вступил в партию в годы «культурной революции» и после нее. Многие из этих людей (а они составляли более половины из 38 млн. членов КПК, насчитывавшихся в 1980 г.) не отвечают, согласно заявлениям китайских руководителей, предъявляемым требованиям. По той же причине чистке подлежала и часть старых коммунистов.

С целью улучшения качественного состава партии особое внимание в 1980 г. уделялось вопросу приема в ряды КПК представителей интеллигенции. Данные о социальном составе партии по-прежнему не публиковались, но, согласно некоторым сведениям, непролетарские элементы в КПК продолжали преобладать [12].

Практически во всех документах партии, в выступлениях руководителей КПК на протяжении года поднимался вопрос о преодолении фракционности. В китайской прессе заявлялось, что фракционностью заражены и руководящие кадры, что наличие внутри партийных организаций «тайных группировок» подрывает единство и раскалывает ряды партии [13].

В конце 1980 г. состоялось рабочее совещание ЦК КПК, в котором приняли участие члены Политбюро, члены Секретариата, заместители премьера Госсовета и члены Госсовета, занимавшиеся вопросами экономики, партийные руководители провинциального уровня и комитетов КПК крупных городов страны. Этому совещанию предшествовало расширенное заседание Политбюро ЦК КПК, проведенное в ноябре. Рабочее совещание, проходившее под руководством генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана, было посвящено в основном вопросам экономики. С докладами на нем выступили заместитель председателя ЦК КПК Чэнь Юнь, заместитель председателя ЦК КПК, премьер Госсовета Чжао Цзыян, заместитель председателя ЦК КПК Дэн Сяопин [14]. Помимо провозглашения нового этапа «экономического урегулирования» на совещании были приняты также важные решения по кадровым вопросам, в частности предрешена отставка Хуа Гофэна с поста председателя ЦК КПК (формально он был освобожден от этого поста на 6-м пленуме ЦК КПК в июле 1981 г.). Хуа Гофэн вынужден был выступить с самокритикой и подвергся критике со стороны участников совещания по ряду вопросов — например, за то, что выступал против возвращения Дэн Сяопина и Чэнь Юня на их посты, за раздувание культа личности и др. В «установочной» речи Дэн Сяопина указывалось на ошибки в экономической политике после 1976 г., предостерегалось против чрезмерного ускорения модернизации, содержался призыв в сложившейся трудной обстановке усилить партийное руководство [15].

ИЗМЕНЕНИЯ В ВЫСШЕМ РУКОВОДСТВЕ ЦК КПК

Постановлением 5-го пленума ЦК КПК из состава Политбюро ЦК КПК выведены: Ван Дунсин (заместитель председателя ЦК, член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, заместитель министра общественной безопасности КНР); Цзи Дэнкуй (член Политбюро ЦК, заместитель премьера Госсовета КНР); У Дэ (член Политбюро ЦК, заместитель председателя ПК ВСНП); Чэнь Силянь (член Политбюро ЦК, заместитель премьера Госсовета КНР). Все они имели прямое отношение к репрессиям против партийных, государственных и армейских кадров различных ступеней в годы «культурной революции».

Следует отметить, что все выведенные из Политбюро уже с конца 1977 г. начали подвергаться критике. Более того, еще в сентябре 1977 г., т. е. сразу же после XI съезда, Цзи Дэнкуй был отстранен от должности первого политкомиссара Пекинского регионального военного округа. В ноябре 1978 г. У Дэ был смещен с постов первого секретаря комитета КПК, председателя ревкома и первого политкомиссара гарнизона Пекина. В январе 1979 г. стало известно, что по рекомендации 3-го пленума ЦК КПК Ван Дунсин освобожден от заведования канцелярией ЦК и отстранен от руководства войсками охраны центральных органов. В январе 1980 г. Чэнь Силянь был смещен с поста командующего Пекинским региональным военным округом.

В соответствии с рекомендациями 5-го пленума ЦК КПК на 14-м заседании Постоянного комитета ВСНП, состоявшемся в середине апреля 1980 г., Цзи Дэнкуй и Чэнь Силянь были лишены постов заместителей премьера Госсовета КНР, а У Дэ — поста заместителя председателя ПК ВСНП.

Вместе с тем заслуживает внимания, что, во-первых, ни один из устраненных не был выведен из состава ЦК КПК, во-вторых, все они получили довольно высокие (хотя и второстепенные) должности. Так, У Дэ назначен вице-президентом Академии общественных наук, Цзи Дэнкуй — заместителем директора управления международного туризма, Чэнь Силянь — советником в один из региональных военных округов, Ван Дунсин занял ответственный пост в пров. Шаньдун.

Решением 5-го пленума состав Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК увеличен с 6 до 7 человек. Членами Постоянного комитета Политбюро были утверждены на пленуме Ху Яобан и Чжао Цзыян.

Анализируя биографические данные членов нового руководящего органа партии — Секретариата ЦК КПК, следует отметить, что почти все они находятся в рядах КПК уже более 45 лет (двое приняты в КПК во второй половине 20-х годов, восемь — в первой половине 30-х годов), все принимали активное участие в революционной (в том числе вооруженной) борьбе, после образования КНР занимались организационно-политической и административно-хозяйственной работой, а перед

«культурной революцией» входили в состав второго эшелона китайского руководства. Многие из них до сих пор непосредственно связаны с вооруженными силами страны. В годы «культурной революции» все эти деятели в большей или меньшей степени подвергались критике. Но лишь четверо из них в то время избежали преследований и гонений (Ян Дэчжи, Фан И, Юй Цюли, Пэн Чун). Остальные семь человек на различные сроки отстранялись от занимаемых должностей и даже были репрессированы. Один из них (Ван Жэньчжун) реабилитирован только в конце 1978 г., а шестеро (Ху Яобан, Вань Ли, Гу Му, Сун Жэньцюн, Ху Цяому и Яо Илинь) — в 1971—1974 гг.

В состав членов Секретариата не попал ни один человек, которого можно было бы отнести к сторонникам линии «культурной революции».

В соответствии с курсом на омоложение руководства на пленуме была принята рекомендация, оговаривавшая «неприемлемость фактически существующего порядка пожизненного пребывания работника на той или иной должности».

После всех изменений, произведенных в составе Политбюро ЦК КПК, в нем (к 31 декабря 1980 г.) насчитывалось 26 человек (24 члена и 2 кандидата):

Члены Постоянного комитета Политбюро

Председатель ЦК КПК — Хуа Гофэн

Заместители председателя ЦК КПК — Е Цзяньин, Дэн Сяопин, Ли Сяньнянь, Чэнь Юнь

Генеральный секретарь ЦК КПК — Ху Яобан

Премьер Госсовета КНР — Чжао Цзыян

Члены Политбюро

Ван Чжэнь, Вэй Гоцин (национальность — чжуан), Гэн Бяо, Дэн Инчао (женщина), Ли Дэшэн, Лю Бочэн, Не Жунчжэнь, Ни Чжифу, Пэн Чжэнь, Пэн Чун, Сюй Сянцянь, Сюй Шию, Уланьфу (национальность — монгол), Фан И, Чжан Тинфа, Чэнь Юнгуй, Юй Цюли

Кандидаты в члены Политбюро

Сайфуддин (национальность — уйгур), Чэнь Мухуа (женщина)

ЕДИНЫЙ ФРОНТ

На пороге 80-х годов была выдвинута обновленная трактовка единого фронта и его органов — народных политических консультативных советов. Если еще в 1978 г. основной концепцией явились положения о существовании классов и классовой борьбы в период социализма, то в 1980 г. объявлено, что «классовая борьба не является единственной функцией единого фронта» [16], что, несмотря на отсутствие в Китае союза рабочего класса с национальной буржуазией как классом, единый фронт не сузился, а расширился.

Согласно новой трактовке, в рамках единого фронта выделяются два союза. Первый — союз рабочего класса со всеми трудящимися, второй — рабочего класса со всеми «нетрудящи-

мися патриотами». Как указывала китайская печать, первый союз расширился, так как включил не только рабочих, крестьян и интеллигенцию, которая в своем большинстве стала частью рабочего класса, но и прежнюю буржуазию, ибо большинство трудоспособных лиц из прежних эксплуататорских классов уже превратились в честных тружеников [17]. Вместе с тем, согласно новым законодательным актам КНР, бывшим предпринимателям разрешается вкладывать средства в предприятия и получать нетрудовые доходы в виде процентов от вкладов, дивидендов и отчислений от прибылей. Кроме того, в КНР стало всячески поощряться создание частных предприятий, единоличных и с использованием труда учеников, причем деятельность такого рода — не препятствие для членства в КПК и КСМК.

К «первому союзу» были отнесены также занимающиеся умственным и физическим трудом «единокровные братья» с Тайваня, из Гонконга, Макао, а также трудящиеся китайцы, проживающие в других странах. Этот союз, по определению китайской печати, зиждется «на единой социалистической основе» и является «главной силой нового великого похода». Во «второй союз» помимо лиц, поддерживающих социализм, включались «патриоты, поддерживающие воссоединение родины», т. е. «все патриоты Тайваня, Гонконга и Макао», все лица «китайской нации» за рубежом [18], независимо от классовой принадлежности. Подобная концепция «единства китайской нации» повсюду, где бы ее представители ни проживали, не основана на классовом подходе.

В качестве главной задачи единого фронта в новый исторический период называется участие в осуществлении «модернизации». Единый фронт, как стала писать китайская пресса, — «приводной ремень от КПК, который связывает, сплачивает народные массы» [19]. Целесообразность сохранения единого фронта объяснялась также и тем, что, хотя эксплуататорские классы в Китае уже не существуют, классовая борьба еще далеко не закончена, «классовая борьба внутри страны тесно связана с международной классовой борьбой, борьба с врагами внутри и вне страны является по-прежнему одной из главных задач единого фронта» [20]. Наконец, в качестве одной из причин необходимости дальнейшего существования единого фронта назывался незначительный удельный вес рабочего класса в общей численности населения страны.

Важнейшим событием в деятельности единого фронта в 1980 г. была 3-я сессия Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК) 5-го созыва. Перед нею и 3-й сессией ВСНП 5-го созыва ЦК КПК 23 и 24 августа провел с представителями всех демократических партий и беспартийными деятелями «демократическую консультацию». По поручению ЦК КПК Хуа Гофэн рассказал о порядке проведения сессий [21].

На 11-м заседании Постоянного бюро ВК НПКСК, проходившем 21—24 августа 1980 г., были приняты решения об открытии 3-й сессии ВК НПКСК 5-го созыва 28 августа 1980 г., о проекте повестки дня и о распорядке работы сессии, а также о дополнительном введении в состав Всекитайского комитета НПКСК 97 лиц. Повестка дня включала: отчетный доклад о работе Постоянного бюро ВК НПКСК, доклад комиссии по рассмотрению проектов, кадровые вопросы. Заседание проходило под руководством заместителей председателей ВК НПКСК Уланьфу и Ху Цзыана. Обновление состава ВК НПКСК отразило тенденцию к омоложению и к специализации кадров.

3-я сессия ВК НПКСК работала 28 августа — 12 сентября в Пекине. Вступительное слово произнес председатель ВК НПКСК Дэн Сяопин. Он выдвинул задачи в «трех областях»: в сфере экономики необходимо развивать производительные силы, постепенно улучшать материальную жизнь народа; в политической сфере — полностью развить социалистическую демократию, оздоровить социалистическую законность, создать политическую обстановку стабильности и сплочения, живости и бодрости; в организационных вопросах — выявить, подготовить и выдвинуть большое число работников, соответствующих нуждам социалистической модернизации, широко открыть дорогу талантливым людям, чтобы каждый ей отдал свои способности полностью.

Отказавшись от лозунга «политика — командная сила», Дэн Сяопин поставил на первое место экономику. В политике он поставил задачу изгнать из учреждений и предприятий бездарных выдвиженцев «культурной революции» и бюрократов, неспособных руководить и противящихся реформам.

Дэн Сяопин предложил также развивать работу народных политических консультативных советов в форме «демократических консультаций» и усилить контролирующую роль единого фронта по отношению к лицам, использующим служебное положение в корыстных целях, технически безграмотным и обюрократившимся.

В докладе заместителя председателя Постоянного бюро ВК НПКСК Сюй Дэхэна работа Постоянного бюро ВК НПКСК была рассмотрена конкретно, названы проведенные мероприятия (в частности, указывалось, что с сентября 1979 г. были восстановлены «демократические консультации» с различными некоммунистическими партиями и беспартийными деятелями). Сюй Дэхэн призвал усилить роль НПКСК в проведении контроля за органами управления и кадровыми работниками, а также за осуществлением Конституции и законов. Он предложил создать комиссию по подготовке проекта пересмотренного Устава НПКСК.

Еще до окончания 3-й сессии ВК НПКСК (9 и 11 сентября) было созвано 12-е заседание Постоянного бюро ВК, на котором были обсуждены проекты политической резолюции 3-й сессии,

резолюции по докладу о работе Постоянного бюро, решения о пересмотре Устава и списка членов комиссии по пересмотру Устава. Поскольку ЦК КПК предложил освободить от обязанностей заместителя председателя и членов Постоянного бюро ВК НПКСК Вэй Гоцина, Пэн Чуна, Чжао Цзыяна, Сун Жэньцюна в связи с тем, что они выполняют другую работу, были намечены новые кандидатуры на эти посты. Панчен-лама освобожден от поста заместителя председателя ВК НПКСК, поскольку избран заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП. При этом Панчен-лама остался членом ВК НПКСК и членом Постоянного бюро ВК НПСК [22].

Были приняты: политическая резолюция, резолюция по докладу Сюй Дэхэна, решение об изменении Устава НПКСК, утвержден состав комиссии по пересмотру Устава (председатель — Дэн Сяопин, заместители председателя — Лю Ланьтао, Чжу Вэньшань, Ши Лян, Ху Цзюевэнь) [23].

Во время секционных заседаний при обсуждении вступительного слова и доклада на сессии была развернута беспрецедентная для Китая критика недостатков, промахов и упущений в различных областях.

29 сентября 1980 г. на первом заседании комиссии по изменению Устава НПКСК 1978 г. Дэн Сяопин следующим образом объяснял необходимость пересмотра этого документа: «Будучи ограниченным историческими условиями того времени, Устав 1978 г. содержит явные ошибки, некоторые его положения не соответствуют новой обстановке, сложившейся после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, когда центр тяжести всей работы был перемещен на осуществление „четырех модернизаций“. Произошли коренные сдвиги в положении классов, что вынуждает сделать важные перемены в характере, задачах, курсе, основных политических установках единого фронта» [24]. Таким образом, деятельность единого фронта и его органов теснее связывается с реализацией программы «четырех модернизаций».

МОЛОДЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Молодежь (в возрасте до 30 лет) в 1980 г., по официальным данным, составляла 65% всего населения страны и около 40% его трудоспособной части [25].

В 1980 г. в КНР действовали Коммунистический союз молодежи Китая (КСМК), Всекитайская федерация молодежи (ВКФМ), Всекитайская федерация студентов (ВКФС) и пионерская организация. Они представляли собой, по существу, новые молодежные организации, воссозданные под старыми названиями в конце 1978 — начале 1979 г.

С 23 по 28 января 1980 г. в Пекине проходил 2-й пленум ЦК КСМК 10-го созыва, отразивший сложные явления в моло-

дежном движении страны. В работе пленума участвовали 176 членов и 90 кандидатов в члены ЦК КСМК, а также 13 человек с правом совещательного голоса [26]. На пленуме выступили генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, министр образования Цзян Наньсян и член ЦК КПК Чжоу Ян. Пленум принял два документа: «Решение о развертывании движения по созданию передовых комсомольских ячеек» и «Решение о восстановлении практики награждения передовых пионерских отрядов и дружин», а также избрал секретарем ЦК КСМК Ли Жуйхуаня. В центре работы пленума находился доклад первого секретаря ЦК КСМК Хань Ина «О работе комсомола со времени X съезда и задачах на 1980 г.». По его признанию, комсомол по-прежнему пребывал в состоянии идеологического и организационного хаоса, среди молодежи были распространены «неверие в идеи Мао Цзэдуна», пассивное отношение к «четырем модернизациям», «несогласие с линией 3-го пленума ЦК КПК», «буржуазная идеология и преклонение перед Западом». Острыми оставались проблемы безработицы, преступности и организации досуга молодежи. Однако пленум не смог предложить эффективных мер для решения всех этих вопросов. Были одобрены практика высылки городской молодежи в отдаленные и малоосвоенные районы, а также попытки решить проблему безработицы «руками самих безработных» — путем создания на средства «ожидающих трудоустройства юношей и девушек» частных предприятий в сфере торговли и обслуживания. Участники пленума призвали молодежь «отдать свою молодость» программе «четырех модернизаций», не требовать улучшения материального и культурного положения до ее осуществления, вновь проявить «революционный дух Лэй Фэна, не бояться трудностей, не бояться смерти» [27]. С заключительным словом на пленуме выступил секретарь ЦК КСМК Ху Цили.

Основное внимание в течение года уделялось состоянию первичных организаций, а также идеологической работе с молодежью в духе решений 3, 4 и 5-го пленумов ЦК КПК. Положение дел на низовом уровне КСМК внушало тревогу руководству.

На 2-м пленуме ЦК КСМК было отмечено, что комсомол не пользуется доверием и авторитетом у молодежи, участились случаи выхода комсомольцев из организации, до сих пор среди молодежи и членов КСМК не преодолена инерция «культурной революции». Пленум обязал комсомольские комитеты всех уровней усилить работу по восстановлению и возобновлению деятельности первичных ячеек КСМК. Однако, как было признано на Всекитайском совещании по работе первичных комсомольских организаций, проведенном в Пекине ЦК КСМК с 5 по 14 октября 1980 г., это решение не было выполнено: 30% из 2 млн. 200 тыс. комсомольских ячеек в стране распалось или же находилось в «парализованном состоянии» [28]. В течение года не удалось также завершить и создание комсомольских коми-

тетов провинций и автономных районов. В данном плане следует отметить проведение в мае 3-й конференции КСМК Тибетского автономного района, в работе которой участвовал секретарь ЦК КСМК Чжоу Пэйчэн[29]. Однако никаких подробностей о конференции и персональном составе избранных на ней органов опубликовано не было.

В 1980 г. активизировалась деятельность ВКФМ и ВКФС, было продолжено их организационное оформление на провинциальном уровне. В мае в Хэфэе состоялась 4-я конференция ВКФМ пров. Аньхой[30], в июне в Хух-Хото — 1-я конференция ВКФМ и 2-я конференция ВКФС Автономного района Внутренняя Монголия, в Учане — 6-я конференция ВКФМ и 4-я конференция ВКФС пров. Хубэй. С 16 по 18 мая в Пекине проходило 2-е расширенное заседание Постоянного комитета ВКФМ 5-го созыва, в работе которого участвовали секретари ЦК КСМК Хань Ин, Ху Цили, а также секретарь ЦК КПК Сун Жэньцюн. Заместителями председателя ПК ВКФМ были избраны Ли Жуйхуань, Жун Хунжэнь, Лю Ханьлян, членами — Ван Хуа, Фань Цзэн, Цзинь Цзянь, Хань Мэйлинь. С докладом о проделанной работе выступил председатель ПК ВКФМ, секретарь ЦК КСМК Ху Цили[31]. Основное внимание было уделено мобилизации молодежи на осуществление «четырех модернизаций», ее сплочению «на базе линии 3-го пленума ЦК КПК». Обращает на себя внимание тот факт, что в решениях как пленума ЦК КСМК, так и конференций ВКФМ и ВКФС раздавались призывы привлекать в эти организации молодежь из различных непролетарских социальных слоев, в том числе и выходцев из буржуазии.

В рассматриваемом году КСМК, ВКФМ и ВКФС усилили свою активность в мировом молодежном движении, устанавливая контакты практически во всех регионах. Особое внимание уделялось связям с молодежными организациями Японии, США, Западной Европы, ряда стран Африки и Латинской Америки. По линии международного молодежного туризма в Китае побывало более 350 делегаций из Японии, США, Англии, Франции, Австралии и других стран общим числом более 15 тыс. человек[32]. В свою очередь, делегации молодежи КНР в течение года побывали в Судане, Нигерии, Бенине, Того, Нигере, Мали, Гвинее и Гвинее-Бисау (январь), Шри Ланке (апрель, август), Австралии (июнь), КНДР, Суринаме (июль), Конго, Мексике и Гайане, Румынии и Югославии (август), Югославии (ноябрь).

Продолжало оставаться сложным положение с пионерской организацией. В течение года не удалось завершить создание пионерских отрядов на низовом уровне. Во многих школах отсутствовали не только пионерские отряды, но и комсомольские ячейки. «Большинство школьников не испытывает стремления к вступлению в эти организации»[33], — писала молодежная газета.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В 1980 г. в центре внимания женских организаций КНР по-прежнему оставались проблемы мобилизации китайских женщин на осуществление программы «четырех модернизаций» и курса урегулирования.

О необходимости повышения активности женщин КНР в выполнении задач, стоящих перед страной, говорилось в выступлениях руководящих деятелей Всекитайской федерации женщин (ВКФЖ), в частности почетного председателя ВКФЖ Сун Цинлин и председателя ВКФЖ Кан Кэцин, в связи с Международным женским днем [34]. Эти же вопросы неоднократно обсуждались на заседаниях ВКФЖ, в том числе на расширенном заседании Исполкома ВКФЖ 4-го созыва в октябре 1980 г. [35]. В приветствиях местных федераций женщин по поводу Международного женского дня женщины Китая призывались к широкому участию в программе «четырех модернизаций». Например, федерация женщин пров. Цинхай призывала женщин, «где бы они ни работали, вносить вклад в осуществление „четырех модернизаций“». Федерация женщин Харбина подчеркивала, что в ходе осуществления «четырех модернизаций» женщины должны как можно шире развернуть соревнование за звание «ударника нового похода», «знаменосца 8 Марта» и «передового коллектива имени 8 Марта». Призыв активнее участвовать в реализации планов «четырех модернизаций» содержался также в редакционной статье «Жэньминь жибао» «Славный боевой праздник женщин всего мира», посвященной Международному женскому дню [36].

В 1980 г. китайское руководство продолжало проявлять заинтересованность в подготовке новых кадров из числа женщин. Эта задача частично была возложена на женские общественные организации страны. Например, в заявлении федерации женщин пров. Цинхай отмечалось, что руководящие органы федераций женщин должны смело выдвигать на ответственные посты всех ступеней «лучших работниц молодого и среднего возрастов», а также кадровых работников из представительниц национальных меньшинств. В этом документе отмечалось, что федерации женщин должны оказывать содействие партийным комитетам в организации среди женщин движения «быть и красным и квалифицированным специалистом». В Заявлении федерации женщин Харбина говорилось, что женские общественные организации должны под руководством партии развертывать работу по подготовке кадровых работников из числа женщин.

Особый акцент в 1980 г. был сделан на усиление работы среди жительниц села. Этому вопросу было специально посвящено совещание ВКФЖ, состоявшееся летом 1980 г. Позже, на расширенном заседании Исполкома ВКФЖ, было принято

решение о «значительном расширении работы среди женщин, проживающих в сельской местности» [37].

В китайской печати отмечалось сохранение в китайской деревне феодально-патриархальных пережитков и дискриминации в отношении женщин. Летом 1980 г. ВКФЖ подготовила подробный доклад о положении женщин в Китае. В нем говорилось о сохранении в деревне старинных, феодальных обычаев, запрещенных еще в 1950 г. Например, в одной коммуне пров. Шаньси 43% детей моложе пяти лет и 80% детей моложе 10 лет были уже помолвлены. В одном из уездов пров. Фуцзянь в результате таких ранних обручений, а также продажи невест и насильственных браков по договоренности родителей было зарегистрировано в первой половине 1980 г. четыре случая самоубийства, четыре случая нервного расстройства и два покушения на убийство.

Газета «Наньфан жибао» (пров. Гуандун) сообщила о 115 случаях продажи молодых женщин из Цзянси в Гуандун, отметив при этом, что такого рода торговля велась также между пров. Цзянси и Тяньцзинем.

Предметом специального судебного разбирательства стали дела, связанные с оскорблениями женщин и издевательствами над ними. В Харбине, например, такое разбирательство проводилось комитетом местной федерации женщин совместно с городским управлением общественной безопасности и городским судом.

Культурный уровень китайских женщин продолжал оставаться чрезвычайно низким. На упомянутом заседании Исполкома ВКФЖ было обращено особое внимание на наличие в стране большого числа неграмотных женщин (они составляли 80% общего числа неграмотных).

В 1980 г. вопросы, непосредственно связанные с условиями труда женщин, стали предметом специального обсуждения. На заседании Исполкома ВКФЖ говорилось, что обычным явлением в КНР остается неравная оплата одинакового труда мужчин и женщин, завышаются требования к женщинам при приеме на работу и т. д. Все эти проблемы, как отмечалось на заседании, должны привлечь серьезное внимание организаций ВКФЖ [38].

В 1980 г. китайское руководство провело ряд специальных совещаний, в том числе на уровне провинций, на которых обсуждались вопросы охраны труда женщин. На Всекитайском совещании по охране труда женщин, организованном Всекитайской федерацией профсоюзов, говорилось, что число женщин, занятых в промышленном производстве и работавших в учреждениях, превышало 30 млн. (1/3 общего числа рабочих и служащих страны). Одновременно отмечалось, что им приходится работать в тяжелых условиях: на производстве не проводятся мероприятия по охране труда, здоровью женщин подчас наносится вред [39].

Во второй половине 1980 г. значительное место в работе женских общественных организаций занимали пропаганда и реализация положений нового Закона о браке, принятого на 3-й сессии ВСНП 5-го созыва. Вскоре после завершения сессии ВСНП «Жэньминь жибао» опубликовала статью председателя ВКФЖ Кан Кэцин «Глубоко изучать новый Закон о браке КНР, активно пропагандировать его претворение в жизнь». Кан Кэцин призвала «все комитеты федераций женщин вести агитационно-воспитательную работу на основе нового Закона о браке и активизировать деятельность по плановому деторождению» [40]. В октябре 1980 г. отдел пропаганды ЦК КПК издал циркуляр о широкой пропаганде нового Закона о браке средствами печати, радио и телевидения, а также женскими, профсоюзными и комсомольскими организациями [41].

В 1980 г. продолжалось осуществление мер, связанных с планированием рождаемости. В специальном документе ВКФЖ призвала кадровых работников из числа женщин «возглавить выполнение постановления ЦК КПК и правительства КНР по вопросам планового деторождения». В отдельных провинциях Китая значительно активизировалась соответствующая деятельность. Например, в Гуандуне в первом квартале 1980 г. в больницах было сделано свыше 750 тыс. абортов, что на 76% больше, чем за соответствующий период предыдущего года. На совещаниях по планированию рождаемости, проводимых в стране в 1980 г., молодые семьи призывались ограничиваться одним ребенком, вводились меры наказания для тех, кто нарушает эти рекомендации.

В октябре 1980 г. на расширенном заседании Исполкома ВКФЖ было принято решение о реорганизации работы федераций женщин с целью перенести центр тяжести работы «на решение проблем, непосредственно касающихся труда и быта женщин» [42].

Активизировались международные контакты ВКФЖ. В июле 1980 г. ее делегация принимала участие в работе Всемирной женской конференции в Копенгагене в связи с объявлением ООН 1976—1985 гг. десятилетием в поддержку женщин [43]. В октябре 1980 г. делегация ВКФЖ во главе с советником федерации Синь Цзянь посетила Мозамбик [44].

[1] Дэн Сяопин. Вэньсюань. 1975—1982 (Избранные произведения. 1975—1982). Пекин, 1983, с. 203—237.
[2] «Жэньминь жибао», 1.III.1980.
[3] См.: «Жэньминь жибао», 1.III, 16, 18.V.1980.
[4] «Жэньминь жибао», 28.I.1980.
[5] «Жэньминь жибао», 25.VI.1980.
[6] «Жэньминь жибао», 29.VI.1980.
[7] «Жэньминь жибао», 11.XII.1980.
[8] «Жэньминь жибао», 15.IX.1980.
[9] «Жэньминь жибао», 30.VIII.1980.
[10] См.: «Жэньминь жибао», 1.VII.1980; «Гуанмин жибао», 1.VII.1980; «Хунци». 1980, № 5, с. 40.

[11] «Жэньминь жибао», 14.I.1981.
[12] См.: «Вэньхуэй бао», 6.V.1980; «Жэньминь жибао», 9.X.1980.
[13] «Гуанмин жибао», 29.III.1980; «Жэньминь жибао», 28.IV, 1.VII.1980.
[14] «Токио симбун», 9, 15.I.1981.
[15] Дэн Сяопин. Вэньсюань, с. 314—316.
[16] «Хунци». 1980, № 3, с. 23.
[17] Там же, с. 25.
[18] Там же.
[19] Там же, с. 22.
[20] Там же.
[21] «Гуанмин жибао», 25.VIII.1980.
[22] «Гуанмин жибао», 12.IX.1980.
[23] «Гуанмин жибао», 13.IX.1980.
[24] «Жэньминь жибао», 30.IX.1980.
[25] «Чжунго циннянь бао», 16.IX.1980.
[26] «Чжунго циннянь бао», 31.I.1980.
[27] Там же.
[28] «Чжунго циннянь бао», 18.X.1980.
[29] «Чжунго циннянь бао», 8.V.1980.
[30] «Чжунго циннянь бао», 22.V.1980.
[31] «Чжунго циннянь бао», 20.V.1980.
[32] «Чжунго циннянь бао», 28.II.1981.
[33] «Чжунго циннянь бао», 22.I.1980.
[34] «Жэньминь жибао», 8, 9.III.1980.
[35] «Жэньминь жибао», 27.X.1980.
[36] «Жэньминь жибао», 8.III.1980.
[37] «Жэньминь жибао», 27.X.1980.
[38] Там же.
[39] «Чжунго фунюй». 1980, № 2, с. 5.
[40] «Жэньминь жибао», 19.IX.1980.
[41] «Жэньминь жибао», 25.X.1980.
[42] «Жэньминь жибао», 27.X.1980.
[43] «Жэньминь жибао», 17.VII.1980.
[44] «Жэньминь жибао», 23.X.1980.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПОЛОЖЕНИЕ КЛАССОВ И ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Необходимость повышения производственной активности рабочих для осуществления «четырех модернизаций» обусловила проведение ряда конструктивных мер в социально-экономической области: частичное повышение заработной платы некоторым категориям рабочих, внедрение, хотя и непоследовательное, системы премий. Вместе с тем положение некоторых слоев рабочего класса в 1980 г. не улучшилось. Причиной этого были увольнения занятых на целом ряде энергоемких, а также «нерентабельных» предприятий, закрытых в ходе урегулирования; увеличение производственных заданий или удлинение рабочего дня без соответствующей оплаты.

Принятые в 1980 г. решения (в частности, на 3-й сессии ВСНП) не решали проблемы социальной неоднородности и имущественной дифференциации рядов рабочего класса. Полностью сохранились, как это явствует, например, из документов, касающихся реформы зарплаты, социально-правовые различия в положении «постоянных» и «временных» рабочих, включая категорию «и рабочий и крестьянин». Более половины всех промышленных рабочих страны, занятых на мелких предприятиях полукустарного типа, были лишены возможности вступить в профсоюз, пользоваться трудовым страхованием; размеры пенсии (а нередко и нормы продовольственного снабжения), установленные для них, были значительно ниже, чем на государственных предприятиях; постоянная работа на таких предприятиях в отличие от временной работы на современных крупных предприятиях не засчитывалась в производственный стаж. Было закреплено право наследования рабочих мест для детей кадровых рабочих.

В результате поощрения единоличного сектора стремительно росло число кустарей-единоличников, мелких частных торговцев, владельцев небольших мастерских, ателье и тому подобных заведений в сфере обслуживания. К началу августа 1980 г. в Китае насчитывалось почти 400 тыс. мелких частных предпринимателей [1]. К концу года их число возросло до 810 тыс. [2].

В 1980 г. интенсивно росло число поселково-городских предприятий коллективной собственности и предприятий сельских коммун и бригад, на которых было занято соответственно 24,5 млн. рабочих и служащих и 30 млн. крестьян [3].

Развитие предприятий коллективной собственности всемерно поддерживается, поскольку происходит без государственных капиталовложений. Эти предприятия превращены в поставщиков деталей и запасных частей для государственных заводов и фабрик. Создание кооперативных предприятий используется также для смягчения острой проблемы безработицы: в рассматриваемом году на них пришлась почти половина трудоустроенных.

Положение китайского крестьянства в 1980 г. во многом определялось тенденцией к дифференциации социальной структуры и форм организации производства. В 1980 г. продолжалась линия на дальнейшее сосредоточение сельскохозяйственной техники в немногочисленной группе богатых хозяйств с уже относительно высоким уровнем насыщения техникой, на обеспечение их комплектами сельскохозяйственных машин для полной механизации основных работ [4]. «Ключевые товарные районы» с развитым многоотраслевым хозяйством превращались, по сути дела, в особый элемент в отсталой сельскохозяйственной экономике КНР. Одновременно отчетливо обозначилась концентрация капиталовложений в отдельных опытных механизированных хозяйствах и экспериментальных базах. Это привело к формированию обособленного сельскохозяйственного «сектора модернизации», который по показателям и уровню развития (доходы крестьян, размеры накопления, степень механизации) стал качественно отличаться не только от периферийных сельских районов, но и от «ключевых районов».

Установки, провозглашенные в отношении преобладающей части деревни, преследовали цель путем некоторого уменьшения налогов и поставок, а также ослабления жесткой государственной регламентации стимулировать крестьян вести хозяйство по принципу «опоры на собственные силы». В то же время значительная часть китайского крестьянства сосредоточена в сельских районах с низким уровнем механизации и накоплений (25—30% всех коммун и бригад страны), где не хватает средств для расширенного воспроизводства.

С реализацией этих установок тесно связаны эксперименты по внедрению «системы ответственности» за самостоятельное ведение хозяйства мелкими крестьянскими группами и дворами, во многом опирающейся на традиционные семейно-клановые формы организации. По статистическим данным, к ноябрю 1980 г. «закрепление производства за дворами» (при разделе земли по едокам или по едокам и рабочей силе) осуществлялось более чем в 20% производственных бригад; мелкогрупповой подряд с оплатой по объему производства («закрепление производства за группами») — в 25% бригад; «работа временными группами» с оплатой по трудовым нормам — более чем в 50% бригад [5].

Перестройка организации производства в коммунах сопровождалась снятием дискриминационных ярлыков с зажиточных

семей. При этом был провозглашен лозунг «пусть часть крестьян богатеет в первую очередь». Поддерживалась и рекламировалась предпринимательская инициатива немногочисленной прослойки зажиточных крестьян. Снимались ограничения роста ее доходов. Запрещались ее политические преследования, а в ряде случаев даже возвращались конфискованные у нее имущество, орудия, деньги. Обеспеченные рабочей силой и инвентарем, зажиточные дворы с годовым доходом, как правило, не ниже тысячи юаней составляли тонкую прослойку в китайской деревне — максимум 10%. В 1980 г. их доходы, как сообщалось, значительно выросли.

Положение интеллигенции в 1980 г. продолжало оставаться сложным, несмотря на ряд шагов, направленных на то, чтобы использовать ее в интересах «четырех модернизаций»: реабилитацию пострадавших в ходе «культурной революции», сокращение объема политучебы, восстановление научных степеней и званий и т. п. Эту же цель преследовали меры по расширению подготовки специалистов с высшим образованием, в том числе командировки студентов и аспирантов в зарубежные университеты, а также дополнительный набор в вузы студентов, оплачивающих учебу. Однако, несмотря на все это, значительная часть интеллигенции продолжала оставаться нетрудоустроенной.

Репрессии в ходе многочисленных кампаний повлияли и на моральное состояние многих ее представителей: они не решались проявлять творческую инициативу, отстранялись от общественной жизни и т. д.

По сообщениям печати КНР, в 1980 г. только около половины всех кадровых работников были моложе 50 лет [6]. Многие из недавно реабилитированных ганьбу старшего поколения не выдерживали восьмичасового рабочего дня [7]. Всего в стране насчитывалось 18 млн. кадровых работников, среди которых лишь 6 млн. имели высшее или среднее специальное образование [8]. Средний возраст наиболее квалифицированных из них составлял 58 лет [9]. Все это, как отмечалось на сессии ВСНП, являлось препятствием на пути осуществления программы «четырех модернизаций» [10]. В ряде установочных статей подчеркивалось, что «концентрация всей власти на местах в парткомах — ошибка» [11].

Была поставлена задача «омоложения руководящих групп» путем выдвижения лиц в возрасте от 30 до 50 лет [12]. Приток «свежих сил» предполагалось осуществить в результате «сочетания демократических рекомендаций масс с проверкой со стороны орготдела соответствующего парткома» [13]. Окончательное решение оставалось за орготделом и вышестоящим руководством. Предлагалось даже «объявлять конкурсный набор» на некоторые должности, но также с последующим утверждением кандидатур в орготделе парткома и вышестоящей инстанции [14]. Одновременно резкой критике в печати подвергалась действо-

вавшая раньше система отбора и выдвижения кадров по рекомендации организационных и кадровых отделов[15].

В отношении национальной буржуазии в 1980 г. был сделан целый ряд дальнейших (после возвращения банковских вкладов) уступок — как экономических, так и социальных. По решению ЦК КПК были предприняты шаги по изменению политического статуса представителей национальной буржуазии. К концу августа 1980 г. около 26 тыс. человек в Пекине и около 11 тыс. в Гуанчжоу из числа «бывших капиталистов и торговцев» были отнесены к категории рабочих с предоставлением всех соответствующих политических прав. Одновременно были сняты ограничения на прием в КПК, КСМК, в вузы или на работу выходцев из буржуазных семей.

Возвращенные представителям национальной буржуазии средства (а также другие накопления) было разрешено использовать для частного предпринимательства. Началась практическая деятельность нескольких акционерных компаний, созданных на паях бывшими капиталистами (в Шанхае, Пекине, Гуанчжоу). В законодательном порядке были закреплены особые права иностранного капитала при создании смешанных предприятий. Следует отметить, что создание даже небольшого числа совместных с иностранным капиталом предприятий означало возникновение в социально-экономической структуре КНР государственно-капиталистических форм.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

В выступлениях китайских руководителей и прессы указывалось на необходимость оказать помощь неханьским народам в политическом, экономическом и культурном строительстве, уважать их права и интересы, наладить взаимоотношения ханьцев с неханьцами и т. д. Нарушения «правильного курса» в национальном вопросе связывались главным образом с действиями «банды четырех» и Линь Бяо.

Активизация национальной политики имела своим результатом создание в 1980 г. ряда всекитайских обществ по изучению ситуации в национальных районах, особенностей экономики, быта, культуры, истории неханьских народов. Так, были учреждены Научное этнографическое общество[16], Всекитайское общество по изучению древних национальных письменностей[17], Всекитайское общество по изучению экономики неханьских национальностей[18].

Ряд видных историков КНР выступили с критикой концепций периода «культурной революции», изображавших взаимоотношения ханьцев и неханьцев, будто бы издревле основанные на «гармонии» и «сплочении» в рамках единой семьи национальностей.

В июле 1980 г. в Хайларе (Автономный район Внутренняя

Монголия) состоялась организованная Всекитайским обществом по изучению истории Монголии конференция, на которой, в частности, всемерно восхвалялась историческая роль монгольских ханов (Чингисхана, Хубилая и др.).

Другим проявлением новых тенденций стала широкая публикация на страницах китайских газет и журналов статей и материалов, посвященных вопросам национальной политики. Прежде всего обращает на себя внимание осуждение печатью КНР тезиса «сущность национального вопроса — классовый вопрос» [19]. Отмечалось, что данная формула служила Линь Бяо и «банде четырех» в качестве «теоретической основы феодально-фашистской диктатуры» в национальных районах. «Жэньминь жибао» посвятила ее разбору пространную статью, в которой, в частности, подчеркивалось, что претворение в жизнь этой формулы нанесло огромный ущерб национальным отношениям в стране [20].

В сентябре 1980 г. на 2-й сессии Комиссии национальностей ВСНП был поднят вопрос о праздновании в КНР специального государственного Дня национальностей.

В то же время выступления представителей национальных районов на 3-й сессии ВСНП 5-го созыва снова свидетельствовали, что неханьские народы Китая считают ту форму национальной автономии, которая существует в КНР, явно недостаточной. Так, представитель СУАР заявил, что «ныне осуществляемая национальная автономия представляет собой проформу. Между автономными районами и районами, где нет автономии, особой разницы нет» [21]. Еще резче высказался заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП Панчен-лама (тибетец): «Национальная автономия — это пустой звук. Автономные районы ничем не отличаются от прочих провинций» [22].

Сложившееся положение потребовало начать «обсуждение способов оздоровления» законодательства в сфере национального вопроса. На сессии ВСНП Е Цзяньин отметил необходимость «усилить... работу в области национального законодательства» [23].

Состоявшаяся в сентябре 1980 г. в Пекине 2-я сессия Комиссии национальностей ВСНП сосредоточила главное внимание на этой проблеме. Выступивший на сессии с основным докладом заместитель председателя ПК ВСНП Уланьфу поставил вопрос о разработке нового законодательства по национальной автономии, которое бы отвечало современной действительности. Он заявил, что «автономные районы национальных меньшинств должны пользоваться достаточным правом на самоуправление как в области законодательства, администрации, экономики, культуры, просвещения, здравоохранения, науки и техники, так и в области языков и письменностей, одним словом, во всех национальных проявлениях». Однако, подчеркнул Уланьфу, «в национальной законодательной работе надо придерживаться

принципа реалистичности». По его словам, «необходимо уяснить специфические особенности национальных меньшинств и избегать копирования законов и правил, приемлемых для ханьцев»[24]. В качестве первых документов на сессии Комиссии национальностей были рассмотрены проекты положений об автономии для Внутренней Монголии и Яньбянь-Корейского автономного округа.

Острым оставался вопрос о комплектовании руководящих органов автономных районов представителями коренных национальностей. Характерен пример Автономного района Внутренняя Монголия. Здесь в год основания автономного района (1947 г.) процент национальных кадровых работников был выше, чем в 1980 г. По словам монгольского представителя на сессии ВСНП, в 1947 г. национальных кадровых работников в АРВМ насчитывалось 37%, а в 1980 г., т. е. 33 года спустя, — всего 15%[25].

В 1980 г. в печати КНР был опубликован доклад Чжоу Эньлая «О некоторых проблемах национальной политики нашего государства», сделанный им еще в 1957 г. на Всекитайском совещании по национальному вопросу[26]. В специально посвященных ему статьях этот доклад характеризовался как важный документ программного значения. Тем не менее более 20 лет он так и не появился в открытой печати. В нем рассмотрены проблемы великоханьского шовинизма и местного национализма, национальной автономии, социальных реформ в национальных районах КНР и вопрос о комплектовании органов власти на местах представителями коренных национальностей. В целом темы, поднятые в докладе Чжоу Эньлая, и их трактовка не были новыми. До «культурной революции» они широко освещались в китайской печати и литературе по национальному вопросу. В современных условиях доклад Чжоу Эньлая используется китайским руководством в качестве нормативного материала.

Согласно докладу Чжоу Эньлая, «нельзя критиковать великоханьский шовинизм вообще, а надо критиковать конкретных лиц, действующих в духе великоханьского шовинизма, и конкретные факты в этой области». Первопричиной возникновения местного национализма в нем называется экономическая и культурная отсталость неханьских народов, а не национальный гнет и великоханьский шовинизм. Местный национализм и недоверие национальных меньшинств к ханьцам, говорится в докладе, можно преодолеть путем развития их экономики и культуры.

В докладе поддерживается осуществляемая в КНР «районная автономия», которая рассматривается в качестве основы национальной политики КПК. Чжоу Эньлай утверждал, что различие в формах автономии в СССР и КНР состоит «только в названиях». Однако в Советском Союзе национальная политика основывается на признании права наций на самоопределение и реально обеспечивает развитие национальной самобытности и культуры.

В китайской печати указывалось, что неханьские народы КНР все еще находятся в тяжелом экономическом положении. В данной связи признавалась необходимость проведения «предварительного изучения» особенностей положения в национальных районах страны, с тем чтобы выработать более приемлемую для них экономическую политику. Так, на совещании по вопросам экономики районов неханьских национальностей, проходившем 13—20 октября 1980 г., отмечалось, что в КНР «не учитывались особенности районов национальных меньшинств, их национальные особенности. Как правило, не учитывались низкий уровень производительных сил национальных районов, различия в уровне их социального развития. Туда переносились методы работы, используемые в ханьских районах». Все это «серьезно подорвало производство в районах национальных меньшинств... В некоторых районах до сих пор все еще не хватает продовольствия и одежды, в жизни населения наблюдаются серьезные трудности» [27].

Вопросы экономического положения неханьского населения КНР затрагивались и на сентябрьской сессии ВСНП. Представитель СУАР, например, констатировал, что «в настоящее время в районе все еще немало людей, жизненные условия которых крайне тяжелы. Раньше хозяйство было натуральным, сами себя всем обеспечивали. Сейчас натуральное хозяйство разрушено... Однако цены настолько высоки, что люди не в состоянии приобрести необходимое» [28].

Получили широкую огласку факты беспорядочной распашки пастбищ и вытеснения скотоводческого населения на худшие земли, что приводило к упадку скотоводства — важнейшей отрасли хозяйства во многих национальных районах. Характерны в этом отношении прозвучавшие на сентябрьской сессии ВСНП жалобы представителей Внутренней Монголии на то, что армия произвольно захватывает земли под распашку, причем никакой материальной компенсации монгольские скотоводы не получают [29]. Известны также случаи, когда земли коренных жителей Синьцзяна передавались в распоряжение ханьских переселенцев, а уйгурам предлагалось осваивать пустыни.

Как подчеркивали на сентябрьской сессии ВСНП представители автономных округов пров. Сычуань, наиболее отсталые в экономическом и культурном отношении национальные районы заслуживают особого внимания и особой помощи [30].

Серьезное внимание китайское руководство уделяло положению в ТАР [31]. В мае 1980 г. центральная пресса опубликовала Указания ЦК КПК [32], а затем «шесть важных задач» работы в Тибете, сформулированных генеральным секретарем ЦК КПК Ху Яобаном во время поездки в ТАР 22—31 мая (вместе с заместителем премьера Госсовета КНР Вань Ли) [33]. Основные положения нового «стратегического плана» работы в Тибете были изложены в статье Ян Цзинжэня [34].

В опубликованных материалах подчеркивается необходи-

мость воздерживаться от шаблонов, от слепого перенесения опыта работы в районах с ханьским населением на национальные окраины, выработать курс и политику, а также осуществлять конкретное руководство с учетом существующих в Тибетском автономном районе природно-экономических условий и национальных особенностей.

В связи с этим декларировалась задача: «под единым руководством центра в полной мере осуществить право на национальную районную автономию». Местным руководящим органам партии, правительству и массовым организациям предоставлялось право в случае, если политические установки и общегосударственные законы не соответствуют реальной обстановке Тибета, «не осуществлять их или осуществлять в измененном виде». Критерием должны служить интересы «сплочения национальностей и развития производства».

Указывалось также на необходимость усилить подготовку местных кадров из числа тибетцев и представителей других малых народов, «активно помогать им, с тем чтобы они несли главную ответственность в работе». Была поставлена задача добиться, чтобы в течение 2—3 лет тибетцы составили более $^{2}/_{3}$ всех работников госаппарата в районе. В отношении ганьбуханьцев рекомендовалось придерживаться принципа «уменьшения [числа] и улучшения [стиля работы]» путем, в частности, направления в ТАР специалистов.

Констатировалось, что «самая главная реальность Тибета — значительно более низкий уровень жизни по сравнению с другими провинциями и автономными районами». В связи с этим требовалось проводить более гибкую экономическую политику, «существенно облегчить бремя народных масс». Предусматривалось отменить в течение 1980—1981 гг. взимание сельскохозяйственного и животноводческого налогов, разверстку обязательных заданий по госзакупкам, принять меры по расширению приусадебных хозяйств, поощрять рыночную торговлю. 20 июня 1980 г. правительство ТАР обнародовало соответствующее уведомление [35]. Были даны заверения об увеличении финансовой и материальной помощи ТАР со стороны государства. Предполагалось, что осуществление указанных мер обеспечит выполнение генеральной задачи — «за два-три года преодолеть нищету в Тибете, за 5—6 лет превзойти наивысший уровень жизни в истории Тибета и за 10 лет добиться сравнительно значительного экономического развития и значительного повышения жизненного уровня народных масс».

Новый «стратегический план» предусматривал также меры по развитию просвещения и культуры тибетцев, в первую очередь подготовку дипломированных специалистов (в частности, решением правительства ТАР была установлена 70-процентная квота приема тибетцев в вузы района). Особое значение, учитывая специфику Тибета, уделялось необходимости последовательно осуществлять политику свободы вероисповедания и

укреплять единый фронт с «патриотами из высших слоев» и религиозными деятелями.

Руководство по претворению в жизнь этого «стратегического плана» было возложено на обновленный партком ТАР. Первым секретарем (вместо Жэнь Жуна) стал Инь Фатан, имевший опыт работы в Тибете (в 50-е годы), знакомый с местными условиями и владеющий тибетским языком.

Меры, принятые в Тибете, были обсуждены на пленумах парткомов других автономных районов, а также ряда провинций с многочисленным неханьским населением. В принятых резолюциях говорилось о необходимости проводить аналогичную экономическую политику и в этих национальных районах [36].

Некоторые новые моменты наблюдались также в области культуры и образования. В национальных районах начали издаваться специальные литературные журналы. Например, в СУАР стал выходить журнал «Синьцзян адибияти» («Синьцзянская литература»), в котором печатаются произведения местных писателей и поэтов. Были организованы различные творческие объединения писателей, работников искусства, кино и т. д. В 1980 г. в Синьцзяне состоялся съезд деятелей литературы и искусства. Председателем Синьцзянской ассоциации работников литературы и искусства был избран Ясын Худаварди. В руководящие органы вошли такие известные писатели и деятели культуры Синьцзяна, как Зунун Кадири, Тейипджан Илиев, Алкам Ахтам, Имин Турсун и др. Многие деятели культуры, литературы и искусства Синьцзяна, включая председателя Ассоциации работников литературы и искусства, в годы «культурной революции» были репрессированы.

Однако положение в области культуры и просвещения в национальных районах в целом все еще оставалось неудовлетворительным. Например, как утверждал на сентябрьской сессии ВСНП Панчен-лама, по-прежнему проводилась дискриминация в отношении тибетского языка. Как бы хорошо тибетец ни владел тибетским языком и письменностью, заявил он, его считают неграмотным [37].

Представитель СУАР на сессии ВСНП привел данные о состоянии народного образования в Синьцзяне. К 1978 г. ассигнования на нужды образования в районе сократились примерно вдвое по сравнению с периодом до «культурной революции». Ощущается острая нехватка учебных помещений. В сельских начальных школах 90% помещений не имели застекленных окон. Около 14% школьных зданий пришло в аварийное состояние. Не хватало учителей, качество преподавания оставалось крайне низким. В начале 50-х годов в школах Синьцзяна доля учащихся-неханьцев была достаточно велика. Однако она стала быстро уменьшаться, когда началась борьба с так называемым местным национализмом (с 1957—1958 гг.). Со времени «культурной революции» число учащихся неханьских национальностей чрезвычайно сократилось. В итоге в 1978 г. процент не-

ханьцев в школах Синьцзяна был ниже, чем в 1949 г. Неграмотность среди сельской молодежи составляла в среднем 45% [38].

В целом, как можно судить по заявлениям представителей национальных районов на сессии ВСНП, новые установки, выдвижение которых свидетельствует о попытках наладить национальные отношения на окраинах страны, во многих случаях не проводились в жизнь. Ханьские кадровые работники не считаются с национальными особенностями неханьцев, «не хотят понимать, что такое национальная политика, вообще не желают о ней вести речь, ведут себя подобно цзаофаням» [39].

СУД НАД «БАНДОЙ ЧЕТЫРЕХ» И ГРУППОЙ ЛИНЬ БЯО

Конец рассматриваемого года ознаменовался крупнейшим за всю историю КНР политическим процессом над «главными преступниками контрреволюционных группировок Линь Бяо и Цзян Цин». Он продолжался более двух месяцев: с 20 ноября 1980 по 25 января 1981 г.

Десять подсудимых были разделены на две группы — гражданскую и военную. В первую была включена «банда четырех» (бывшие члены Политбюро ЦК КПК Цзян Цин, Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань), арестованные менее чем через месяц после смерти Мао Цзэдуна — в октябре 1976 г., а также бывший член Политбюро ЦК КПК Чэнь Бода, арестованный в сентябре 1970 г. Ко второй отнесены пять сторонников Линь Бяо, устраненного в сентябре 1971 г., — бывший начальник Генерального штаба НОАК Хуан Юншэн, его заместители: У Фасянь (бывший командующий ВВС), Ли Цзопэн (бывший первый политкомиссар ВМФ), Цю Хуэйцзо (бывший начальник Главного управления тыла), а также бывший политкомиссар Нанкинского военного округа Цзян Тэнцзяо. Все они, кроме последнего, входили в состав Политбюро ЦК КПК. Их арестовали в сентябре 1971 г. Таким образом, подсудимые находились в «предварительном заключении» от 4 до 10 лет.

Решение о суде над ними официально было принято на 16-м заседании Постоянного комитета ВСНП 5-го созыва в конце сентября 1980 г. [40]. Для проведения судебного процесса были образованы две палаты «особого суда» при Верховном народном суде (ВНС) КНР и «особая прокуратура» при Верховной народной прокуратуре (ВНП). «Особый суд» возглавил председатель ВНС Цзян Хуа, а «особую прокуратуру» — генеральный прокурор ВНП Хуан Хоцин. Палату «особого суда» для рассмотрения дел гражданских лиц возглавлял Цзэн Ханьчжоу, а палату по делам военных — У Сюцюань.

Четырехлетняя подготовка к судебному процессу, согласно объяснениям генерального прокурора, потребовалась для того, чтобы собрать улики — «досье, письма, дневники, записки, стенографические отчеты и магнитофонные записи» [41].

Объективно на скамье подсудимых оказались не только зачинщики и вдохновители «культурной революции». Фактически подверглась осуждению она сама. Тем самым организаторы процесса были вынуждены во многом повторить критику КПСС и международного коммунистического движения, данную в адрес «культурной революции».

Организаторы судебного процесса всячески пытались завуалировать его политический характер. Так, выступая на 16-м заседании Постоянного комитета ВСНП, генеральный прокурор утверждал, что обвинения касаются только «контрреволюционных преступлений Линь Бяо, Цзян Цин и компании», совершенных ими в нарушение уголовного права, но отнюдь не их «ошибок в работе», в том числе «ошибок в политической линии» [42]. Было объявлено, будто обе левацкие группы (Линь Бяо и Цзян Цин) действовали ради достижения общих «контрреволюционных целей», а потому «уголовные» преступления соединили их в одну группировку [43]. Между тем известно, что эти две политические фракции «левых» вели борьбу друг с другом и преследовали различные политические цели.

Подсудимым было предъявлено в общей сложности 48 пунктов обвинений, сведенных в четыре основные группы: преследование партийных и государственных руководителей; репрессии в отношении кадровых работников и народных масс; покушение на жизнь Мао Цзэдуна и подготовка вооруженного государственного переворота; подготовка вооруженного мятежа в Шанхае [44]. Первые две группы обвинений были направлены, по существу, на осуждение «культурной революции». Обвинение подсудимых в подготовке «покушения» на жизнь Мао Цзэдуна фактически отражало стремление изобразить его в качестве «жертвы заговора».

Особое внимание суд уделил рассмотрению преступлений группировки Цзян Цин, связанных с интригами против Дэн Сяопина. В частности, Цзян Цин и другим участникам «банды четырех» было предложено дать показания по поводу их попыток не допустить назначения Дэн Сяопина на пост первого заместителя премьера Государственного совета КНР в 1974 г., а также относительно клеветы на Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина.

Суд проводился в закрытом порядке. В зал заседаний допускались лишь специально подобранные представители руководящих партийных и государственных кадров. Показ судебного процесса по телевидению строго регламентировался, а материалы, передававшиеся в печать, подвергались цензуре.

Рассматривая обвинения, связанные с деятельностью подсудимых в период «культурной революции», процесс лишь частично приоткрыл завесу над истинной картиной массовых репрессий, обрушившихся в то время на китайский народ. «Особый суд» доказал причастность подсудимых к жестоким расправам. Однако он не затронул роли Мао Цзэдуна.

Как признавала китайская печать, «в последний период сво-

ей жизни, особенно во время начатой по его инициативе и руководимой им великой культурной революции», Мао Цзэдун совершил «ошибки», что «принесло большое несчастье партии и народу». Однако, как говорилось в статье «специального обозревателя» «Жэньминь жибао», «эти ошибки в корне отличаются от заговорщической деятельности контрреволюционных группировок Линь Бяо и „банды четырех“»[45]. В печати заявлялось, что трудно провести грань между «контрреволюционными преступлениями» и «политическими ошибками», поскольку «контрреволюционные преступления Линь Бяо, Цзян Цин и их приспешников переплелись с ошибками руководства»[46]. Материалы судебного разбирательства использованы для выработки новой оценки «культурной революции».

В ходе процесса косвенной критике подвергался также Хуа Гофэн как один из организаторов подавления массовой манифестации на площади Тяньаньмэнь в апреле 1976 г. В то же время была подвергнута резкой критике пропаганда культа личности, которая, как указывалось, «проводилась одно время после разгрома „банды четырех“»[47]. В данном случае подразумевался существовавший в Китае в течение нескольких лет культ личности Хуа Гофэна.

Процесс в Пекине показал наличие серьезных разногласий в китайском руководстве. Фактически судебное рассмотрение дел десяти обвиняемых завершилось к концу декабря 1980 г. Однако для вынесения согласованного решения суда о мерах наказания потребовался еще почти месяц. В это время китайская печать вновь стала подчеркивать, что в стране происходит «классовая борьба», а «обстановка стабильности» еще не достигнута[48].

При вынесении окончательного приговора 25 января 1981 г. к высшей мере наказания — смертной казни с отсрочкой исполнения приговора на два года — были приговорены Цзян Цин и Чжан Чуньцяо[49]. Первая активно оспаривала обвинительное заключение и, в свою очередь, бросала судьям и прокурорам обвинения в «ревизионизме» и «предательстве». Второй упорно молчал. В отличие от них частично признавшиеся в совершении указанных обвинителями преступлений Ван Хунвэнь и Яо Вэньюань были приговорены соответственно к пожизненному и 20-летнему лишению свободы, а Чэнь Бода — к 18-летнему сроку заключения. Суровые меры наказания в виде лишения свободы на срок от 16 до 20 лет были объявлены пяти бывшим военачальникам — сторонникам Линь Бяо[50].

[1] «Гуанмин жибао», 20.VIII.1980.
[2] «Жэньминь жибао», 21.V.1981.
[3] «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1981», с. 107, 189—190.
[4] См.: «Жэньминь жибао», 10.I, 2.III.1980; «Хэйлунцзян жибао», 3.III.1980; «Нунъе цзисе». 1980, № 3, с. 5.
[5] «Жэньминь жибао», 5.XI.1980.
[6] «Лилунь юй шицзянь». 1980, № 2, с. 32.

[7] «Жэньминь жибао», 29.XI.1979.
[8] «Гуанмин жибао», 21.VI.1980.
[9] «Beijing review». 1980, № 28, с. 3.
[10] «Гуанмин жибао», 11.IX.1980.
[11] «Жэньминь жибао», 9.X.1980.
[12] См.: «Гуанмин жибао», 3.X.1980; «Жэньминь жибао», 9.X.1980.
[13] «Хунци». 1980, № 15, с. 40.
[14] «Гуанмин жибао», 25.IX.1980.
[15] «Жэньминь жибао», 9.X.1980.
[16] «Гуанмин жибао», 1.XI.1980.
[17] «Жэньминь жибао», 14.VIII.1980.
[18] «Жэньминь жибао», 24.X.1980. Еще в 1979 г. были созданы Всекитайские общества по изучению цивилизации народов Центральной Азии, истории Монголии, теории нации. Кроме того, возобновили работу всекитайские ассоциации по исламу и буддизму (см. раздел «Религия»)
[19] См., например: «Жэньминь жибао», 7.IV, 15.VII. 1980.
[20] «Жэньминь жибао», 15.VII.1980.
[21] «Жэньминь жибао», 11.IX.1980.
[22] «Жэньминь жибао», 10.IX.1980.
[23] «Жэньминь жибао», 31.VIII.1980.
[24] «Жэньминь жибао», 16.IX.1980.
[25] Там же.
[26] «Жэньминь жибао», 31.XII.1979; «Хунци». 1980, № 1, с. 2—14. Согласно утверждениям автора одной из статей, посвященных этому докладу, он в свое время (в 1958 г.) не был опубликован вследствие уклончивой позиции Чэнь Бода, бывшего тогда главным редактором «Хунци», и некоего «авторитета в теории» (см.: «Хунци». 1980, № 1, с. 24—28).
[27] «Жэньминь жибао», 11.XI.1980.
[28] «Жэньминь жибао», 5.IX.1980.
[29] Там же.
[30] «Жэньминь жибао», 12.IX.1980.
[31] «Жэньминь жибао», 5.IX.1980.
[32] «Жэньминь жибао», 27.V.1980.
[33] «Жэньминь жибао», 31.V.1980
[34] «Хунци». 1980, № 15, с. 2—8.
[35] «Жэньминь жибао», 23.VI.1980.
[36] См.: «Жэньминь жибао», 8, 16, 23, 24.VI, 2, 5, 14.VII.1980.
[37] «Жэньминь жибао», 10.IX.1980.
[38] «Жэньминь жибао», 6.IX.1980.
[39] «Жэньминь жибао», 9.IX.1980.
[40] «Жэньминь жибао», 30.IX.1980.
[41] «Жэньминь жибао», 28.IX.1980.
[42] Там же.
[43] «Жэньминь жибао», 26.I.1981.
[44] «Жэньминь жибао», 21.XI.1980.
[45] «Жэньминь жибао», 22.XII.1980.
[46] «Гуанмин жибао», 22.XII.1980.
[47] «Жэньминь жибао», 17.XII.1980.
[48] «Жэньминь жибао», 17.I.1981; «Гуанмин жибао», 18.I.1981.
[49] В январе 1983 г. палата по уголовным делам Верховного народного суда КНР приняла решение о замене смертного приговора Цзян Цин и Чжан Чуньцяо на бессрочное заключение («Жэньминь жибао», 26.I.1983).
[50] «Жэньминь жибао», 26.I.1981.

ЭКОНОМИКА

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

В 1979 г. планы ускоренного развития народного хозяйства были заменены курсом на его урегулирование. Для повышения эффективности общественного производства в 1980 г. начали осуществляться мероприятия, способствующие усилению децентрализации экономики, активно проводилась реформа по расширению хозяйственной самостоятельности предприятий, поощрялось расширение единоличного сектора, развитие рыночных начал и конкуренции.

В целом в КНР была дана положительная оценка итогов экономического развития страны в 1980 г. На 3-й сессии ВСНП в 1980 г. отмечалось, что «план 1980 г. успешно выполняется, плановые показатели валовой продукции промышленности и сельского хозяйства могут быть перевыполнены... важнейшие пропорции в народном хозяйстве становятся гармоничнее» [1]. Однако конкретный анализ развития китайской экономики в 1980 г. показал, что положение оставалось сложным.

В условиях значительной перестройки отраслевой и социальной структуры народного хозяйства в нем выявились новые диспропорции. Постоянно растущее население страны недостаточно обеспечивалось потребительскими товарами. В речи на совещании кадровых работников в Пекине (16 января 1980 г.) Дэн Сяопин подчеркнул, что «в течение более чем двадцати лет центр тяжести работы никогда не перемещался по-настоящему на экономическое строительство, и поэтому в народном хозяйстве скопилось очень много проблем» [2].

Одной из них явился значительный дефицит государственного бюджета. В 1979 г., судя по данным, приведенным в докладе министра финансов КНР Ван Бинцяня на 3-й сессии ВСНП, он составил 17 млрд. юаней [3], а в 1980 г. запланированный показатель дефицита (8 млрд. юаней), как явствует из сообщения председателя Госплана КНР Яо Илиня в марте 1981 г., был превышен и составил 12,1 млрд. юаней [4].

Китайская печать, подводя итоги народнохозяйственного развития страны в 1980 г., вынуждена была констатировать, что «экономика КНР сталкивается с угрозой серьезного финансово-экономического кризиса, выражавшегося в огромном бюджетном дефиците, продолжающейся инфляции и росте цен» [5]. Проведение курса на урегулирование во многом тормозилось

тем противодействием, которое ему оказывали определенные круги кадровых работников в центре и на местах. «Многие представители центральных и низовых органов, особенно в сфере экономики, — отмечала „Жэньминь жибао“, — недостаточно уяснили этот курс и не приложили достаточно усилий для его осуществления»[6]. Такая позиция части хозяйственных руководителей усугубила общие просчеты в экономической стратегии. В этих условиях было принято решение продлить урегулирование еще на несколько лет, что означало значительный пересмотр принятой в 1978 г. на 1-й сессии ВСНП программы «четырех модернизаций».

В 1980 г. произошло дальнейшее снижение темпов роста и изменение пропорций в народном хозяйстве КНР. Был сделан упор на опережающий рост отраслей промышленности, производящих предметы потребления, и предпринята попытка достичь этого в значительной мере за счет активизации деятельности предприятий коллективной собственности, а также переключения части мощностей тяжелой промышленности на производство товаров широкого потребления.

Такая перестройка экономической структуры привела к уменьшению использования современных производственных мощностей промышленности группы «А». К тому же она значительно усложнила сырьевую проблему для многих отраслей группы «Б». Все это в конечном счете вызвало сокращение производства в ряде отраслей народного хозяйства КНР: угольной, нефтяной, энергетике, сельскохозяйственном машиностроении.

Жизненный уровень трудящихся масс рос медленными темпами. Несмотря на то что в 1980 г. увеличились доходы крестьян (в результате повышения закупочных цен на продукцию сельского хозяйства) и заработная плата некоторых категорий рабочих и служащих (вследствие соответствующей реформы), реальные доходы значительной части населения снизились из-за роста розничных цен практически на все потребительские товары, за исключением зерна (подробнее см. раздел «Материальное положение трудящихся»). В конце года были приняты специальные меры по контролю над рынком, чтобы ограничить безудержный рост цен, контрабанды и спекуляции[7].

В 1980 г. в КНР продолжала сохраняться безработица. Проблеме занятости уделялось серьезное внимание: с середины 1978 г. было устроено на работу около 20 млн. человек[8]. Однако отмеченные выше сдвиги в экономической политике привели к тому, что число рабочих мест на крупных предприятиях государственного сектора оставалось весьма ограниченным и росло медленно. Большое число окончившей среднюю школу городской молодежи не могло найти себе работу. Большинство из них направлялись на предприятия коллективной собственности в промышленности, торговле, общественном питании, коммунальном хозяйстве и в сфере услуг. Около 70—80% тру-

доустроенных в 1979—1980 гг. получили работу на таких предприятиях [9]. Однако, как правило, работа там носила сезонный характер, и с ее окончанием вновь пополнялась армия безработных; уровень заработной платы на этих предприятиях был значительно ниже, чем на государственных; рабочие не пользовались государственной системой социального страхования.

Продолжались попытки осуществить экономическую реформу, один из главных моментов которой состоял в расширении хозяйственной самостоятельности предприятий. К середине года проводимым экспериментом были охвачены более 6,6 тыс. промышленных предприятий [10]. Кроме того, эти методы начали внедрять и в других отраслях — сельском хозяйстве, финансах, торговле. Однако экономическая реформа натолкнулась на целый ряд трудностей. Децентрализация управления (даже в ограниченных масштабах) вызвала ряд негативных явлений — усиление анархии производства, бесконтрольный рост цен, нарушение плановой и финансовой дисциплины и т. п. Кроме того, дальнейшему распространению эксперимента препятствовало несовершенство экономического законодательства и отсутствие достаточного количества опытных управленческих кадров.

Поэтому на 3-й сессии ВСНП не были определены конкретные сроки и масштабы дальнейшего распространения экономической реформы и лишь отмечалось, что «она может быть развернута после дальнейшего обследования, обобщения [отечественного] опыта и изучения положительного опыта за рубежом» [11]. Однако к концу года стало ясно, что экономическая реформа пока не принесла желаемых результатов.

С ее проведением было неразрывно связано и развитие конкуренции, которая, как считали в КНР, возможна и в рамках государственного сектора, и между предприятиями, основанными на различных формах собственности. Для стимулирования конкуренции между предприятиями и создания соответствующих условий предполагалось осуществлять рыночное регулирование, направляемое государственным планом. При этом число показателей, не входящих в государственный план, должно было постепенно возрастать [12]. К концу 1980 г., конкуренция между предприятиями стала возводиться в ранг государственной экономической политики. Был принят документ «Временные правила о развертывании и защите социалистической конкуренции», в котором проводилась мысль, что «конкуренция развивается на основе общественной собственности на средства производства, на основе государственного плана и служит экономике социализма» [13].

С целью привлечения средств для развития экономики был предпринят ряд шагов, направленных на укрепление смешанных предприятий, основанных на партнерстве китайского и иностранного капитала. Так, на 15-й сессии Постоянного комитета ВСНП 5-го созыва в августе 1980 г. было одобрено поста-

новление об «особых экономических зонах» в пров. Гуандун (подробнее см. раздел «Внешнеэкономические связи»).

Проведение в 1980 г. политики урегулирования не ослабило напряженности в экономике КНР. Ее состояние характеризовалось ростом инфляции, безработицей, усилением диспропорций. По-прежнему не была решена проблема обеспечения растущего населения страны основными жизненными средствами — питанием, одеждой, жильем.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА

Реорганизация хозяйственного механизма КНР в 1980 г. шла по двум направлениям, условно названным в китайской печати «вертикальным» и «горизонтальным»[14]. Главная задача «вертикальной» реорганизации — поиск таких форм перераспределения национального дохода в пользу сектора экономики центрального подчинения, которые обеспечивали бы форсированное наращивание основного промышленного потенциала страны (в частности, военных отраслей). «Горизонтальная» реорганизация призвана была обеспечить существенную децентрализацию развития производительных сил местного гражданского сектора экономики. При этом «множественность форм хозяйственного управления и многоукладность экономики, одновременное и длительное... существование различных, в том числе „полусоциалистических и несоциалистических", укладов рассматривались... как наиболее целесообразный путь развития экономики Китая»[15].

Как считали многие китайские экономисты, успешное взаимодействие различных экономических укладов в рамках единого народнохозяйственного механизма не могло быть обеспечено системой централизованного директивного планирования. Выход из положения они видели на пути определенного развития рыночных отношений. Поэтому одна из основных задач, которые ставились при реорганизации хозяйственного механизма КНР в 1980 г., состояла в том, чтобы обеспечить «сочетание плана и рынка». «Отечественный и зарубежный опыт экономического строительства свидетельствует, — писал, например, видный китайский экономист Ван Мэнкуй, — что в условиях низкого уровня развития производительных сил, культурной отсталости населения, распыленности и многоукладности экономики, нехватки современных средств связи и вычислительной техники единый всеобъемлющий народнохозяйственный план нецелесообразен. Более того, он противоречит задаче обеспечения пропорциональности. Опыт и уроки истории говорят в пользу сочетания планового регулирования с рыночным»[16].

Ориентация на рынок, в свою очередь, требовала определенной хозяйственной самостоятельности предприятий. Ее расширение являлось отправным моментом и главным звеном реор-

ганизации хозяйственного механизма, связывающим «вертикальное» и «горизонтальное» направления.

«Вертикальный разрез» реорганизации предполагал изменение организационной структуры управления. К образованным ранее государственным комитетам (капитального строительства, по делам сельского хозяйства, машиностроения) в 1980 г. был добавлен Государственный комитет энергетики. Эти комитеты разрабатывали программы мероприятий по реорганизации хозяйственного механизма в соответствующих сферах экономики.

Важнейшее значение в «вертикальной» реорганизации придавалось упорядочению финансовой системы путем более четкого разделения обязанностей между различными финансовыми органами. Предполагалось увеличить долю централизованных поступлений государственного бюджета до 40% (по сравнению с 15% в 1978 — 1979 гг.). Решению этой задачи способствовало возвращение значительного числа предприятий в центральное подчинение.

В 1980 г. продолжалось формирование среднего звена управления — специализированных компаний, общее число которых уже к началу 1981 г. составляло 1983. В них вошло более 19 300 предприятий, а также 3400 хозяйственных объединений других типов [17].

К сентябрю 1980 г. насчитывалось 6600 предприятий, которым была предоставлена широкая хозяйственная самостоятельность. Они давали около половины промышленной продукции страны и около ²/₃ прибыли, получаемой в промышленности [18]. Им было предоставлено право в определенных рамках корректировать основные плановые показатели и уменьшать их обязательное число до трех: объем продукции (при соблюдении определенного качества и ассортимента), прибыль, договорные обязательства [19]. После выполнения плана по основным показателям экспериментальные предприятия могли формировать свои собственные фонды за счет части плановой и сверхплановой прибыли. Подобная система распределения прибыли трактовалась как установление зависимости между интересами государства, предприятия и отдельного труженика. Прибыль рассматривалась как основной показатель эффективности проводимых мероприятий.

В 1980 г. из общей суммы прибыли экспериментальных предприятий через различные виды платежей (с использованием разнообразных методов отчисления от прибыли) 87% было перечислено в государственный бюджет, 3% пошло на покрытие кредитов и субсидий и лишь 10% было оставлено на предприятиях для формирования собственных фондов [20].

С 1980 г. система отчислений прибылей в бюджет стала заменяться в экспериментальном порядке взиманием подоходного налога с некоторых предприятий. Важную роль стали также играть финансовые платежи налогового типа, связанные с

объемом используемых экономических ресурсов. Так, в 1980 г. было принято решение ввести налог на основные фонды, а также выплату процентов за кредиты, предоставленные предприятиям на оборотные фонды [21]. Ставка налога на основные фонды в 1980 г., равно как и методы их исчисления, еще не была окончательно определена. Это объяснялось тем, что инвентаризация производственных фондов, которую предполагалось провести в 1979—1980 гг., не была завершена.

Из прибыли формировались три собственных фонда предприятий: фонд развития производства, фонд материального поощрения (премиальный) и тесно примыкающий к нему фонд социально-бытового назначения. Причем не менее 60% прибыли, оставляемой на предприятиях, следовало направлять на развитие производства, а фонды материального стимулирования не должны были превышать 40%.

Некоторым предприятиям в экспериментальном порядке было предоставлено право через посредничество соответствующих государственных организаций вести переговоры с иностранными фирмами и заключать контракты на экспорт продукции, а также право на получение валюты и использование ее для закупок новой техники за рубежом [22].

Администрация получила возможность свободнее распоряжаться рабочей силой. В частности, руководству экспериментальных предприятий было разрешено как премировать, так и налагать взыскания за нарушение трудовой дисциплины — производить вычеты из зарплаты, снижать ставки, увольнять с работы и т. д.

В рамках «горизонтальной» реорганизации создавались условия для расширения хозяйственной самостоятельности предприятий. Во многих районах страны стали работать «ярмарки по обмену материальными ресурсами», оптовые рынки, торговые центры, где можно было приобрести не только предметы потребления, но и средства производства. Делались попытки в той или иной мере изменить централизованно установленные цены.

Взаимоотношения между предприятиями различных отраслей строились на основе прямых хозяйственных договоров не только на поставку продукции, но и на другие хозяйственные операции: строительно-монтажные и проектно-конструкторские работы, грузовые перевозки и т. д. При этом система хозяйственных договоров, рассматриваемая как основа для формирования плана, в определенной степени противопоставлялась директивному централизованному планированию. Выдвигалось требование вообще отказаться от утверждения плана предприятия соответствующими государственными органами, а сохранить контроль государства лишь над основными его показателями.

Расширение прав предприятий, усиление их экономической самостоятельности требовали большей свободы хозяйственного

маневра, что вело к повышению роли банковского кредита в экономическом механизме страны. Для регулирования отношений между государством, предприятиями и отдельными работниками необходимо было развивать экономическое законодательство и арбитраж.

Несмотря на многочисленные сообщения китайской печати об успехах экономических реформ, новая система управления в 1980 г. не получила широкого распространения. Предпринимаемые меры имели во многом экспериментальный характер. На 3-й сессии ВСНП, как уже отмечалось выше, не были указаны конкретные сроки завершения перевода всех предприятий на новую систему управления.

Для экспериментальных предприятий наряду с трудностями, связанными с их обособленностью от всего народнохозяйственного механизма, не готового к контактам с такими инородными для его нынешнего состояния хозяйственными единицами, существовал и ряд внутренних проблем. К ним относилась прежде всего организационная, профессиональная и психологическая неподготовленность кадров к управлению экспериментальными предприятиями, многие из которых оставались «неупорядоченными»[23]. Руководители предприятий зачастую просто не знали, каким же образом использовать увеличенные фонды, которые в результате лежали мертвым грузом. Особенно много проблем возникало с фондом развития производства. В условиях ограниченности ресурсов предприятия не имели возможности приобрести сырье и материалы через централизованные каналы. Кроме того, фонд развития производства направлялся обычно на расширение выпуска продукции не остро необходимой всему народному хозяйству, а наиболее рентабельной. В использовании фондов материального стимулирования повсеместно отмечалась тенденция к уравниловке.

При определении квоты отчислений от прибыли было недостаточно учтено разнообразие норм прибыли в различных отраслях производства, что, в свою очередь, привело к возникновению целого комплекса сложностей, связанных с политикой ценообразования. Поэтому одной из самых насущных мер в реорганизации хозяйственного механизма страны стала реформа оптовых цен.

На 3-й сессии ВСНП была сделана попытка стимулировать реорганизацию, на ней отмечалось, «что постепенная реформа ныне действующей системы управления экономикой, включая расширение самостоятельности предприятий в области хозяйственного управления, — это курс, уже окончательно определенный партией и государством»[24]. Однако многие хозяйственные работники, совершенно не представляя себе экономической сути проводимых мероприятий, рассматривали их лишь как очередную политическую кампанию. Некоторые из них понимали, что нововведения затрагивают их социальные интересы, поскольку подразумевают для них не «гарантированную оплату

за занимаемый пост», а необходимость энергично заниматься хозяйственной деятельностью. Не желая этого делать или не обладая нужными способностями, они иногда в открытой форме, а чаще всего скрытно мешали реорганизации хозяйственного механизма[25].

В целом весь комплекс намеченных изменений являлся явно недостаточным для приспособления к реальным условиям воспроизводства. Китайская печать отмечала в данной связи «несогласованность отдельных элементов реформы», «отсутствие единого плана ее проведения»[26].

Невыполнение заданий по снижению себестоимости промышленной продукции и сокращению убыточности предприятий наряду с отмеченными моментами привели к тому, что главная цель реорганизации — увеличение прибыли, отчисляемой государству, — не была достигнута. Более того, в 1980 г. этот показатель по государственным предприятиям сократился на 13% по сравнению с 1979 г.[27].

Поэтому дальнейшее распространение реорганизации было, по существу, замедлено. С конца ноября 1980 г. на страницах печати КНР уменьшилось число публикаций, пропагандирующих экономическую реформу. Вновь развернулась дискуссия о том, следует ли проводить реорганизацию хозяйственного механизма до завершения урегулирования и создания необходимых предпосылок. Рабочее совещание ЦК КПК (декабрь 1980 г.), указав, что прежняя система управления является «тормозом в развитии производительных сил», подтвердило целесообразность реорганизации, но «очень осторожной». Элементы реформы предполагалось внедрять по мере их подготовки. К широкомасштабной же всеобщей реорганизации рекомендовалось приступить лишь тогда, когда будет в основном завершено урегулирование народного хозяйства.

* * *

В 1980 г. предполагалось также обеспечить улучшение управления сельским хозяйством и упорядочить организацию госхозов и народных коммун. Особенно важной считалась проблема совершенствования управления в государственном секторе сельского хозяйства, где 48% госхозов были убыточны.

В конце 70-х — начале 80-х годов основной задачей ряда зерноводческих госхозов оставалось повышение товарности, которая не превышала 30%. К примеру, из-за слабой организации труда и неумелого управления положение в государственных хозяйствах пров. Хэйлунцзян было неустойчивым. Госхозы работали с прибылью только первые семь лет (1949—1956)[28]. Если доля товарного зерна в госхозах в 1957 г. составляла 45%, то в 1979—1980 гг. она снизилась до 25%[29].

На 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.) были на-

мечены основные направления совершенствования системы управления сельским хозяйством. Печать КНР отмечала необходимость в ближайшие несколько лет «превратить полностью механизированные экспериментальные уезды, а также госхозы прежде всего провинций Ляонин, Хэйлунцзян, городов Пекина, Тяньцзиня, Шанхая и других в высокопроизводительные хозяйственные единицы с развитыми сельским хозяйством, торговлей и промышленностью»[30].

Создание агро-промышленно-торговых комплексов (АПТК) в 1979—1980 гг. связано в значительной степени со стремлением согласовать основные методы претворения в жизнь принципа «опоры на собственные силы» при организации производства с некоторыми современными формами управления сельским хозяйством ряда стран (США, Югославии, Франции и др.).

Китайская печать называла главной задачей АПТК «сокращение издержек в сельскохозяйственном и промышленном производстве, повышение эффективности производства сельскохозяйственной продукции»[31]. Основным же стимулом для экспериментов в области управления было стремление создать такую структуру АПТК, которая способствовала бы удовлетворению потребностей промышленности в сырье и производству экспортных товаров.

Как указывала китайская печать, для развития системы интегрированных предприятий инвестиционной компанией, созданной в 1980 г., госхозам, объединенным в АПТК, были выданы долгосрочные кредиты (до 1985 г.).

Долгосрочная программа развития АПТК предусматривала создание в начале 80-х годов «независимых фондов»: предприятия сами учитывали свои доходы и расходы, покрывая за счет прибылей убытки.

Первый АПТК был создан в зоне Чунцина, в рамках «сычуаньского эксперимента» (о нем подробно говорилось в нашем предыдущем ежегоднике). В него были включены 22 госхоза и 2 производственные компании. В 1980 г. в Чунцинском АПТК работало более 9 тыс. человек, имелось 270 га пашни, 1000 га плантаций чая и ананасов, 9700 га водной поверхности для рыборазведения. Главные продукты производства — молоко, фрукты, чай, рыба; однако $^3/_4$ валового дохода АПТК давали предприятия перерабатывающей промышленности.

В Чунцинском АПТК каждый участвующий в нем госхоз 50% прибыли, полученной от продажи сельскохозяйственной продукции, отчислял АПТК (указанные средства шли главным образом на расширение производства). Что касается сверхплановой прибыли, то от нее в пользу АПТК перечислялось 20%. Это создавало определенную заинтересованность работников в результате своего труда, о чем свидетельствуют данные, характеризующие деятельность Чунцинского АПТК в 1976—1979 гг.[32]:

Год	Налог, выплачиваемый государству, тыс. юаней	Убытки, тыс. юаней	Прибыль, тыс. юаней	Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих, юани	Среднегодовая премия на конец года, юани
1976	460	3470	—	40	—
1977	700	1460	—	45	—
1978	980	—	40	50	50
1979	1250	—	1700	53	74
1980	2000	—	2200	80	100

Однако рост объемов производства и соответственно доходов работников наталкивался на общую отсталость системы сбыта, доставки и реализации продукции (множество посреднических организаций, отказ транспортников перевозить продукцию АПТК на рынок и т. д.). Эти трудности отмечала зарубежная печать. Так, швейцарская пресса выражала сомнение в том, что интегрированные крупные хозяйства типа Чунцинского АПТК «будут оправданы экономически, за исключением тех случаев, когда им создаются особые условия» [33].

Именно такой путь и был избран: ряд хозяйств был поставлен в особо привилегированные условия. Они обеспечивались импортированной из капиталистических стран техникой, что позволяло внедрять соответствующие методы производства и управления. На этой основе была создана, в частности, «экспериментальная база» в пров. Хэйлунцзян. Особое внимание уделялось госхозу «Дружба», оснащенному американской техникой. Его пример, по мысли организаторов, должен был служить свидетельством необходимости экономического сближения с США и использования методов производства, применяемых на американских фермах [34].

Однако на деле оказалось, что обработка 1 му пашни с помощью американской техники обходилась в 103 юаня, а при применении китайской техники — не более чем в 20 юаней. Стоимость полученного зерна при использовании техники, доставленной из США, не покрывала затраты на удобрения, горючее и т. д. [35].

С помощью капиталистических стран были созданы первые экспериментальные АПТК в «особых экономических зонах» в провинциях Гуандун и Фуцзянь. Они в основном производили сельскохозяйственную продукцию, предназначенную для экспорта в Гонконг и Макао [36].

В январе 1980 г. на базе трех госхозов был организован первый в Гуанчжоу Байюаньский АПТК [37]. Он включал ряд промышленных и торговых предприятий и несколько сельскохозяйственных бригад, оснащенных современной техникой, в частности Байюаньскую птицеферму, для строительства которой использовалось оборудование из США [38]. В дальнейшем, после включения в комплекс новых хозяйственных единиц, он был преобразован в производственную компанию Гуанчжоу.

В ведение ее правления входят вопросы рабочей силы, финансов, материальных ресурсов, снабжения, производства и сбыта [39].

В ряде пограничных районов Северо-Западного Китая хозяйства производственно-строительного корпуса были преобразованы в АПТК с целью создания крупных военно-хозяйственных комплексов для снабжения воинских частей. Однако не везде дела пошли успешно. Например, уровень хозяйственной деятельности АПТК «Шихэцзы» (СУАР) был крайне низким, его предприятия продолжали работать с убытками [40].

В 1978—1980 гг. в провинциях Сычуань, Хубэй, Цзянсу, Ляонин, Хэйлунцзян, пригородах Шанхая, Пекина, Тяньцзиня, Гуанчжоу было организовано более 200 крупных аграрно-промышленно-торговых комплексов [41].

Они создавались различными методами: в результате слияния нескольких предприятий, подведомственных министерству освоения целинных земель или Главному управлению госхозов; путем установления межхозяйственных связей госхозами и близлежащими народными коммунами и производственными бригадами; объединением (в той или иной степени) госхозов с промышленными и торговыми предприятиями других министерств.

К 1981 г. 209 АПТК были созданы на базе 963 госхозов (44% их общего числа) [42]. Китайская печать отмечала определенный рост экономической эффективности этих объединений и призывала народные коммуны и производственные бригады следовать их примеру [43].

Подчеркивалось, что объединения госхозов «должны исходить из интересов государства, а не только из своих собственных, подчиняться государственному планированию, не допускать соперничества с другими предприятиями из-за сырья. Объединениям следует развивать обрабатывающую промышленность, опираясь при этом на собственные силы» [44].

21 апреля 1980 г. «Жэньминь жибао» опубликовала выступление премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна, где, давая характеристику «сычуаньского эксперимента», он отметил возникновение серьезных противоречий между новшествами в области управления, связанными с созданием АПТК, и общей отсталостью системы организации производства в сельском хозяйстве страны.

В целом новые формы организации сельского хозяйства не получили широкого развития. По сообщениям китайской печати, это произошло из-за столкновения экономических интересов предприятий, входящих в АПТК, применения административно-принудительных методов хозяйствования, противоречащих экономическим принципам управления, недостаточного учета местных условий в формировании АПТК и т. д. [45].

В 1980 г. в китайской печати продолжалась дискуссия о статусе сельских народных коммун. Ряд экономистов продолжали

критиковать систему коммун, объединяющую «власть и обобществление».

Некоторые китайские экономисты предлагали ликвидировать систему народных коммун и преобразовать производственные бригады в «сельские производственные кооперативы» [46]. В ряде районов страны проводились эксперименты с целью разделения административных и хозяйственных функций народных коммун, усиления роли мелких хозяйственных единиц.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД

В 1980 г. китайская печать после долгого перерыва начала публиковать данные не только о темпах роста, как в предыдущие годы, но и о величине национального дохода, отражающей в стоимостном виде итог народнохозяйственной деятельности.

Первые сведения, приведенные ГСУ КНР об этом показателе, касались 1979 г. Сначала он был определен в 337 млрд. юаней (прирост против предыдущего года в 7%) [47], позже эта цифра была пересмотрена и снижена до 335 млрд. юаней [48]. По первоначально опубликованным данным, национальный доход КНР за 1980 г. возрос до 363 млрд. юаней [49], уточненный показатель составил 366,7 млрд. юаней [50]. Годовой прирост в неизменных ценах 1970 г. равнялся 6,9% [51], в текущих ценах — 9,5%. Следовательно, увеличение стоимости национального дохода вызвано не только увеличением его объема в натуральной форме (т. е. развитием производства в стране), но и повышением цен. Определяемые, как правило, на основе текущих цен душевые показатели национального дохода и темпы их роста оказываются несколько завышенными: в 1979 г.— 343,4 юаней, в 1980 г.— 371,5 юаней, прирост за год — примерно 8,2%.

Оценивая уровень экономического развития КНР на основании данных об объеме валового внутреннего продукта, китайская печать отмечала, что по этому показателю Китай уступает США в 11,2 раза, СССР — в 7,5, ФРГ — в 3,1 раза. Еще более очевидно реальную неразвитость китайской экономики демонстрирует размер национального дохода на душу населения. Его крайне низкий уровень (215—223 долл.) поставил Китай ниже 100-го места в мире, т. е. рядом с наименее развитыми странами [52].

Таким образом, даже только количественные показатели народного хозяйства КНР, не говоря уже о качественной его характеристике, свидетельствуют о чрезвычайно сложных задачах по преодолению экономической отсталости. Тем не менее в китайской прессе за 1980 г. все еще встречались утверждения, что по показателю национального дохода Китай собирается выйти на уровень 1000 долл. на душу населения уже к концу текущего столетия.

Печать КНР публикует ограниченное число стоимостных по-

казателей, как правило, без соответствующих комментариев, в малопригодном для сопоставления виде. Так, темпы роста национального дохода рассчитываются в сопоставимых ценах, а его объемы — в текущих. Учет же валовой продукции промышленности и сельского хозяйства ведется в сопоставимых ценах, что делает невозможным прямое сравнение этих данных с национальным доходом. Полностью отсутствовали стоимостные показатели по другим отраслям экономики (строительство, транспорт и связь, торговля, материально-техническое снабжение, заготовки и пр.), что затрудняло оценку структурных сдвигов в народном хозяйстве КНР. Согласно последним данным, на долю промышленности в национальном доходе в 1980 г. приходилось около 46%, сельского хозяйства — 40, остальных отраслей — менее 15% [53]. Необходимо отметить, что увеличение промышленного производства, повышающее его удельный вес в создании национального дохода, в 1979—1980 гг. происходило главным образом за счет, с одной стороны, легкой промышленности, а с другой — дальнейшего умножения числа мелких местных кустарных и полукустарных предприятий, в то время как крупные из-за нехватки сырья, топлива и энергии периодически простаивали или работали не на полную мощность.

Национальный доход, использованный на потребление и накопление, также характеризует экономическое развитие страны. Его объем в фактических ценах отличается от произведенного национального дохода (как суммы чистой продукции отраслей материального производства) на величину возмещения потерь и внешнеторгового сальдо. В докладе Яо Илиня на 3-й сессии ВСНП 5-го созыва впервые были приведены абсолютные данные по этому показателю. За 1979 г. он, по словам докладчика, составил 333,1 млрд. юаней, а его составные части — фонды потребления и накопления — 221,1 млрд. юаней (66,4%) и 112 млрд. юаней (33,6%) соответственно [54]. Указанные цифры впоследствии были уточнены: национальный доход — 335,6 млрд. юаней, фонд потребления — 219,5 млрд., фонд накопления — 116,1 млрд. юаней; норма накопления оказалась более высокой, нежели предполагалось ранее, — 34,6%. В 1980 г. использованный национальный доход равнялся 368,6 млрд. юаней, норма накопления понизилась до 31,6% [55].

На протяжении всего 1980 года в КНР широко обсуждался вопрос о норме накопления. Опираясь на анализ 30-летнего развития, китайские ученые, экономисты, государственные деятели констатировали несостоятельность политики чрезмерных накоплений как основы высоких темпов экономического роста. По признанию «Жэньминь жибао», результатом крайне завышенной доли накопления было не ускорение темпов, а как раз наоборот — замедление и даже торможение экономического развития [56]. В качестве причин такого положения помимо «подрывной деятельности Линь Бяо и банды четырех» назывались:

а) снижение трудовой активности населения вследствие низ-

кой оплаты труда, ограниченные возможности повышения которой обусловлены высокой нормой накопления при низких душевых показателях производства национального дохода;

б) резкое несоответствие между большими масштабами капитального строительства, с одной стороны, и необеспеченностью его материалами и фондами — с другой, многократное возрастание потерь, громадное омертвление фондов (если в годы первой пятилетки на сооружение одного большого или среднего объекта уходило в среднем 6 лет, то начиная с четвертой пятилетки — в среднем 11,5 года) [57];

в) нерациональная структура использования фонда накопления (например, с 1970 по 1979 г. используемый национальный доход увеличился на 93%, фонд накопления — на 200%, а расходы на основные фонды в капитальном строительстве снизились до 64,7% по сравнению с 83,7% в годы первой пятилетки), причем акцент на тяжелую промышленность в распределении капитальных вложений вызвал ослабление позиций легкой промышленности и сельского хозяйства, т. е. произошло нарушение пропорции между «скелетом» и «мясом» [58];

г) падение эффективности использования фонда накопления и капитальных вложений (за 21 год, начиная с 1958 г., общий объем инвестиций в капитальное строительство составил более 500 млрд. юаней, а стоимость введенных в строй за тот же период основных фондов достигла лишь 300 млрд. юаней [59]; в целом эффективность использования накоплений в 70-е годы составила почти половину уровня первой пятилетки [60]).

В печати неоднократно подчеркивалась зависимость темпов роста экономики не только от уровня накопления, но и от эффективности его использования. При этом в качестве образца справедливо назывался пример первой пятилетки, когда при сравнительно невысокой доле накопления (23—25%) были обеспечены как высокие темпы экономического роста, так и значительное повышение жизненного уровня населения.

Достижение пропорции между потреблением и накоплением на уровне 75 : 25 объявлено первостепенной задачей нынешнего этапа урегулирования экономики. В соответствии с этим курсом доля накопления в 1980 г. была снижена.

Как и в начале 60-х годов, после «большого скачка», процесс урегулирования экономики сопровождается в целом снижением темпов народнохозяйственного развития. Если относительно значительный прирост национального дохода в 1977 и 1978 гг. (по последним официальным китайским данным — на 8,3 и 12,3% соответственно [61]) представлял собой результат восстановительных процессов в народном хозяйстве, то более низкие показатели развития за 1979—1980 гг. явились следствием реальных условий, в которых оказалась экономика КНР. Тенденция к понижению темпов экономического роста, наметившаяся в 1979 г., более заметно проявилась в 1980 г. Существовавшие воспроизводственные и отраслевые диспропорции —

между потреблением и накоплением, промышленностью и сельским хозяйством, капитальным строительством и финансовыми средствами — создавали серьезные препятствия для поддержания высоких темпов развития. Кроме того, вследствие возникшего серьезного дефицита государственного бюджета за 1979 и 1980 гг. в Китае в 1980 г. сложилась такая ситуация, когда общая сумма средств, использованных на потребление и накопление, оказалась по объему выше произведенного национального дохода. Не случайно в сложившейся ситуации было решено продлить его урегулирование, а темпы роста национального дохода на предстоящий период планировать на уровне не более 4—5%.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Прирост валовой промышленной продукции составил в 1980 г. 8,7%. Развитие промышленности, особенно тяжелой, происходило за счет отраслей, достигнутое увеличение производства в которых планом не предусматривалось. Выплавка стали возросла на 7,7% и достигла 37,12 млн. т против 35 млн. т, планировавшихся даже не на 1980, а на 1981 г. Одновременно в тех отраслях, в продукции которых особенно нуждается народное хозяйство, показатели оказались ниже запланированных, а подчас и прошлогодних. Добыча угля, нефти и природного газа снизилась соответственно на 2,4, 0,2 и 1,7%, а производство электроэнергии возросло лишь на 6,6%.

Увеличение промышленного производства в 1980 г. произошло почти полностью за счет легкой промышленности, прирост валовой продукции которой за год составил 18,4%, в то время как тяжелой — лишь 1,4%. В результате удельный вес первой в валовой продукции всей промышленности возрос в 1980 г. до 46,9% против 43,1% в 1979 г.

Опережающий рост производства в отраслях легкой промышленности происходил не столько за счет дополнительных капиталовложений государства, сколько благодаря мобилизации местных ресурсов, расширению производства на кооперативных предприятиях в городе и на селе, а также активизации индивидуального кустарного производства. К выпуску предметов ширпотреба были привлечены предприятия тяжелой промышленности и военный сектор экономики.

Решение основных задач урегулирования (ослабление диспропорций и создание условий для ускоренного, сбалансированного развития промышленности) происходило медленно и сопровождалось обострением ряда экономических проблем. Прежде всего усилилась диспропорция между энергетическими ресурсами и потребностями в них народного хозяйства. В 1979 г. прирост промышленного производства в целом составил 8,5%, а всех видов выработанной энергии — 2,9%; в 1980 г. при увели-

чении валовой промышленной продукции на 8,7% выработка энергии (по авторской оценке) упала на 1,3%. Между тем, по расчетам китайских экономистов, для сбалансированного развития экономики необходимо на каждый процент прироста валовой промышленной продукции обеспечить 0,9% прироста производимой энергии.

Обострилась сырьевая проблема. Вследствие того что масштабы капитального строительства оказались значительнее, чем намечалось по плану 1980 г., и увеличение промышленного производства происходило главным образом в отраслях, производящих конечную продукцию, государство оказалось не в состоянии обеспечить строящиеся объекты капитального строительства достаточным количеством сырья и материалов и удовлетворить запросы предприятий на реконструкцию и обновление оборудования. По данным китайской печати, в 1980 г. строящиеся объекты капитального строительства были обеспечены стальным прокатом лишь на 85%, а предприятия, осуществляющие техническую реконструкцию,— лишь на 55% [62]. Еще ниже оказались соответствующие показатели по цементу (60 и 50%) и лесоматериалам (60—70% и 1/3) [63].

В результате практически не контролируемого государством развития местной мелкой промышленности обострилась проблема снабжения сырьем и энергией крупных рентабельных предприятий. Небольшие местные предприятия, отличающиеся высокой себестоимостью продукции и низким ее качеством, «съедают» все бо́льшую часть сырья и энергии, отнимая их у государственных предприятий, производящих продукцию на экспорт [64].

В целом положение в промышленности КНР в 1980 г. и отдельных ее отраслях, согласно сообщению Государственного статистического управления, характеризовалось следующими данными [65]:

Вид продукции	Объем производства	Годовой прирост (падение), %
Валовая продукция	499,20 млрд. юаней	8,7
Тяжелая промышленность	264,80 »	1,4
Легкая промышленность	234,40 »	18,4
Уголь	620,00 млн. т	—2,4
Сырая нефть	105,95 »	—0,2
Природный газ	14,27 млрд. куб. м	—1,7
Электроэнергия	300,6 млрд. кВт·ч	6,6
Стальной прокат	27,16 млн. т	8,8
Чугун	38,02 »	3,5
Сталь	37,12 »	7,7
Кокс заводского производства	34,05 »	1,5
Деловая древесина	53,59 млн. куб. м	—1,5
Цемент	79,86 млн. т	8,1
Стекло	27,71 млн. условных ящиков	18,9
Серная кислота	7,64 млн. т	9,1
Кальцинированная сода	1613,00 тыс. т	8,5
Каустическая сода	1923,00 »	5,3

Вид продукции	Объем производства	Годовой прирост (падение), %
Минеральные удобрения в пересчете на 100% действующего вещества	12,32 млн. т	15,7
азотные	9,99 »	13,3
фосфорные	2,31 »	26,9
калийные	0,02 »	25,0
Ядохимикаты	537,00 тыс. т	0
Этилен	490,00 »	12,6
Пластмассы	898,00 »	13,2
Химико-фармацевтические изделия	40,1 »	—3,8
Карбид кальция	1,52 млн. т	8,0
Автопокрышки	11,46 млн. шт.	—2,0
Оборудование для горнорудной промышленности	163,00 тыс. т	—38,3
Электроэнергетическое оборудование	4193,00 тыс. кВт	—32,5
Станки	134,00 тыс. шт.	— 4,3
Автомобили	222,00 »	19,4
Тракторы	98,00 »	—22,2
Тракторы с ручным управлением	218,00 »	—31,4
Двигатели внутреннего сгорания	25,39 млн. л.с.	—12,7
Локомотивы	512 шт.	—10,6
Пассажирские железнодорожные вагоны	1002 »	17,1
Товарные железнодорожные вагоны	10571 »	—34,1
Суда гражданского назначения с металлическим корпусом	818,00 тыс. т. водоизмещения	1,1
Телевизоры	2492,00 тыс. шт.	87,5
Радиоприемники	30,04 млн. шт.	117,5
Фото- и киноаппараты	373,00 тыс. шт.	56,7
Химическое волокно	450,00 тыс. т	38,0
синтетическое волокно	314,00 »	46,7
Хлопчатобумажная пряжа	2,93 млн. т	11,4
Хлопчатобумажные ткани	13,47 млрд. м	10,9
	12,80 млрд. кв. м	12,0
Шерстяные ткани	101,00 млн. м	12,2
Шелк (волокно)	35,40 тыс. т	19,2
Шелковые ткани	759,00 млн. м	14,5
Джутовые мешки	433,00 млн. шт.	25,9
Бумага и картон машинной выработки	5,35 млн. т	8,5
Сахар	2,57 млн. т	2,8
Сигареты	15,2 млн. условных ящиков	16,7
Пиво	688,00 тыс. т	33,3
Соль	17,28 млн. т	17,0
Синтетические моющие средства	393,00 тыс. т	—1,0
Велосипеды	13,02 млн. шт.	29,0
Швейные машины	7,68 »	30,8
Наручные часы	22,16 »	29,8
Электрические лампочки	950,00 »	11,8

Топливно-энергетическая промышленность. В 1980 г., как уже отмечалось, произошло заметное снижение объемов производства энергии (на 1,3% по сравнению с 1979 г.). Добыча угля снизилась на 2,4%, нефти — на 0,2, природного газа — на

1,7%, темпы прироста выработки электроэнергии упали с 9,9 до 6,6%.

В 1980 г. сданы в эксплуатацию новые угольные шахты общей годовой производительностью 7,29 млн. т. Прирост электроэнергетических мощностей составил 2,48 млн. кВт. Тем не менее план ввода в строй новых мощностей не был выполнен. Остро ощущалась нехватка электроэнергии и жидкого топлива. Трудности в снабжении электроэнергией испытывали 20% промышленных предприятий, особенно на Северо-Востоке, в прибрежных районах, Тибете и Внутренней Монголии. Примерно лишь на $^2/_3$ были удовлетворены потребности в электроэнергии китайской деревни, сельские районы получали в 2 раза меньше жидкого горючего, чем в начале 70-х годов [66].

Основным источником энергии в Китае оставался уголь, на долю которого приходилось примерно 70% в топливно-энергетическом балансе страны. И падение его добычи особенно остро сказалось на энергоснабжении народного хозяйства. Перед угольной промышленностью была поставлена более реальная, чем прежде, задача: на ближайшие годы стабилизировать добычу на уровне 600 млн. т. На Всекитайском совещании работников угольной промышленности, состоявшемся в марте 1981 г., подчеркивалось, что «производство 600 млн. т угля в год является важнейшим условием и гарантией успешности урегулирования национальной экономики и не должно быть снижено» [67].

В угольной промышленности КНР большую роль продолжали играть мелкие шахты. В 1980 г. их насчитывалось более 18 тыс., суммарный объем добычи на них составил 113,6 млн. т. Как отмечалось на Всекитайском совещании по развитию мелких угольных шахт, проходившем в пров. Шаньси, в конце 70-х — начале 80-х годов ежегодный прирост добычи угля на этих шахтах равнялся 10 млн. т.

В 1980 г. были введены в строй новые мощности по обогащению угля годовой производительностью 8 млн. т. Однако удельный вес обогащаемого угля оставался все еще очень низким (8,3%), что заметно снижало эффективность использования этого вида топлива. Для развития угледобычи все настойчивее привлекался иностранный, прежде всего японский, капитал.

Трудное положение сложилось в нефтедобывающей промышленности. Стало очевидным, что КНР в этой отрасли не удалось не только увеличить показатели, но и удержаться на достигнутом уровне. Падение добычи в 1980 г. на 0,2% следует считать закономерным. Несмотря на интенсивные геологоразведочные работы, осуществлявшиеся с участием иностранных компаний, преодоление дисбаланса между снижением добычи на истощающихся месторождениях Дацина и прибрежных районов и приростом разведанных и подготовленных к эксплуатации нефтяных месторождений остается трудной задачей.

Китайская экономика испытывала в 1980 г. острый недоста-

ток нефти и нефтепродуктов. Не были обеспечены потребности растущей нефтехимической промышленности в сырье. В результате пришлось принять ряд экстренных мер: заметно урезать обязательства по поставкам нефти в Японию, аннулировать контракты на закупку оборудования за рубежом и заморозить строительство ряда предприятий нефтехимической промышленности, перевести ряд теплоэлектростанций с жидкого на твердое топливо[68].

В 1980 г. несколько снизилась и добыча природного газа: с 14,51 млрд. до 14,27 млрд. куб. м.

Объектом особого внимания стала электроэнергетика. Она занимала 1-е место по объему капитальных вложений в промышленность. Тем не менее темпы прироста выработки электроэнергии составили в 1980 г. всего 6,6% и впервые значительно уступили темпам прироста промышленного производства. Из 2,48 млн. кВт новых мощностей, введенных в строй в 1980 г., 0,8 млн. (почти $^1/_3$) пришлось на мелкие ГЭС (средняя мощность — 200 кВт).

В 1980 г. были сданы в эксплуатацию 5457 км линий высоковольтных передач с напряжением 110, 220 и 330 кВ.

По общему объему выработки электроэнергии Китай занимал 7-е место в мире. Однако производство на душу населения составляло всего 302,5 кВт·ч в год, что втрое ниже среднемирового уровня[69]. При этом потребление электроэнергии в деревне, где проживает около 85% населения Китая, составило в 1980 г. всего 37 млрд. кВт·ч, или 12,5% общего объема выработки.

Острый дефицит в электроэнергии сделал ускорение темпов развития электроэнергетики одной из первоочередных экономических задач. В 1981 г. было намечено увеличить ее долю в государственных капитальных вложениях на 2% по сравнению с 1980 г.

В качестве путей дальнейшего развития электроэнергетики назывались ускоренное освоение гидроэнергетических ресурсов и использование новых источников в электроэнергии. Гидроэнергетические ресурсы Китая составляют 680 млн. кВт, из которых может быть освоено 55%. Планируется к 2000 г. увеличить долю ГЭС в выработке электроэнергии с 20 до 25%.

Все больше склонялись в КНР к необходимости развития атомной энергетики. В 1980 г. в Юго-Западном Китае был введен в эксплуатацию первый в стране экспериментальный ядерный реактор на быстрых нейтронах мощностью 125 тыс. кВт. В связи с этим подчеркивалось, что КНР способна самостоятельно проектировать, строить и оборудовать атомные электростанции. Китайские специалисты по ядерной энергетике предлагали на 1988—1991 гг. запланировать сдачу в эксплуатацию по две АЭС в провинциях Гуандун, Ляонин и в Восточном Китае.

В виде эксперимента по освоению новых источников электро-

энергии в 1980 г. велось строительство двух геотермальных электростанций в Тибете мощностью по 3 тыс. кВт каждая. В 1980 г. в КНР действовало семь геотермальных электростанций.

Черная и цветная металлургия. Вопреки решениям плановых органов и директивам о снижении производства черных металлов в 1980 г. заметно увеличились выплавка стали (на 2,64 млн. т) и производство проката (на 2,19 млн. т). Одновременно до 20 млн. т (более 70% его годового производства) выросли запасы нереализованного проката на складах. Расширение его сортамента, с тем чтобы более полно удовлетворить потребности народного хозяйства, происходило медленно.

В 1980 г. пришлось аннулировать контракт с японскими фирмами на строительство второй очереди Баошаньского комбината и «заморозить» строительство первой очереди. Стало очевидно, что необходимо отказаться не только от первоначальных планов довести выплавку стали к 1985 г. до 60 млн. т, но и от последующей, скорректированной установки — 45 млн. т.

Основной задачей, от решения которой зависело дальнейшее развитие черной металлургии, явилось укрепление рудно-сырьевой базы, повышение качественных и структурных показателей сталелитейного и прокатного производства.

По сообщениям китайской печати, разведанные запасы железной руды, по состоянию на 1980 г., составили 44 млрд. т при ежегодной добыче в 120 млн. т. Однако разработка многих месторождений связана с повышенными затратами из-за их бедности и невысокого качества руды, содержащей большой процент примесей и требующей интенсивного обогащения.

Заметно большее внимание, чем прежде, уделялось в 1980 г. восстановлению и развитию цветной металлургии. Сообщалось об открытии геологами ряда месторождений цветных и редких металлов. В частности, в уезде Чэньсянь (пров. Хунань) было разведано самое крупное в Китае месторождение вольфрама. Там же обнаружены богатые залежи молибдена, висмута, олова, флюорита и т. д. В пров. Хэнань выявлено месторождение молибденовой руды с запасами в 1,5 млн. т, которое можно разрабатывать открытым способом.

По сообщению английской газеты «Файнэншл таймс» со ссылкой на заявление заместителя министра металлургической промышленности КНР Гао Янвэня, запасы бокситов в Китае оценивались в 1 млрд. т, меди — в 50 млн., цинка — в 50 млн., никеля — в 7 млн., двуокиси титана — в 400 млн., окислов редкоземельных элементов — в 100 млн. т. Ежегодное производство меди составляло 300 тыс. т, алюминия — 400 тыс., свинца и цинка — 250—300 тыс., никеля — 20 тыс. т[70]. В 1980 г. КНР впервые продала за границу алюминиевые сплавы и изделия из них.

В китайской печати появился ряд материалов о значительном росте добычи золота.

Машиностроение. В 1980 г. машиностроение КНР решало задачи качественной и структурной перестройки по следующим основным направлениям:

качественное и количественное наращивание мощностей главным образом за счет вскрытия резервов действующих предприятий, модернизации оборудования и повышения производственно-технического уровня;

увеличение удельного веса мощностей, производящих машины и оборудование для сельского хозяйства, легкой промышленности, строительства, а также товары ширпотреба;

резкое повышение технического уровня производимой продукции (например, из более чем 26 тыс. наименований продукции, выпускаемой предприятиями 1-го министерства машиностроения, бóльшая часть по своим техническим данным находилась на уровне 50—60-х годов, а многие ключевые виды продукции китайские машиностроители вообще были неспособны проектировать и производить);

создание единой комплексной системы планирования, распределения, монтажа оборудования, испытаний, ремонта, снабжения запасными частями и подготовки кадров;

всемерное увеличение производства продукции на экспорт;

переход от мелкосерийного к крупносерийному производству на основе специализации;

повышение уровня управления, перенесение критериев оценки деятельности предприятий с показателей стоимости и количества продукции на показатели качества, ассортимента, себестоимости [71].

В начале 1980 г. Постоянный комитет ВСНП принял решение о создании Комитета по машиностроению при Государственном совете КНР, в задачу которого входит усиление единого руководства отраслью.

В 1980 г. развитие машиностроения сдерживалось еще более значительным, чем в 1979 г., недостатком производственных заказов. Это объяснялось общей переориентацией промышленности на развитие отраслей группы «Б», снижением капиталовложений в тяжелую промышленность и свертыванием в целом масштабов капитального строительства (в то время как на протяжении многих лет машиностроение было ориентировано на обслуживание потребностей тяжелой промышленности). Серьезным тормозом производства был и низкий технический и качественный уровень китайского машиностроения, чем в значительной степени объяснялась сложившаяся парадоксальная ситуация, когда оно на протяжении многих лет работало с недогрузкой, а государство вынуждено было ежегодно тратить на импорт машиностроительной продукции в среднем 1,85 млрд. юаней [72]. С начала 70-х годов темпы развития отрасли отставали от развития промышленности в целом.

По сообщению агентства Синьхуа, в 1980 г. были значительно увеличены мощности радиоэлектронной промышленности. На

этой основе производство телевизоров за год выросло на 87,5% и достигло 2,49 млн. шт., а выпуск радиоприемников — на 117% (30,04 млн. шт.). В Тяньцзине была сдана в эксплуатацию первая в КНР производственная линия цветных телевизоров, закупленная у Японии. Производительность ее — 150 тыс. цветных телевизоров в год.

Расширились мощности автомобильной промышленности. Новая поточная линия для сборки грузовых автомобилей была введена в строй на Цзинаньском автозаводе. На ней собирают автомобили из деталей, поставляемых Румынией, и машины отечественной конструкции «Хуанхэ» грузоподъемностью 8—19 т. Проектная мощность линии — соответственно 6 тыс. и 5 тыс. машин в год.

Химическая промышленность. Валовая продукция химической промышленности увеличилась в 1980 г. на 7%. Основной прирост был получен за счет увеличения производства минеральных удобрений на 15,7% — с 10,654 млн. до 12,32 млн. т (в пересчете на 100% действующего вещества). Весьма существенно (на 38%) вырос объем производства химических волокон. Вследствие этого их удельный вес в структуре сырья для текстильной промышленности достиг 12%. В 1980 г. в стране насчитывалось 140 заводов синтетического волокна.

Однако в целом химическая промышленность в 1980 г. испытывала трудности в снабжении сырьем и топливом, в обеспечении перевозками. Из-за нехватки средств и нефтехимического сырья в 1980 г. пришлось отказаться от продолжения строительства ряда крупных предприятий отрасли, оснащавшихся импортным оборудованием.

Китайская печать сообщала, что одним из новых центров химической промышленности страны стал город Цзыгун (пров. Сычуань), где на базе подземных рассолов и месторождений природного газа действуют 14 химических заводов, выпускающих 40 видов продукции: каустическую и кальцинированную соду, соляную кислоту, хлористый барий, йод, бром, стронций, сажу, работают четыре научно-исследовательских химико-технологических института, создан учебный химико-технологический институт.

Легкая промышленность. В 1980 г. валовая продукция собственно легкой промышленности (без текстильной) составила 95,6 млрд. юаней, т. е. увеличилась по сравнению с 1979 г. на 14,8%. При этом наиболее значительно возросло производство товаров длительного пользования, в частности велосипедов (на 29%) и швейных машин (на 30,8%).

Еще более существенно (на 23%) увеличился объем производства в текстильной промышленности. Особенно вырос выпуск трикотажа из искусственных волокон: тирилена, капрона, нитрилона. Суммарные доходы от легкой промышленности составили 31,1% финансовых поступлений государства. В экспорте удельный вес ее продукции равнялся 45% [73].

Сдвиг в сторону опережающего развития легкой промышленности определялся рядом факторов: мобилизацией местных материальных, финансовых и трудовых ресурсов при общем снижении капиталовложений и закрытии мелких предприятий ряда отраслей тяжелой промышленности, активизацией частной и коллективной инициативы, кустарного производства, увеличением выпуска дорогостоящих товаров ширпотреба и т. д.

В целом в промышленности КНР в 1980 г. не удалось существенно ослабить основные диспропорции (прежде всего между производством энергии и потребностью в ней народного хозяйства, между сырьевыми и обрабатывающими отраслями) и создать условия для ускоренного сбалансированного развития промышленности страны. Наряду с ослаблением остроты одних проблем уже на новой основе возникали и обострялись другие (обеспечение экспортных отраслей сырьем и энергией, углубление противоречий между центральной и местной промышленностью, вопросы занятости населения). Развитие промышленности в 1980 г. показало, что процесс урегулирования в силу своей сложности займет гораздо больше времени, чем это планировалось ранее.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

1980 г. для сельского хозяйства Китая был в целом неблагоприятным: примерно на 4,2% уменьшилось по сравнению с 1979 г. производство основных продовольственных культур [74], происходило дальнейшее сокращение пахотных площадей. В большинстве сельских районов в тех или иных масштабах проводились в жизнь установки, одобренные 3-м пленумом ЦК КПК (декабрь 1978 г.). Однако, как отмечалось в китайской печати, «во многих провинциях, городах центрального подчинения и автономных районах процесс урегулирования в сельском хозяйстве только начинается, установки КПК осуществляются еще не полностью, а курс 3-го пленума ЦК КПК еще ждет своего последовательного претворения» [75]. Некоторые представители местных властей выражали «сомнения в правильности выбранного курса» и не выполняли последние директивы. В других случаях осуществление экономической политики партии в деревне тормозилось вследствие опасений низовых кадровых работников и крестьян, что эта политика вновь будет изменена [76]. Появились материалы с критикой методов хозяйствования в большой производственной бригаде Дачжай, рекламировавшейся с 1964 г. в качестве образца для деревень всей страны. Сообщалось, что намечается ее расформирование, с тем чтобы образовать на ее основе ряд обычных производственных бригад [77]. «Жэньминь жибао» писала о приписках и очковтирательстве, практиковавшихся руководством уезда Сиян, где на-

ходится Дачжай. Признавалось, что для некоторых сельских районов «учеба у Дачжая» превратилась в бедствие, от которого «деревня понесла тяжелый урон, а крестьяне натерпелись лишений» [78].

В китайской прессе отмечалось, что в некоторых местах со времени кооперирования (1955—1956) объемы сельскохозяйственного производства не увеличились, а уровень жизни крестьян даже снизился по сравнению с периодом, предшествовавшим кооперированию [79], что примерно 100 млн. крестьян (12,5% общей его численности) не ощутили до сих пор «реальных преимуществ коллективного хозяйства» [80].

В 1980 г. в более чем 27% бригад страны средний годовой доход от коллективного хозяйства на человека был ниже 50 юаней, примерно в 47% составлял от 50 до 100 юаней и в 26% превышал 100 юаней [81]. Причем примерно 60% производственных бригад из числа последних были расположены в непосредственной близости от крупных городов и только 26,1% — в глубинных районах [82]. В районах, где годовой доход на человека не достигает 50 юаней [83], многие производственные бригады с трудом осуществляли простое воспроизводство, не могли обеспечить крестьян питанием и одеждой.

Экономические возможности коллективных хозяйств в КНР в целом весьма ограниченны. В среднем на человека в них приходилось 117 юаней основных фондов, накопления на человека составляли 8 юаней, а на 1 му ($^{1}/_{16}$ га) пашни — 4,16 юаня, тогда как задолженность коллективных хозяйств — в основном по кредитам — 16 юаней на человека [84].

В пров. Цзянсу, например, характеризующейся сравнительно высоким уровнем развития сельскохозяйственного производства, накопления коллективных хозяйств на 1 му пашни составляли в конце 70-х годов примерно 11 юаней в год. По подсчетам же, сделанным в одной производственной бригаде уезда Уси (пров. Цзянсу), для полной механизации на каждое му пашни требовались капиталовложения в 1 тыс. юаней [85].

Производительность труда в сельском хозяйстве оставалась низкой. В среднем на человека производилось 300 кг зерна в год (в Румынии и Югославии — 750 кг, в США — 1350, в Канаде — 1650 кг [86]). В среднем один работник в сельском хозяйстве может прокормить 3,23 человека, производя примерно 1 т зерна в год [87].

В течение длительного времени на одном уровне оставалась товарность сельскохозяйственной продукции, составляющая в целом не более 30%, а по зерну — примерно 20% [88].

Разлаженность хозяйственного механизма в деревне объяснялась не только слабостью позиций коллективного хозяйства и противоречивыми установками из центра, поступавшими в разные годы, но и недостаточной подготовкой руководящих работников различных уровней, занимающихся вопросами сельского хозяйства. Так, по приблизительным подсчетам, приводившимся

в китайской печати, среди кадровых работников, ответственных за сельское хозяйство на провинциальном и уездном уровнях, лишь 3,6% в какой-то мере имеют профессиональную подготовку[89]. Один агроном с высшим образованием приходился на 10 коммун, один специалист со средним образованием — на две коммуны.

Для решения сложных экономических и социальных проблем, в том числе и вопроса модернизации производства, китайская деревня нуждается в помощи государства. Однако, как отмечалось в «Жэньминь жибао», оно не может серьезно увеличить вложения средств в сельское хозяйство. Крестьянам предлагается использовать «преимущества большого населения», поднимать свою активность, самим искать резервы[90].

В 1980 г. предпринимались попытки повышения экономической эффективности производства и определенного роста доходов крестьян с помощью организационно-хозяйственных мер.

Проводившаяся в 1979—1980 гг. децентрализация хозяйственного управления в рамках народных коммун привела к сокращению размеров хозрасчетных единиц. В ряде районов соответствующие функции постепенно переходили от большой производственной бригады (объединяющей в среднем 15 производственных бригад) к производственной бригаде. В 1980 г. было разрешено разделять и «слишком крупные» производственные бригады (например, в пров. Сычуань[91]). В итоге численность хозрасчетных единиц несколько возросла. В 1980 г. в Китае их было 5,43 млн.[92] по сравнению с 5,05 млн. в 1979 г.[93].

Основным содержанием организационно-хозяйственных изменений в деревне стало распространение различных форм «производственной ответственности». В первой половине 1980 г., как и в 1979 г., наиболее часто встречающейся формой было закрепление заданий за звеньями или рабочими группами и восстановление практики нормирования труда как элемента новой системы организации производства.

«Решение ЦК КПК о некоторых вопросах ускорения развития сельского хозяйства», принятое в октябре 1979 г., санкционировало закрепление производственных заданий за звеньями, но не за крестьянскими дворами[94]. Закрепление земли за индивидуальными хозяйствами разрешалось для некоторых районов, специализирующихся на производстве продукции подсобных промыслов, для отдаленных горных и слабо связанных с соседними (из-за неразвитости средств сообщения) районов.

Тем не менее закрепление производственных заданий за дворами по требованию крестьян получило довольно широкое распространение по всей стране. Это было фактически признано в принятом в сентябре 1980 г. документе ЦК КПК «О дальнейшем укреплении и совершенствовании системы производственной ответственности в сельском хозяйстве», называемом также документом ЦК КПК № 75[95].

Многообразные формы производственной ответственности,

использовавшиеся в китайской деревне в течение 1980 г., можно свести к трем основным.

Первая подразделяется на два вида: а) закрепление производственных заданий за крестьянскими дворами, б) полная ответственность крестьянского двора за производство. При закреплении заданий за дворами производственная бригада, сохраняющая статус основной хозрасчетной единицы, закрепляет за крестьянским двором определенный участок для проведения всех полевых работ и производства оговоренного в договоре (в зависимости от размеров переданной в пользование двору земли) количества продукции. Крестьянской семье начисляются трудовые единицы в соответствии с установленным объемом производства. В пользование двора передаются также формально остающиеся коллективной собственностью сельскохозяйственные орудия и другие средства производства. В ряде случаев крестьяне имеют право выкупить их у бригады. Сданная согласно договору продукция подлежит распределению внутри бригады. Продукция, произведенная сверх задания, поступает в распоряжение двора. При невыполнении задания налагается штраф.

При полной ответственности крестьянского двора за производство в его пользование, так же как и в предыдущем случае, передаются участок земли, орудия производства. Крестьянская семья самостоятельно организует производство, обязуясь сдать определенное количество продукции государству в счет налога и поставок, а также сделать оговоренные отчисления в фонды бригады. Остальная часть продукции остается во владении двора. Хозяйствование, как отмечалось в китайской печати, ведется по принципу «гарантируй сдачу продукции государству, оставь сполна коллективу, все остальное принадлежит тебе» [96].

Вторая основная форма производственной ответственности состоит в закреплении производственных владений за отдельным работником при общем ведении хозяйства в производственной бригаде. Эта форма организации производства в течение ряда лет использовалась при возделывании технических культур, в 1979—1980 гг. ее стали применять при выращивании зерновых. Производственная бригада осуществляет вспашку, работа же по уходу за посевами и уборке урожая поручается отдельному работнику. Вознаграждение его зависит от полученного урожая: при перевыполнении задания — премия, при невыполнении — штраф. Основные средства производства находятся в распоряжении бригады.

Третья основная форма — специализированная ответственность за производство или специализированный подряд, практикуемый в подсобных отраслях хозяйства, в сочетании с вознаграждением на основе нормирования труда в основной отрасли. Задания по производству продукции подсобных промыслов закрепляются за специализированными звеньями или группами,

создающимися в ведущих многоотраслевое хозяйство бригадах и коммунах, как правило развитых и зажиточных.

К концу 1980 г. в большей части производственных бригад применялись те или иные формы производственной ответственности. Особенно быстро росла доля бригад, практиковавших использование первой ее основной формы. В последние месяцы года, как отмечалось в китайской печати, ее применяли 20% производственных бригад[97]. Данные по отдельным провинциям на конец 1980 — начало 1981 г. несколько выше: в Хэнани — 23%, Гуйчжоу — около 90, Аньхое и Внутренней Монголии — почти 50, в Ганьсу — около 40%[98]. Это свидетельствует о нарастающей тенденции распространения названных форм производственной ответственности.

Примерно 9% производственных бригад практиковали вторую основную форму закрепления ответственности. В ряде провинций этот показатель был много выше: в Хэнани — 53%, Хэбэе — 47, Шаньдуне — 30, Шаньси — 25, Хубэе — 21%[99]. Специализированный подряд использовался в почти 5% производственных бригад, 23,6% бригад закрепляли задания за звеньями. В целом в декабре 1980 г. указанные формы производственной ответственности (предусматривавшие единое ведение коллективного хозяйства), включая наиболее распространенный в то время подряд на выполнение отдельных видов работ с вознаграждением на основе нормирования труда, использовались почти 76% производственных бригад.

В конце 1980 г. в китайских официальных документах еще указывалось, что закрепление за крестьянскими дворами производственных заданий и полной ответственности за производство следует осуществлять прежде всего в бедствующих районах с низким уровнем производства и доходов крестьян. Однако, как показывали сообщения печати, эта форма организации производства получила распространение и в средних хозяйствах, и даже там, где членам коммун и бригад обеспечивались довольно высокие доходы.

По свидетельству китайской прессы, в некоторых районах закрепление производственных заданий (или ответственности) за крестьянским двором позволяло увеличить производство на 30%, а иногда и в 2—3 раза[100]. Сказывалось повышение заинтересованности крестьянина в результатах своего труда (что ведет к более тщательному и интенсивному проведению работ), поскольку при этой форме вознаграждение непосредственно зависит от его трудовых усилий. Однако общий низкий уровень производительности труда в деревне, напряженное продовольственное положение, давление демографического фактора при сохраняющемся стремлении государства к увеличению изъятия средств из сельского хозяйства существенно ограничивают перспективу повышения материальной заинтересованности крестьян и роста производства.

Введением закрепления заданий и полной производственной

ответственности за дворами в бедствующих районах администрация рассчитывала также сложить с себя заботы о крестьянах в этих районах и избежать расходов на помощь им. Эта форма производственной ответственности имеет негативные стороны с точки зрения перспектив развития сельскохозяйственного производства. Затрудняется проведение работ, носящих коллективный характер: ирригационного и другого строительства, борьбы со стихийными бедствиями, использования механизмов и техники, содержания общественного скота и т. д.

Широкий охват сельских районов закреплением заданий за дворами чреват возникновением социальных конфликтов, поскольку резко возрастают различия в уровне доходов отдельных семей и ухудшается положение тех из них, что находятся на обеспечении коллектива или получают от него какую-то помощь. Индивидуальное ведение производства на переданной в пользование крестьянскому двору земле и с помощью орудий труда, частично выкупленных у бригады, приводит к тому, что коллективное хозяйство подчас фактически перестает функционировать.

Стихийное распространение этой формы ответственности в более широких масштабах, чем предполагалось в директивных установках, при слабости экономических позиций большинства коллективных хозяйств и организационного руководства ими вело к росту частнособственнических тенденций в деревне.

Нарастала волна спекуляции на сельских рынках, продажи земли или сдачи ее в аренду (передачу земли в пользование крестьяне в ряде мест восприняли как возвращение ее прежним владельцам со всеми вытекающими из этого правами), продажи или сдачи в аренду некоторых средств производства, являвшихся коллективной собственностью, и т. д.[101].

Как и в предыдущие годы, продолжалось развитие «промышленности коммун и бригад», которая представляет собой один из важнейших источников средств для развития сельского хозяйства и денежных доходов членов бригад. В 1980 г. число предприятий в коммунах и больших производственных бригадах составило 1,42 млн. (в среднем каждая коммуна имела более 30 предприятий)[102]. Число трудившихся на этих предприятиях превышало 20 млн. человек (примерно 6,7% всех занятых в сельском хозяйстве), валовая продукция оценивалась почти в 47 млрд. юаней (около 30% валовой продукции коллективных хозяйств).

Слабой оставалась материально-техническая база сельского хозяйства. Возможности его механизации китайская печать оценивала весьма пессимистически, подчеркивая, что в ближайшие годы ручной труд крестьян и тягловый скот будут продолжать занимать доминирующее положение в отрасли. Отмечалось, что обеспечение деревни техникой потребует не 5 и даже не 10 лет, а более длительного периода[103]. К факторам, сдерживающим техническое перевооружение деревни, прежде всего относятся

низкий уровень развития сельскохозяйственного машиностроения, нехватка специальных сортов стали и резины, дефицит горючего и электроэнергии, сохранение «ножниц цен» на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, отсутствие у производственных бригад средств для приобретения машин и удобрений. Для покупки трактора «Дунфанхун-28» в Китае нужно продать 45,5 т риса. В Японии примерно такой же трактор (мощностью 20 л. с.) по цене равен 5,5 т риса. В 1980 г. в Китае химические удобрения были в 8,5 раза, а пестициды — в 29 раз дороже соответствующей японской продукции [104].

Другого рода препятствием для внедрения сельскохозяйственной техники оставалось наличие в деревне избыточной рабочей силы, составлявшей 25—30% [105]. В этих условиях механизацию решено было ограничить поставлявшими государству товарную продукцию районами, где живет лишь 5% сельского населения. Основная масса крестьян стремилась покупать простые сельскохозяйственные орудия и мелкие машины. Спрос на крупные и средние тракторы в 1980 г. упал [106]. Их общее число в сельском хозяйстве, по данным на 1980 г., превысило 600 тыс. Мощность механических двигателей оценивалась в 180 млн. л. с. [107]. Однако из-за низкого качества продукции, слабой обеспеченности рабочими орудиями и запчастями, нехватки квалифицированных кадров и тому подобного многие тракторы простаивали или использовались не по прямому назначению (в качестве средства транспорта), в чем сказывалась также и слабая насыщенность деревни грузовыми автомашинами.

Механизация сельского хозяйства в КНР давала слишком малый экономический эффект. Так, согласно данным, опубликованным в 1980 г., в 1977 г. при увеличении нормы внесения минеральных удобрений по сравнению с 1976 г. на 10,9%, а потребления электроэнергии — на 8,8% из-за нерациональной структуры первых и неправильного использования второй прирост стоимости валовой продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов составил лишь 1,7% [108]. Причем увеличение было достигнуто в основном за счет расширения производства промышленных предприятий коммун и бригад, а также повышения цен на сельскохозяйственные товары. В 1980 г. отдача капиталовложений в техническое перевооружение отрасли не претерпела существенных изменений.

Решающее значение в условиях китайской деревни имеет главное средство производства — пахотный фонд. По провинциям он распределялся в 1980 г. следующим образом [109]:

Административная единица	Площадь пашни, млн. га	Административная единица	Площадь пашни, млн. га
г. Пекин [110]	0,4	Шаньдун	7,2
г. Шанхай	0,4	Цзянсу	4,6
г. Тяньцзинь	0,3	Чжэцзян	1,8
Хэбэй	6,6	Аньхой	4,4
Шаньси	3,9	Цзянси	2,7

Продолжение

Административная единица	Площадь пашни, млн. га	Административная единица	Площадь пашни, млн. га
Автономный район Внутренняя Монголия . .	4,6	Фуцзянь	1,3
Ляонин	4,8	Хэнань	7,1
Цзилинь	4,4	Хубэй	3,7
Хэйлунцзян	8,7	Хунань	3,4
Шэньси	3,8	Гуандун	3,3
Ганьсу	3,5	Гуанси-Чжуанский автономный район	2,3
Нинся-Хуэйский автономный район	0,9	Сычуань	6,6
Цинхай	0,6	Гуйчжоу	1,8
Синьцзян-Уйгурский автономный район . .	3,2	Юньнань	2,7
		Тибетский автономный район	0,2
		Итого . . .	99,3

Его сокращение в 1980 г. до 99,3 млн. га (по сравнению со 111,8 млн. га в 1957 г.), а также падение плодородия почвы, объясняемое уменьшением содержания органического вещества и снижением нормы внесения органических удобрений, ухудшили положение в отрасли и послужили одной из причин некоторого снижения общего объема сельскохозяйственного производства. В условиях невозможности расширить пахотную площадь или хотя бы задержать процесс ее сокращения было решено попытаться изменить структуру сельского хозяйства, с тем чтобы обеспечить его многоотраслевое пропорциональное развитие. В соответствии с этим посевы зерновых в 1979—1980 гг. были уменьшены на 5,3 млн. га, а освободившиеся земли переданы под технические культуры и пастбища. Такое резкое сокращение посевной площади под основными продовольственными культурами привело к уменьшению их производства (на 14 млн. т, или 4,2% по сравнению с 1979 г.).

Вместе с тем оно не устранило диспропорцию между суботраслями. Зерновые культуры продолжали занимать 80%, а технические культуры — 10,9% посевных площадей [111]. Уменьшение посевных площадей на 2,9 млн. га по сравнению с 1979 г. не изменило ярко выраженного земледельческого направления сельского хозяйства. Доля растениеводства в валовой продукции отрасли в 1980 г. составила 64,3%, а животноводства, лесного хозяйства, рыболовства и подсобных промыслов — 35,7% [112]. Наиболее значительное сокращение в 1980 г. претерпели площади под основными продовольственными культурами — 2,8 млн. га [113]. Больше всего пострадали посевы клубнеплодов, сократившиеся на 800 тыс. га [114]. Уменьшились и посевы пшеницы (за счет озимой, яровой же клин даже немного расширился), риса (особенно позднего, высеваемого при двухурожайной системе), кукурузы, гаоляна, чумизы и соевых бобов.

В результате сложилась следующая структура (в %) посе-

вов основных продовольственных культур (для сравнения приводятся данные за 1952 г.) [115]:

	1952 г.	1980 г.
Рис	22,9	28,9
Пшеница	20,0	24,9
Соевые бобы	9,4	6,2
Клубнеплоды	7,0	8,7
Прочие зерновые	40,7	31,3
в том числе кукуруза	10,1	17,4

Общее производство основных видов продукции сельского хозяйства в КНР в 1980 г. характеризуется следующими данными [116]:

	1979 г.	1980 г.
Основные продовольственные культуры, млн. т	332,1	318,2
Хлопок-волокно, млн. т	2,2	2,7
Семена масличных культур, млн. т	6,4	7,7
Чай, тыс. т	277,0	304,0
Коконы шелкопряда, тыс. т	271,0	326,0
Поголовье свиней, млн. голов	319,7	305,4
Поголовье крупного скота, млн. гол.	94,6	95,2

Низкими оказались как летний, так и осенний урожаи 1980 г. Это вынудило власти снизить план закупок зерна летнего урожая (обеспечивающего $^1/_5$ товарного зерна) до 8,2 млн. т, или на 5 млн. т с лишним против 1979 г. [117]. Хороший сбор озимой пшеницы дали три провинции: Хэнань, Шаньдун и Хэбэй, производящие 40% этой культуры в стране [118]. В целом за год производство зерна значительно сократилось в таких крупных зернопроизводящих районах, как Хэбэй, Шаньси, АРВМ, Хубэй, Хунань, Цзянсу, Аньхой и др. Снижение урожая, хотя и не столь резкое, наблюдалось в провинциях Хэйлунцзян, Шаньдун, Хэнань и др. Из ведущих зерноводческих провинций, добившихся прибавки урожая, в печати назывались только Сычуань, Гуандун и Фуцзянь [119].

В общем балансе основных продовольственных культур в 1980 г. на рис приходилось 43,7%, на пшеницу — 17,0, сою — 2,5, клубнеплоды — 8,8, прочие зерновые — 28,0%, в том числе на кукурузу — 19,4%.

Посевные площади под техническими культурами в 1980 г. возросли на 1,15 млн. га по сравнению с 1979 г. в первую очередь за счет расширения возделывания масличных, в меньшей мере — хлопчатника и сахароносов [120]. Масштабы посевов джута, кенафа и табака вследствие низких закупочных цен на эти продукты сократились.

Рост посевных площадей под хлопчатником, концентрация посевов, а также повышение закупочных цен на хлопок позволили увеличить его сбор в 1980 г. до 2,7 млн. т по сравнению с 2,2 млн. т в 1979 г. Хороший урожай хлопка получен в Шань-

дуне (где площадь под хлопчатником в 1980 г. увеличилась на 53 тыс. га [121]), Хэнани, Ляонине и СУАР.

В 1980 г. расширение производства масличных и сахароносных культур шло в основном за счет увеличения их посевных площадей. Песчаные, засоленные земли, дающие низкие урожаи зерна, были переданы под арахис, подсолнечник, сахарную свеклу и другие культуры. В частности, посевы подсолнечника достигли 800 тыс. га, что вдвое превышает площади 1979 г. Сбор арахиса в 1980 г. превзошел уровень предыдущего года на 27,6% и составил 3,6 млн. т [122]. Только Шаньдун дал около 1,3 млн. т арахиса [123]. Существенно возросло производство семян масличных культур в Хэйлунцзяне, Хэнани, Хэбэе и АРВМ.

Доля отдельных масличных культур в общей посевной площади под ними составила: арахиса — 46,8%, рапса — 31,0, кунжута — 3,4, подсолнечника — 11,8 и масличного льна — 3,5%; соотношение посевов сахарного тростника и сахарной свеклы — 78,3 : 21,7 [124].

Успехи в возделывании сахарной свеклы в Хэйлунцзяне, собравшем 2,45 млн. т [125], а также в АРВМ и Цзилини позволили стране получить 6,3 млн. т этого сырья, что на 103% превысило уровень 1979 г. [126]. Южные провинции произвели в 1980 г. 22,8 млн. т сахарного тростника. Прирост по сравнению с предыдущим годом составил 6% [127].

Чайного листа собрали в 1980 г. на 9,7% больше, чем в 1979 г. Сбор коконов тутового шелкопряда возрос на 20,3% [128], а производство коконов дубового шелкопряда сократилось. В 1980 г. отмечался рост урожая одной из лубяных культур — рами, в производстве других — джута и кенафа — наблюдался застой.

Для 1980 г. было характерно уменьшение производства овощей, фруктов и табака вследствие сокращения площадей под ними и слабого стимулирования крестьян, занятых в этих отраслях сельского хозяйства. Китайская печать в 1980 г. неоднократно сообщала о неудовлетворительном снабжении овощами жителей городов, рабочих крупных предприятий.

Сокращение сбора зерна, овощей, табака и фруктов, дающих в общей сложности 55—60% стоимости валовой продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов, отрицательно сказалось на развитии сельскохозяйственного производства в целом.

Животноводство оставалось в 1980 г. малопродуктивным. Доходы от него не превышали 14% стоимости валовой продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов. Плохой летний урожай 1980 г., а следовательно, и недостаток кормов привели к сокращению поголовья свиней до 305,4 млн. голов (на 4,5%) по сравнению с 319,7 млн. в 1979 г. [129].

Сохраняется неравномерность размещения животноводства. Так, 90% мяса (10,8 млн. т) производят земледельческие районы. Скотоводческие районы дают только 10% продукции, усту-

пая земледельческим даже по поголовью овец, коз и крупного рогатого скота.

В 1980 г. китайская печать подвела итог проделанной за 31 год в КНР работы в важнейшей для экономики страны области — водохозяйственном строительстве. Принятые меры позволяют лишь в какой-то мере регулировать водный режим крупных рек. Однако значительные наводнения они предотвратить не могут, о чем свидетельствуют год от года увеличивающиеся масштабы стихийных бедствий.

На Всекитайском совещании руководителей провинциальных управлений ирригационного строительства были сообщены данные, связанные с развитием орошения. Общая площадь орошаемого земледелия в КНР в 1980 г. составила 47,3 млн. га, а соответствующие государственные затраты за 1949—1979 гг. — 76 млрд. юаней [130]. Иначе говоря, в среднем на 1 га орошаемой земли истрачено около 2450 юаней (из расчета, что прирост площадей под орошением был равен 31 млн. га). По сообщению китайской печати, в 1979 г. расход воды в земледелии составлял 350—370 млрд. куб. м.

ТРАНСПОРТ

После двух лет урегулирования транспорт оставался одним из наиболее слабых звеньев в экономической структуре страны. Он не справлялся с перевозками и тормозил развитие народного хозяйства. По-прежнему сохранялись серьезные диспропорции между техническими возможностями транспорта и потребностями в перевозках грузов и пассажиров. Не были еще определены рациональные пути модернизации этой отрасли, однако предпринимались попытки вывести ее из тяжелого состояния путем форсированной технической реконструкции наиболее грузонапряженных старых железных дорог, строительства глубоководных причалов в морских портах, повышения технического уровня важнейших шоссейных дорог, пополнения тоннажа морского флота и автомобильного парка. Принимались также меры по улучшению управления транспортом и организации перевозок.

Железнодорожный транспорт. Основные усилия были сконцентрированы на повышении пропускной способности старых железных дорог, прежде всего тех, по которым перевозится большое количество угля, и линий, ведущих к морским портам (посредством строительства вторых путей и электрификации). Как сообщило агентство Синьхуа в феврале 1981 г., на реконструкцию старых железных дорог в 1980 г. было выделено в 3,6 раза больше средств, чем на строительство новых. Было проложено 630 км вторых путей и уложено 429 км рельсов на станциях [131]. Вторые пути были введены в строй на участках железных дорог Цзинань — Циндао, Шицзячжуан — Дэчжоу,

Пекин — Баотоу. На 640 км был расширен полигон электрифицированных линий. Был электрифицирован участок от Шицзячжуана до Янцюаня (120 км) на железной дороге Шицзячжуан — Тайюань; после двухлетних работ электровозы были пущены по участку от Сянфаня до Анькана (362 км) на магистрали Сянфань — Чунцин. Он был соединен с электрифицированной линией Янпингуань — Анькан и через нее с железной дорогой Баоцзи — Чэнду; два года и пять месяцев продолжались работы по электрификации 150-километрового участка от Баоцзи до Тяньшуя на Лунхайской магистрали [132].

Велись строительство второго пути на восточном участке Лунхайской железной дороги — от Шанцю до Сюйчжоу (146 км) и электрификация ее западной части — от Тяньшуя до Ланьчжоу (360 км). Строился второй путь на участке Хэнъян — Гуанчжоу Пекин-Гуанчжоуской магистрали, электрифицировался участок Янцюань — Тайюань на железной дороге Шицзячжуан — Тайюань.

Сооружение этих и ряда других объектов было начато еще до 1980 г. На сроки и качество строительных и реконструктивных работ по-прежнему оказывали влияние распыление средств по многим объектам, нехватка материалов и их нерациональное использование. Как отмечала «Жэньминь жибао», например, на сооружение второго пути на Хуайнаньской железной дороге, вызванное якобы потребностями улучшения условий для перевозки угля, предназначенного строящемуся Баошаньскому металлургическому комплексу, потребуется более 1 млрд. юаней. Между тем эта стройка не диктуется острой хозяйственной необходимостью, поскольку существующая однопутная дорога может справиться с перевозками, в 2 раза превышающими прежнюю загрузку. Даже при увеличении перевозок в будущем роста грузопроводности можно было бы добиться за счет мер, не требующих крупных затрат: усиления тяги, улучшения организации перевозок [133]. Подобные примеры нерационального расходования средств не единичны.

В 1980 г. железнодорожный транспорт работал с большим напряжением. Трудности были вызваны не только реконструкцией старых, наиболее загруженных железных дорог, но и другими причинами, в том числе серьезной нехваткой вагонов и плохой организацией их ремонта. Доля неисправных вагонов в 1979 г. доходила до 28% парка [134], подобное положение наблюдалось и в 1980 г. Важной проблемой оставалась нехватка квалифицированных кадров. По сообщению агентства Синьхуа (март 1980 г.), работники, хорошо знающие технику и имеющие навыки управленческой деятельности, составляли только $^1/_2$ занятых на железных дорогах.

За 1980 г. по железным дорогам КНР (государственным и местным) было перевезено 1,113 млн. т грузов (меньше, чем в 1979 г.), а грузооборот составил 571,7 млрд. ткм (или на 2,1% больше, чем в 1979 г.) [135]. Перевозки пассажиров превысили

922 млн. человек, а пассажирооборот — 138,3 млрд. пассажиро-км [136], что соответственно на 6,7 и 13,7% больше, чем в 1979 г.

Водный транспорт. Важное значение придавалось развитию морского транспорта, при этом основное внимание было направлено на строительство глубоководных причалов, пополнение морского торгового флота, улучшение организации перевозок и управления работой портов.

В 1980 г. в порту Синьган (Тяньцзинь) были сданы в эксплуатацию 5 новых глубоководных причалов для судов класса 10 тыс. т и более, из которых 3 предназначены для судов, перевозящих генеральные грузы, и 2 специализированы для приема стали; мощности этих причалов позволяли обработать 2,34 млн. т грузов в год; порт Синьган получил возможность пропускать свыше 11 млн. т грузов в год; построены склады площадью 25 тыс. кв. м, грузовой двор на 55 тыс. кв. м и другие объекты [137].

Для активизации торговли с Гонконгом и Макао в пров. Фуцзянь в дополнение к двум портам — Фучжоу и Сямынь, ранее осуществлявшим обработку внешнеторговых грузов, с 1 января 1980 г. экспортно-импортные перевозки разрешено обслуживать портам Чанчжоу, Цюаньчжоу и др. [138]. Для улучшения перевозок внешнеторговых грузов и ослабления напряженности работы Шанхайского порта с марта 1980 г. открыты 8 портов на р. Янцзы: Чжанцзяган, Наньтун, Нанкин, Уху, Цзюцзян, Ухань, Чэнлинцзы и Чунцин; в них созданы соответствующие условия для обслуживания судов, перевозящих экспортно-импортные грузы [139]. После реконструкции возобновил внешнеторговые операции порт Инкоу в устье р. Ляохэ в пров. Ляонин [140]. С целью получения иностранной валюты в январе 1980 г. были открыты прямые морские пассажирские перевозки из портов Шаньтоу, Гуанчжоу, Шанхай в Гонконг.

В сентябре 1980 г. КНР и США подписали соглашение о морском судоходстве между двумя странами, согласно которому китайские суда могли заходить в 55 американских портов с уведомлением об этом портовых властей за четверо суток; для захода в другие американские порты уведомление должно было направляться за семь суток; американские торговые суда получили право заходить в 20 китайских портов, перечисленных в соглашении, с уведомлением об этом за семь суток.

По сообщению шриланкийской печати, КНР и Шри Ланка подписали соглашение о сотрудничестве в области морских перевозок, в соответствии с которым была создана совместная китайско-ланкийская морская компания.

В последние годы Китай большое внимание уделял освоению контейнерных перевозок. Китайские суда оперировали на девяти международных маршрутах, пять из которых были открыты в 1980 г. Рейсовые суда следовали по новым маршрутам из портов КНР через Гонконг на Филиппины, в Западную Европу, Пакистан и страны Персидского залива, Австралию и Западную

Африку [141]. Службы контейнерных перевозок имелись в Шанхае, Тяньцзине, Циндао, Даляне и Хуанпу. В конце 1980 г. в стране насчитывалось более 4700 морских контейнеров. КНР совместно с некоторыми фирмами капиталистических стран на компенсационной основе строила 4 завода (в Шанхае, Тяньцзине и пров. Гуандун) по производству стандартных стальных контейнеров, суммарная мощность которых должна была составить 30—37 тыс. шт. в год [142]. В портах Шанхай, Тяньцзинь, Хуанпу сооружались специальные контейнерные терминалы.

В 1980 г., как и в предыдущие годы, усиленно наращивался тоннаж торгового морского флота. По оценке, его валовая вместимость достигла примерно 8 млн. рег. т, т. е. возросла по сравнению с 1979 г. на 20%. Рост тоннажа происходил преимущественно за счет импорта судов. Согласно сообщению иностранной печати, за 1980 г. были приобретены только суда, бывшие в эксплуатации, общей грузоподъемностью 2,38 млн. т дедвейта. Помимо этого в Японии, Англии, Дании, Швеции, Югославии были размещены заказы на строительство судов для КНР. На протяжении многих лет в Китае придают исключительное значение развитию океанского флота. В 1980 г. он насчитывал более 400 судов, общая грузоподъемность которых превышала 7,37 млн. т дедвейта. В перевозках экспортно-импортных грузов КНР на китайские суда приходилось свыше 70%.

В 1980 г. водный транспорт перевез свыше 426,7 млн. т грузов и 264,3 млн. пассажиров, что соответственно на 1,3% меньше и на 9,5% больше, чем за 1979 г. [143]. По данным ГСУ, грузооборот водного транспорта составил 505,3 млрд. ткм, пассажирооборот — 12,9 млрд. пассажиро-км, а грузооборот важнейших морских портов достиг 217,31 млн. т (годовой прирост — соответственно 10,7%, 13,2 и 2,2%) [144].

Как неоднократно отмечала китайская печать, работа водного транспорта далеко не соответствовала потребностям народного хозяйства в перевозках грузов. В 1980 г. серьезные трудности и недостатки наблюдались и в работе портов. Не были преодолены такие явления, как скопление судов, длительные непроизводительные их простои, которые вели к большим потерям времени и средств. Подобная картина была характерна, например, для крупнейшего в стране Шанхайского порта, где в августе и сентябре в отдельные дни количество судов достигало 126. К разгрузке привлекались военнослужащие Шанхайского гарнизона [145]. Свыше 200 млн. долл. стоили Китаю в 1980 г. только сверхнормативные простои иностранных судов [146]. Одна из основных причин длительных простоев судов — несоответствие возможностей портов возросшему морскому грузообороту. Вместе с тем на их работу оказывали влияние и организационные просчеты. Нерациональные перевозки приводили к неоправданным перевалкам грузов в портах, увеличивали дальность и стоимость перевозок. Так, стоимость доставки 1 т угля

из Ляньюньгана в Вэньчжоу с перевалкой в Шанхае составляла 11,35 юаня, тогда как при прямых перевозках из Ляньюньгана в Вэньчжоу — 9,65 юаня [147].

Автомобильный транспорт. Основные усилия были направлены на повышение эффективности работы отрасли. Принимались меры по улучшению управления и совершенствованию организации перевозок, более рациональному использованию автотранспортных средств.

В прошлом 70% грузового автопарка КНР было сосредоточено на промышленных предприятиях, в ведомствах, учреждениях и лишь 30% — в специализированных автотранспортных предприятиях. Однако последние выполняли около 70% объема перевозок грузов. Такое распределение автотранспортных средств снижало эффективность использования и производительность автомобилей. Поэтому в 1980 г. придавалось особое значение организационно-хозяйственным мерам по улучшению работы автотранспорта. Большое внимание уделялось рациональному использованию автомобилей, принадлежавших различным предприятиям и ведомствам, для перевозок грузов других грузоотправителей, что должно было способствовать «повышению эффективности перевозок, сокращению порожнего пробега машин, экономии горючего» [148]. Однако, как свидетельствовала китайская печать, эти меры на практике привели к конкуренции между специализированными транспортными объединениями, с одной стороны, и промышленными предприятиями, учреждениями и ведомствами — с другой, к снижению эффективности централизованного использования автотранспорта. Так, по данным Пекинского транспортного управления, коэффициент использования грузового парка в I квартале 1980 г. составил 52,2%, тогда как в 1979 г., до введения новой системы, он был равен 54,6%, а доля порожнего пробега автомашин в общем пробеге возросла до 48,5% (против 44,2% в 1979 г.). Не дала должного результата и «консервация» старых автомобилей, дальнейшая эксплуатация которых не отвечала требованиям повышения экономичности автопарка. «Консервация» проводилась либо за счет полной остановки старых машин, либо путем замены некоторых узлов и деталей более современными образцами, которые позволили бы повысить экономичность автомобилей. Она преследовала и другую цель: экономию горюче-смазочных материалов. Однако, как показала практика, потребление горючего не только не сократилось, но и по разным причинам возросло, а «консервация» автомобилей зачастую имела фиктивный характер. В результате процесс урегулирования на транспорте проходил не так гладко, как предполагалось. Не были улучшены пропорции распределения автотранспортных средств, эффективность их работы.

Наряду с организационными мероприятиями предпринимались шаги к развитию автотранспорта путем увеличения парка машин и строительства новых шоссейных дорог, главным об-

разом в пограничных зонах. Пополнение автопарка происходило за счет производства новых автомобилей и импорта. В 1980 г. было произведено 222 тыс. автомобилей всех типов и импортировано более 20 тыс. (в 1979 г. было ввезено свыше 32 тыс. машин) [149]. Автомобильный парк к середине года насчитывал более 1,3 млн. машин [150]. Согласно сообщению агентства Синьхуа (август 1980 г.), в центральной части Синьцзян-Уйгурского автономного района строилась новая магистраль с асфальтовым покрытием протяженностью 532 км, соединяющая Душаньцзы с Кучей. В Гуанси-Чжуанском автономном районе было построено и реконструировано 1690 км шоссейных дорог [151]. Реконструировалась Цинхай-Тибетская магистраль, на которой укладывалось асфальтовое покрытие. Были сданы в эксплуатацию несколько автодорожных мостов (в Сычуани, Тибете), в том числе Большой чунцинский мост через р. Янцзы длиной 1121 м и шириной 25 м.

В 1980 г. протяженность шоссейных дорог составила около 890 тыс. км, из которых 150 тыс. (17% сети) имели черное покрытие; на дороги I, II и III классов приходилось 15% сети; около 33% дорог непроходимы в распутицу.

Грузооборот автотранспорта общего пользования составил около 25,5 млрд. ткм (примерно на 5% меньше, чем в 1979 г.), пассажирооборот увеличился на 20,9% по сравнению с предыдущим годом и достиг 72,9 млрд. пассажиро-км [152].

Несмотря на принимавшиеся меры, характерными для работы автотранспорта по-прежнему оставались недостаточное развитие сети дорог, их низкий технический уровень, нехватка автомобилей и нерациональная структура парка, низкая производительность автотранспортных средств, несовершенные управление и организация перевозок.

Воздушный транспорт. Главное внимание уделялось экономической стороне деятельности гражданской авиации, которая, по сообщению «Жэньминь жибао», на протяжении длительного времени работала с убытком [153], повышению качества обслуживания пассажиров, расширению международных связей.

По заявлению начальника Главного управления гражданской авиации Китая (ГУГАК) Шэнь Ту, в стране насчитывалось 166 внутренних маршрутов, общая протяженность которых составляла 190 тыс. км (на 22 тыс. км больше, чем в 1979 г.). Протяженность международных линий, связывавших КНР с 18 государствами и Гонконгом, увеличилась на 23 тыс. км и превысила 90 тыс. км [154].

В течение 1980 г. были заключены двусторонние соглашения о воздушном сообщении с рядом стран (Ирак, Таиланд, Бангладеш, США), открыты новые международные линии. В августе начаты регулярные полеты китайских самолетов на линии Пекин — Гуанчжоу — Рангун [155]. В ноябре началось регулярное воздушное сообщение между Пекином и Лондоном. Эта линия открыта на основании соглашения, подписанного КНР и Англи-

ей в 1979 г.[156]. В целях развития туризма в ноябре началась эксплуатация прямых регулярных авиалиний, соединивших Пекин, Гуанчжоу и Ханчжоу с Гонконгом[157].

Согласно сообщению ГСУ, в 1980 г. грузооборот воздушного транспорта составил 140,6 млн. ткм, а пассажирооборот — 4 млрд. пассажиро-км, или увеличились, соответственно, на 13,9 и 14,3% по сравнению с 1979 г.[158].

В целом процесс модернизации транспорта сталкивался в 1980 г. с целым рядом трудностей, связанных с реальной необходимостью коренной перестройки и улучшения работы всей транспортной системы, повышения уровня планирования и управления. Учитывая отсталость транспорта, отсутствие достаточных средств для его развития, модернизация транспорта представляла одну из наиболее сложных проблем в области экономики КНР.

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ

В 1980 г. появился ряд сообщений об ухудшении снабжения городов различными видами промышленной и сельскохозяйственной продукции. Ощущались недостаток швейных машин, велосипедов, электрических лампочек, а также острая нехватка овощей в городах, связанная с активизацией посредников, которым сбывали свою продукцию народные коммуны.

Тревогу у китайских трудящихся вызвал внезапный взлет инфляции. Печать КНР, признавая наличие в стране финансового дефицита, напряженность в снабжении города и деревни необходимыми товарами, объясняла это отчасти «довольно значительным ростом покупательной способности населения»[159].

По сведениям ГСУ КНР, в 1980 г. объем розничного товарооборота (с соответствующей корректировкой в связи с повышением цен) составил 214 млрд. юаней, увеличившись на 12,2% по сравнению с 1979 г., что является наивысшим годовым приростом за всю историю КНР[160]. Тем не менее китайская пресса, подводя итоги 1980 г., с тревогой констатировала, что страна стоит перед угрозой серьезного финансово-экономического кризиса, выражающегося в огромном бюджетном дефиците, инфляции и росте цен.

Болезненно сказывалось на положении трудящихся произвольное завышение цен торговыми организациями. О распространенности этого явления свидетельствует то внимание, которое уделялось ему китайской печатью.

Так, при проверке торговой сети Пекина в конце 1979 г. было выявлено произвольное повышение цен на 1/4 всего ассортимента товаров, в том числе на яйца, свинину, рыбу[161]. Подобная проверка деятельности торговых предприятий была проведена затем по всей стране[162]. ЦК КПК и Госсовет КНР неоднократно в течение всего 1980 года издавали циркуляры о не-

обходимости усилить контроль за ценообразованием и прекратить распространившуюся практику произвольного повышения цен на товары местным руководством и некоторыми предприятиями.

Поскольку практика завышения цен продолжалась, Госсовет КНР 7 декабря обнародовал «Предписание относительно строгого контроля над ценами и упорядочения договорных цен», предусматривавшее принятие ряда мер, направленных на замораживание розничных цен, и строгий контроль над использованием «договорных цен», т. е. более высоких комиссионных расценок «сверхплановой» продукции, закупаемой у крестьян и производственных коллективов [163].

В 1980 г. продолжалось обсуждение проблем внутренней торговли. Предложения по ее реорганизации в основном сводились к усилению роли рынка при некотором отходе от принципа планирования. Рекомендовалось, например, допустить конкуренцию между государственной, коллективной формами торговли и свободным рынком, ввести рыночную торговлю средствами производства и потребительскими товарами, возродить товарные биржи, посредническую торговлю и т. п. [164]. Некоторые из этих предложений уже в 1980 г. проводились в жизнь. Явственно начало сказываться вмешательство посредников в торговлю сельскохозяйственными продуктами и товарами кустарного промысла, приводившее к их удорожанию. Даже народные коммуны, находившиеся вблизи городов, часто продавали свою продукцию не государственным компаниям по твердым ценам, а посредникам по спекулятивным [165].

В августе 1980 г. некоторые крупные города и провинции получили право самостоятельно вести торговые операции с зарубежными фирмами при содействии государственных внешнеторговых организаций. Это привело к возрождению явления, характерного для старого Китая: приморские районы стали более интенсивно обмениваться товарами с заграницей, чем с внутренними районами страны.

В целях расширения каналов торговли в стране была разрешена свободная торговля на сельских рынках, число которых в 1980 г. превысило 36 тыс. [166]. Оживилась подобная торговля и в городах, где насчитывалось более 2 тыс. рынков.

Разрешив рыночную торговлю, китайское руководство в то же время пыталось поставить ее в определенные рамки. В 1980 г. было проведено несколько всекитайских совещаний начальников административно-торговых управлений, на которых основное внимание было уделено вопросам упорядочения торговли на крестьянских рынках, строгой регламентации товаров, разрешенных к продаже, пресечения торговли без соответствующего разрешения народной коммуны и т. п.

Весьма скупо китайская печать сообщала о положении, сложившемся в области материально-технического снабжения и оптовой торговли. Вскоре после 3-го пленума ЦК КПК центра-

лизованная система материально-технического снабжения дополнилась «рынками средств производства». В магазинах Пекина, например, расширилась продажа различных механизмов, приборов, инструментов. Эти товары могли быть приобретены не только предприятиями и организациями, но и отдельными гражданами [167].

В хозяйственной практике недооценивалось значение оптовой торговли как регулятора рационального обмена между различными районами страны, не преодолевались нездоровые местнические тенденции в оптовой торговле. Цены на привозную продукцию завышались, зачастую торговые организации отказывались принимать товары, привезенные из других районов. Такая «протекционистская» политика местных органов лишь усиливала экономическую обособленность отдельных районов и провинций.

Несмотря на остававшийся низким уровень доходов трудящихся и прошедшее в 1979 г. повышение розничных цен на важнейшие продовольственные товары, сложилось положение, когда покупательная способность населения значительно опережала предложение товаров, что привело к расширению «черного рынка», контрабанды и спекуляции. Особенно усилилась контрабандная торговля в приморских районах, близких к Гонконгу и Тайваню, причем контрабандные товары менялись лишь на золото, серебро и антиквариат. По-прежнему сохранялась система нормированного снабжения, направленная на сдерживание покупательной способности населения, особенно в условиях инфляции.

Как и в предшествующие годы, в 1980 г. китайская деревня хуже снабжалась товарами, чем город. В течение ряда лет не выполнялась установка ЦК КПК о снижении на 10% цен на промышленные товары, поставляемые торговыми организациями деревне. В печати КНР приводились многочисленные жалобы крестьян на то, что цены на промышленные товары, поставляемые селу, выросли. В то же время торговые организации произвольно снижали цены на закупаемую в деревне сельскохозяйственную продукцию. Вместе с тем китайская пресса сообщала, что розничный товарооборот растет в деревне быстрее, чем в городе. По утверждению печати КНР, сельские районы лучше снабжались велосипедами, швейными машинами, радиоприемниками, т. е. самыми дефицитными в условиях Китая товарами.

В 1980 г. значительно — до 810 тыс. — выросла численность кустарей-единоличников. Бóльшую часть среди них составляли частные торговцы, мелкие лавочники, владельцы закусочных и т. п. В одном только Шанхае в течение года было выдано более 1700 лицензий, а общее число торговцев и ремесленников-единоличников в городе увеличилось до 10 тыс. Доля частного сектора в общем объеме торговых операций и в сфере услуг составила 10% [168]. Как отмечали китайские экономисты,

в стране слишком узка сеть государственных предприятий торговли и услуг; более того, торговая сеть значительно сократилась по сравнению с 1957 г., вследствие чего число обслуживаемых людей на одного занятого в торговле возросло за последние годы на 45% [169].

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ

В 1980 г. в КНР было проведено несколько массовых обследований материальных условий жизни различных категорий населения — крестьян, рабочих и служащих. Полученные статистические данные, опубликованные в центральной печати, свидетельствовали, во-первых, о сложных материальных условиях, в которых живет подавляющая масса трудового народа, и, во-вторых, о значительной дифференциации в уровнях благосостояния различных слоев и групп населения.

В наиболее тяжелых материальных условиях продолжало находиться 800-миллионное крестьянство Китая. В 1978 г. из 2133 сельских уездов 381 (17,9%) официально причислялись к «бедным», т. е. к таким, где среднегодовой распределяемый доход от коллективного хозяйства на душу населения не достигал 50 юаней. В 548 уездах (23,7%) этот показатель колебался от 51 до 100 юаней [170]. Наиболее полное представление о положении крестьянства дают материалы о распределении производственных бригад [171] по величине годового дохода на душу населения (на 1980 г.) [172].

Группы бригад в зависимости от годового дохода на 1 человека, юани	Удельный вес группы в общем числе бригад, %
До 40	15,7
41—50	11,7
51—60	11,9
61—80	19,6
81—100	15,1
101—150	17,4
151 и более	8,6

Еще 20—35 юаней в среднем на человека в год крестьяне получали от подсобных хозяйств.

Реальная величина этих доходов станет понятной при сравнении с бюджетом минимальной обеспеченности, разработанным китайскими специалистами для крестьян северных провинций. Согласно этим расчетам, для поддержания жизни в деревне на одного человека в рассматриваемый период необходимо 70 юаней в год, в том числе на оплату: нормированного зернового пайка (200—220 кг необработанного зерна и батата в пересчете на зерно) — 40 юаней, одежды и обуви — 10, топлива — 10, растительного масла и мяса — 3, соли — 2, керосина,

предметов домашнего обихода и мелких орудий труда — 5 юаней.

В приведенном бюджете практически почти на нет сведены расходы на продукты животноводства и жиры (на 3 юаня по государственной цене можно купить 1—1,5 кг растительного масла), отсутствуют средства на культурные нужды, образование, здравоохранение. Однако приблизительно в 30% бригад крестьянам не был обеспечен даже такой уровень потребления. Наибольшее число «бедных» районов сосредоточено в 11 провинциях и автономных районах КНР: севернее Янцзы — в провинциях Ганьсу, Шэньси, Шаньси, Шаньдун, Хэнань, Аньхой и в автономных районах Внутренняя Монголия и Нинся-Хуэйском, южнее Янцзы — в провинциях Юньнань, Фуцзянь и Гуйчжоу [173].

В этих районах доля бригад с очень низким уровнем доходов достигает 70—80%. Они, как правило, не в состоянии обеспечить крестьян продовольственным зерном даже по заниженным нормам и обращаются за помощью к государству. Многие бригады находились в критическом положении. Например, в округах Яньань и Юйлинь пров. Шэньси в 33—37% бригад средний доход на 1 человека был ниже 40 юаней в год, а в 23% бригад при распределении приходилось менее 150 кг необрушенного зерна (включая батат в пересчете на зерно) на 1 человека [174]. В округе Синтай пров. Хэбэй из 5600 обследованных бригад шести уездов в 1047 (18,7%) среднегодовой доход на душу населения был ниже 30 юаней. В значительном числе бригад он составил 15 юаней. На питание в этих уездах выдавалось по 100, а иногда и по 55 кг зерна на человека. Стоимость трудодня равнялась 16—17 фэням. Задолженность государству выросла до 38 юаней на человека [175].

Обширная область бедности находится в Северо-Западном Китае. В центральной части пров. Ганьсу в особо «бедных» районах проживало 5330 тыс. человек (в том числе 5090 тыс. крестьян). По данным обследования, в 42,5% производственных бригад годовой доход на человека был меньше 40 юаней, *коулян* (зерновой паек) — менее 150 кг, стоимость трудодня равнялась 0,35 юаня, а задолженность — 147 юаням [176]. В округе Гуюань (Нинся-Хуэйский автономный район) доход ниже 40 юаней был в 38,6% бригад; в 48,9% бригад на питание выдавалось менее 150 кг зерновых, 64% дворов имели задолженность, 20% семей при распределении не получали вообще ничего [177]. Во многих районах крестьяне испытывали нехватку питьевой воды.

С материальными трудностями встречались крестьяне и в относительно состоятельных хозяйствах — со средним доходом 100—150 юаней на человека в год. В этой группе в 1980 г. было обследовано 339 больших бригад (2416 производственных бригад), в состав которых входило примерно 100 тыс. дворов (около 466 тыс. человек). Средний душевой доход в этих брига-

дах составил 113 юаней, что на 30% выше средненационального уровня, коулян — 256,9 кг (необрушенного зерна и батата), стоимость трудодня — 0,79 юаня, наличными деньгами выдавалось по 31,1 юаня. В некоторых бригадах предпринимались попытки использовать элементы материального стимулирования. В 1978 г. по едокам распределялось 75% зерна, по трудодням — 23,5%, в 1979 г. — соответственно 68,4 и 30%. В 1979 г. в виде премий было выдано в среднем на одного работника по 4,2 кг зерна и 3,02 юаня деньгами. На подсобные хозяйства приходилось 25—30% всех доходов крестьян [178].

В 1980 г. Государственным статистическим управлением было обследовано еще 10 282 крестьянских двора (58 153 человека) в 23 провинциях. В 1979 г. среднегодовой доход в них составил 179,8 юаня, а за вычетом производственных расходов в подсобных хозяйствах — 160,2 юаня: от коллективного хозяйства — 102 (63,6%), от подсобного хозяйства — 44 (27,5%), из других источников — 14,2 юаня (8,9%) [179]. Бригад с доходами ниже 80 юаней на человека в год среди обследованных оказалось 10%; примерно в трети из них указанный показатель не достигал 60 юаней. В среднем по всем этим бригадам расходы на потребление и услуги составили 134,4 юаня на человека. Они распределялись следующим образом:

	Абсолютная величина, юани	Удельный вес, %
Питание	86,0	63,9
Одежда	17,6	13,1
Жилье	7,7	5,7
Предметы домашнего обихода	11,1	8,3
Топливо	8,3	6,2
Культура и здравоохранение	3,7	2,8

Среди крестьян этой группы бригад на питание было распределено в среднем по 206,75 кг зерна (стоимость 55,4 юаня), на продукты животноводства, овощи, сахар и тому подобное расходовалось более 30 юаней на человека. В материалах обследования отмечается, что, хотя уровень жизни крестьян в последнее время несколько повысился, он продолжал оставаться очень низким. Многие семьи испытывали трудности в обеспечении зерном для питания.

И наконец, в пригородах г. Сучжоу (пров. Цзянсу) было обследовано 62 семьи с доходами 282,1 юаня на человека. Эти хозяйства входили в очень узкую социальную группу, на долю которой в китайской деревне приходилось примерно 1,5—2% всех хозяйств. Хотя потребление зерновых в этой группе в среднем составляло 303 кг на человека, тем не менее в 14 (22,6%) семьях с большим числом взрослых работников зерна для еды

не хватало. Потребление мяса составляло 9 кг на человека в год [180].

Важной чертой, характеризующей положение крестьянства, являлись ничтожные размеры расходов на образование и здравоохранение. Отсюда — широкое распространение неграмотности. В бедных бригадах округа Яньань число неграмотных и малограмотных среди молодежи увеличилось с 20% в 1957 г. до 44,9% в 1978 г. Среди кадровых работников обследованных коммун и бригад округа неграмотных было 42—80%. В одной из бригад в пригороде Сучжоу среди молодежи насчитывалось до 28,7% неграмотных; крестьяне совершенно не покупали ни книг, ни газет. В большинстве своем они были лишены возможности пользоваться услугами современного здравоохранения.

В результате упорядочения заработной платы, введения премиальной системы, привлечения к труду большого числа новых работников, повышения закупочных цен на продукты сельского хозяйства за 1977—1980 гг. денежная масса на руках у населения значительно увеличилась. По официальным данным, в 1977—1979 гг. спрос на потребительские товары возрос на 40 млрд. юаней, в 1980 г. — еще на 20 млрд., в том числе на 11 млрд. — за счет роста фонда заработной платы и на 9 млрд. — за счет увеличения доходов крестьян [181]. С 1977 по 1980 г. средняя заработная плата рабочих и служащих выросла с 565 до 762 юаней в год [182].

По данным обследования 86 955 семей рабочих и служащих, проведенного в 1980 г. в 44 городах Китая, среднемесячная заработная плата (включая все надбавки, премии, пособия) достигла 63,92 юаня [183]. Средняя численность семьи составляла 4,48 человека, на семью приходилось 2,47 работника. Нагрузка на заработную плату была 1,81 человека (включая самого работника). По уровню денежных доходов на человека в месяц семьи рабочих и служащих распределялись следующим образом:

Группы семей по величине дохода на человека, юани	Удельный вес группы в общем числе семей, %
15 и меньше	2,1
16—25	21,4
26—35	37,0
36—50	30,2
51 и более	9,3

Увеличение денежной массы в руках населения китайская печать характеризует как реальное повышение уровня жизни. На деле же прирост фонда заработной платы и денежных доходов крестьян не обеспечивался поставкой на рынок в таких же масштабах насущных жизненных средств, что привело к резкому нарушению закона денежного обращения и к росту цен.

Инфляционные явления ощущались в КНР и раньше. Одна-

ко нарастающую волну инфляции удавалось сдерживать путем замораживания и даже снижения номинальной и реальной заработной платы, жесткого нормирования всех жизненных средств, соответствующей политики цен, активного привлечения денежных доходов трудящихся в сберегательные кассы. В 1980 г. некоторые из этих мер также применялись. Например, сумма вкладов трудящихся в сберегательные кассы возросла на 42,2% и составила почти 40 млрд. юаней. Однако нарастающую инфляцию это сдержать уже не могло.

Стихийный рост цен начался в 1978 г. 1 ноября 1979 г. правительство официально объявило о повышении (на 30—55%) цен на все продукты животноводства, водного промысла, овощи. Нарастанию инфляционной волны способствовали такие меры, как отмена государственного контроля над ценами на большое число потребительских товаров и разрешение предприятиям сбывать часть продукции по ценам свободного рынка. В 1980 г. по ним предприятиями реализовалось 20—30% сукна, фетра, велосипедов, швейных машин и т. п.

Инфляционные процессы сказались и на ценах на средства производства. В 1980 г. подорожали сталь, прокат, уголь, бензин, цемент, сельскохозяйственные машины, мелкие орудия труда и т. п. Цены на них иногда произвольно повышались предприятиями-производителями, торговыми и сбытовыми организациями. В результате возросли масштабы спекуляции, маклерства, коррупции.

Рост цен существенно уменьшил реальную значимость прибавки к заработной плате. Так, за набор продовольственных продуктов на семью из четырех человек, который в 1957 г. стоил 31 юань, в 1974 г. нужно было платить 42,3 юаня, а в начале 1980 г. — 51,7 юаня. Повышение цен привело к некоторому снижению доходов той части рабочих и служащих, заработная плата которых не повысилась или повысилась незначительно. В связи с этим возросла сумма средств, обеспечивающая прожиточный минимум: с 25—28 юаней в начале 70-х годов до 35—38 юаней на человека в месяц в 1980 г. У половины семей рабочих и служащих доходы были ниже этого уровня.

Чтобы остановить нарастающую инфляцию, правительство в конце 1980 г. вынуждено было принять ряд мер по усилению государственного контроля над ценами и сбытом продукции. В частности, предприятиям было запрещено произвольно устанавливать цены на свою продукцию и свободно сбывать ее, народным коммунам и крестьянам — выходить со своей продукцией на рынок, пока они не рассчитаются с государством по налогу и обязательным закупкам. Одна из важнейших задач, которая была поставлена перед экономикой на 1981 г., — стабилизация цен. Однако решение этой проблемы встречается с очень большими трудностями, поскольку корни ее уходят в общую несбалансированность народного хозяйства, отсталость сельского хозяйства и легкой промышленности.

1980 год был отмечен дальнейшим развитием экономических контактов КНР с внешним миром. По официальным данным, внешнеторговый оборот страны в текущих ценах составил 56,4 млрд. юаней, увеличившись на 24% против уровня 1979 г. [184]. Развитие экспорта, возросшего на 29%, заметно опережало темпы прироста импорта, составившие лишь 20%. Абсолютные размеры вывоза и ввоза равнялись соответственно 27,3 млрд. и 29,1 млрд. юаней (табл. 1). Таким образом, пассив торгового баланса КНР в 1980 г. уменьшился более чем на 1/3, составив 1,8 млрд. юаней против 3,1 млрд. в 1979 г. Плановый показатель по объему внешнеторгового оборота КНР на 1980 г. (50,5 млрд. юаней) был превышен на 11,6%. Однако перевыполнение плана по объему оборота, и прежде всего по экспорту, было достигнуто почти исключительно в результате роста цен на мировом рынке.

Китайский экспорт увеличился в стоимостном выражении преимущественно за счет вывоза продукции тяжелой и добывающей промышленности, годовой прирост которого (57%) был значительно выше, нежели у вывоза продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов (4%), а также легкой промышленности(20%) [185]. Удельный вес продукции тяжелой и добывающей промышленности в экспорте Китая, согласно сообщению ГСУ КНР, увеличился в 1980 г. до 53% против 44% в 1979 г. (все данные — в текущих ценах) [186].

Наметившиеся за последние годы определенные изменения в товарной структуре как вывоза, так и ввоза определялись быстрой сменой установок, в основе которых лежали различные экономические посылки (принятие необоснованного плана экономического развития на период 1976—1985 гг. и отказ от него), следствием чего была смена приоритетов в экономической политике китайского руководства.

Как показывает анализ приведенных в табл. 2 данных, при росте общей суммы экспорта в 1980 г. против 1978 г. немногим более чем в 1,3 раза (в неизменных ценах 1977 г.) вывоз изделий тяжелой промышленности увеличился в 2 раза, изделий легкой промышленности — примерно в 1,2 раза, а сельскохозяйственной продукции сократился на 11%. Расширение экспорта товарной группы «продукция тяжелой промышленности» объясняется прежде всего тем, что в нее помимо промышленных изделий включаются также минеральное сырье и топливо, мировые цены на которые за последние годы повысились весьма заметно.

Из данных, приведенных в табл. 2, вытекает, что при общем увеличении суммы импорта в 1980 г. против 1978 г. немногим более чем на 7% ввоз сырья и полуфабрикатов для тяжелой промышленности, а также машин, оборудования и приборов уменьшился почти на 10% (по сравнению с 1979 г. — на 17%).

Таблица 1

Внешняя торговля КНР*

	1979			1980		
	млрд. юаней	млрд. руб.	млрд. долл.	млрд. юаней	млрд. руб.	млрд. долл.
Оборот	45,5	19,3	29,3	56,4	24,6	37,8
Экспорт	21,2	9,0	13,6	27,3	11,9	18,3
Импорт	24,3	10,3	15,7	29,1	12,7	19,5
Социалистические страны						
Оборот	5,4	2,3	3,5	5,8	2,5	3,9
Экспорт	2,8	1,2	1,8	3,0	1,3	2,0
Импорт	2,6	1,1	1,7	2,8	1,2	1,9
Развитые капиталистические страны						
Оборот	27,4	11,6	17,6	34,0	14,8	22,8
Экспорт	8,6	3,6	5,5	12,1	5,3	8,1
Импорт	18,8	8,0	12,1	21,9	9,5	14,7
Развивающиеся страны						
Оборот	6,8	2,9	4,4	8,1	3,6	5,4
Экспорт	4,4	1,8	2,7	5,5	2,4	3,7
Импорт	2,4	1,1	1,7	2,6	1,2	1,7
Гонконг и Макао						
Оборот	5,9	2,5	3,8	8,5	3,7	5,7
Экспорт	5,4	2,4	3,6	6,7	2,9	4,5
Импорт	0,5	0,1	0,2	1,8	0,8	1,2

* Общие показатели «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1981», с. 353. Распределение оборота по группам стран и территорий — оценка на основе статистики стран — торговых партнеров КНР.

В то же время ввоз таких товаров, как сырье для легкой промышленности, средства производства для сельского хозяйства и предметы потребления, увеличился в 1,2—1,4 раза и более.

Соответственно удельный вес зерна, животных и растительных жиров, хлопка, химических волокон, минеральных удобрений, химического сырья и целлюлозы в общей стоимости импорта КНР поднялся с 44 до 53%, а проката черных и цветных металлов, машин, оборудования и приборов сократился с 56 до 47%. Отмеченные изменения структуры товарного ввоза КНР произошли в рамках курса на урегулирование китайской экономики, предусматривающего сужение фронта экономического строительства и изменение народнохозяйственных приоритетов.

Общий объем и географическое распределение внешней торговли Китая в 1980 г. характеризовались данными табл. 1.

Основной формой *экономических связей с социалистическими странами* оставалась торговля. Несмотря на некоторый рост оборота, их доля во внешней торговле Китая снизилась примерно до 10% против 12% в 1979 г. Причиной этого явились опережающие темпы прироста торговли с капиталистическими странами. По оценке, приблизительно 50% увеличения стои-

мости товарооборота было обеспечено за счет роста цен (главным образом на товары китайского экспорта). Основными позициями китайского вывоза в социалистические страны являлись промышленные товары народного потребления (45%), продовольствие и сырье для его производства (20%), машины и оборудование (15%), а ведущими статьями импорта КНР были машины и оборудование (80%), минеральное сырье и металлы (18%).

Важнейшими торговыми партнерами КНР из числа социалистических стран были Румыния и КНДР. Товарооборот с Советским Союзом составил 316,6 млн. руб. (против 332,5 млн. руб. в 1979 г.). Экономические отношения с Вьетнамом и Лаосом, а также с Албанией были прерваны китайской стороной по политическим мотивам.

В 1980 г. продолжалась интенсификация *торгово-экономических отношений с развивающимися странами* (около 15% внешнеторгового оборота Китая). Как и прежде, торговля с этой группой государств играла большую роль в обеспечении КНР некоторыми видами сырья (медь, хлопок, каучук и т. д.), а также являлась важным источником поступления свободно конвертируемой валюты за счет активного сальдо торгового баланса с некоторыми из них. В 1980 г. Китай подписал 15 соглашений и протоколов об экономическом и техническом сотрудничестве с развивающимися странами, а также 13 торговых соглашений и протоколов (в том числе с Бангладеш, Филиппинами, Таиландом, Пакистаном, Аргентиной, Оманом).

Прирост экспорта Китая (37% за год) был достигнут при сохранении прежнего уровня импорта. В результате при общем увеличении товарооборота на 23% сальдо торгового баланса в пользу Китая возросло в 2 раза, достигнув 2 млрд. долл.

Основными партнерами традиционно являлись соседние государства Юго-Восточной Азии (прежде всего страны АСЕАН), на долю которых в 1980 г. пришлось около 50% оборота торговли КНР с развивающимися странами. Продолжалось расширение торговых отношений, а также военно-экономических контактов со странами Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Мексика). Заметно усилился интерес Китая к развитию экономических связей с арабскими государствами.

В 1980 г. КНР продолжала, хотя и в ограниченных масштабах, предоставлять финансовую и техническую помощь ряду развивающихся стран в счет как ранее заключенных, так и новых кредитных соглашений. Коммерческий кредит на 30 млн. долл. для закупки в Китае энергетического оборудования был получен Филиппинами; беспроцентные кредиты соответственно на 66,6 млн. и 26,6 млн. долл. предоставлены Бирме и Зимбабве, кредит в 13 млн. долл. — Танзании и Замбии для улучшения эксплуатации железнодорожной линии Танзам, построенной с китайской помощью. Однако в целом КНР постепенно свертывала свою программу помощи развивающимся странам.

Таблица 2

Товарная структура внешней торговли КНР (в неизменных ценах 1977 г.)*

Товарная группа	1978 г.		1979 г.		Соотношение с 1978 г., %	1980 г.		Соотношение с 1979 г., %
	Объем, млрд. юаней	Удельный вес, %	Объем, млрд. юаней	Удельный вес, %		Объем, млрд. юаней	Удельный вес, %	
Экспорт	15,6	100	17,7	100	113	20,5	100	116
Изделия тяжелой промышленности	3,9	25	5,7	32	146	8,0	39	140
Машины и оборудование	0,3	2	0,4	2	133	0,6	3	150
Изделия легкой промышленности	7,3	47	8,0	45	110	8,6	42	107
Продукция сельского хозяйства	4,4	28	4,0	23	91	3,9	19	97
Импорт	17,0	100	17,8	100	105	18,2	100	102
Сырье и полуфабрикаты для тяжелой промышленности, машины, оборудование и приборы	9,5	56	10,3	58	108	8,6	47	83
Машины, оборудование и приборы	1,2	7	2,7	15	225	4,9	2,7	181
Оборудование комплектное	0,3	2	1,4	8	465	2,4	14	171
Зерно, жиры животные и растительные, хлопок, волокна химические, сырье химическое, целлюлоза, предметы потребления промышленные	7,5	44	7,5	42	100	9,6	53	128
Сырье для легкой промышленности	3,2	19	3,0	17	94	4,4	24	147
Средства производства для сельского хозяйства	1,1	6	1,1	6	100	1,4	8	127
Предметы потребления	3,2	19	3,4	19	106	3,8	21	112

* «Жэньминь жибао», 28.VI, 28.XI.1979, 30.IV.1981; «Чжунго байкэ няньцзянь. 1980». Пекин, 1980, с. 303; «Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1981». Пекин, 1981; «Гоцзи маои вэньти». 1981, № 3; «Джэпэн экономик джорнал», 29.I.1980.

1980 год ознаменовался дальнейшим расширением *торгово-экономических связей КНР с Гонконгом и Макао.* Оборот торговли КНР с этими колониальными территориями увеличился на 50%, экспорт КНР возрос на 25%, а импорт (включая реимпорт) — примерно в 6 раз. Столь резкое увеличение китайского ввоза из Гонконга и Макао стимулировалось расширением поставок промышленного оборудования и сырья (в первую очередь текстильного) для материально-технического снабжения различного рода проектов компенсационного характера (подробнее см. ниже), а также для совместных предприятий с участием гонконгского капитала в провинциях Фуцзянь и Гуандун. Вместе с тем обе указанные колонии сохраняли свою роль как важный источник валютных поступлений Китая; активное сальдо торговли с ними составило в 1980 г. 3,3 млрд. долл.

Главными торговыми партнерами КНР по-прежнему были *развитые капиталистические страны*, удельный вес которых в общем объеме внешней торговли страны оставался в 1980 г. на уровне 60%. При этом значительно расширилась торговля с Японией и США и произошло некоторое увеличение товарообмена с Канадой и Австралией. Объем торговли со странами ЕЭС остался примерно на уровне 1979 г. Отличительной чертой торговли КНР с развитыми в экономическом отношении странами в 1980 г. стал существенный рост китайского экспорта.

Общий объем торговли КНР с Японией составил в 1980 г. 9,4 млрд. долл., что на 41,3% превышало уровень 1979 г. Увеличение стоимости вывоза КНР в Японию произошло за счет упоминавшегося роста цен на нефть и уголь. Физический объем экспорта нефти в Японию увеличился только на 7,5%, а его стоимость — на 94%. Экспорт угля составил около 2 млн. т, что было примерно на 50% больше показателя, достигнутого в 1979 г. Одновременно значительно сократились китайские поставки в Японию шелка-сырца и шелковых тканей (на 50%), а также соевых бобов (на 62%) [187]. Импорт из Японии увеличился в результате значительного роста (в 2,7 раза) ввоза машин и оборудования в счет контрактов, заключенных сторонами в 1978—1979 гг. Ввоз проката черных металлов сократился на 30% и составил 3,15 млн. т.

Расширение товарооборота с США произошло из-за увеличения ввоза сельскохозяйственной продукции (более чем в 2 раза), доля которой превысила 56% в китайском импорте из этой страны. В абсолютных цифрах ввоз американского зерна достиг рекордного уровня — 9,5 млн. т (примерно на 1 млрд. долл.). Важным с точки зрения перспективы развития китайского экспорта в США явилось заключение сторонами 17 сентября 1980 г. соглашения, регулирующего поставки китайского текстиля в США. Оно определило соответствующие базовые квоты на 1980—1982 гг., предусмотрев расширение текстильного экспорта КНР по основным позициям на 40—65% [188]. Китай и США подписали также соглашение о поставках американско-

го зерна на 1981—1984 гг., в соответствии с которым объем китайского импорта зерновых составит около 9 млн. т ежегодно.

Новым явлением в торговых отношениях Китая с ЕЭС было существенное расширение экспорта КНР, что дало ей возможность достигнуть активного торгового сальдо (около 200 млн. долл.).

В 1980 г. выявился ряд новых проблем в области хозяйственного сотрудничества КНР с развитыми капиталистическими странами, прежде всего в связи с привлечением их материально-финансовых ресурсов в китайскую экономику. Как известно, одним из первых шагов на пути укрепления экономических связей с капиталистическим миром явился провозглашенный в конце 1978 г. курс на привлечение иностранного капитала в ссудной форме (банковский кредит). Выполнение программы «четырех модернизаций», даже в ее скорректированном варианте, на период до 1985 г., по оценке, требует получения по меньшей мере 20—22 млрд. долл. среднесрочных и долгосрочных иностранных кредитов для закупки средств производства. К концу 1980 г. КНР заключила кредитные соглашения с развитыми капиталистическими странами на общую сумму 30,2 млрд. долл., из которых 24,2 млрд. долл. приходилось на средне- и долгосрочные кредиты.

Из общей суммы согласованных займов 64% приходилось на целевые экспортные кредиты под государственные гарантии, 34% — на рыночные кредиты и только 2% — на льготные (низкопроцентные и беспроцентные) государственные займы. Список стран, согласившихся предоставить Китаю заемные средства, возглавляют Япония (10,5 млрд. долл.), Франция (7,8 млрд. долл.) и Великобритания (5,7 млрд. долл.). Активная деятельность по заключению кредитных соглашений быстро выдвинула Китай в число потенциально наиболее крупных заемщиков на международном денежном рынке. В 1980 г. КНР вступила в Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития.

Однако в 1980 г. стало очевидно, что Китай проявляет осторожный подход к реализации заключенных кредитных соглашений. В докладе министра финансов КНР Ван Бинцяня на 3-й сессии ВСНП отмечалось, что в 1980 г. привлечение иностранных кредитов планируется на уровне 1979 г. (2,2 млрд. долл.) [189]. При таких темпах КНР к 1985 г. использует лишь $^{2}/_{3}$ предоставленной суммы средне- и долгосрочных займов.

Использование иностранных кредитов тормозилось курсом на урегулирование китайской экономики, предусматривающим сокращение объема капитального строительства, снижение нормы накопления, изменение инвестиционной политики. Все эти мероприятия сократили потребность экономики КНР в заемных средствах.

Еще более важным фактором в этом плане является низкая экономическая эффективность западных кредитов, особенно на-

глядно выявившаяся в 1980 г. В связи с быстрым ростом цены кредита на рынке евровалют (с 10,5% годовых в 1979 г. до 14,75% в середине 1980 г.) усредненная процентная ставка по всем видам займов, согласованных с Китаем, поднялась почти до 10% годовых при среднем сроке погашения всего лишь в 7 лет.

В этих условиях, поскольку реальное увеличение импортных возможностей Китая за период до 1985 г., согласно расчетам, вряд ли превысит 5,5 млрд. долл. даже при полном использовании им согласованных к концу 1980 г. займов на сумму 30,2 млрд. долл., более 4/5 привлеченных средств должно будет пойти на погашение основной части долга и начисленных процентов.

Так как заемные ресурсы используются прежде всего для закупки машин и оборудования, их эффективность и окупаемость определяются возможностью скорейшей экономической отдачи на привлеченный капитал. Однако освоение современного промышленного оборудования в Китае серьезно затрудняется отсутствием развитой инфраструктуры, слабой энергетической базой, нехваткой квалифицированных специалистов. Поэтому закупленное дорогостоящее оборудование зачастую простаивало, чем наносился ощутимый ущерб экономике КНР. Характерным примером в этом смысле является построенный в 1978 г. с помощью ФРГ и Японии прокатный цех на Уханьском металлургическом комбинате, который из-за нехватки энергоресурсов и отсутствия квалифицированного персонала до конца 1980 г. так и не был пущен на полную мощность.

Кроме того, низкий уровень материально-технической базы Китая обусловливает непропорционально большие внутренние затраты на освоение импортного оборудования. Если в промышленно развитых странах подобные затраты относительно невелики и носят чисто вспомогательный характер, то в Китае они приобрели самодовлеющее значение, превосходя расходы на импорт оборудования в среднем в 2 раза [190]. По официальным данным, в 1979 г. общая сумма непредусмотренных расходов в связи с внедрением промышленного оборудования, закупленного в счет иностранных займов, составила 7,09 млрд. юаней. В итоге такого рода затраты стали существенной причиной возникновения в 1979 г. серьезного бюджетного дефицита (17 млрд. юаней) [191]. В 1980 г. положение не улучшилось. Создалась парадоксальная ситуация, когда заемные средства, призванные увеличить национальный инвестиционный потенциал, на деле способствуют истощению внутренних экономических ресурсов страны.

В выступлениях депутатов 3-й сессии ВСНП приводился целый ряд примеров неудачных решений, нанесших значительный ущерб государству. Среди них закупка оборудования для крупнейшей в КНР ГЭС Гэчжоуба, оснащение Баошаньского металлургического комбината, приобретение ряда крупных нефтепе-

рерабатывающих и нефтехимических заводов и т. д. Экономические потери при сооружении этих объектов намного превысили выгоды от их закупки в кредит.

В этих условиях была предпринята попытка облегчить бремя задолженности и добиться повышения эффективности внешнеэкономических связей путем прямого привлечения в экономику инвестиций из-за рубежа. Расчет состоял в том, что создание на территории КНР предприятий с участием иностранного капитала, не требуя от китайской стороны расходов в валюте, обеспечит не только широкий приток и оперативное включение передовой технологии в экономическую структуру страны, но и быстрый рост валютных поступлений за счет вывоза на внешние рынки производственной продукции. Началом курса на прямое привлечение иностранного капитала в экономику КНР послужило принятие в июле 1979 г. на 2-й сессии ВСНП закона о совместных предприятиях. В КНР была создана Международная посредническая инвестиционная компания Китая (МПИКК), активность которой быстро возрастала. По китайским данным, к осени 1980 г. она заключила свыше 60 предварительных соглашений с иностранными инвесторами.

Анализ сообщений печати КНР позволяет выделить несколько типов создаваемых в Китае предприятий с привлечением иностранного капитала: получившие наибольшее распространение контрактные предприятия (производственной кооперации), на которых китайские рабочие заняты переработкой и сборкой (преимущественно вручную) продукции из сырья и материалов зарубежного заказчика и по его образцам на основе разовых контрактов; компенсационные предприятия, обеспечиваемые иностранными фирмами оборудованием, технологией и промышленными образцами в обмен на получение в течение определенного времени части производимой продукции на соответствующую сумму; совместные акционерные предприятия с долевым участием иностранного капитала; предприятия, полностью принадлежащие зарубежным инвесторам (где реальный приток зарубежных вложений в китайскую экономику происходит только за их счет).

К концу 1980 г. были заключены контракты и соглашения о создании (без учета мелких предприятий производственной кооперации) 330 совместных предприятий, общие капиталовложения в которых оценивались в 1,8 млрд. долл. (из них доля иностранного участия составляла 1,4 млрд. долл.). Однако подавляющая часть этой суммы приходилась на предприятия, действующие в рамках компенсационных торговых сделок. Масштабы привлечения деловых инвестиций в их чистой форме были значительно меньше. К концу 1980 г. Комиссией по контролю за иностранными инвестициями было официально санкционировано создание только 17 компаний, суммарный капитал которых (включая долю китайской стороны) был несколько менее 150 млн. долл. [192].

Активный приток вложений из-за рубежа тормозился в первую очередь недостаточной разработанностью правовой основы функционирования иностранного капитала в КНР. В 1980 г., пытаясь преодолеть настороженность зарубежных инвесторов, китайское руководство предпринимало активные меры для создания в стране благоприятного инвестиционного климата.

На 3-й сессии ВСНП был принят закон, регулирующий взимание подоходного налога со всех типов совместных предприятий (кроме предприятий по добыче нефти, газа и других природных ресурсов). Средняя ставка налога определена несколько ниже аналогичных ставок в большинстве развивающихся стран. Предусмотрено и предоставление традиционных в таких случаях льгот в виде «налогового кредита» — полного или частичного освобождения создаваемых предприятий от уплаты налогов в течение первых трех лет прибыльной деятельности, а при особо длительных сроках освоения — и дольше. Так, совместные компании в сельском и лесном хозяйстве, а также предприятия, находящиеся в отдаленных пограничных районах, могут в течение еще 10 лет выплачивать налог на 10—30% ниже обычной ставки. В 1980 г. были приняты также такие важные нормативные акты, как постановления Госсовета КНР о порядке регистрации совместных предприятий и о порядке регулирования на них вопросов трудового законодательства, «Временное положение КНР о контроле за иностранной валютой».

Следует отметить и создание в КНР «особых экономических зон» — районов, выделенных для деятельности иностранного капитала. В 1980 г. велись работы по организации трех подобных зон в Гуандуне[193] и одной — в Фуцзяни[194]. В августе 1980 г. Постоянный комитет ВСНП принял «Положение о создании особых экономических зон в пров. Гуандун», что положило начало их юридическому оформлению.

В «особых зонах» для иностранного капитала созданы более льготные условия, чем это предусмотрено в законах о подоходном налоге и совместных предприятиях. В частности, ставка подоходного налога там снижена до 15%, а продолжительность «налогового кредита» увеличена до 3—5 лет[195]. Импорт сырья и оборудования в «особые зоны», как и вывоз из них на внешние рынки готовой продукции, осуществлялся беспошлинно. В то же время между этими зонами и остальной территорией КНР установлен таможенный барьер.

Государственный контроль за притоком и использованием иностранного капитала в «особых зонах» в значительной мере ослаблен. В отличие от прочих районов Китая на их территории допускалось учреждение компаний, полностью принадлежащих иностранным инвесторам; для иностранных капиталовложений в размере до 2 млн. долл. не требовалось специального разрешения провинциальных или центральных властей. Более того, организация некоторых из «зон» с самого начала велась при активном содействии иностранных компаний. Зара-

ботная плата в «зонах» примерно на 25% ниже, чем в Гонконге[196]. В этих условиях официальные лица в КНР вынуждены были признать, что «в особых экономических зонах» «до известной степени» допускается эксплуатация китайских трудящихся иностранным капиталом[197].

Создание «особых экономических зон», по сути дела, представляет собой попытку провести ограниченный эксперимент применения политики «открытых дверей», с тем чтобы найти оптимальные пропорции и методы использования иностранного капитала в масштабах всего народного хозяйства КНР. Однако уже в 1980 г. первые шаги в данном направлении вызвали ряд осложнений. В частности, выяснилось, что если китайская сторона видит смысл политики подобного рода прежде всего в привлечении современной техники и технологии, то капиталистические фирмы озабочены исключительно извлечением максимально высоких прибылей за счет эксплуатации труда китайских рабочих, а также быстрой окупаемостью вложенных средств. В результате большинство созданных или создаваемых совместных предприятий представляли собой сборочные заводы или компании по обслуживанию внешней торговли и туризма, что, конечно, мало способствовало поступлению в Китай современного оборудования[198].

Преобладающая в 1980 г. тенденция к перенесению в Китай лишь заключительных стадий технологических процессов ограничивала возможности создания на территориях «особых зон» более или менее целостных промышленных комплексов и привязывала их производственный потенциал к экономической деятельности фирм-инвесторов. Эта тенденция не обеспечивала реального развития производительных сил КНР и в случае ее дальнейшего развития может способствовать деформации ее хозяйственной структуры в интересах зарубежных вкладчиков капитала.

[1] «Жэньминь жибао», 12.IX.1980.
[2] Дэн Сяопин. Вэньсюань, с. 209.
[3] «Жэньминь жибао», 13.IX.1980.
[4] «Жэньминь жибао», 8.III.1981.
[5] «Жэньминь жибао», 1.I.1981.
[6] Там же.
[7] «Жэньминь жибао», 16.I.1981.
[8] «Жэньминь жибао», 19.VIII.1980.
[9] Там же.
[10] «Жэньминь жибао», 13.IX.1980.
[11] «Жэньминь жибао», 12.IX.1980.
[12] «Жэньминь жибао», 30.X.1980.
[13] Там же.
[14] «Жэньминь жибао», 10.VI.1980.
[15] В. Ванин, С. Людин. Что скрывается за «урегулированием» экономики Китая.— «Политическое самообразование». 1980, № 11, с. 126.
[16] «Цзинцзи яньцзю». 1980, № 6, с. 13.
[17] «Чжунго байкэ няньцзянь. 1981», с. 194.
[18] «Жэньминь жибао», 7.IX.1980.

[19] «Хунци». 1979, № 10, с. 57.
[20] «Синьхуа юэбао». 1981, № 5, с. 87.
[21] Ранее доля оборотных фондов промышленных предприятий, полученных за счет ассигнований из бюджета, составляла 80%, а за счет банковского кредита — лишь 20%.
[22] «Жэньминь жибао», 31.VIII.1979.
[23] «Гуанмин жибао», 11.IX.1979.
[24] «Жэньминь жибао», 15.IX.1980.
[25] См., например: «Жэньминь жибао», 19.VII.1980.
[26] «Жэньминь жибао», 10.VI.1980.
[27] «Вэньхуэй бао», 29.I.1981.
[28] «Жэньминь жибао», 23.II.1979.
[29] «Жэньминь жибао», 23.II.1980.
[30] «Жэньминь жибао», 6.II.1979.
[31] «Цзинцзи гуаньли». 1979, № 9, с. 5.
[32] «Beijing Review». 1980, № 31, с. 21; «Китай». 1981, № 3, с. 16.
[33] «Neue Züricher Zeitung», 22.XII.1980.
[34] «Чжунго нунъе вэньти». 1980, № 1, с. 39.
[35] «Жэньминь жибао», 30.I.1980.
[36] «The China Business Review». 1980, vol. 7, № 2, с. 33.
[37] «Наньфан жибао», 30.I.1980.
[38] «Наньфан жибао», 15.I.1980.
[39] «Наньфан жибао», 29.VI.1980.
[40] «Нунъе цзинцзи вэньти». 1980, № 2, с. 8.
[41] «Нунъе цзинцзи вэньти». 1980, № 3, с. 46.
[42] См.: «Жэньминь жибао», 22.X.1980; «Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1981», ч. IV, с. 21.
[43] «Нунцюнь гунцзо тунсюнь». 1980, № 5, с. 25.
[44] «Жэньминь жибао», 9.XI.1980.
[45] «Нунъе цзинцзи вэньти». 1981, № 3, с. 48.
[46] «Цзиньцзи гуаньли». 1981, № 1.
[47] «Жэньминь жибао», 1.V.1980.
[48] «Жэньминь жибао», 30.IV.1981.
[49] Там же.
[50] «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1981», с. 20.
[51] «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1983», с. 23.
[52] См.: «Бэйцзин жибао», 7.XII.1979; «Жэньминь жибао», 26.IV, 2.XII.1980.
[53] «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1981», с. 20.
[54] «Жэньминь жибао», 12.X.1980.
[55] «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1981», с. 21.
[56] «Жэньминь жибао», 16.V.1980.
[57] «Жэньминь жибао», 16.VI.1980.
[58] «Хунци». 1980, № 23, с. 12—13; «Жэньминь жибао», 15.V.1980.
[59] Сюе Муцяо. Чжунго шэхуэйчжуи цзинцзи вэньти яньцзю (Изучение проблем социалистической экономики в Китае). Пекин, 1979, с. 177.
[60] «Цзинцзи яньцзю». 1979, № 3, с. 36—44.
[61] «Beijing Review». 1981, № 12, с. 25.
[62] «Жэньминь жибао», 1.I.1981.
[63] «Жэньминь жибао», 28.XI.1980.
[64] «Гуанмин жибао», 25.X.1980.
[65] «Жэньминь жибао», 30.IV.1981.
[66] «Жэньминь жибао», 6.VIII.1980.
[67] «Жэньминь жибао», 11.III.1981.
[68] За счет этого удалось сэкономить 1 млн. т нефти. Ее расход на ТЭС снизился с 20 млн. до 19 млн. т.
[69] «Жэньминь жибао», 16.V.1980.
[70] «Financial Times», 1.V.1980.
[71] См.: «Хунци». 1980, № 11, с. 15—21.
[72] «Жэньминь жибао», 7.IV.1980.
[73] «Жэньминь жибао», 23.I.1981.

[74] В эту категорию китайская статистика включает зерно, бобовые, а также клубнеплоды в пересчете на зерно (в соотношении 1 : 5).
[75] «Жэньминь жибао», 28.II.1980.
[76] См.: «Жэньминь жибао», 14.V.1980, 7.II.1981.
[77] «Шаньси жибао», 28.II.1980.
[78] «Жэньминь жибао», 7.VII.1980.
[79] «Хунци». 1980, № 20, с. 12.
[80] «Жэньминь жибао», 14.V.1980.
[81] «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1981», с. 199.
[82] «Жэньминь жибао», 26.X.1980.
[83] В 11 провинциях они охватывали 20%, а в целом по стране — 16,7% уездов («Нунъе цзинцзи вэньти». 1980, № 2, с. 34).
[84] Там же, с. 33.
[85] «Хунци». 1980, № 10, с. 20.
[86] «Нунъе цзинцзи вэньти». 1980, № 5, с. 3.
[87] «Хунци». 1980, № 21, с. 18.
[88] «Гуанмин жибао», 6.XII.1980.
[89] «Жэньминь жибао», 24.IX.1980.
[90] «Жэньминь жибао», 14.V.1980.
[91] «Хунци». 1980, № 1, с. 19.
[92] «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1981», с. 132.
[93] «Чжунго нунъе няньцзань. 1980», с. 6.
[94] «Жэньминь жибао», 6.X.1979.
[95] Основные положения этого документа были изложены в «Жэньминь жибао» от 5 ноября 1980 г. и 2 марта 1981 г.
[96] «Жэньминь жибао», 1.IX.1981.
[97] «Жэньминь жибао», 5.XI.1981.
[98] «Жэньминь жибао», 24.II, 20.V.1981; «Цзинцзи гуаньли». 1981, № 2, с. 19.
[99] «Нунцунь гунцзо тунсюнь». 1981, № 8, с. 11.
[100] «Хунци». 1981, № 19, с. 23.
[101] См.: «Жэньминь жибао», 4, 12.IV, 30.X.1981.
[102] «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1981», с. 189.
[103] «Жэньминь жибао», 29.XII.1980.
[104] «Нунъе цзинцзи вэньти». 1980, № 5, с. 6.
[105] «Нунъе цзинцзи вэньти». 1980, № 10, с. 12.
[106] «Жэньминь жибао», 29.XII.1980.
[107] «Жэньминь жибао», 5.XI.1980.
[108] «Нунъе цзинцзи вэньти». 1980, № 7, с. 24.
[109] «Чжунго байкэ няньцзянь. 1980», с. 62—114.
[110] По китайской административной системе в состав трех крупнейших городов центрального подчинения включены окружающие их сельские районы.
[111] «Чжунго байкэ няньцзянь. 1981», с. 276.
[112] «Чжунго тунцзи няньцзянь 1982», с. 28.
[113] «Чжунго байкэ няньцзянь, 1981», с. 277.
[114] «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1981», с. 139.
[115] «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1981», с. 138, 139.
[116] «Жэньминь жибао», 1.V.1980, 30.IV.1981.
[117] «Жэньминь жибао», 15.VIII.1980.
[118] «Жэньминь жибао», 21.VI.1980.
[119] «Жэньминь жибао», 27.XII.1980.
[120] «Чжунго байкэ няньцзянь. 1981», с. 277.
[121] «Жэньминь жибао». 23.XI.1980.
[122] «Жэньминь жибао». 26.VI.1980.
[123] «Жэньминь жибао», 7.XI.1980.
[124] «Чжунго байкэ няньцзянь. 1981», с. 278.
[125] «Жэньминь жибао», 9.XII.1980.
[126] «Жэньминь жибао», 30.VI.1981.
[127] Там же.
[128] Там же.
[129] «Жэньминь жибао», 30.IV.1981.

[130] «Жэньминь жибао», 6.X.1980.
[131] «Жэньминь жибао», 1.II.1981.
[132] «Жэньминь жибао», 8.XII.1980.
[133] «Жэньминь жибао», 8.IX.1980.
[134] «Жэньминь жибао», 18.VIII.1980.
[135] «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1981», с. 275, 279.
[136] Там же, с. 271, 273.
[137] «Жэньминь жибао», 25.XII.1980.
[138] «Жэньминь жибао», 3.I, 23.IV.1980.
[139] «Жэньминь жибао», 18.IV.1980.
[140] «Жэньминь жибао», 26.XII.1980.
[141] «Жэньминь жибао», 21.X.1980.
[142] «Жэньминь жибао», 15.XII.1980.
[143] «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1981», с. 271, 275.
[144] «Жэньминь жибао», 30.IV.1981.
[145] «Наньфан жибао», 10.X.1980.
[146] «Жэньминь жибао», 24.VII.1981.
[147] «Жэньминь жибао», 12.X.1980.
[148] «Жэньминь жибао», 21.IX.1980.
[149] См.: «Жэньминь жибао», 11.II, 30.IV.1981.
[150] «Жэньминь жибао», 21.IX.1980.
[151] «Жэньминь жибао», 8.II.1981.
[152] «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1981», с. 273, 279.
[153] «Жэньминь жибао», 4.VIII.1980.
[154] «Жэньминь жибао», 16.I.1981.
[155] «Жэньминь жибао», 21.VIII.1980.
[156] «Жэньминь жибао», 16.XI.1980.
[157] «Жэньминь жибао», 5.XI.1980.
[158] «Жэньминь жибао», 30.IV.1981.
[159] «Жэньминь жибао», 2.IX.1980.
[160] «Жэньминь жибао», 30.IV.1981.
[161] «Гунжэнь жибао», 4.I.1980.
[162] «Жэньминь жибао», 27.IV.1980.
[163] «Жэньминь жибао», 8.XII.1980.
[164] «Жэньминь жибао», 10.VI.1980.
[165] См.: «Far Eastern Economic Review». 1980, vol. 108, № 24, с. 51—52.
[166] «Шаньси жибао», 2.III.1980.
[167] «Жэньминь жибао», 20.I.1980.
[168] «Гунжэнь жибао», 12.VIII.1980.
[169] «Цзинцзи кэсюе». 1980, № 1.
[170] «Нунъе цзинцзи вэньти». 1980, № 2, с. 34.
[171] В 1980 г. в китайской деревне насчитывалось 5154 тыс. производственных бригад, являющихся основными хозрасчетными единицами в сельском хозяйстве.
[172] «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1981», с. 199.
[173] «Нунъе цзинцзи вэньти». 1980, № 2, с. 34.
[174] Там же, с. 37.
[175] Там же, с. 32, 33.
[176] «Нунъе цзинцзи вэньти». 1980, № 1, с. 26.
[177] Там же, с. 26—28.
[178] «Нунъе цзинцзи вэньти». 1980, № 9, с. 28—31.
[179] «Жэньминь жибао», 3.I.1981.
[180] «Нунъе цзинцзи вэньти». 1980, № 10, с. 25—31.
[181] «Жэньминь жибао», 9.I.1981.
[182] «Жэньминь жибао», 7.II.1981.
[183] «Жэньминь жибао», 31.XII.1980.
[184] «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1981», с. 353.
[185] Рассчитано на основании данных, опубликованных агентством Синьхуа в январе 1981 г.
[186] «Жэньминь жибао», 30.IV.1981. Следует отметить, что тремя месяцами

ранее в сообщении агентства Синьхуа доля продукции тяжелой промышленности в экспорте КНР определялась в 32% в 1979 г. и в 39% в 1980 г.

[187] «Japan Times», 20.II.1981.

[188] «New York Times», 19.IX.1981.

[189] «Жэньминь жибао», 13.IX.1980. Пересчет по официальному валютному курсу.

[190] См.: «Жэньминь жибао», 28.VII.1980.

[191] См.: «Жэньминь жибао», 13.IX.1980.

[192] См.: «Шицзе цзинцзи даобао», 30.III.1981; «Гунжэнь жибао», 25.VI.1981.

[193] В городах Шэньчжэнь (на границе с Гонконгом), Чжухай (на границе с Макао) и Шаньтоу.

[194] В северо-западном районе г. Сямынь («Beijing Review». 1981, № 50, с. 14).

[195] «China Business Review». 1980, № 2, с. 32—35.

[196] «Far Eastern Economic Review». 1980, т. 107, № 12, с. 99.

[197] «Beijing Review». 1981, № 50, с. 15.

[198] См.: «Наньфан жибао», 14.VI.1980.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

КНР И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ

Советско-китайские отношения

В 1980 г. сохранялись сложность и напряженность в отношениях между двумя государствами. С советской стороны предпринимались большие усилия, чтобы изменить эту ситуацию, направить ее развитие на путь разрядки и нормализации, восстановить дух добрососедства.

ЦК КПСС и Советское правительство неизменно следовали курсу, намеченному XXV съездом КПСС. Съезд подчеркнул: «Мы будем защищать интересы Советского государства, социалистического содружества, мирового коммунистического движения». Вместе с тем «в отношении Китая, как и других стран, мы твердо придерживаемся принципов равноправия, уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы. Словом, мы готовы нормализовать отношения с Китаем на принципах мирного сосуществования». Если правительство Китая, отмечалось в документах съезда, откажется от враждебного социалистическим странам курса, станет на путь сотрудничества и солидарности с миром социализма, «то это найдет соответствующий отклик с нашей стороны и откроется возможность для развития добрых отношений между СССР и КНР, отвечающих принципам социалистического интернационализма. Дело за китайской стороной» [1].

Принципиальными установками XXV съезда КПСС строго руководствовались в своей практической деятельности советские внешнеполитические, торгово-экономические и другие государственные ведомства и организации.

Линия на нормализацию отношений с КНР находила четкое отражение в заявлениях Советского правительства, а также в выступлениях официальных лиц и материалах прессы СССР.

В статье, опубликованной в «Правде» в связи с итогами 5-го пленума ЦК КПК, отмечалось: «Совершенно очевидно, что КНР нуждается в мирных условиях и в добрых отношениях с соседними странами, если она действительно хочет развивать народное хозяйство, повышать материальное благосостояние трудящихся, совершенствовать науку, культуру, образование и

просвещение. На 5-м пленуме ЦК КПК отмечалось, что в Китае существует ряд важнейших экономических и политических проблем, которые необходимо „разрешить в неотложном порядке и скорейшим образом". Очевидно, что эти проблемы не могут быть успешно решены в условиях нестабильности и неустойчивости... Можно с уверенностью сказать, что как советский народ, так и китайский народ нуждаются в мире и добрососедских отношениях». Газета еще раз напоминала о необходимости использования всех возможностей и практических каналов, по которым можно было бы вести конструктивный разговор с целью нормализовать советско-китайские отношения. В частности, обращалось внимание на то, что сохраняется, но остается неиспользованным такой канал связи, как советско-китайские переговоры по пограничному урегулированию, предоставляющие определенные возможности для конструктивного решения ряда вопросов межгосударственных связей СССР и Китая [2].

Реалистическая и конструктивная позиция Советского правительства была изложена также в докладе секретаря ЦК КПСС К. В. Русакова на торжественном собрании 21 мая 1980 г., посвященном 25-летию Варшавского Договора. Он указал, что «не Советский Союз повинен в нынешнем состоянии отношений между СССР и Китаем. Мы всегда с большим уважением относились к китайской революции, оказывали китайскому народу большую помощь в борьбе против империализма, в строительстве новой жизни. Нам понятно его стремление осуществить модернизацию промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры, повысить свой материальный уровень... Китайская сторона знает, что мы готовы в любое время к деловым переговорам с целью урегулирования отношений с КНР» [3].

В поздравительной телеграмме Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, направленной Постоянному комитету Всекитайского собрания народных представителей и Государственному совету КНР по случаю национального праздника — 31-й годовщины провозглашения Китайской Народной Республики, говорилось: «Советский Союз последовательно выступает за улучшение отношений между СССР и КНР на основе принципов мирного сосуществования, в духе добрососедства и твердо убежден, что именно такой курс отвечает коренным интересам народов наших стран» [4].

Неуклонное стремление СССР к нормализации советско-китайских отношений было выражено и в документах об итогах переговоров Советского правительства с руководителями других стран (в советско-кампучийском заявлении, опубликованном после визита в СССР делегации Единого фронта национального спасения Кампучии и Народно-революционного совета Народной Республики Кампучии [5]; в коммюнике о переговорах А. А. Громыко с министром иностранных дел ГДР О. Фишером [6]; в сообщении о визите в СССР министра иностранных дел МНР М. Дугэрсурэна [7]).

Идейно-политическая позиция Советского правительства реализовалась в конкретных делах. Китайской стороне был сделан целый ряд практических предложений как по налаживанию двусторонних межгосударственных отношений в различных областях (включая развитие торгово-экономических, научно-технических, культурных и других связей), так и по установлению контактов с Китаем по международным проблемам регионального и глобального характера. Широкие возможности для такого сотрудничества открывались важными инициативами, с которыми постоянно выступали страны Варшавского Договора. Одной из них было предложение о проведении на самом высоком уровне встречи руководителей государств всех районов мира. «На этой встрече,— указывал член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел А. А. Громыко 3 июня 1980 г.,— могла бы быть обсуждена задача первостепенной важности, волнующая все человечество,— задача устранения очагов международной напряженности». Другим важным вопросом, выдвинутым странами Варшавского Договора и представлявшим, казалось бы, интерес для Китая, был вопрос об обеспечении безопасности государств Индийского океана. «Советский Союз вместе с другими участниками Варшавского Договора,— отметил в упомянутом выступлении А. А. Громыко,— заявил о своей поддержке предложения прибрежных государств Индийского океана относительно превращения этого района в зону мира. Подчеркиваю, в зону мира, а не каких-то особых интересов США»[8]. Однако упомянутые инициативы социалистических стран остались без ответа со стороны КНР.

На пресс-конференции 25 апреля 1980 г. А. А. Громыко, характеризуя политику Пекина в отношении СССР и внешнеполитический курс китайского руководства в целом, сказал: «Мы, советские руководители, не зафиксировали смягчения китайской внешней политики... Мы с удовлетворением восприняли бы как положительный фактор такое смягчение. Мы выразили бы удовлетворение, если бы Пекин занял более разумную позицию в международных делах: в вопросах борьбы за разоружение, в вопросах, касающихся Азии, и в других вопросах международной политики... Этого пока нет»[9].

Правда, в официальных заявлениях руководители КНР иногда высказывались за улучшение отношений с Советским Союзом. Например, в поздравительной телеграмме Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей и Государственного совета КНР, адресованной Президиуму Верховного Совета и Совету Министров СССР по случаю 63-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, говорилось: «Китайское правительство неизменно считает, что коренные интересы народов наших обеих стран заключаются в том, чтобы устранить угрозу миру во всем мире, неукоснительно соблюдать пять принципов — взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, невмеша-

тельство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода и мирное сосуществование, по-настоящему урегулировать неразрешенные вопросы между Китаем и Советским Союзом, устранить препятствия между двумя странами. К этому китайская сторона и впредь будет прилагать свои усилия»[10]. Однако за полгода до продления на очередной пятилетний срок Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи от 14 февраля 1950 г. между СССР и КНР правительство КНР заявило об отказе от его пролонгации[11].

20 января 1980 г. китайская сторона объявила о принятом ею в одностороннем порядке решении отложить на неопределенный срок проведение второго тура советско-китайских переговоров по урегулированию межгосударственных отношений, первый тур которых состоялся в 1979 г. в Москве. Премьер Госсовета КНР Хуа Гофэн сказал в одном из своих заявлений в апреле 1980 г., что «для Китая предпочтительнее не иметь договора с Советским Союзом»[12].

Китайская сторона фактически занимала негативную позицию в отношении всех конструктивных советских предложений, направленных на улучшение отношений между нашими странами. Она или совсем не давала ответов на предложения советской стороны, или заявляла, что время для их обсуждения «не созрело».

В то же время руководство КНР форсированными темпами расширяло всесторонние связи с империалистическими государствами, и в первую очередь с США и Японией, невзирая на то, что они продолжали (хотя и в несколько модернизированном виде) проводить политику «двух Китаев», на то, что милитаристский и экспансионистский курс империализма создает реальную угрозу для стран Азии, в том числе и для Китая.

В китайской прессе и научных изданиях по-прежнему выдвигались притязания на принадлежащие Советскому Союзу территории, требования по вопросам, касающимся отношений СССР с третьими странами, в частности с Вьетнамом, Афганистаном, МНР.

На страницах китайских газет продолжали публиковаться также материалы, извращающие миролюбивую политику Советского Союза, повторялись призывы к созданию «широчайшего единого фронта» против СССР и мирового социализма, к борьбе против так называемого «советского гегемонизма».

На мировой арене руководство КНР выступало в поддержку политики США и их союзников по НАТО. В частности, Пекин присоединился к США и некоторым их союзникам в попытках бойкотировать Олимпийские игры в Москве, а также выступил в поддержку предпринятых Вашингтоном экономических и других санкций против СССР.

Для двусторонних отношений характерным был низкий уровень контактов. Согласно заключенному советско-китайскому соглашению о торговле и платежах на 1980 г. товарооборот

между СССР и КНР был определен в объеме 316,6 млн. руб., что означало его снижение против предыдущего, 1979 г. на 15,9 млн. руб.[13] (подробнее см. разд. «Внешнеэкономические связи»).

Функционировали почтово-телеграфно-телефонная связь, авиационное и железнодорожное сообщение между Москвой и Пекином. Советской и китайской сторонами осуществлялось судоходство на пограничных участках рек. На территории КНР с 5 февраля по 19 марта было проведено очередное XXII совещание советско-китайской комиссии по судоходству, был подписан соответствующий протокол[14].

В апреле 1980 г. прибыл в Советский Союз и вручил верительные грамоты кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, первому заместителю Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецову новый посол КНР в СССР Ян Шоучжэн[15].

Состоялся прием по случаю 31-й годовщины провозглашения Китайской Народной Республики, устроенный 30 сентября посольством КНР в СССР. На нем присутствовали заместители министров СССР И. Т. Гришин, Л. Ф. Ильичев, другие официальные лица.

7 ноября посольство СССР в КНР устроило прием, на котором присутствовали заместитель министра иностранных дел Ван Юпин и заместитель министра внешней торговли КНР Ван Жуньшэн, другие работники китайских учреждений.

Китайское народное общество дружбы с заграницей (КНОДЗ) и Общество китайско-советской дружбы (ОКСД) устроили прием в ознаменование 63-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Со стороны Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) и Общества советско-китайской дружбы (ОСКД) в 1980 г. предпринимались шаги к установлению контактов со своими китайскими партнерами — КНОДЗ и ОКСД. Однако они не дали результата. Тем не менее ССОД и ОСКД продолжали проводить активную работу, направленную на ознакомление советской общественности с жизнью китайского народа, его историей, культурой и т. п. (подробнее см. разд. «В Обществе советско-китайской дружбы»).

Политика в отношении других социалистических стран

Сохранялась напряженность в отношениях КНР с *Социалистической Республикой Вьетнам*. Вьетнамская сторона в течение 1980 г. неоднократно предлагала начать очередной раунд переговоров о нормализации отношений между СРВ и КНР. Однако КНР не принимала эти предложения. Генеральный секретарь Центрального Комитета компартии Вьетнама Ле Зуан в речи на сентябрьском (1980 г.) пленуме ЦК КПВ подчеркнул: «Правящие круги Китая ожесточенно ведут подрывную деятель-

ность против Вьетнама в политической, военной, экономической и дипломатической областях» [16].

В августе Дэн Сяопин в интервью итальянской журналистке Фаллачи заявил, что Китай «оставляет за собой право» нового вооруженного нападения на СРВ [17]. Китайско-вьетнамские отношения в 1980 г. широко освещались в советских [18] и вьетнамских публикациях [19].

Конфликтный характер сохраняли отношения КНР с *Народной Республикой Кампучией* (НРК). Китайское правительство стремилось не допустить стабилизации обстановки в этой стране. Оно активно содействовало реорганизации и снабжению оружием, боеприпасами и продовольствием остатков полпотовских банд, укрывшихся на таиландской территории, используя их для ведения затяжной войны против народной Кампучии.

На XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН делегация КНР выступила за сохранение за представителями несуществующей «демократической Кампучии» места в ООН, которое по праву должно принадлежать законному представителю кампучийского народа — НРК.

Обостренной оставалась ситуация и в отношениях с *Лаосской Народно-Демократической Республикой.* Генеральный Секретарь ЦК Народно-революционной партии Лаоса Кейсон Фомвихан в докладе на митинге, посвященном 25-й годовщине образования НРПЛ (22 марта 1980 г.), подчеркнул опасность этого положения для дела мира. Как заявил заместитель премьера ЛНДР Фуми Вонгвичит, Китай сосредоточил на границе с Лаосом несколько дивизий и осуществлял акции, направленные на обострение обстановки в пограничных районах [20].

Имели место осложнения и в отношениях с *Монгольской Народной Республикой.* Ряд китайских авторов предпринимали попытки «научно обосновать» тезис, согласно которому монголы якобы никогда не имели собственной территории, а всегда жили и живут на... землях Китая. Искажалась история национально-освободительного движения монгольского народа, которая изображалась некоторыми китайскими учеными как результат происков внешних сил. Они пытались также доказать, что политика перехода от феодализма к социализму, минуя капитализм, в МНР якобы закончилась провалом.

Китайская печать необъективно освещала внешнюю политику и внутреннее положение *Кубы* [21]. Межгосударственные отношения этих стран ограничились подписанием китайско-кубинского соглашения о торговле и платежах на 1980 г.

В 1980 г. не были восстановлены экономические, культурные и другие связи КНР с *Албанией.* Китайская печать не публиковала каких-либо сообщений о внутренних событиях и международных связях НСРА. В албанской печати продолжалась резкая критика внутренней и внешней политики китайского руководства.

В 1980 г. КНР по-прежнему придерживалась дифференци-

рованного подхода в отношениях с *европейскими странами — членами Совета Экономической Взаимопомощи и участниками Варшавского Договора.* Китайская печать допускала выпады против коллективных организаций этих государств, неоднократно писала о якобы существующих между последними непримиримых противоречиях. Так, «Жэньминь жибао», комментируя итоги XXXIV заседания сессии СЭВ, непомерно преувеличивала трудности и недостатки в осуществлении экономической интеграции и не упоминала о достижениях в сотрудничестве братских стран [22]. В «Хунци» снова появились утверждения, будто Советский Союз руководствуется в своих отношениях с другими социалистическими государствами «теорией ограниченного суверенитета», подменяя ею принципы интернационализма [23]. В статьях журнала предпринимались попытки «теоретически» доказать, что в современных условиях социалистическим странам Восточной Европы Варшавский Договор не нужен, а тезис о необходимости обеспечить коллективную защиту социалистического содружества от угрозы со стороны НАТО якобы лишь предлог для вмешательства в их внутренние дела [24].

«Жэньминь жибао» перепечатывала материалы из западной прессы, в которых правящие круги империалистических государств изображались защитниками *Польской Народной Республики* от некой внешней угрозы. Так, она опубликовала изложение коммюнике глав правительств ЕЭС с призывом «усилить сплочение Европы», пристально следить за польскими событиями [25]. В другом ее номере была помещена большая подборка зарубежных материалов о Польше, содержавшая изложение заявлений Дж. Картера, М. Тэтчер, Г. Киссинджера, министерства иностранных дел Австралии [26]. В китайской печати публиковались заявления антисоциалистических элементов в Польше.

В появившихся в китайской печати немногочисленных материалах о внутреннем положении *Народной Республики Болгарии* акцент делался на трудностях и недостатках экономического развития. Была опубликована необъективная информация китайской прессы о XII съезде Венгерской социалистической рабочей партии, в которой говорилось, что главным на съезде был якобы вопрос о том, как преодолеть трудности в экономике *Венгерской Народной Республики* [27]. В корреспонденциях отделения Синьхуа в Берлине не раз предпринимались попытки извратить роль и место *Германской Демократической Республики* в социалистической экономической интеграции в рамках СЭВ [28]. Касаясь экономического развития *Чехословакии*, китайская печать сочла нужным сообщать лишь о трудностях выполнения плана сельскохозяйственного производства и пятилетнего плана развития народного хозяйства ЧССР [29]. В целом нормальные, по утверждению китайских лидеров, отношения с этими странами сводились в 1980 г. к торговле и незначительному научно-техническому обмену.

С КНДР, СРР и СФРЮ КНР по-прежнему поддерживала контакты по многим линиям: велась довольно широкая торговля, расширялись политические, научно-технические и культурные отношения, осуществлялся обмен многочисленными делегациями на разных уровнях.

Широкими были связи Китая с *Социалистической Республикой Румынией.* В мае 1980 г. ее посетил (проездом из Белграда) Хуа Гофэн. Во время его встречи с Генеральным секретарем РКП, президентом СРР Н. Чаушеску отмечалось укрепление сотрудничества двух стран, идентичность или близость их позиций по коренным международным проблемам, выражено стремление и в дальнейшем развивать всестороннее сотрудничество[30]. Румынию посетила также заместитель премьера КНР, министр внешнеэкономических связей Чэнь Мухуа, которая обсуждала с румынской стороной вопросы экономического и научно-технического сотрудничества и торгового обмена. В Китай нанесли визиты премьер-министр правительства СРР И. Вердец и два его заместителя — Г. Опря и К. Буртике.

В Румынии побывали китайские делегации: Федерации снабженческо-сбытовых кооперативов, министерства сельского хозяйства, Общества китайско-румынской дружбы, Всекитайской ассоциации журналистов, радио и телевидения КНР, Всекитайской федерации профсоюзов, НОАК и др. В Китай приезжали румынские делегации: работников пищевой промышленности, министерства финансов, Ассоциации румыно-китайской дружбы, Союза коммунистической молодежи, партийных работников, военная делегация и др.

В 1980 г. стороны подписали: протокол о товарообороте на 1980 г.; протокол сессии совместной комиссии по экономическому сотрудничеству; протокол заседания комиссии по научно-техническому сотрудничеству; план научно-технического сотрудничества между академиями наук на 1980—1982 гг.; протокол о сотрудничестве в области радио и телевидения.

В Пекине состоялась румынская промышленная выставка, Пекинский музей китайской революции организовал в ряде городов Румынии передвижную выставку «Великий поход Китайской рабоче-крестьянской красной армии».

Обменом делегаций на высоком уровне характеризовались *китайско-югославские отношения.* В Белграде на похоронах И. Б. Тито присутствовала партийно-правительственная делегация во главе с премьером Госсовета Хуа Гофэном, встречавшаяся с высшими югославскими руководителями. Для переговоров с руководством ВКФП Китай посетила югославская профсоюзная делегация, которая была принята Хуа Гофэном. В КНР побывали также делегация Союза социалистической молодежи Югославии, делегация женщин СФРЮ и др. В Югославию приезжали экономические и другие делегации из КНР. В 1980 г. стороны подписали соглашения о сотрудничестве в использовании ядерной энергии в мирных целях и о сотрудничест-

ве между Шанхайским издательством и издательством «Югославское обозрение», а также протокол второй сессии Комитета по экономическому сотрудничеству.

В 1980 г. активизировались контакты между Китаем и *Корейской Народно-Демократической Республикой.* Хуа Гофэн встречался с Генеральным секретарем ЦК ТПК, президентом КНДР Ким Ир Сеном во время пребывания их обоих в Югославии на похоронах И. Б. Тито. На VI съезде ТПК присутствовала делегация КПК во главе с заместителем Председателя ЦК КПК Ли Сяньнянем. КНДР посетили делегации: китайских профсоюзов, НОАК, Общества китайско-корейской дружбы, сотрудников армейских газет и многие другие. В Китай нанесли визит делегации ТПК, Корейской народной армии, корейских профсоюзов, Академии наук КНДР и др. (подробнее см. разделы «Научно-технические связи» и «Культурные связи»).

КНР И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ

В 1980 г. Китай продолжал активно развивать всесторонние связи со странами капитализма. Продолжали складываться новые формы экономических отношений КНР с мировым капиталистическим рынком, прежде всего прямые иностранные инвестиции в экономику страны. КНР стала членом Международного валютного фонда (апрель) и Международного банка реконструкции и развития (май), рассчитывая получить у них значительные кредиты [31] (подробнее см. раздел «Внешнеэкономические связи»). Согласно сообщению японской печати, созданный в 1978 г. в Пекине Институт международных отношений планировал проведение «совместных консультаций и исследований со специалистами из Японии и США» [32].

Активизировались связи в военной области с США, рядом западноевропейских стран и с Австралией (правительство которой договорилось с правительством КНР о посещении Шанхая австралийскими военными кораблями [33]). Постоянный характер приобрели контакты между военными ведомствами Китая и некоторых из этих государств по обмену информацией и взаимному ознакомлению с «оборонным планированием». Координационный комитет НАТО по вопросу о контроле над экспортом (КОКОМ) принял решение о снятии ограничений на экспорт в Китай наступательного оружия [34].

Вместе с тем следует отметить, что развитие связей Китая с капиталистическими странами наталкивалось на различные препятствия (подробно рассмотренные в последующих разделах). Прежде всего каждая из сторон испытывала неуверенность в стабильности внешнеполитического курса другой. Немалое значение имел пересмотр программы «четырех модернизаций», нанесший существенный ущерб планам расширения экономических отношений капиталистического мира с КНР. Не-

гативное влияние оказало замораживание ряда ранее подписанных контрактов по закупке Китаем комплектного промышленного оборудования, хотя в целом размах экономических контактов КНР с капиталистическими странами продолжал возрастать. Отмеченные тенденции прослеживаются в каждом из региональных направлений внешнеполитической активности Китая по отношению к империалистическому лагерю.

Китай продолжал развивать связи с *Соединенными Штатами Америки*, включая сотрудничество в международных делах на базе «параллельных интересов», расширение торгово-экономических отношений, активизацию обменов в области науки и техники, культуры, туризма и — что особенно характерно для 1980 года — установление контактов в военной области.

В связи с этим обе стороны внесли существенные коррективы в теоретическое и пропагандистское обоснование политики взаимного сближения. В прессе КНР наблюдались отклонения от доктрины «борьбы против гегемонизма двух сверхдержав», допускавшей определенную дозу антиамериканизма. Вашингтон, в свою очередь, в официальном порядке отказался от «дипломатии треугольника», в основе которой лежал принцип «равноудаленности» от СССР и Китая, и взял курс на форсированное сближение с Пекином при одновременном обострении отношений с Советским Союзом. «Дипломатия треугольника начала 70-х годов,— заявил помощник госсекретаря США Р. Холбрук,— уже не является больше достаточной концептуальной основой, исходя из которой следует рассматривать наши отношения с Китаем» [35].

Сближение Пекина и Вашингтона проявилось и в практике двусторонних консультаций по вопросам международного положения и «параллельного взаимодействия» в районах обострения напряженности. Для этого использовались не только переговоры на высоком уровне, но и специальные дипломатические миссии. Так, в марте в Вашингтон выезжал заместитель министра иностранных дел КНР Чжан Вэньцзинь для согласования практических мер по оказанию давления на Афганистан и Кампучию.

Многие из визитов на высоком правительственном уровне, которыми стороны обменялись в 1980 г., так или иначе были связаны с переговорами по вопросам координации военно-политических усилий, установления прямых контактов между военными ведомствами КНР и США, обсуждением планов содействия США в модернизации китайских вооруженных сил.

Особое значение в качестве первого практического шага в указанном направлении имело посещение Пекина министром обороны США Г. Брауном (5—13 января), в ходе которого выявилось стремление правящих кругов США перейти к более активным формам сотрудничества с Китаем в военной области с целью подключения его к американской военно-политической стратегии в Азии. В центре переговоров был вопрос о согласо-

вании «параллельных акций» Пекина и Вашингтона в связи с их вмешательством в дела Афганистана. Речь шла кроме того об активизации дипломатической и пропагандистской кампании против Вьетнама и Кампучии и об обеспечении военной поддержки полпотовским бандам с использованием для этого территории Таиланда. Руководитель Пентагона ознакомился с планами перевооружения Китая и выразил готовность американской стороны оказать ему поддержку. Всеобщее внимание привлекло заявление министра обороны США в Пекине о том, что «на угрозу общим интересам США и Китая они могут ответить дополняющими друг друга акциями не только в области дипломатии, но и в военной области»[36]. Таким образом, китайско-американское партнерство стало демонстративно противопоставляться политике разрядки напряженности и активно использоваться обеими сторонами как «средство устрашения» миролюбивых стран, в первую очередь соседей Китая.

Вскоре после отъезда Г. Брауна в США было направлено несколько делегаций военных руководителей и специалистов КНР. В марте там побывал во главе группы военных заместитель начальника Генерального штаба НОАК Лю Хуацин, который был ознакомлен с рядом американских военных объектов, военных научно-исследовательских центров и некоторыми предприятиями по производству военного снаряжения. В мае—июне Соединенные Штаты с официальным визитом посетил начальник секретариата Военного совета ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета Гэн Бяо. Доверительный характер взаимоотношений между сторонами на новом этапе их сближения был подчеркнут всем протоколом встречи китайских деятелей в Америке, и в частности тем, что Гэн Бяо и сопровождающим его лицам была предоставлена возможность посетить ряд закрытых военных объектов, в том числе совершенно секретных заводов.

В итоге переговоров стороны согласовали некоторые практические меры по установлению постоянных военных связей и обеспечению поставок Китаю американской военной техники и технологии. По сообщениям западной печати, была достигнута договоренность о регулярных двусторонних консультациях по вопросам военной политики, визитах высших военных чинов и специалистов, обмене информацией, содействии США в обучении офицерского состава НОАК. Как заявил госдепартамент США, переговоры, состоявшиеся во время визитов Г. Брауна и Гэн Бяо, «положили начало процессу регулярных контактов и диалогу между военными аппаратами двух стран»[37]. В сентябре Китай посетила американская делегация во главе с заместителем министра обороны У. Перри, а в октябре в США выезжали сотрудники китайских военных академий во главе с заместителем министра обороны Сяо Кэ.

Еще до установления полных дипломатических отношений между КНР и США президент Картер разрешил выборочно продавать Китаю технику и материалы «двойного использова-

ния», т. е. предназначенные как для мирных, так и для военных целей. В январе 1980 г. Белый дом снял запрет с вывоза в КНР так называемого «сложного оборудования». Вскоре госдепартамент санкционировал продажу КНР военно-технического снаряжения и оборудования, в том числе транспортных самолетов, вертолетов, грузовиков, электронно-вычислительных машин, радиолокационных систем, приборов для испытания реактивных двигателей [38]. Китайским представителям было предоставлено право договариваться о приобретении военного оборудования непосредственно с производящими его американскими компаниями, получившими от правительства США разрешение участвовать в строительстве на территории Китая заводов по производству как гражданской, так и военной продукции.

В обход некогда установленного по линии НАТО эмбарго на экспорт в КНР стратегических материалов она получила возможность закупать в США и союзных им странах новейшие средства связи, радары, различную военно-транспортную технику, некоторые виды боевых самолетов. К визиту Гэн Бяо был подготовлен обширный список военной продукции, разрешенной к экспорту в КНР. Китайские эмиссары старались выяснить возможность приобретения в первую очередь оружия и боевой техники самых последних образцов, включая истребители и бомбардировщики, танки, ракеты различного типа, электронные и радиолокационные устройства. Однако при рассмотрении заявок КНР на ультрасовременную технику администрации Картера приходилось действовать с известной оглядкой, учитывая целый ряд сдерживающих факторов. Невозможно было полностью игнорировать возражения против поставок оружия Китаю, исходящие от многих деятелей (в том числе и в правительственных кругах), которые считают политику содействия модернизации армии Китая близорукой, опасной для долговременных интересов самой Америки в силу коренных противоречий между нею и КНР.

Подготовка конкретных рекомендаций по этому вопросу была основной целью поездки в КНР упомянутой военной делегации во главе с заместителем министра США У. Перри, который руководил в Пентагоне разработкой новых систем оружия. В Пекине Перри заявил, что Дж. Картер утвердил более 400 лицензий на экспорт в КНР американской военной техники и оборудования [39]. Китайские представители, со своей стороны, настаивали на полной отмене ограничений продажи Китаю интересующих его материалов и продукции.

Именно после этих переговоров КОКОМ принял упомянутое выше решение об отмене ограничений на продажу Китаю оружия, в том числе и наступательного. Таким путем США не только санкционировали соответствующие сделки своих союзников с Пекином, но и получили возможность поставлять через них Китаю американскую военную технику.

Заметное развитие получили китайско-американские торго-

вые и экономические связи, а также научно-технический и культурный обмен (подробнее см. разделы «Научно-технические связи» и «Культурные связи»). В 1980 г. продолжалось формирование механизма торгово-экономического и научно-технического сотрудничества двух стран. С 1 февраля вступило в силу подписанное 7 июля 1979 г. торговое соглашение между КНР и США, по которому Китаю был предоставлен режим наибольшего благоприятствования в торговле.

Большие надежды на расширение торговли связывались с проведением торгово-промышленных выставок — китайской в Сан-Франциско, Чикаго и Нью-Йорке (август — октябрь) и американской в Пекине (ноябрь). Однако китайская выставка лишь убедила заинтересованные круги США в крайней ограниченности экспортных ресурсов КНР и в необоснованности расчетов на развитие сколько-нибудь сбалансированного торгового обмена между двумя странами.

В Вашингтоне (14—18 сентября) состоялось первое заседание учрежденной в 1979 г. специальной двусторонней комиссии по торгово-экономическим вопросам с участием заместителя премьера Госсовета Бо Ибо. Комиссия стремилась изыскать возможности для дальнейшего увеличения объема китайско-американской торговли, определить условия ее финансирования, порядок обмена информацией по производственным объектам и меры стимулирования инвестиций США в экономику КНР.

Новые законы, принятые в КНР с целью создания благоприятных условий для вложения иностранного капитала, усилили активность американского бизнеса в этой стране. Ряд фирм США подписал контракты на строительство в КНР промышленных предприятий. Так, фирма «Хьюз тул» договорилась о строительстве в Чэнду завода горнопромышленной техники, которая будет производиться по лицензиям данной фирмы. «Макдонелл-Дуглас корпорейшн» и «Белл геликоптер компани» заключили соглашение с Китаем о строительстве предприятия по производству самолетов и вертолетов.

Однако правительство КНР в рамках курса на урегулирование экономики резко сократило программу капитального строительства, что привело к расторжению большого числа контрактов с иностранными, в том числе и американскими, фирмами на поставку Китаю промышленного оборудования (подробнее см. раздел «Внешнеэкономические связи»). Это вызвало сильное разочарование в деловых кругах США [40].

В январе в Пекине состоялась первая сессия двусторонней комиссии на правительственном уровне по вопросам научно-технического сотрудничества (китайскую делегацию возглавлял заместитель премьера Госсовета Фан И, американскую — советник президента Ф. Пресс). Стороны договорились о включении в сферу сотрудничества ряда новых направлений науки и техники (ядерной энергетики, электроники, авиационной техники, транспорта, статистики и др.). В марте было подписано согла-

шение об участии американских фирм в разработке проектов четырех гидроэлектростанций в Китае. Правительство КНР пригласило ряд американских нефтяных концернов («Шелл ойл компани», «Эксон» и др.) провести разведочные работы в отдаленных западных районах Китая.

17 сентября в Вашингтоне президент Картер и заместитель премьера Госсовета Бо Ибо подписали соглашение об установлении воздушного и морского сообщения между США и КНР. Стороны договорились начать рейсовые полеты китайских и американских пассажирских самолетов по двум маршрутам: Пекин — Шанхай — Токио — Гонолулу — Лос-Анджелес — Нью-Йорк и Пекин — Шанхай — Токио — Сан-Франциско — Нью-Йорк. При обсуждении условий морского сообщения было договорено, что треть грузов будет перевозиться на американских судах, треть — на китайских и треть — на судах иных стран.

Одновременно была подписана консульская конвенция, по которой каждая из сторон получила право увеличить число своих консульств на территории другой с двух до пяти. Китай заявил о намерении открыть дополнительно консульства в Гонолулу, Чикаго и Нью-Йорке (ранее были учреждены китайские консульства в Сан-Франциско и Хьюстоне).

О расширении отношений свидетельствовало и резко возросшее число всякого рода взаимных визитов и поездок правительственного, общественного и частного характера. В 1980 г. ежемесячно США посещало в среднем 120 торговых, научных и других делегаций из КНР. Около 5 тыс. китайских студентов и научных работников обучались или проходили практику в США. В КНР за год побывало около 70 тыс. американцев[41]. Среди них особым вниманием китайской стороны пользовались члены конгресса, видные политические деятели и представители крупного бизнеса.

Вместе с тем в рассматриваемый период произошел и ряд осложнений в отношениях между КНР и США, что было связано главным образом с тайваньской проблемой. Китайская дипломатия резко реагировала на ряд акций Вашингтона, явно нарушавших двустороннюю договоренность об условиях нормализации китайско-американских отношений. 2 октября в Вашингтоне было подписано американо-тайваньское соглашение, которое, как и принятый конгрессом США 10 апреля 1979 г. Акт об отношениях с Тайванем, свидетельствовало о намерении американской администрации постепенно повысить уровень особых связей между Вашингтоном и Тайванем. Развитие этой линии вызывало протесты со стороны китайского правительства. Как заявило агентство Синьхуа, неофициальные представители Соединенных Штатов на Тайване и представители Тайваня в США превращаются в официальных дипломатических представителей во всех отношениях, за исключением титула[42].

Выражали в КНР недовольство и тем, что США, сохраняя

свою опеку над Тайванем, продолжали содействовать наращиванию его военного потенциала: за два года, прошедших со времени установления дипломатических отношений между КНР и Соединенными Штатами, американцы поставили тайваньскому режиму оружия на 1 млрд. долл. [43].

Серьезные возражения в Китае прозвучали в связи с тем, что во время избирательной кампании в США будущий президент Р. Рейган, а позже — некоторые его советники высказались за восстановление официального уровня отношений с Тайванем и укрепление связей с ним. Кандидат в вице-президенты Дж. Буш в сентябре предпринял специальную поездку в Пекин, чтобы успокоить китайских руководителей и заверить их в готовности будущей республиканской администрации развивать дружественные отношения с КНР.

Правительство КНР было неудовлетворено и определенной сдержанностью Вашингтона в решении вопросов, связанных с поставками Китаю некоторых видов современного наступательного оружия. В КНР не могли не обратить внимание и на тот факт, что, согласно «директиве № 59», подписанной Дж. Картером, Соединенные Штаты включили в свои планы подготовку ядерных ударов по военным объектам в «дружественном» Китае [44].

По признанию официальных представителей США, планирование политики в отношении Китая было сопряжено с большими трудностями, поскольку не было уверенности ни в устойчивости курса КНР, ни в конечных последствиях содействия ее вооружению для долговременных целей стратегии США в Азии [45]. «Необходимо всегда помнить, — призывала газета „Крисчен сайенс монитор", — что Китай преследует свои ... цели... В один прекрасный день, когда он станет сильной с военной и экономической точек зрения державой, его интересы могут войти в конфликт с интересами Запада» [46]. Подобные настроения по отношению к КНР были широко распространены в политических кругах Америки. Они свидетельствовали о наличии серьезных противоречий между КНР и США и не могли не отразиться на развитии китайско-американских отношений.

В 1980 г. была отмечена дальнейшая активизация контактов между Китаем и *государствами Западной Европы*. КНР с официальными визитами посетили президент Франции В. Жискар д'Эстэн (октябрь), президент Италии А. Пертини (сентябрь), премьер-министр Норвегии О. Нурдли (сентябрь), премьер-министр Нидерландов А. ван Агт (октябрь), председатель бундестага ФРГ Р. Штюклен (июль), заместитель председателя Комиссии европейских сообществ В. Хаферкамп (июль), министр хозяйства ФРГ О. Ламбсдорф (июль—август), министр внешней торговли Франции Ж.-Ф. Денио (сентябрь), представители деловых и финансовых кругов Италии, Испании и Португалии.

В свою очередь, состоялась серия визитов китайских руко-

водителей в страны Западной Европы: министра иностранных дел Хуан Хуа в Швецию, Норвегию, Данию, ФРГ (июнь) и Францию (июнь и сентябрь), заместителя министра иностранных дел Чжан Вэньцзиня в Испанию и Францию (февраль— март), делегации ВСНП во главе с заместителем председателя Постоянного комитета Дэн Инчао во Францию (июнь), заместителя премьера Госсовета Кан Шиэня в Норвегию и Великобританию (июнь), заместителя премьера Госсовета, председателя Комитета по науке и технике Фан И в Швецию (ноябрь).

Переговоры между китайскими и западноевропейскими руководителями концентрировались не только и не столько вокруг вопросов двусторонних политических и экономических отношений, сколько вокруг проблем, связанных с кризисными зонами, а также с взаимоотношениями государств с различным социальным строем.

Китайская пресса поддерживала идею усиления как американо-западноевропейской солидарности, так и западноевропейской военно-политической интеграции [47]. С удовлетворением восприняла она решение о предстоящем расширении ЕЭС за счет Греции, Испании и Португалии (февраль 1980 г.), расценив его как «важный шаг в укреплении западноевропейской обороны» и «усилении южного фланга [обороны] Западной Европы» [48]. И в дальнейшем дипломатия КНР продолжала проявлять интерес к укреплению южного крыла НАТО. Так, в комментарии агентства Синьхуа по поводу совместных учений ВМС девяти стран НАТО в Средиземном море эти маневры были расценены как направленные на «противодействие всякой агрессии на южном фланге союза».

В июне в Страсбурге по приглашению Европейского парламента впервые побывала с официальным визитом делегация ВСНП во главе с Дэн Инчао. В октябре на заседании консультативной ассамблеи Европейского совета в Страсбурге министр иностранных дел Хуан Хуа выступил с изложением позиции Китая по вопросам войны и мира, европейской интеграции и сотрудничества между КНР и западноевропейскими государствами.

Китайские руководители с одобрением отнеслись к стремлению своих западноевропейских партнеров наращивать военные усилия. Об этом было заявлено президенту Франции В. Жискар д'Эстэну, президенту Италии А. Пертини, премьер-министру Норвегии О. Нурдли, премьер-министру Нидерландов А. ван Агту, министру экономики ФРГ О. Ламбсдорфу, другим политическим деятелям Западной Европы, побывавшим в Китае.

С большим вниманием следили в Пекине за военными мероприятиями, предпринимавшимися французским правительством. С удовлетворением было встречено сообщение о деятельности Франции по разработке нейтронного оружия [49]. Одновременно поддерживалась идея более тесного сотрудничества Франции с НАТО, одобрялись силы, «обдумывающие и ставя-

щие вопрос о возможности создания системы, которая при сохранении союза с США обеспечивала бы самостоятельную европейскую оборону»[50]. Китайская пресса приветствовала шаги по укреплению военного сотрудничества между Францией и ФРГ[51], а также мероприятия Парижа по усилению связей с НАТО[52].

По-прежнему Пекин выражал резко негативное отношение к инициативам и мероприятиям, призванным уменьшить уровень военного противостояния в Европе. В вопросе о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе КНР поддержала позицию западных участников переговоров, стремившихся добиться в ходе переговоров односторонних преимуществ[53]. Отрицательную реакцию Пекина вызвали также начавшиеся в октябре в Женеве советско-американские переговоры об ограничении ядерного оружия средней дальности в Европе, которые китайская пресса охарактеризовала как попытку СССР расширить разногласия между государствами — членами НАТО[54].

В то же время в Китае не могли не учитывать, что Западная Европа, получившая от разрядки напряженности так много политических и экономических преимуществ, солидаризировалась с Вашингтоном не без колебаний, проявляя при этом большую осторожность и стремясь не прерывать диалога с Советским Союзом. В некоторых случаях китайские средства информации воспроизводили аргументацию В. Жискар д'Эстэна, Г. Шмидта и ряда других политических деятелей в пользу продолжения диалога с Советским Союзом. Китайская сторона, выражая понимание стремления западноевропейцев избежать усиления конфронтации в Европе («Добиваться разрядки международной напряженности можно, вопрос в том, каким путем добиваться», — заявил Дэн Сяопин группе итальянских журналистов[55]), в то же время настаивала на том, чтобы Запад не «питал иллюзий относительно разрядки, надеясь, что спокойствие в Европе не будет нарушено напряженностью в других районах мира»[56].

Китайская пресса пыталась оспорить взаимовыгодный характер сотрудничества между капиталистическими и социалистическими государствами Европы[57].

Поддержку КНР находили мероприятия западноевропейских государств, направленные на «активное и прямое участие» в решении проблем, касающихся положения на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии. Так, соглашение между ЕЭС и АСЕАН, заключенное в Куала-Лумпуре в марте 1980 г., рассматривали в Китае как успех «усилий ЕЭС по укреплению его политического и экономического сотрудничества с третьим миром» для «совместной борьбы против гегемонизма»[58]. Пекин призывал государства ЕЭС и АСЕАН использовать этот союз для оказания давления на социалистические страны Индокитая[59].

Китай с одобрением относился к вовлечению развивающих-

ся государств в систему капиталистического разделения труда в рамках так называемого «диалога Север — Юг». Во время визита президента Франции в КНР осенью 1980 г. парижская «Монд» писала, что «наиболее четкое совпадение позиций двух стран наблюдается в отношении диалога между Севером и Югом, в особенности в отношении Африки, где французское вмешательство, сколь жесткий характер оно ни носило бы, систематически встречало одобрение со стороны Китая» [60]. Поддержку экономической экспансии «Общего рынка» в развивающиеся государства Азии и Африки выразил министр иностранных дел КНР Хуан Хуа, выступая на консультативной ассамблее Европейского совета (сентябрь).

Однако далеко не во всех плоскостях наблюдалось совпадение (или близость) позиций КНР и западноевропейских государств. Так, существенные разногласия по вопросам разрядки, войны и мира, отношений с Советским Союзом выявились в ходе переговоров президента Франции с китайскими руководителями в Пекине. Выступая по французскому телевидению, В. Жискар д'Эстэн заявил, что считает отношение КНР к СССР «очень воинственным» и неприемлемым для Франции. О необходимости продолжения диалога между Востоком и Западом с целью избежать ухудшения международного положения заявил также министр иностранных дел Италии Э. Коломбо во время переговоров в Пекине с министром иностранных дел КНР.

Китай активизировал связи с западноевропейскими государствами по военной линии. В конце февраля в ФРГ находилась военная делегация КНР во главе с заместителем начальника Генерального штаба НОАК У Сюцюанем. В Китае побывали министр обороны Великобритании Ф. Пим (март), начальник Генерального штаба Бельгии В. Гонтье (май), руководитель итальянского Центра по изучению вопросов обороны Ф. Бартолини (июнь).

Визит Ф. Пима использовали в Китае для того, чтобы продемонстрировать «удовлетворение по поводу усилий Великобритании и других стран Западной Европы, которые укрепляют свою оборону» [61]. В свою очередь, Ф. Пим высказался за необходимость «большего взаимопонимания, более активных контактов на всех уровнях» [62] с Китаем.

В 1980 г. проводились мероприятия, призванные укрепить связи между армиями КНР и западноевропейских государств. В феврале ракетные корабли ВМС Италии посетили Шанхай, где, по словам адмирала, возглавлявшего эту экспедицию, «многочисленные специалисты и военные эксперты обследовали каждую деталь на ракетоносцах» [63]. В сентябре с «визитом доброй воли» в Шанхае находился отряд английских военных кораблей.

Большое значение Пекин придавал развитию научно-технического сотрудничества с западноевропейскими странами. В хо-

де визита президента Франции было достигнуто соглашение о расширении технического сотрудничества между двумя странами в области ядерной энергетики. Те же вопросы обсуждались с посетившим Китай в октябре президентом Национального института ядерной физики Италии А. Дзикики. В мае министр просвещения КНР Цзян Наньсян вел переговоры в Бонне о расширении китайско-западногерманских контактов в области науки и образования, в том числе профессионального обучения. В конце мая в Риме было ратифицировано китайско-итальянское соглашение о научном сотрудничестве.

Характеризуя основные черты китайско-западноевропейских отношений (подробнее см. раздел «Внешнеэкономические связи»), следует отметить, что западноевропейские предприниматели, возлагавшие большие надежды на рост объема поставок в Китай в рамках выполнения программы «четырех модернизаций», оказались разочарованными. Китайская сторона, отказавшись от большого числа крупных контрактов, заключенных в предыдущие годы, делала упор главным образом на привлечение передовой технологии Запада к разработке нефтяных месторождений на континентальном шельфе. К числу наиболее значительных контрактов в этой области следует отнести соглашение о поставке в Китай оборудования для разведки нефти и о подготовке специалистов, заключенное с французской фирмой «Комекс», а также контракты, подписанные с двумя французскими фирмами (СНЕА и «Тотал»), о совместной разведке и эксплуатации залежей нефти в Бохайском и Тонкинском заливах.

В июле французская компания «Аэроспасьяль» сообщила о продаже Китаю 50 вертолетов «Дофэн-2», которые, по заявлению представителя компании, предназначались для геологической разведки полезных ископаемых, а также для доставки рабочих и снаряжения на прибрежные нефтяные буровые установки. О более широком участии западных фирм в разработке нефтяных месторождений шла речь во время визитов заместителя премьера Госсовета Кан Шиэня в Норвегию и Великобританию (июнь).

Продолжали развиваться культурные связи между КНР и западноевропейскими государствами, в том числе и между органами массовой информации. Были подписаны соглашения о сотрудничестве и обмене программами с английской радиокорпорацией Би-би-си (июнь) и с французским Национальным обществом радиовещания (октябрь). Пекинский народный художественный театр гастролировал осенью в ФРГ, Швейцарии, а также во Франции, где принял участие в юбилейных торжествах, посвященных 300-летию театра «Комеди Франсэз» (см. также раздел «Культурные связи»).

В 1980 г. расширились связи Китая с некоторыми коммунистическими партиями Западной Европы, с профсоюзными и молодежными организациями западноевропейских государств.

Состоялись визиты в КНР руководства Итальянской коммунистической партии во главе с Э. Берлингуэром (апрель), делегации Испанской коммунистической партии во главе с С. Каррильо (ноябрь). В июле в Риме по приглашению Итальянской федерации коммунистической молодежи находилась делегация Коммунистического союза молодежи Китая. В январе—феврале заместитель председателя Всекитайской федерации профсоюзов Чэнь Юй нанес визит в ФРГ и Австрию. В августе в Копенгагене находилась делегация китайских профсоюзов, а в сентябре в Пекине принимали делегацию Итальянского союза труда, а также делегацию Рабочих комиссий Испании во главе с М. Камачо. Продолжали развиваться связи и с социалистическими партиями Западной Европы. В мае с визитом в Пекине побывал лидер английских лейбористов Дж. Каллагэн, а в мае — генеральный секретарь Португальской социалистической партии М. Соареш.

Япония продолжала оставаться важнейшим объектом китайской политики. В условиях проведения курса на урегулирование, повлекшего за собой перестройку и сокращение масштабов внешнеэкономических связей, дипломатия КНР прилагала особые усилия, чтобы повысить уровень и расширить объем политических контактов с Японией и попытаться нейтрализовать недовольство японских деловых кругов в связи с неожиданным и весьма болезненным для них аннулированием многих контрактов.

В 1980 г. была проведена серия китайско-японских переговоров на высшем уровне. 8 мая в Белграде состоялась встреча прибывших в Югославию для участия в похоронах президента И. Б. Тито Хуа Гофэна и премьер-министра Японии М. Охира. Обмен мнениями по ряду международных вопросов был продолжен в ходе визита в Токио с 27 мая по 1 июня правительственной делегации КНР, в состав которой входили Хуа Гофэн, заместитель премьера Госсовета Гу Му и министр иностранных дел Хуан Хуа. 9 июля в Токио был проведен новый раунд переговоров с Хуа Гофэном, прибывшим в Японию для участия в траурной церемонии в связи с кончиной премьер-министра М. Охира. 7—8 июня в Токио побывал заместитель премьера Госсовета КНР Гэн Бяо, который, в частности, ознакомил японских руководителей с результатами своих переговоров в Вашингтоне. Министр иностранных дел Японии М. Ито во время визита в Пекин 2—3 сентября информировал китайских руководителей об итогах своей поездки в Таиланд, Бирму, Индию и Пакистан.

Наряду с обменом визитами на высшем уровне в течение 1980 г. был предпринят ряд шагов для дальнейшего совершенствования всего механизма японо-китайских контактов. Решено было в дополнение к уже налаженным консультациям министров иностранных дел проводить на постоянной основе совещания между руководством Государственного планового комитета

КНР и Управления экономического планирования Японии, а также между государственным экономическим комитетом КНР и министерством внешней торговли и промышленности Японии. В мае 1980 г. был создан Японо-китайский совместный комитет по научно-техническому сотрудничеству.

Особое значение имела договоренность о регулярных групповых совещаниях министров. В первом из них, которое состоялось в Пекине 3—5 декабря, со стороны Японии участвовало шесть министров во главе с М. Ито, а со стороны КНР — семь членов правительства, включая заместителей премьера Госсовета Хуан Хуа, Гу Му и Яо Илиня. Японская делегация была принята премьером Госсовета Чжао Цзыяном и заместителем Председателя ЦК КПК Дэн Сяопином. Такого рода совещания, позволяющие обсудить самый широкий спектр экономических и политических вопросов, Китай прежде не проводил ни с одним государством, а Япония — только с Соединенными Штатами.

Таким образом, по многообразию каналов и уровню развития связей с КНР, степени доверительности, широте охвата обсуждаемых двусторонних и международных проблем Япония значительно опередила другие капиталистические державы.

Активизация политических связей способствовала значительному расширению контактов по научной, культурной, спортивной и по другим линиям. Для ускорения и упрощения процедур, связанных с взаимными обменами, 1 февраля 1980 г. было подписано соглашение об открытии генеральных консульств Китая в Саппоро (о-в Хоккайдо) и Японии — в Гуанчжоу. Значительно увеличилось число различных делегаций, участились туристические поездки. Всего в 1979 г. ими было охвачено 65,7 тыс. человек [64].

Характерной особенностью переговоров на высшем уровне, которые проводились в 1980 г., было повышение значимости и расширение круга обсуждавшихся международных проблем.

Китайская дипломатия использовала эти встречи, чтобы попытаться обеспечить поддержку со стороны Японии своего курса по ряду основных направлений. Во время переговоров с М. Охира в Токио Хуа Гофэн, например, осудил братскую поддержку, оказанную Советским Союзом Афганистану. Он приветствовал решение Японии бойкотировать Олимпийские игры в Москве и значительно увеличить помощь Пакистану, Таиланду и Турции, которые занимают особое место в военно-стратегических планах США. Как отмечала японская печать, по проблемам положения на Среднем Востоке «взгляды М. Охира сблизились с взглядами китайской стороны» [65].

Практически идентичные позиции были зафиксированы в ходе различных встреч по вопросу о положении в Кампучии. Представители обеих сторон продемонстрировали негативное отношение к правительству НРК во главе с Хенг Самрином. Японский премьер на совещании в Токио «согласился с позицией Китая, направленной на поддержку Пол Пота» [66]. В отноше-

нии Вьетнама Япония занимала более сдержанную позицию, чем КНР, но ее настойчивые попытки добиться созыва международной конференции по Кампучии без участия законного правительства страны и отказ выполнить заключенное еще в конце 1978 г. соглашение о предоставлении Вьетнаму кредитов, займов и безвозмездной помощи на 14 млрд. иен свидетельствовали о принципиальном совпадении взглядов китайского руководства и правящих кругов Японии.

Новым вопросом, который рассматривался, в частности, во время переговоров в Токио в мае 1980 г., было положение на Корейском полуострове в связи с массовыми выступлениями против режима военной диктатуры в Южной Корее. Хуа Гофэн согласился с М. Охира, что «политическая нестабильность» является «нежелательной», т. е. солидаризовался, по существу, с позицией Японии, направленной на поддержку политики Сеула. Была достигнута договоренность «обмениваться мнениями и информацией о событиях на Корейском полуострове» [67].

Официальные круги КНР настойчиво демонстрировали поддержку курса Токио на быстрое наращивание военного потенциала Японии. Заместитель председателя ПК ВСНП Дэн Инчао при встрече с одной из японских делегаций подчеркивала, что если раньше Китай выступал против милитаризации Японии, то сейчас ситуация изменилась [68]. Одобрительно отозвался об «усилении военной мощи» Японии Хуа Гофэн в беседе с делегацией либерально-демократической партии, возглавлявшейся Я. Накасонэ (29 апреля 1980 г.), «вполне естественным» назвал «превращение Японии в крупную военную державу» заместитель начальника Генштаба НОАК У Сюцюань [69].

Представители Японии, однако, воздержались от каких-либо конкретных обещаний относительно реального сотрудничества в области усиления военного потенциала Китая.

Японская общественность с настороженностью относится к наращиванию ракетно-ядерных сил Китая. Ведущие органы печати Японии единодушно осудили проведенные в КНР 19 мая испытания межконтинентальных баллистических ракет. Они призывали пересмотреть этот курс как «опасный и нежелательный» [70] и подчеркивали, что такие шаги «могут вызвать тревогу и опасения не только у соседних стран, но и во всем мире» [71]. МИД Японии выразил КНР официальный протест в связи с проведением 16 октября очередных испытаний ядерного оружия в атмосфере.

Видное место во время всех переговоров на высшем уровне неизменно занимали вопросы торгово-экономических отношений. 5 декабря было оформлено соглашение о предоставлении Китаю в 1980 фин. г. кредита в размере 56 млрд. иен (примерно 225 млн. долл.). Япония подтвердила, что намерена выполнить свое обещание безвозмездно построить и оборудовать в Пекине крупную больницу.

Важным шагом к развитию экономического сотрудничества

явилось подписание 29 мая 1980 г. контракта о совместном освоении месторождений нефти на континентальном шельфе в Бохайском заливе Желтого моря. В первоначальные изыскательские работы на общей площади примерно в 25,5 тыс. кв. км Япония обязалась вложить 210 млн. долл.[72].

Большое значение с точки зрения проведения в жизнь программы «четырех модернизаций» придавали в КНР подписанному 28 мая 1980 г. в Токио соглашению о научном и техническом сотрудничестве, с которым Китай связывал надежды на получение новейшей японской технологии в различных отраслях промышленности, в том числе в области использования атомной энергии.

Япония по-прежнему удерживала первое место среди торговых партнеров КНР. Товарооборот КНР с Японией был примерно равен объему торговли Китая с США, ФРГ, Англией, Францией и Италией, вместе взятыми (подробнее см. раздел «Внешнеэкономические связи»).

Одним из последствий курса на урегулирование экономики явился отказ КНР от реализации ряда крупномасштабных проектов и разрыв заключенных с Японией контрактов. Потери японских компаний в результате приостановки поставок законтрактованного оборудования и потери потенциальных заказов составили, по японским данным, примерно 300 млрд. иен (около 1,5 млрд. долл.).

Китай не смог оправдать надежд и как поставщик сырьевых ресурсов, в первую очередь нефти. В сентябре китайские представители заявили, что КНР вряд ли сможет выполнить свои обязательства по заключенному в феврале 1978 г. соглашению довести поставки нефти в Японию до 9,5 млн. т в 1981 г. и 15 млн. т в 1982 г. На совещании в Пекине в декабре 1980 г. было прямо объявлено, что Япония может рассчитывать на получение в 1981 и 1982 гг. лишь по 8,3 млн. т нефти[73].

Новый отказ Китая в одностороннем порядке от заключенных ранее контрактов (после аналогичных акций с его стороны в феврале—марте 1979 г.) и неспособность обеспечить стабильные поставки сырья и топлива поставили под сомнение надежность Китая как торгового партнера в глазах японских деловых кругов. Прежние надежды на быстрое завоевание китайского рынка явно уступили место трезвому анализу реальной обстановки. Как заявил после совещания в Пекине министр внешней торговли и промышленности Р. Танака, «перед японо-китайской торговлей, судя по всему, открываются мрачные перспективы»[74].

Нарастание трудностей в торгово-экономической сфере сопровождалось обострением противоречий в ряде других областей. Представителям КНР и Японии не удалось, в частности, прийти к соглашению относительно условий транзитного авиасообщения. В октябре 1980 г. переговоры были прерваны в результате отказа КНР предоставить японским самолетам право

летать в третьи страны через Китай и открыть прямую линию в Гуанчжоу в обмен на разрешение на посадку в Токио китайских самолетов, совершающих рейсы в США. Открытие авиалинии Пекин — Нью-Йорк стало возможным лишь с 7 января 1980 г. в результате компромиссного соглашения с Японией, разрешившей китайским самолетам «техническую посадку» на одном из второстепенных японских аэродромов только для заправки [75].

События 1980 г. показали, что известное совпадение интересов правительств КНР и Японии по ряду политических вопросов и надежды на потенциальные возможности расширения экономических связей способствовали сохранению курса КНР на сближение с Японией. Однако каждая из сторон настойчиво добивалась достижения своих собственных целей, что ставило определенные пределы дальнейшему развитию двусторонних связей.

КНР И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ

В 1980 г. курс КНР в отношении развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки характеризовался высокой дипломатической активностью.

Дипломатические связи Китая с ними расширились за счет установления официальных отношений с Зимбабве, Колумбией и Эквадором. В течение года обмен Китая делегациями с развивающимися странами уступал лишь ненамного контактам с западными державами (по приблизительным подсчетам, в первом полугодии 30% иностранных делегаций, посетивших КНР, были из стран Азии, Африки и Латинской Америки и 40% китайских делегаций, выезжавших за границу, посетили эти страны; во втором полугодии эти цифры возросли соответственно до 45 и 50%).

Внешнеэкономическая политика КНР была нацелена на укрепление позиций Китая среди освободившихся стран и одновременно на использование внешнеэкономических связей с ними в качестве важного источника финансирования программы урегулирования (подробнее см. раздел «Внешнеэкономические связи»).

В *Юго-Восточной Азии* продолжался курс на противопоставление стран АСЕАН государствам Индокитая. Китай принял активное участие в операции под названием «добровольная репатриация кампучийских беженцев», приуроченной к проходившей 25—26 июня 1980 г. в Куала-Лумпуре XIII конференции министров иностранных дел стран АСЕАН, на которой было принято антивьетнамское и антикампучийское заявление, поддержанное Западом. Руководство КНР приветствовало стремление США возродить Манильский пакт 1954 г. и расширить военное сотрудничество с членами АСЕАН [76]. Не возража-

ло оно и против планов союзников США возродить пятистороннее соглашение АНЗЮС (Англия, Австралия, Новая Зеландия, а также Малайзия и Сингапур). Представители КНР высказались в поддержку состоявшейся в марте в малайзийской столице встречи АСЕАН—ЕЭС на уровне министров и подписанных между двумя объединениями документов, особенно политической декларации, как «бесспорно отвечающих интересам их общей борьбы против гегемонизма» [77].

Продолжалась интенсивная дипломатическая активность в отношении *Таиланда*. В феврале его посетила делегация ВСНП во главе с Дэн Инчао. В своих заявлениях в Бангкоке она делала упор на обязательствах КНР «решительно стоять на стороне таиландского народа в случае, если безопасность Таиланда подвергнется угрозе» [78].

В мае в Таиланд прибыл с визитом министр иностранных дел КНР Хуан Хуа. Его главной задачей, по сообщениям печати, было добиться более широкой поддержки со стороны Таиланда полпотовских банд. В ходе визита были достигнуты соглашения об установлении с августа 1980 г. регулярного воздушного сообщения между двумя странами, что существенно облегчило снабжение полпотовцев, и о продаже Таиланду в 1980 г. 250 тыс. т нефти в дополнение к 500 тыс. т по ранее заключенным соглашениям.

Во время визита в июле в КНР министра иностранных дел Таиланда Ситти Саветсилы координировались усилия сторон по сохранению за полпотовцем места в ООН, согласовывались вопросы помощи контрреволюционным группировкам в Кампучии и Лаосе. Как отмечалось в меморандуме МИД Кампучии от 3 августа 1980 г., лишь за первое полугодие Китай доставил через территорию Таиланда свыше 6 тыс. т оружия и продовольствия полпотовцам [79].

В июле состоялась встреча Хуа Гофэна с премьер-министром Таиланда Премом Тинсулалоном в Токио, куда оба они прибыли на похороны премьер-министра Японии М. Охира, а в октябре П. Тинсуланон нанес официальный визит в КНР. Хотя переговоры продемонстрировали близость взглядов сторон на ситуацию в ЮВА, выявились и определенные различия в их позициях. Таиландские власти склонны были делать ставку в Кампучии на менее скомпрометированных ранее деятелей.

Наиболее значительным событием в отношениях КНР с *Малайзией* был визит Хуан Хуа в Куала-Лумпур (март 1980 г.). Основное внимание на переговорах было уделено положению в Кампучии и Афганистане. Хотя Малайзия в принципе придерживалась общей линии АСЕАН в отношении Кампучии и признавала претензии полпотовской клики, ее руководители не только отказались усилить поддержку полпотовцев, но и выразили сомнения в целесообразности такой поддержки со стороны Китая [80].

Важное значение Пекин придавал расширению контактов с

Филиппинами. С 11 по 14 марта в Маниле вел переговоры Хуан Хуа. В августе недельную поездку на Филиппины совершил министр культуры КНР Хуан Чжэнь. В результате визита была принята программа обмена делегациями в области культуры, науки и спорта[81]. В ноябре КНР заключила с Филиппинами пятилетнее соглашение о взаимном кредитовании торговых сделок и частичном покрытии растущего филиппинского дефицита в двусторонней торговле с Китаем. За пять лет, прошедших после подписания китайско-филиппинского торгового договора, положительное сальдо КНР в торговле с Филиппинами превысило 200 млн. ам. долл. Китай отказался продавать Филиппинам каменный уголь, закупки которого власти этой страны связывали с намеченной ими программой уменьшения зависимости от дорогостоящего ввоза нефти[82].

Руководство КНР предпринимало усилия, направленные на дальнейшее развитие связей с *Сингапуром* и их использование в целях укрепления экономического сотрудничества с капиталистическими державами. 17—19 марта Сингапур посетил Хуан Хуа. Помимо так называемой «проблемы Кампучии» обсуждались вопросы двусторонних связей, касавшиеся, в частности, сокращения пассивного сальдо в торговле Сингапура с Китаем (в 1979 г. оно составило около 530 млн. синг. долл.).

С 9 по 12 ноября состоялся визит в Пекин премьер-министра Ли Куан Ю. На переговорах доминировала политическая проблематика. Принимая во внимание рост в АСЕАН настроений против полпотовцев, Ли Куан Ю стремился убедить Китай в нереальности «укрепления сотрудничества» с этой кликой[83]. Ли Куан Ю заявил, что Сингапур установит дипломатические связи с КНР только после восстановления китайско-индонезийских отношений.

Дэн Сяопин и министр финансов Сингапура Хон Суи Сен, находившийся в КНР с 25 декабря 1979 по 5 января 1980 г., подписали соглашение о торговле. В феврале, когда в Сингапуре находилась торговая делегация КНР, стороны договорились изучить вопрос о создании в Китае смешанных предприятий с участием сингапурского капитала. 14 июня в Пекине был подписан документ об обмене торговыми представительствами. Торгпредство Сингапура в КНР будет первой постоянной сингапурской миссией в этой стране. В июле был подписан китайско-сингапурский меморандум о торговом соглашении, в котором стороны выразили намерение «осуществлять тесное сотрудничество» в области промышленного производства.

Отношения между КНР и *Индонезией* оставались по-прежнему неурегулированными, несмотря на продолжавшиеся настойчивые усилия Китая в этом направлении. В апреле в Индонезию в связи с празднованием 25-й годовщины Бандунгской конференции приезжала китайская делегация во главе с заместителем заведующего отделом МИД КНР Шао Тяньжэнем, который был принят президентом Сухарто.

Наметились некоторые сдвиги в торговых отношениях. В начале года министерство торговли Индонезии выдало лицензии на прямой экспорт в КНР (минуя посредников) натурального каучука и строительного леса. Однако, как заявил генеральный директор Управления внешней торговли Индонезии, это не означает, что правительство приняло решение о восстановлении торговых связей с Китаем [84]. Позиция Джакарты относительно возможности нормализации межгосударственных отношений по-прежнему оставалась настороженной.

В октябре состоялся официальный визит в Китай президента *Бирмы* У Не Вина. В ходе переговоров с высшими китайскими руководителями бирманской стороне не удалось достичь установления межпартийных отношений между Партией бирманской социалистической программы (ПБСП) и КПК. Китайская сторона вновь подтвердила, что она в своих отношениях с Бирмой отделяет межгосударственные отношения от межпартийных.

Бирму посетили правительственная экономическая делегация КНР во главе с заместителем министра внешних экономических связей Вэй Юймином; делегация работников культуры во главе с заместителем министра культуры Яо Чжунмином; делегация Китайского народного общества дружбы с зарубежными странами. В июле был подписан протокол к соглашению об экономической и технической помощи КНР Бирме от 12 июля 1979 г., по которому выделялись 100 млн. юаней на сооружение 8 небольших промышленных объектов [85].

Политика КНР на *Ближнем и Среднем Востоке* была направлена на достижение ряда взаимосвязанных целей: укрепление позиций и восстановление своего авторитета в странах, где поддержка Китаем кэмп-дэвидских соглашений вызвала нежелательный для него резонанс.

Учитывая позицию подавляющего большинства арабских стран, КНР несколько скорректировала линию относительно путей урегулирования ближневосточного конфликта. В китайской печати вновь появились упоминания о праве палестинского народа на создание собственного государства и о необходимости вывода израильских войск со всех территорий, оккупированных в 1967 г., без всяких предварительных условий, что фактически означало отход от поддержки кэмп-дэвидской сделки. В соответствующем духе были выдержаны китайские заявления в Совете Безопасности ООН по поводу изменения израильским кнессетом статуса Иерусалима, а также относительно подготовки в Израиле законопроекта об аннексии Голанских высот [86].

Свидетельством пристального внимания к странам Арабского Востока стали визиты заместителя премьера Госсовета Цзи Пэнфэя в Иорданию, Кувейт, Оман и ЙАР (сентябрь—октябрь 1980 г.); заместителя премьера Госсовета и министра внешнеэкономических связей Чэнь Мухуа в Марокко, Алжир и Тунис (март — апрель); министра внешней торговли Ли Цяна в Ирак

(апрель) и Оман (октябрь); прием в Пекине на высшем уровне вице-президента (ныне — президента) АРЕ Х. Мубарака (январь); председателя Национального консультативного совета Иордании А. Тарауны (август); делегации палестинской организации «Фатх» во главе с Абу Джихадом (август); специального посланника президента Ирака Я. Халафа (октябрь). КНР заметно активизировала контакты с руководителями арабских стран и в рамках ООН.

Проарабские декларации Пекина, а также активное использование мусульманского фактора позволили КНР расширить сотрудничество с некоторыми странами Ближнего Востока, а также начать налаживание связей с отдельными исламскими организациями и политическими деятелями Ирана.

КНР по-прежнему стремилась к установлению дипломатических отношений с ведущей страной Аравийского полуострова — Саудовской Аравией. По сообщению газеты «Аль-Ватан аль-Араби», «роль посредника отведена султану Омана — Кабусу» [87]. Китайская печать неоднократно высказывала одобрение внешней политики Саудовской Аравии и превозносила ее роль в арабском мире. Инициативы Саудовской Аравии, писал еженедельник «Пекин ревью» относительно посредничества Эр-Рияда в урегулировании пограничного конфликта между Сирией и Иорданией (25—27 ноября), «приветствуются народами этих двух стран и всем Арабским Востоком» [88]. Столь же положительной была оценка, высказанная пекинской печатью по поводу сближения Саудовской Аравии с Пакистаном [89].

Продолжалось активное сотрудничество с АРЕ по военной линии. В результате переговоров Х. Мубарака с Хуа Гофэном и Дэн Сяопином была достигнута договоренность о дальнейшем увеличении китайской военной помощи Египту. Китай «предоставил режиму Садата большое количество запасных частей к самолетам и танкам» [90].

Военное сотрудничество развивалось и с другими странами региона. В январе в Пекине побывала ливанская военная делегация во главе с начальником Генерального штаба армии М. Торбаем. В сентябре первый вице-президент и министр обороны Судана А. Халиль принял китайскую военную делегацию во главе с начальником службы снабжения военно-воздушных сил, направленную для обсуждения вопросов, связанных с оказанием помощи в выполнении программы развития ВВС Судана.

Не менее активно Пекин развивал экономические и торговые отношения со странами региона. В ходе визита Чэнь Мухуа в арабские страны Северной Африки были проведены переговоры о расширении сотрудничества в области сельского хозяйства, энергетики и минеральных ресурсов, легкой и тяжелой промышленности, здравоохранения. С Марокко и Тунисом были заключены соответствующие соглашения. В сентябре велись переговоры о возобновлении действия торгового протокола между КНР

и Суданом. В ходе визита Цзи Пэнфэя в Иорданию была достигнута договоренность о развитии технического и культурного сотрудничества, а также торгового обмена. Экономическое и торговое соглашение между КНР и Оманом было заключено в результате посещения им Маската. В Ирак для переговоров о развитии экономических связей выезжал министр внешней торговли Ли Цян. Продолжалось выполнение подписанных еще в 1979 г. контрактов между Китаем и ЙАР о строительстве дорог, мостов и вертолетных площадок [91].

В сентябре 1980 г. возобновились межпартийные контакты КПК и Суданского социалистического союза.

Китайская пресса выступала за прекращение вооруженного конфликта между Ираком и Ираном, указывая, что столкновение между Ираном и Ираком «отвлекает внимание мировой общественности от ситуации в Юго-Западной Азии» [92].

На встрече с тогдашним министром иностранных дел *Ирана* С. Готбзаде, состоявшейся в июне в Осло, министр иностранных дел КНР Хуан Хуа высказался против захвата американских заложников, но лишь на том основании, что эта акция... «заслоняет советские действия в Афганистане» [93]. Исходя из подобных же соображений, в апреле высказывалась озабоченность в связи с неудавшейся американской вооруженной акцией в Иране. «Поспешные акции, — говорилось в корреспонденции агентства Синьхуа,— причиняют ущерб обеим странам — США и Ирану — и безусловно принесут выгоду Москве» [94].

Китай одобрил резолюции, принятые на сессиях организации Исламская конференция в 1980 г., прежде всего по так называемому «афганскому вопросу».

Активной была внешнеполитическая деятельность китайского руководства в *Южной Азии*. Настороженной была реакция Пекина на возвращение к руководству *Индией* в результате всеобщих выборов правительства во главе с И. Ганди. Характеризуя обстановку в стране, китайская пресса акцентировала внимание прежде всего на трудностях, с которыми сталкивалось ее правительство. Подчеркивалось, что внутриполитические проблемы возникли якобы в результате политики, которую проводило правительство И. Ганди [95].

Дипломатия КНР предприняла ряд ответных шагов на индийские инициативы, направленных на оживление контактов с Индией. Были организованы встречи премьера Госсовета Хуа Гофэна (в Белграде) и министра иностранных дел Хуан Хуа (в Солсбери) с И. Ганди. В Пекин были приглашены министр сельского хозяйства Индии Р. Б. Сингх и секретарь МИД Э. Гонсалвес.

В ходе переговоров китайская сторона сохраняла прежний подход к решению пограничной проблемы. Суть его состояла в том, чтобы «линия фактического контроля была признана в качестве границы на северо-востоке Индии и сохранялся статус-кво на северо-западе» [96]. КНР стремилась в то же время «за-

морозить» решение данного вопроса, обостряющего отношения между двумя государствами. Об этом, в частности, свидетельствовало заявление Хуан Хуа журналистам после его встречи в Солсбери с И. Ганди. Он подчеркнул, что КНР не хочет, чтобы «проблемы, оставшиеся от прошлого», стояли на пути развития отношений между Китаем и Индией. По мнению китайской стороны, пограничный вопрос «не должен препятствовать» процессу нормализации, он может быть обсужден после достижения определенного политического взаимопонимания между двумя странами [97].

Индия неоднократно выражала беспокойство по поводу усиления военных контактов между КНР и Пакистаном [98]. В интервью журналу «Тайм» И. Ганди подчеркивала, что связи между США, Пакистаном и Китаем представляют опасность для региона [99].

В связи с признанием индийским правительством Народной Республики Кампучии китайская пресса выступила с резкими нападками на внешнюю политику Индии [100]. МИД КНР заявил, что согласованный ранее визит министра иностранных дел КНР Хуан Хуа в Индию не сможет состояться в 1980 г.

Китай стремился укрепить отношения с *Пакистаном.* Активность Пекина в отношении Исламабада особенно усилилась в связи с развитием событий вокруг Афганистана. Этой теме в основном были посвящены визиты министра иностранных дел КНР Хуан Хуа (январь, июнь) и заместителя министра обороны КНР Сяо Кэ (март) в Исламабад, а также поездки пакистанского президента Зия уль-Хака (май) и министра иностранных дел Ага Шахи (декабрь) в Пекин. По заявлению Зия уль-Хака, цель его визита в Китай состояла в том, чтобы «определить с китайской стороной согласованную политику в отношении района Южной Азии» [101]. Была достигнута договоренность о расширении поставок Пакистану китайского оружия и военной техники для усиления борьбы против ДРА. По стратегическому Каракорумскому шоссе, построенному с помощью КНР, китайское оружие поставлялось афганским мятежникам.

Участились взаимные посещения высокопоставленных военных представителей. В Пакистане побывали командующий ВВС НОАК Ван Динле, заместитель командующего ВМС НОАК Лю Даошэн и др. Особую тревогу соседей Пакистана вызывало то обстоятельство, что Китай оказывал содействие пакистанскому военному режиму в разработке ядерного устройства.

Зарубежная печать сообщала о переговорах между Исламабадом и Пекином по вопросу о возможности проведения Пакистаном ядерного испытания на территории Китая [102]. Китай увеличил свой военный персонал, расположенный вдоль Каракорумского шоссе. С ведома пакистанских властей происходило размещение китайских войск с вооружением, включающим ракеты класса «земля—воздух», в районе Гилгита в Кашмире [103].

Китай стремился не допустить упрочения революционных завоеваний в Афганистане [104].

КНР усилила внимание к развитию отношений с *Народной Республикой Бангладеш.* В июле состоялся официальный визит в Пекин президента Бангладеш З. Рахмана. Китайская пресса подчеркивала, что при обсуждении на высшем уровне «важных вопросов развития международной обстановки и отношений между двумя странами стороны достигли единства взглядов» [105]. В ходе этого визита были подписаны соглашения о кредитах и об установлении воздушного сообщения [106].

Получило определенное развитие военное сотрудничество. В Бангладеш прибыла группа китайских экспертов по стрелковому оружию и танкам.

В марте было подписано первое долгосрочное торговое соглашение между КНР и Бангладеш. Оно предусматривало, что с 1980 по 1985 г. товарооборот между двумя странами достигнет 500 млн. долл. В соглашение включена статья о взаимном предоставлении режима наибольшего благоприятствования в торговле.

Продолжало укрепляться сотрудничество между КНР и *Непалом.* Катманду с официальными визитами посетили делегации Тибетского автономного района КНР и Китайского народного общества дружбы с заграницей. В свою очередь, в Китай выезжали торговая делегация непальской федерации торговых и промышленных палат, делегации непальских журналистов и министерства образования, бывший премьер-министр К. Н. Биста и другие непальские представители.

Китай стремился расширить свои связи с *Шри Ланкой.* Было подписано соглашение о сотрудничестве двух стран в области морских перевозок. Предусматривалось создание совместной китайско-ланкийской компании для обслуживания морских путей между КНР и западным побережьем Африки. Китай взял на себя обязательство оказать Шри Ланке помощь в развитии портов Галле и Канкесантурай [107]. На военно-морской базе Тринкомали состоялась передача Шри Ланке двух китайских канонерок [108]. Вместе с тем торговые круги Шри Ланки выражали все бóльшую озабоченность в связи с усилением конкуренции, которую китайский чай оказывает экспорту ланкийского чая на международные рынки [109].

Внешнеполитический курс в отношении *Тропической и Южной Африки,* как и в других регионах, характеризовался стремлением укрепить там позиции КНР. Активизировались межпартийные отношения, а также контакты с общественными организациями ряда африканских стран.

В июле Китай посетил заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Зимбабве С. Мзенда, а в октябре по пути в КНДР в Пекине останавливался премьер-министр Зимбабве Р. Мугабе. Китай обещал предоставить этой стране в течение пяти лет экономическую помощь на сумму 25 млн.

долл. В сентябре КНР и Зимбабве подписали соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве [110].

В течение года имел место также и ряд других китайско-африканских встреч. В мае в Белграде Хуа Гофэн провел переговоры с президентом Танзании Дж. Ньерере. КНР посетили: в январе — делегация Высшего военного совета Экваториальной Гвинеи; в марте — президент Заира С. С. Мобуту; в апреле — президент Замбии К. Каунда, вице-президент Танзании А. Джумбе; в мае — президент Гвинеи С. Туре, председатель Военного комитета национального спасения Мавритании подполковник М. Х. Ульд Хейдалла; в июне — замбийская военная делегация во главе с председателем комитета обороны и безопасности ЦК Объединенной национальной независимой партии А. Зулу, вице-президент Ботсваны К. Масире; в июле — президент Конго Д. Сассу-Нгессо; в сентябре — президент Кении Д. Арап Мои, президент Республики Сейшельские Острова Ф. Рене; в сентябре — октябре — президент Того Г. Эйадэма. В Китае побывал также целый ряд делегаций из африканских стран, которые возглавлялись министрами и другими официальными лицами.

Столь же значителен список китайских правительственных делегаций, нанесших визиты в африканские государства. В марте—апреле делегация во главе с заместителем премьера Госсовета КНР Чэнь Мухуа выезжала в Сенегал (она побывала также в Алжире, Тунисе, Мавритании и Марокко, а поездка в Либерию была отменена из-за военного переворота в этой стране). В августе—сентябре делегация во главе с заместителем премьера Госсовета КНР Цзи Пэнфэем посетила Кению, Бурунди, Маврикий, Мадагаскар и Сейшельские острова. Министр иностранных дел Хуан Хуа в разное время побывал на Сейшельских островах, в Зимбабве, Танзании, Мозамбике. Военная делегация КНР во главе с помощником начальника генерального штаба Лю Каем была направлена в апреле в Сомали.

Особое внимание уделялось развитию связей с правящими партиями африканских стран. Вместе с тем меньшее внимание уделялось партиям, которые руководствуются в своей деятельности научным социализмом.

С 4 декабря 1979 по 14 февраля 1980 г. делегация КПК во главе с заместителем заведующего отделом международных связей ЦК КПК У Сюецянем посетила Сомали, Танзанию, Замбию, Бурунди, Того, Бенин, Сьерра-Леоне, Гвинею, Сенегал, Заир и некоторые другие страны. Целью столь длительного турне являлось установление или развитие контактов КПК с правящими партиями, во время которых делался упор на «общность судеб» Китая и развивающихся государств. Как правило, делегация КПК встречалась с руководством партий, принимала участие в различных партийных мероприятиях. Так, в Бурунди китайские представители присутствовали в качестве

гостей на I съезде Партии единства и национального прогресса и провели переговоры с представителями ее Постоянного секретариата о развитии отношений между двумя партиями.

По приглашению ЦК КПК в КНР побывали партийные делегации Бенина, Ботсваны, Заира, Замбии, Гамбии, Гвинеи, Гвинеи-Бисау, Мали, Сомали. Делегации Ботсваны, Заира, Замбии возглавляли генеральные секретари правящих партий. Результатом визита партийной делегации ПАИГК (Гвинея-Бисау), как отмечала газета «Но пинча» (Бисау), явилась нормализация отношений между ПАИГК и КПК. Китай решил предоставить ПАИГК помощь в строительстве и оборудовании помещений для региональных партийных комитетов.

Параллельно с развитием межпартийных связей шло налаживание контактов профсоюзных, молодежных, женских организаций КНР (ВКФП, КСМК, ВКФЖ и др.) с общественными организациями африканских стран. В марте делегация ВКФП нанесла визиты в Танзанию и Судан, в октябре делегация ВКФЖ посетила Мозамбик и Танзанию, а в декабре делегация КСМК — Бенин. В КНР, в свою очередь, побывали делегации профсоюзов Сенегала, Ботсваны, Заира, молодежные делегации Бурунди, Сомали, представители женских организаций Сомали, Сьерра-Леоне и т. д. В страны Африки также выезжали торговые миссии, спортсмены и артистические группы КНР.

Со странами Африки были подписаны различные соглашения и протоколы, в том числе: китайско-заирское и китайско-мадагаскарское соглашения о сотрудничестве в области культуры; китайско-замбийское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, а также культурном обмене; китайско-гвинейское соглашение о техническом сотрудничестве; китайско-кенийское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, соглашение о культурном обмене и другие.

Продолжали развиваться связи Китая по военной линии с Сомали, Заиром, Габоном, Камеруном, Мали, некоторыми другими государствами. КНР поставила оружие Камеруну, Габону, Мадагаскару, участвовала в подготовке военных специалистов Заира, Камеруна и других стран.

Недовольство условиями и темпами реализации китайской экономической помощи отмечалось в Танзании, Замбии, Кении, Габоне, некоторых других странах. В Кении Китай задерживал строительство спортивного комплекса, в Габоне — целлюлозно-бумажной фабрики, больницы и спортивного комплекса. Созданные несколько лет назад в Габоне с помощью китайских специалистов пять рисоводческих хозяйств, по словам габонцев, оказались «нежизнеспособными». Рассматривая экономическую политику КНР в Африке, нигерийская газета «Дейли стар» 27 мая 1980 г. отмечала, что китайская помощь не решает основных экономических проблем африканских стран. В качестве примера газета назвала железную дорогу Тазара, сооружение которой не помогло преодолеть транспортные трудности Танза-

нии и Замбии и которая работает в убыток. Управляющий дорогой А. Чанда заявил, что Тазара разорена, бóльшая часть подвижного состава пришла в негодность. Из-за нехватки запасных частей «отдельные детали и механизмы приходится крепить веревками... На приобретение же новых вагонов и локомотивов у Тазара нет средств, поскольку все доходы железной дороги идут на выплату огромного долга Китаю»[111]. Представители Китая подписали с Танзанией и Замбией шесть документов, направленных на повышение эффективности работы этой железной дороги[112].

Заметно расширились отношения Китая со странами *Латинской Америки*. В КНР побывали с официальными визитами президент Аргентины Х. Р. Видела и премьер-министр Барбадоса Дж. Адамс. Интенсивный обмен делегациями происходил в 1980 г. с Бразилией, Аргентиной, Республикой Тринидад и Тобаго, а также с режимом Пиночета в Чили и рядом других стран.

В итоге визита президента Аргентины Х. Р. Виделы (июнь) стороны подписали соглашение об экономическом и научно-техническом сотрудничестве, а также обменялись нотами по культурному сотрудничеству. Аргентина подтвердила объявленное в 1979 г. решение предоставить КНР кредит в размере 300 млн. долл. Однако политическая часть переговоров была фактически скомкана. Различия в подходе сторон к оценке международной обстановки, прежде всего по таким ключевым вопросам, как сохранение и поддержание международного мира и безопасности, наглядно проявились в отказе аргентинской делегации подписать текст совместного коммюнике, предложенный китайской стороной. Сходная обстановка наблюдалась во время визита в КНР премьер-министра Барбадоса Дж. Адамса (июнь).

Китайское руководство продолжало уделять повышенное внимание зоне Карибского бассейна и Центральной Америке. Пресса КНР повторяла мнения о возможности появления «второй Кубы» в Никарагуа: «Можно быть в Манагуа, но чувствовать себя как в Гаване» — таков основной вывод корреспондента Синьхуа, побывавшего в Никарагуа в ноябре 1979 г.[113]. Вместе с тем китайское руководство предпринимало настойчивые усилия для установления официальных отношений с правительством национального возрождения, учитывая заинтересованность Никарагуа в экспорте хлопка и получении широкой международной помощи. В сентябре во время визита в КНР никарагуанской торговой делегации во главе с министром внешней торговли А. Мартинесом китайская сторона заявила о желании закупить весь урожай хлопка в стране. Однако зондаж перспектив установления дипломатических отношений с Никарагуа, предпринятый через посредство представителей буржуазной партии Никарагуанское демократическое движение (НДД) в Государственном совете в августе, оказался безуспешным.

Не осуждая вмешательство США в дела Сальвадора, китай-

ская пресса писала о некой, на деле не существующей «угрозе» Сальвадору со стороны СССР и Кубы [114].

В октябре состоялся визит в КНР чилийской делегации во главе с министром сельского хозяйства А. Маркесом, в результате которого было подписано пятилетнее соглашение о научно-техническом сотрудничестве.

Предпринимались активные усилия для установления разного рода контактов также с наиболее экономически развитыми странами региона. В феврале находившаяся в Бразилии военная делегация во главе с начальником отдела планирования и снабжения министерства обороны КНР Чан Пином обсуждала контракт на закупку бронемашин бразильского производства. В свою очередь, Китай производил зондаж возможностей поставки бразильским ВВС военных самолетов китайского производства [115].

Судя по высказываниям китайских официальных лиц и печати, как весьма перспективное направление развития отношений с латиноамериканскими странами оценивались в Пекине контакты с правящими буржуазными политическими партиями и примыкающими к ним группами [116].

В конце сентября — начале октября по приглашению ЦК КПК в Китае побывала делегация правящей Социал-христианской партии Венесуэлы (КОПЕЙ) во главе с ее генеральным секретарем Э. Фернандесом, принятая Хуа Гофэном, Ху Яобаном и Ли Сяньнянем. Во время переговоров обе стороны констатировали, что у них имеются точки соприкосновения в оценке актуальных международных проблем [117].

Дипломатия КНР поддержала попытки некоторых стран внушить *движению неприсоединения* антисоветское и антивьетнамское понимание событий в Афганистане и в Кампучии. «Не вызывает никаких сомнений, что в случае созыва чрезвычайной конференции министров иностранных дел неприсоединившихся стран, — писала „Жэньминь жибао“, — подавляющее большинство придерживающихся справедливости и отстаивающих принципы неприсоединения стран проявят солидарность с подвергшимися агрессии неприсоединившимися Афганистаном и Кампучией, а в отношении агрессоров выразят справедливый протест» [118].

Китайская пресса пыталась сеять сомнения относительно добросовестности Кубы как председателя движения неприсоединения [119].

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ КИТАЙЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА ГРАНИЦЕЙ

В начале 1980 г. конференция Всекитайской ассоциации репатриантов была вынуждена констатировать, что среди зарубежных китайцев по-прежнему сильны сомнения относительно целей политики КНР и многие из них не верят в возможность

осуществления модернизации страны. Поэтому была поставлена задача активизировать работу среди соотечественников под лозунгами укрепления родственных связей, воссоединения Тайваня с КНР, создания экономически и политически мощного Китая. Как следует из материалов упомянутой конференции, корректировка политической линии проводилась с учетом критических замечаний и пожеланий зарубежных китайцев[120]. Их призывали также способствовать «укреплению дружбы» между народами и правительствами стран их проживания. Это должно было показать, что руководство КНР не поддерживает антиправительственную деятельность лиц китайской национальности. Принятая конференцией политическая линия была полностью одобрена на 3-й сессии ВСНП 5-го созыва.

Выступления средств информации КНР были обращены прежде всего к зарубежной буржуазии и интеллигенции китайского происхождения с целью привлечения этих прослоек китайской эмиграции к решению внутренних проблем Китая. Стремясь завоевать их доверие, центральная пресса КНР не скрывала негативных моментов жизни тех хуацяо, которые решили вернуться на родину, и открыто признавала, что судьба их, равно как и всех прочих зарубежных китайцев, лишь недавно стала объектом внимания властей страны. В результате предлагаемые «широкие возможности для работы и творчества на родине» находили определенный положительный отклик.

Проблема «воссоединения родины» оставалась основной темой бесед всех выезжавших за границу лидеров КНР (Хуа Гофэна, Гу Му, Дэн Инчао, Ли Сяньняня и др.) с представителями китайских общин. Они убеждали зарубежных китайцев, что возражают лишь против использования Тайванем названия «Китайская республика», а во всем остальном предоставляют ему полную автономию. Подобные беседы чаще велись в таких странах, как США и Япония, т. е. там, где проживает много граждан Тайваня.

Особую остроту кампания по «воссоединению родины» приняла в США, где гоминьдановцы, мобилизовав «протайваньское лобби», пытались использовать известные заявления Р. Рейгана по тайваньскому вопросу[121] для укрепления своих позиций. Тайбэйские власти поощряли американских китайцев выступать на стороне Р. Рейгана и открыто осуждали администрацию Дж. Картера за преднамеренное, в ущерб «престижу Тайваня», раздувание «гаосюнского инцидента» — жестокого разгона демонстрации полицией в г. Гаосюн на Тайване в конце 1979 г.

Зарубежные китайцы приняли активное участие в поисках компромиссного решения вопроса о «воссоединении родины». В качестве посредников выступали бизнесмены, ученые, общественные деятели (особенно А. Ченнолт, американка китайского происхождения, которая пользуется авторитетом как в КНР, так и на Тайване).

Принятие на 3-й сессии ВСНП 5-го созыва первого в истории КНР Закона о гражданстве рассматривалось в Китае как важный шаг на пути нормализации отношений, прежде всего со странами Юго-Восточной Азии. Новый закон в определении гражданства исходил из сочетания принципов «крови» и «почвы» и не признавал двойного гражданства [122]. В соответствии с ним китайское гражданство теряли все, кто получил иностранное по рождению или по собственному желанию. При этом пункт 5 закона признавал законность иностранного гражданства, полученного в странах, где действовал «принцип почвы», даже если один или оба родителя этого иностранного гражданина были гражданами КНР. Во всех остальных случаях для получения иностранного гражданства необходимо иметь согласие китайского правительства. Закон сохранял за китайцами право на возвращение в китайское гражданство и признавал статус лиц без гражданства. В прошлом их не отделяли от граждан КНР, что было причиной острых дискуссий с Малайзией.

Переход всех иностранцев китайского происхождения под юрисдикцию правительств стран их проживания устраивал эти страны, хотя бы потому, что позволял властям требовать от китайцев соблюдения местных законов и при обострении ситуации не опасаться прямого вмешательства КНР. Так, во время антикитайских выступлений на Яве (Индонезия) в 1980 г. китайская печать ограничилась простой констатацией данного факта в изложении западной прессы, что свидетельствовало о хорошей осведомленности относительно ситуации в Индонезии, где кампания по предоставлению местного гражданства китайцам вызвала яростное сопротивление со стороны националистически настроенного мусульманства. В таких условиях любое вмешательство КНР могло лишь сорвать всю кампанию. Действия индонезийского правительства вообще не комментировались в китайской печати, хотя гонконгские газеты утверждали, что местное гражданство скорее всего не получат члены китайских тайных обществ и те, кто в 60-х годах намеревался выехать в Китай.

Филиппины, как и Индонезия, решали вопрос о гражданстве лиц китайской национальности без изменения основ своего законодательства — в порядке единовременного акта. Бирма же стремилась изменить свое законодательство таким образом, чтобы лишить детей иностранцев возможности получить бирманское гражданство и ограничить в правах потомков ассимилировавшихся в стране иностранцев. В парламенте ЮАР при участии представителей китайской общины решался вопрос о предоставлении китайцам статуса «белого населения».

Обосновывая причины принятия нового Закона о гражданстве, китайское правительство не скрывало, что руководствовалось перспективными интересами как Китая, так и зарубежных китайцев. Для последних получение полных политических

и гражданских прав означало неограниченную возможность экономического предпринимательства, т. е. укрепления их позиций в странах проживания. Это понимали в странах Юго-Восточной Азии, где все чаще раздавались голоса, предупреждавшие об опасности поощрительной политики в отношении принятия китайцами местного гражданства. Основанием для подобных настроений служили и некоторые заявления китайских лидеров. Во время визита на Филиппины, например, Хуан Хуа обратился к местным китайцам с призывом поддержать президента страны Ф. Маркоса. Одна из филиппинских газет отмечала, что если Хуан Хуа считает уместным призывать филиппинских граждан к поддержке их президента, то, значит, он может дать им и прямо противоположный совет [123].

Китай продолжал прилагать усилия для укрепления связей со странами ЮВА. Это проявилось и в тщательном подборе состава китайских делегаций. Так, посетивший Таиланд член Постоянного бюро ВК НПКСК Ли Тэчжэнь в прошлом был здесь послом гоминьдановского правительства. Естественно, что его приезд в страну в качестве представителя КНР не мог не оказать влияние на китайскую общину. В состав многочисленных общественных делегаций, выезжавших в страны Западной Европы и Америку, включались родственники или земляки проживающих там китайцев. Не без ведома правительства КНР китайцы буквально «завалили» сингапурские организации просьбами разыскать их родных и близких. Кампания эта активно поддерживалась на страницах «Жэньминь жибао». Однако правительства стран ЮВА в 1980 г. по-прежнему ограничивали связи проживающих на их территории китайцев с их родственниками в КНР.

В значительной степени на китайцев из ЮВА были рассчитаны изменения в области образования. В 1980 г. все посольства и консульства КНР получили указания начать прием заявлений от желающих поступить в учебные заведения Китая. Вступительные экзамены проводились не только в Китае, но и в Гонконге. Для тех, кто не знал китайского языка, были созданы курсы по его ускоренному изучению. Как правило, открытие университетов и школ для зарубежных китайцев сопровождалось торжественными церемониями, а в состав их правлений включались видные представители деловых и научных кругов китайской эмиграции. В программу университета в Сямыне был введен специальный курс по изучению китайской эмиграции; был открыт кабинет «наглядной агитации» с материалами о жизни одного из самых известных в прошлом китайского миллионера, проживавшего в Малайе, — Тан Ка Ки (Чэнь Цзягэна). Из поля зрения китайского руководства не выпал и вопрос об образовании китайской молодежи за границей: в выступлениях некоторых депутатов ВСНП звучало беспокойство по поводу того, что директорами китайских школ, как правило, являются тайваньцы [124].

Для осуществления «четырех модернизаций», как уже отмечалось, привлекаются средства зарубежных китайцев. Самым большим успехом в этом плане стало создание совместно с Бао Юйганом — одним из самых крупных частных судовладельцев мира (штаб-квартира его группы находится на Бермудских островах) — компании «Интернешнл юнайтед шиппинг энд инвестмент». По контракту группа Бао Юйгана получила 55% акций.

К большей части соглашений и контрактов, подписанных Китаем в 1980 г. и предусматривавших привлечение иностранного капитала, так или иначе была причастна китайская буржуазия Гонконга и Макао. Доля китайской буржуазии других стран была незначительной, хотя нельзя не учитывать, что ее участие может тщательно скрываться. Тем не менее совершенно ясно, что зарубежные китайцы не торопятся исполнить свой «патриотический долг», предпочитая вести с Китаем дела, исходя прежде всего из своих экономических интересов. Преобладающие типовые соглашения, основанные на принципе компенсационной торговли, дают КНР возможность в короткий срок в определенной мере получить в свое распоряжение современное оборудование (подробнее см. раздел «Внешнеэкономические связи»).

Китайское правительство демонстрирует свою заинтересованность в стабилизации положения Гонконга. В связи с этим контроль на границе с Гонконгом все более ужесточался. Однако, по сообщениям иностранных газет, находились другие каналы для массовой нелегальной эмиграции из КНР.

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 10—11.
[2] «Правда», 12.IV.1980.
[3] «Правда», 22.V.1980.
[4] «Правда», 1.X.1980.
[5] «Правда», 12.II.1980.
[6] «Правда», 21.II.1980.
[7] «Правда», 2.XII.1980.
[8] «Правда», 4.VI.1980.
[9] «Правда», 26.IV.1980.
[10] «Правда», 10.XI.1980.
[11] Подробнее см.: «Китайская Народная Республика в 1979 г.». М., 1981, с. 156—160.
[12] См. заявление Хуа Гофэна в беседе с генеральным секретарем ЛДП Японии («Нихон кэйдзай», 1.V.1980).
[13] Внешняя торговля СССР в 1980 г. Статистический сборник. М., 1981, с. 213—214.
[14] «Известия», 20.III.1980.
[15] «Правда», 30.IV.1980.
[16] «Нян зан», 15.XII.1980.
[17] «Corrier della sera», 29.VIII.1980.
[18] См.: «Правда», 22.II.1980; «Коммунист». 1980, № 4, с. 85—97; «Мировая экономика и международные отношения». 1980, № 2, с. 30—44; № 10, с. 18—29; «Международная жизнь». 1980, № 9, с. 71—74; № 12, с. 37—46.
[19] См.: «Нян зан», 12.II, 30.XII.1980; «Тапти конгшан». 1980, № 10, с. 60—65; № 11, с. 65—68.

[20] См.: «Правда», 3.II.1980.
[21] См.: «Жэньминь жибао», 15, 30.I, 5, 15.II.1980.
[22] «Жэньминь жибао», 23.VI.1980.
[23] «Хунци». 1980, № 23, с. 44.
[24] Там же, с. 45.
[25] «Жэньминь жибао», 4.XII.1980.
[26] «Жэньминь жибао», 5.VII.1980.
[27] «Жэньминь жибао», 3.IV.1980.
[28] «Жэньминь жибао», 24.III.1980.
[29] «Жэньминь жибао», 29.I, 24.XII.1980.
[30] «Scinteia», 23.V.1980.
[31] «International Monetary Fund Survey. 1980», с. 113.
[32] «Акахата», 2.XII.1979.
[33] «Australian Financial Review», 7.VIII.1980.
[34] См.: «Правда», 16.XI.1980.
[35] «Department of State Bulletin». Vol. 80, № 2041, с. 50—51.
[36] «New York Times», 10.I.1980.
[37] «Department of State Bulletin». Vol. 80, № 2041, с. 50—51.
[38] «Washington Star», 1.VI.1980.
[39] «Washington Post», 11.IX.1980.
[40] «Business Week», 19.I.1981.
[41] «US News and World Report», 4.II.1981.
[42] «Жэньминь жибао», 5.X.1980.
[43] «New York Times», 26.I.1981.
[44] «Washington Post», 3.XI.1980.
[45] См., например: «Department of State Bulletin». Vol. 80, № 2041, с. 50—51.
[46] «Christian Science Monitor», 12.I.1980.
[47] См.: «Жэньминь жибао», 12.II, 4.IX.1980.
[48] «Beijing Review». 1980, № 2, с. 14.
[49] «Жэньминь жибао», 30.VIII.1980.
[50] «Жэньминь жибао», 2.X.1980.
[51] «Beijing Review». 1980, № 4, с. 12.
[52] «Beijing Review». 1980, № 2, с. 14.
[53] «Жэньминь жибао», 30.X.1980.
[54] «Жэньминь жибао», 15.IX.1980.
[55] «Beijing Review». 1980, № 17, с. 16.
[56] «Жэньминь жибао», 12.II.1980.
[57] «Жэньминь жибао», 21.VI.1980.
[58] «Жэньминь жибао», 9.III.1980.
[59] Там же.
[60] «Le Monde», 17.X.1980.
[61] «Beijing Review». 1980, № 14, с. 7.
[62] «Daily Telegraph», 26.III.1980.
[63] «Известия», 8.II.1980.
[64] Вага гайко-но кинкё (Обзор японской внешней политики). Токио, 1980, № 61.
[65] «Иомиури симбун», 31.V.1980.
[66] «Токио симбун», 30.V.1980.
[67] «Асахи симбун», 30.V.1980.
[68] «Асахи симбун», 14.V.1980.
[69] «Санкэй симбун», 1.V.1980.
[70] «Асахи симбун», 20.V.1980.
[71] «Майнити симбун», 21.V.1980.
[72] «Токио симбун», 30.V.1980.
[73] «Асахи симбун», 5.XII.1980.
[74] «Санкэй симбун», 6.XII.1980.
[75] «Japan Economic Journal», 30.XII.1980.
[76] «Жэньминь жибао», 14.II, 6.VI.1980.
[77] «Beijing Review». 1980, № 11, с. 10—11.
[78] «Жэньминь жибао», 7.II.1980.

[79] «Нян зан», 5.VIII.1980.
[80] «The Sunday Times», 16.III.1980.
[81] «Жэньминь жибао», 27.VIII.1980.
[82] «Bulletin Today», 3.XI.1980.
[83] «Straits Times», 26.IX.1980 (интервью Ли Куан Ю).
[84] См.: «Правда», 27.III.1980.
[85] «China actuel». July 1980, с. 599/05.
[86] См.: «Жэньминь жибао», 1.VIII.1980; «Beijing Review». 1980, № 28, с. 13; № 32, с. 8; № 43, с. 14.
[87] «Аль-Ватан аль-Араби» (Париж), 21.I.1980.
[88] «Beijing Review». 1980, № 51, с. 10.
[89] «Beijing Review». 1980, № 52, с. 12.
[90] «Аль-Кабас» (Кувейт), 9.VI.1980.
[91] «Beijing Review». 1980, № 28, с. 8.
[92] «Beijing Review». 1980, № 29, с. 10.
[93] «Dagbladet», 14.VI.1980.
[94] «Beijing Review». 1980, № 18, с. 2.
[95] См.: «Жэньминь жибао», 30.IX, 14.X.1980.
[96] «Patriot», 23.VI.1980.
[97] «Times of India», 19.IV.1980.
[98] См.: «Times of India», 19.I.1980.
[99] «Times». 1980, № 3, с. 40.
[100] «Жэньминь жибао», 9, 10.VII.1980.
[101] «Жэньминь жибао», 3.V.1980.
[102] «Уруба валь-Араб». 1980, № 5, с. 12.
[103] См.: «Правда», 16, 29.VI.1980.
[104] См.: Правда об Афганистане. М., 1980, с. 73.
[105] «Жэньминь жибао», 23.VII.1980.
[106] «Жэньминь жибао», 25.VII.1980.
[107] «Ceylon Daily News», 9.X.1980.
[108] «Ceylon Daily News», 1.XII.1980.
[109] «Financial Times», 7.VIII.1980.
[110] «China aktuel». Sept. 1980, с. 802/06.
[111] Цит. по: «Социалистическая индустрия», 10.VIII.1980.
[112] «China aktuel». Aug. 1980, с. 698/06.
[113] «Beijing Review». 1980, № 1, с. 13.
[114] «Beijing Review». 1980, № 15, с. 12.
[115] «Красная звезда», 18.VII.1980.
[116] «Жэньминь жибао», 1.X.1980.
[117] Там же.
[118] «Жэньминь жибао», 15.III.1980.
[119] См.: «Жэньминь жибао», 16.III, 22.IV.1980.
[120] «Дагун бао», 1.I.1980.
[121] Как уже отмечалось выше, в ходе предвыборной кампании Р. Рейган заявлял о возможности восстановления дипломатических отношений между США и Тайванем.
[122] «Жэньминь жибао», 14.IX.1980.
[123] «Daily Express» (Manila), 15.III.1980.
[124] «Жэньминь жибао», 6.IX.1980.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

1980 год в целом прошел под знаком дальнейшего развития тенденции на отказ от идеологической доктрины «культурной революции» и выработки новой концепции на основе трех установок («самых основных принципов марксизма») — «придерживаться делового реалистического подхода», «во всем исходить из реальной обстановки», «соединять теорию с практикой», используемых с 1978 г. В идеологической пропаганде вновь появилось понятие «политическая линия партии», выдвигаемое в противовес «основной линии партии» — курсу IX—XI съездов КПК (1969—1977 гг.) на «продолжение революции в области надстройки». Это понятие отражает суть решений 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), поставивших в центр деятельности партии и правительства проблемы экономического развития. После указанного пленума сначала завуалированной, а потом и открытой критике подверглись важные идеологические установки, подтвержденные IX—XI съездами КПК, в том числе определение «классовой борьбы» как главной движущей силы развития социалистического общества, а также тезис о «продолжении революции в условиях диктатуры пролетариата». Вместе с тем идейно-теоретической основой деятельности КПК по-прежнему провозглашались «марксизм-ленинизм-идеи Мао Цзэдуна».

Новый политический курс сформулирован в выступлении Е Цзяньина на 4-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (сентябрь 1979 г.): «Сплотить все национальности страны, привести в действие все позитивные факторы, работать сплоченно, активно, по-деловому, строить модернизированную социалистическую державу по принципу: больше, быстрее, лучше и экономнее» [1]. Изменение центральных лозунгов обосновывалось тем, что «курс на осуществление классовой борьбы выступает в качестве основной линии партии только на некоторых этапах социалистической революции; на нынешнем этапе такой линией является курс на осуществление „четырех модернизаций“» [2].

В русле данного процесса находятся суд над «бандой четырех» и участниками «контрреволюционной группы Линь Бяо» (подробнее см. раздел о нем), а также реабилитация Лю Шаоци (бывшего Председателя КНР, исключенного из партии в годы «культурной революции»), которые стали важным событием

в жизни страны в 1980 г. В китайской печати появились переиздания ряда работ Лю Шаоци и множество материалов, где давалась высокая оценка его деятельности как революционера-марксиста и видного государственного деятеля. Реабилитация Лю Шаоци была охарактеризована, с одной стороны, как свидетельство того, что объявленный «курс на восстановление подлинного облика идей Мао Цзэдуна не является пустым звуком», а с другой — как доказательство исправления на деле ошибок «культурной революции» в духе «делового реалистического подхода»[3]. Утверждалось, что хотя Лю Шаоци допустил «некоторые ошибки», но у него «никогда не было своей линии», отличной от линии ЦК КПК, а взгляды этого политического деятеля «совпадали с идеями Мао Цзэдуна»[4]. Реабилитированный Лю Шаоци назывался одним из создателей «системы идей Мао Цзэдуна» — воплощения «коллективной мудрости партии».

Тезис о «коллективной мудрости партии» и характеристика «идей Мао Цзэдуна» как результата коллективного творчества получили широкое распространение (см. раздел «5-й пленум ЦК КПК»). Причем подчеркивалось, что Мао Цзэдун внес в эту совокупность взглядов наиболее «систематический вклад»[5].

Пересмотр официальной идейно-политической доктрины КНР оказался на деле сопряженным с серьезными издержками. Отрицание доктрины «культурной революции» осуществлялось под лозунгом «раскрепощения сознания» и трансформировалось в критику «левой» идеологии, прежде всего «ультралевой линии Линь Бяо и банды четырех», а также «взглядов Кан Шэна». В ходе этой кампании оживились различные антисоциалистические «мелкобуржуазно-либеральные» тенденции. Они выражались в открытых и замаскированных требованиях отказа КПК от контроля над идейно-политическими процессами и направлялись в общем против ее руководящего положения в обществе. Для борьбы с ними, стремясь исключить возможность истолкования лозунга «раскрепощения сознания» в крайне правопрагматическом духе, руководство КПК провозгласило «четыре принципа идеологической пропаганды»: «твердо придерживаться социалистического пути, диктатуры пролетариата, признать руководящее положение компартии и марксизма-ленинизма-идей Мао Цзэдуна». Это, в свою очередь, содействовало некоторому восстановлению влияния «теории продолжения революции при диктатуре пролетариата». В результате идейно-политическая жизнь страны заполнилась явлениями самого различного толка — от откровенно правых («мелкобуржуазно-либеральных») до левацких, являвшихся отголосками «культурной революции». Начиная с середины 1979 г. пресса КНР заговорила о «нападках слева и справа на линию 3-го пленума», что расценивалось ею как главный фактор «внутриполитической дестабилизации».

Курс на «восстановление делового реалистического подхо-

да», направленный на преодоление субъективистского подхода к решению общественных проблем и восстановление «экономических методов», породил нападки на принципы централизованного управления народным хозяйством. В печати появились требования усилить роль «рыночного регулирования» и ограничить роль централизованного планирования, что приводило подчас к фактическому отрицанию принципа государственного регулирования экономики.

Китайские теоретики проявили значительный интерес к проблеме социалистической собственности. В результате обсуждения были сделаны выводы, что она может иметь весьма разнообразный характер в зависимости от степени ее обобществления. Тезис о «многообразии социалистической собственности» послужил теоретическим обоснованием курса на возрождение многоукладности, а также несоциалистических форм хозяйственной деятельности, на активное использование «разных форм экономики с различным уровнем обобществления». Усиленно разрабатывались принципы сочетания плановых начал с рыночным регулированием производства. Правомерность такого подхода обосновывалась высказываниями видных деятелей КПК, в частности замечаниями Лю Шаоци о целесообразности ограничения роли планирования в пользу рыночного регулирования в целях большего «разнообразия и гибкости» социалистической экономики [6].

Признание определяющего значения материально-производственной деятельности в жизни общества оборачивалось подчас абсолютизацией «материального интереса». Возникла мысль о плодотворности конкуренции в хозяйственной жизни. Вопрос о «социалистической конкуренции» трактовался порой в духе социал-дарвинистского принципа выживания сильного — «если ты разоряешься, то я преуспеваю».

Правомерность такой постановки вопроса обосновывалась ссылками на примеры из живой природы, где действует закон естественного отбора [7].

Развитие многоукладности привело к тому, что поднялась стихия стяжательства и наживы, охватившая широкие слои трудящихся, в том числе и различные звенья партийного руководства. Центральная печать КНР заговорила о повсеместном распространении «преступлений в области экономики» — разного рода злоупотреблениях, допускаемых руководящими работниками на местах в целях личной наживы. Абсолютизация «материального интереса» вела к девальвации морально-политических ценностей и в конечном счете создавала опасность для духовных устоев социализма. Руководство КПК увидело в сложившейся обстановке угрозу подрыва идейного и морально-политического единства общества. Уже в конце 1979 г. были выдвинуты установки на усиление контроля КПК над идеологическими процессами. Был поставлен вопрос об усилении идеологического воздействия партии по всем направлениям,

особенно по линии идейно-политической работы. Был провозглашен лозунг «восстановления лучших традиций КПК».

В целях прекращения разнобоя в 1980 г. истолкование лозунга «раскрепощение сознания» было согласовано с «четырьмя принципами идеологической пропаганды». Они были объявлены «магистральным путем раскрепощения сознания».

Тенденция к «восстановлению делового реалистического подхода», заложенная в первых призывах к «раскрепощению сознания», могла быть понята вообще как отказ от твердых идеологических установок. После указанной корректировки положение изменилось: процесс «раскрепощения сознания» был ориентирован на «восстановление идейной линии партии» в виде «самых основных принципов марксизма». Кроме того, «раскрепощение сознания» предполагало дальнейшее исправление ошибок «культурной революции», в частности критику и осуждение лозунга «классовая борьба — основа» [8].

В идеологическом курсе КПК в 1980 г. четче обозначалась установка на решительное пресечение проявлений «буржуазного либерализма». Наряду с борьбой против влияния «ультралевой линии Линь Бяо и банды четырех» были поставлены и задачи борьбы «против проникновения в КНР и распространения в обществе буржуазного образа жизни и буржуазной идеологии». В выступлениях печати говорилось о необходимости создать атмосферу нетерпимости к чуждой морали и идеологии средствами идейно-политического воздействия. Газеты призывали усилить массовую идейно-политическую работу до такой степени, чтобы она «пронизывала все стороны человеческой деятельности, включая труд на производстве, деятельность в области литературы и искусства, а также семейную и личную жизнь каждого человека» [9].

Для обеспечения единства общества средствами идейно-политического воздействия предусматривалось «налаживать заново» и поддерживать на постоянном высоком уровне интенсивность воспитания масс в духе «четырех принципов идеологической пропаганды» и «идейной линии партии», с тем чтобы добиться всеобщего убеждения в правильности «линии, курса и политических установок 3-го пленума» [10]. Достигнуть концентрации «в интересах общества» помыслов вокруг общей цели — «осуществления четырех модернизаций» — предлагалось путем внедрения «общих для всех моральных принципов»: патриотизма, трудолюбия, коллективизма, духа взаимопомощи и бескорыстного служения интересам государства. Единство морали, будучи основанным на идейно-политическом единстве, призвано обеспечить «единство действий и единство дисциплины», с тем чтобы «реализовать преимущества социализма», «обеспечить более быстрое развитие производительных сил, чем при капитализме» [11].

Стремление добиваться ускоренного развития производительных сил за счет моральных факторов, путем создания обстанов-

ки всеобщего трудового энтузиазма проявилось в начале 1980 г., когда в пропаганде был сделан акцент на морально-политическое стимулирование трудовой активности масс. Необходимость этого обосновывалась тем, что, поскольку «осуществляемый курс на развитие экономики не приведет в обозримом будущем к значительному увеличению национального дохода, для избавления от бедности остается одно — упорно трудиться» [12]. В это же время стала усиливаться критика «одностороннего увлечения принципом материальной заинтересованности», с которым связывалось распространение в обществе стихии стяжательства и наживы, квалифицировавшееся как заражение общества буржуазной моралью и идеологией. Все это послужило основанием для провозглашения задачи воспитания «стойкости против заражения буржуазным образом жизни, буржуазной идеологией и моралью», которым противопоставлялась высокая коммунистическая нравственность [13].

К концу года центр тяжести массовой идейно-политической работы стал перемещаться в сторону пропаганды коммунистической морали как высшей морали, несовместимой с помыслами о личном материальном благополучии. Начали возрождаться лозунги и призывы, характерные для идеологической практики КПК начала 60-х годов: «не бояться трудностей, не бояться смерти», «придерживаться духа твердой и упорной борьбы», «придерживаться духа революционного самопожертвования».

Усиление идеологического воздействия на массы рассматривалось как «восстановление лучших традиций партии». Ослабление идейно-политической работы после 3-го пленума ЦК КПК было признано «ошибкой», идущей от недооценки этой работы как «центрального звена в сплочении партии на великую борьбу», как неотъемлемого средства «претворения линии, курса и политических установок партии в созидательные действия масс» [14].

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

В идеологической и общественно-политической жизни Китая в 1980 г. отводилось все больше места историческим изысканиям. В июне — начале августа 1980 г. на страницах китайских газет почти ежедневно публиковались исторические материалы на самые различные темы, а рубрика «Шисюэ» («Историография») в «Гуанмин жибао» превратилась в еженедельную (прежде она появлялась примерно два раза в месяц). Заметно увеличился выпуск научной и популярной исторической литературы. Сообщалось о выходе в свет более 20 изданий по проблемам древней, новой и новейшей истории Китая. Среди них следует отметить: «Сборник исторических материалов о крестьянских войнах в конце династии Суй», «Краткий курс истории династии Цинь», «Сборник критико-библиографических иссле-

дований по истории династий Вэй, Цзинь, Суй, Тан», «Исследования по новой истории» и целый ряд других книг, в том числе «Популярное изложение древней истории Китая», выпущенное молодежным издательством «Чжунго циннянь чубаньшэ». В этом красочно оформленном пособии, написанном в форме вопросов и ответов, в доступной форме излагаются материалы по 500 различным историческим темам. Оно рассчитано на молодежь, которой необходимо «привести знания по истории в систему» [15].

Общая характерная особенность работ по истории, опубликованных в 1980 г., весьма разнообразных по тематике, состояла в том, что они были рассчитаны не столько на интеллигенцию, сколько на более широкий круг читателей. В них, как правило, было явно заметно стремление внушить глубокий пиетет по отношению к отечественной истории. В частности, в статье известного историка Лю Даняня «Воспринимать прошлое в назидание будущему и не возлагать эту ответственность на других» говорилось: «История для Китая — это все, история выше, чем идеология, выше, чем любая философская школа» [16]. В других материалах также постоянно шла речь о поднятии духа патриотизма на примерах исторического прошлого. Так, «Гуанмин жибао» писала, что история имеет «громадную ценность для воспитания патриотизма, смелости, любви к труду, бескорыстия и других черт китайского традиционного духа» [17].

Во втором полугодии 1980 г. в подходе к историческому прошлому в печати КНР обозначились новые моменты. Центральные газеты выступили с предостережениями против упрощенного толкования исторических аналогий, призвав не воспринимать ссылки на положительные поступки тех или иных императоров или чиновников как попытку оспорить правильность положения о том, что не отдельные личности, а народ творит историю [18]. Подобный подход был непосредственно связан с выдвижением установки на критику «остаточного влияния» феодализма на жизнь современного китайского общества. С ее появлением стал широко пропагандироваться тезис о том, что целый ряд порочных явлений в политической жизни страны — проявление феодализма.

В 1980 г. китайская печать в целом более критически, чем раньше, освещала деятельность правителей феодального Китая. Так, в статьях «Новая оценка факта сожжения книг Цинь Шихуаном» [19] и «К оценке „единопочитания конфуцианства“ ханьским У-ди» [20] действия Цинь Шихуана назывались варварскими и реакционными, а сам факт сожжения книг расценивался как «проявление крайне жестокого духовного абсолютизма», который «привел к политике одурачивания народа».

Газета «Вэньхуэй бао» опубликовала статью, по-новому оценивающую роль Лю Бана — предводителя одного из крупнейших в истории Китая крестьянских восстаний, основателя династии Западная Хань. В ней говорилось, что Лю Бан, хотя

и сыграл определенную роль в свержении династии Цинь, не может претендовать на роль народного вождя, так как его политика отвечала интересам мелких и средних помещиков [21].

Все эти критические замечания в адрес императоров следует рассматривать не только как итог объективного научного изучения исторических фактов, но и как завуалированную (традиционным методом исторической аналогии) критику руководителей «культурной революции». Показательно, что «Жэньминь жибао» поместила статью известного историка Ли Хунлиня, в которой поднималась тема наследования власти [22]. Автор указывал, что система, при которой только император имел право назначать своего преемника, представляет собой пережиток феодального прошлого Китая и необычайно опасна, так как очень часто в истории оборачивалась политической нестабильностью и кровопролитными восстаниями. Только принцип «коллективной смены», по его мнению, позволяет обеспечить стабильность руководства и заменить тех, кто находится в преклонном возрасте или не справляется с обязанностями.

В 1980 г. в китайской печати продолжалась «реабилитация» Конфуция и его учения. С серией статей на эту тему выступил журнал «Чжунго шэхуэй кэсюэ» («Общественные науки Китая») [23]. Наибольший интерес из них вызвала статья Ли Цзэхоу «Новая оценка Конфуция» [24]. Он предложил новое понимание общественных процессов, происходивших в древнекитайском обществе, и личности мыслителя. В статье использован широкий круг исторической литературы, все цитаты приводились на древнем литературном языке — вэньяне. Конфуций, в соответствии с концепцией Ли Цзэхоу, хотя и стоял на «консервативных позициях», в то же время выступал против жестокой эксплуатации и требовал вернуться к старым порядкам родового строя, имеющим демократический и общенародный характер. Рациональное зерно духовного наследия Конфуция, по мнению автора, в его человеколюбии, защите интересов личности. Идеология Конфуция, говорится в статье, сыграла такую огромную роль в жизни китайцев, с которой не сравниться никакому другому идеологическому учению. Ли Цзэхоу весьма высоко оценивает конфуцианское учение о человеколюбии. Китаю удалось на протяжении более чем двух тысяч лет сохранить свою культуру именно потому, утверждает он, что китайцы во взаимоотношениях друг с другом руководствовались этим учением. Однако, делает вывод автор, выявить в этом учении рациональное зерно и воспринять его Китай сможет только тогда, когда в материальном отношении полностью освободится от нищеты и отсталости и когда в области психологии и общественных отношений «окончательно вытравит из учения Конфуция вирусы мелкого производства и яд феодализма, что и является важной задачей современности». Только с наступлением такого времени Китай сможет поставить на службу общечеловеческой культуре лучшие свои традиции, в основе которых

лежит учение о человеколюбии. Переоценка роли Конфуция, указывает автор, имеет колоссальное значение, поскольку она помогает заново исследовать и верно оценить традиции китайской культуры и учение о человеколюбии.

Следует отметить, что предложенная Ли Цзэхоу переоценка прежде всего касается личности Конфуция, а учение его в целом все же определяется как реакционное. Аналогичный подход был характерен и для состоявшегося в ноябре 1980 г. на родине Конфуция в г. Цюйфу симпозиума, в работе которого приняли участие такие видные историки и философы, как Цзинь Цзинфан, Янь Баймин, Чжу Хо и др. На нем Конфуций был назван «одной из выдающихся личностей китайской науки», внесшей большой вклад в культурное наследие Китая, и в то же время подчеркивалось, что его исторический и политический идеализм необходимо отвергнуть.

Во многих публикациях 1980 г. затрагивалась тема бережного отношения к историческому и культурному наследию. Было опубликовано предписание Госсовета по вопросу об охране исторических памятников [25]. На первых полосах центральных газет появилось сообщение о проведении в Пекине экстренного совещания, призванного разработать конкретные мероприятия по спасению и восстановлению Великой китайской стены, «самого величественного древнего сооружения» [26]. Был обнародован призыв к населению спасти этот главный исторический памятник страны. Дело в том, что, несмотря на прежние запреты, местные жители систематически разбирали ее, используя кирпичи для строительства домов и помещений для скота. Очередная инспекция обнаружила, что из 480-километрового участка стены уже разобрано и снесено около 160 км. Если так будет продолжаться, предупреждали специалисты, Великая китайская стена в недалеком будущем исчезнет с лица земли. «Злостное поветрие разрушения Великой китайской стены» началось в период «культурной революции», но лишь в 1980 г. китайская печать забила в набат, выступив с «экстренным призывом» сберечь ее для будущих поколений.

В последние годы уделялось заметно больше внимания восстановлению многих исторических памятников, и особенно храмов, которым были нанесены повреждения в ходе «культурной революции». Так, после реставрации вновь открыт построенный 859 лет назад храм Мэн-цзы на его родине в пров. Шаньдун. Сообщая о его восстановлении, китайская печать поясняла, что Мэн-цзы был общественным деятелем, мыслителем и педагогом. Развив учение Конфуция, он стал вторым крупнейшим идеологом конфуцианства в Китае.

В течение 1980 г. в центральной прессе появились публикации, в которых были видны попытки освободить концепцию «поставить древность на службу современности» от упрощенной интерпретации. Так, в «Гуанмин жибао» давались рекомендации, как правильно использовать эту концепцию. Отмеча-

лось, кроме того, что она была известна еще в далекой древности, в периоды Тан и Сун, а затем в нашем веке ее интерпретировали Лян Цичао, Ху Ши и другие известные деятели[27].

Значительное внимание уделялось изучению истории неханьских народов, в особенности монголов, хотя в основном цель подобного изучения оставалась неизменной: доказать, что китайская империя установила контроль над всеми входившими в нее территориями с незапамятных времен. В июле в Хайларе состоялась научная конференция по истории монголов, где прямо утверждалось, что «Китай был местом происхождения монголов». Почти половина представленных докладов касалась оценки исторических личностей, начиная с Чингисхана[28]. В печати сообщалось об издании ряда книг по истории монголов. Делаются попытки отрицать государственную самостоятельность и самобытный характер цивилизации кочевых народов и утверждать, будто территории кочевий искони были частью Китая. За всем этим скрывается желание во что бы то ни стало «исторически обосновать» агрессивную политику китайских и маньчжурских императоров. Эти же цели преследовали опубликованные в Китае работы по истории других неханьских народов.

В 1980 г. появлялись материалы и по истории русско-китайских отношений. В ряде журналов были помещены статьи об «агрессии царской России против Китая»[29].

РЕЛИГИЯ

Новая политика по отношению к религии. В период «культурной революции» подавляющее большинство культовых учреждений было закрыто, их здания использовались как производственные или бытовые помещения, а сами служители культа были отправлены на «трудовое перевоспитание». Был распущен официальный государственный орган по связи с религиозными организациями и по контролю за их деятельностью — Управление по делам религии при Госсовете КНР.

С 1979 г. наблюдалось оживление религиозной деятельности. Возобновились публичные богослужения в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу и других крупных городах страны, восстанавливались буддийские храмы и мечети, приводились в порядок христианские церкви, подновлялись ламаистские храмы в Тибете[30]. Священнослужителей стало поддерживать государство[31].

Это оживление объяснялось сменой курса в области религии. Начальник восстановленного Управления по делам религии Сяо Сяньфа суть нового подхода объяснял следующим образом: «Во-первых, религия развивается и исчезает. Во-вторых... религию нельзя уничтожить силой. В-третьих, верующие работают для четырех модернизаций и они полезны для контактов с верующими во всем мире»[32].

Конституция КНР 1978 г. (ст. 56) предоставила всем гражданам страны «свободу вероисповедания и свободу неисповедания никакой религии и пропаганды атеизма». «Политика свободы религиозных убеждений, — формулировал Сяо Сяньфа принципиальную позицию государства в отношении религии, — определяется КПК в соответствии с принципами марксизма-ленинизма»; каждый гражданин «волен исповедовать или не исповедовать религию, волен исповедовать ее сегодня и не исповедовать завтра, и наоборот» [33].

Согласно разъяснениям, которые содержатся в программной статье «Религиозные и феодальные суеверия», верующие «должны следовать политике и законам правительства». Им «не разрешается вмешиваться в политическую жизнь или в сферу образования». Кроме того, говорится там, правительственные органы должны «укреплять руководство религиозными организациями» [34].

Церковь в КНР официально отделена от государства. Государственный контроль осуществляется через Управление по делам религии при Государственном совете КНР, партийный — через отдел Единого фронта ЦК КПК. В провинциях и крупных городах имеются соответствующие управления и отделы.

Китайская печать критикует древние обычаи почитания предков, веру в духов и привидения, оживившиеся многочисленные формы суеверий — колдовство, заклинания, предсказание судьбы и т. п. По сообщению печати, в стране, особенно в страдающих от стихийных бедствий районах, снова практиковались молебны о ниспослании дождя и против стихийных бедствий, ритуал изгнания дьявола и т. п. [35]. По сообщению Управления по делам религии, в Гуанчжоу колдуны, злоупотребляя доверчивостью масс, занимались предсказаниями судьбы, врачеванием болезней [36]. Газета «Жэньминь жибао» отмечала, что определенное число «плохих людей», прикрываясь положением Конституции о свободе вероисповедания, «дурачит население, распространяет клевету и слухи, что ведет к подрыву стабильности и сплоченности в стране» [37].

Основными религиями в Китае являются буддизм, ислам, христианство (католическая и протестантская церкви) и даосизм.

Их последователи вскоре после образования Китайской Народной Республики были объединены в патриотические ассоциации: Китайская ассоциация буддистов, Китайская даосская ассоциация, Китайская исламская ассоциация, Ассоциация китайских католиков-патриотов, Комитет патриотического движения христианской церкви за автономию (католики), Патриотическое движение тройственной независимости китайских христиан (протестанты), Ассоциация молодых христиан и др.

Во время «культурной революции» эти организации фактически не функционировали. В 1980 г. во всех них прошли конференции, избравшие новое руководство.

При Академии общественных наук Китая был создан Институт мировых религий, директором которого назначен известный историк китайской философии профессор Жэнь Цзиюй [38]. Перед институтом поставлена задача изучения мировых религий и путей их распространения (особенно буддизма). Основано Всекитайское общество религиозных исследований. Председателем его правления избран Жэнь Цзиюй, заместителями председателя — Дин Гуансюнь (епископ Нанкина, член ВСНП), Чжан Цзэ (председатель Китайской исламской ассоциации), Сяо Сяньфа, Ло Чжуфэй (бывший директор государственного издательства в Шанхае) и Чжао Фусань (от Академии общественных наук Китая) [39].

Готовится новое издание Библии на китайском языке, с 1979 г. продолжается подготовка издания Корана.

Согласно данным китайской делегации на Международной конференции по вопросам религии и мира (состоялась в августе—сентябре 1979 г. в США), в Китае насчитывается 100 млн. буддистов, около 30 млн. приверженцев даосизма, свыше 10 млн. мусульман, 3 млн. католиков и 700 тыс. протестантов.

Буддизм. Исповедуется он главным образом ханьцами, а также тибетцами, монголами, тайцами и некоторыми другими национальностями Южного и Восточного Китая. В 1953 г. была создана Китайская ассоциация буддистов, в 1956 г.— Китайская буддийская академия. Обязанности председателя ассоциации исполняет в настоящее время Чжао Пучу (возглавлявший китайскую делегацию на Международной конференции по вопросам религии и мира в 1979 г.). Центры китайского буддизма — монастыри Дуньхуан, Баймасы, Шаолиньсы, Юнхэгун и др. Издается журнал «Современный буддизм». По словам Чжао Пучу, буддизм «должен в первую очередь содействовать культурному развитию Китая». В этих целях в 1980 г. рассматривался вопрос об издании буддийских книг на китайском и тибетском языках.

Ислам распространен преимущественно среди хуэй (около 5 млн.), уйгуров (около 5 млн.), казахов, киргизов, таджиков, татар, узбеков, баоань, сакаров и др., сосредоточенных главным образом в Синьцзяне, Ганьсу, Цинхае и Юньнани. Китайская исламская ассоциация была создана в 1953 г. По определению нового ее председателя — Мухаммеда Али Чжан Цзэ, избранного на 4-й национальной конференции в апреле 1980 г., задачи ассоциации состоят в расширении дружественных отношений с мусульманами других стран; продолжении подготовки издания Корана; открытии новых мечетей; возобновлении издания религиозного журнала мусульман; восстановлении деятельности комитета мусульманского богословия и развитии дружественных отношений между мусульманскими организациями.

Главные мечети: Айтика в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, Хуацзюэ — в Сиани, Гуанта — в Гуанчжоу, Донси и

Нюцзие — в Пекине, Сяотаюань — в Шанхае. По сообщениям печати, мечеть Гуанта в 1979 г. посетили 2 тыс. мусульман из Судана, Саудовской Аравии, Ганы, Мавритании и других стран. Группе из 16 мусульман Китая было разрешено посетить Мекку [40].

О значении, которое придают руководители КНР исламу, свидетельствует и тот факт, что во Всекитайском собрании народных представителей 5-го созыва 125 депутатов — мусульмане; 37 мусульман избраны членами Народного политического консультативного совета Китая 5-го созыва.

Католицизм. Китайская ассоциация католиков-патриотов была создана в 1957 г. Главой ее был избран Цзун Хуайдэ, епископ небольшой епархии в Шаньдуне, а затем в Цзинани. В новых условиях задачи этой ассоциации были сформулированы на конференции в Пекине 20—30 мая 1980 г. следующим образом: «Объединяя духовенство и мирян, играть активную роль в социалистической модернизации; в духе независимого самоуправления и впредь выступать против вмешательства внешних сил в дела церкви нашей страны или установления контроля над ней; проявлять бдительность и не допускать, чтобы небольшое число злонамеренных лиц использовало религию для распространения слухов и искушения масс, разжигания розни, разногласий и вовлечения в незаконную деятельность; укреплять и развивать дальше победоносные достижения антиимпериалистического патриотического движения, помогать народному правительству проводить в жизнь политику свободы религиозной веры и вести широкое воспитание духовенства и верующих в духе патриотизма и соблюдения законов; добровольно подчиняться политике, законам и декретам государства; развивать отношения с иностранными друзьями» [41].

После конференции ассоциации состоялась конференция китайских католиков (31 мая — 2 июня 1980 г.). На ней отмечалось, что «китайская католическая церковь является независимой, самоуправляющейся организацией с собственной администрацией». Другими словами, была подчеркнута независимость китайских католиков от Ватикана. Практическим подтверждением тому служит назначение епископом Пекина в декабре 1979 г. Фу Тешаня без согласия Ватикана. Таким же путем были назначены епископы Чжан Цзяшу (Шанхай), Ли Дэнэй (Цзинань) и др. Тем не менее нельзя сказать, что вопрос о независимости китайской католической церкви решен окончательно. С Ватиканом велись переговоры как по поводу правил назначения новых епископов, так и о признании уже назначенных.

На конференции китайских католиков были созданы две новые организации — Конференция епископов, в компетенцию которой входят «проблемы доктрины, постановления и внешние связи», и Комитет по китайским католическим религиозным делам, который должен заниматься «религиозными делами в ду-

хе независимости, самоуправления и самостоятельной администрации». Главой обеих организаций стал 88-летний епископ Шанхая Чжан Цзяшу[42].

На конференции также было принято решение подготовиться к созданию школы теологии и философии, организовать совместно с Китайской ассоциацией католиков-патриотов и Комитетом по китайским католическим религиозным делам издание журнала «Китайский католицизм».

[1] «Хунци». 1979, № 10, с. 15.
[2] «Жэньминь жибао», 1.II.1980.
[3] «Жэньминь жибао», 1.III, 16.V.1980.
[4] «Жэньминь жибао», 3.IV.1980.
[5] «Жэньминь жибао», 16.IV.1980.
[6] «Гуанмин жибао», 25.V.1980.
[7] «Жэньминь жибао», 8.VIII.1980.
[8] «Хунци». 1980, № 12, с. 28—31.
[9] «Гуанмин жибао», 11.VIII.1980.
[10] «Жэньминь жибао», 5.XII.1980.
[11] «Жэньминь жибао», 25.III.1980.
[12] «Гуанмин жибао», 4.II.1980.
[13] «Гуанмин жибао», 5.V.1980.
[14] «Жэньминь жибао», 5.XII.1980.
[15] «Гуанмин жибао», 10.VI.1980.
[16] «Гуанмин жибао», 1.VII.1980.
[17] «Гуанмин жибао», 17.VI.1980.
[18] См.: «Гуанмин жибао», 18.XI.1980; «Жэньминь жибао», 24, 28.XI.1980.
[19] «Гуанмин жибао», 24.VI.1980.
[20] «Гуанмин жибао», 10.VI.1980.
[21] «Вэньхуэй бао», 17.X.1980.
[22] «Жэньминь жибао», 19.IX.1980.
[23] Указанные статьи были помещены в № 1, 2, 3.
[24] «Чжунго шэхуэй кэсюэ». 1980, № 2, с. 77—96.
[25] См.: «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао», 25.V.1980.
[26] Там же.
[27] «Гуанмин жибао», 17.VI.1980.
[28] «Жэньминь жибао», 12.VIII.1980.
[29] См., например: «Нанькай сюэбао». 1980, № 4, с. 63—69.
[30] «Чжунго байкэ няньцзянь. 1980», с. 626.
[31] «Newsweek», 23.VI.1980.
[32] «Жэньминь жибао», 14.VI.1980.
[33] Там же.
[34] «Жэньминь жибао», 15.III.1979.
[35] «Жэньминь жибао», 15.III.1978.
[36] «Наньфан жибао», 21.IV.1979.
[37] «Жэньминь жибао», 22.I.1980.
[38] «Жэньминь жибао», 18.III.1978.
[39] «Гуанмин жибао», 22.III.1979.
[40] «Жэньминь жибао», 22.X.1979.
[41] «Жэньминь жибао», 31.V.1980.
[42] «Жэньминь жибао», 3.V.1980.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

Начало 1980 г. прошло под знаком решений и рекомендаций состоявшегося в октябре—ноябре 1979 г. IV Всекитайского съезда работников литературы и искусства. В печати повторялись обещания впредь «неуклонно осуществлять» курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», уважительно относиться к интеллигенции, обеспечивать ей благоприятные условия для творчества, не ограничивать выбор тем и сюжетов произведений.

В феврале печать сообщила о состоявшемся в Пекине совещании работников провинциальных управлений культуры, на котором выступил министр культуры Хуан Чжэнь. Он призывал собравшихся повысить чувство ответственности за порученное им дело, активно осуществлять руководство всеми областями культуры, не допуская в этом отношении «самотека». Речь шла о том, что часть писателей, деятелей театра и кино вышла за рамки критики «четверки» и уже осужденных в официальных документах аспектов политики предшествующего периода и стремилась более всесторонне и глубоко осветить остающиеся нерешенными социальные проблемы, указать на «болевые точки» в жизни китайского общества.

Почти одновременно были опубликованы материалы совещания по драматургии, созванного творческими союзами деятелей театра, писателей и кинематографистов «под непосредственным руководством отдела пропаганды ЦК». Это совещание, на котором с большой речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, сосредоточило свое внимание на нескольких признанных «спорными» пьесах и киносценариях. Не отрицая того, что изображенные в них негативные явления (бюрократизм, элитарность, преступность среди молодежи) действительно существуют в Китае, большинство участников совещания все же углядели в этих произведениях недостаток «правдивости и типичности» и расценили их как распространяющие уныние и разочарование, дающие негативный социальный эффект.

В то же время появилось много статей, авторы которых выступили против упрощенного, узкого подхода к определению социального эффекта произведений искусства. Один и тот же роман или пьеса по-разному воздействуют, говорилось в этих статьях, .на людей разного общественного положения, разного

возраста и образовательного уровня; чем выше художественный и идейный уровень произведения, тем более многозначным и трудно учитываемым оказывается его общественный эффект. Наивно было бы думать, что, если в книге изображен передовик производства, все читатели сразу же начнут перевыполнять план, а если хулиган — станут членами шайки. Авторы статей настаивали на праве и обязанности художника отображать все реально существующие в жизни явления, не стремясь непременно уравновесить «темные» и «светлые» стороны изображаемой действительности.

В этой обстановке новую остроту приобрели споры о реализме, о тезисе «писать правду». Противники социально-критической линии в китайской литературе и искусстве вновь вытащили на свет концепцию, согласно которой истинный реализм выражает «сущность» явлений, тогда как следование призыву «писать правду» якобы неминуемо ведет к поверхностной фактографичности, натурализму и «сползанию на позиции механистического материализма»[1]. Оппоненты резонно возражали, объясняя, что «сущность» не равнозначна «светлому началу», что общественная жизнь имеет много «существенных сторон», в том числе и негативных. Неправильно закрывать глаза на эти явления, мириться с ними и нападать на авторов произведений, вскрывающих недостатки, безосновательно обвиняя их в том, что они будто бы «направляют острие борьбы против всего социалистического строя в нашем государстве»[2]. Так, один из критиков обвинил авторов киносценария «В архиве общества» в «подрыве единства армии и народа... перед лицом сильных врагов»[3] на том основании, что в числе отрицательных персонажей в сценарии выведен некий военачальник (хотя он рисуется как «твердолобый приверженец Линь Бяо»). Изображать таким образом руководящего кадрового работника, утверждал критик, все равно «не положено». Против других произведений выдвигались стандартные обвинения в «правом уклоне», проповеди буржуазного индивидуализма и т. п.

Подобные факты послужили основанием для значительной группы деятелей культуры поставить в конце концов вопрос о необходимости «реформы системы руководства литературой и искусством». Они сетовали на слишком жесткий и мелочный контроль над творческой деятельностью со стороны соответствующих ведомств, на рецидивы недоверия к писателям и художникам, на недостаточно демократичную атмосферу в литературе и искусстве. По их мнению, в компетенцию таких ведомств должно входить лишь проведение мероприятий, направленных на развитие литературы и искусства в духе курса «пусть расцветают сто цветов», обеспечение материальных условий для творчества и поощрение издания произведений высокого качества. Так, известный писатель Ба Цзинь прямо призывал руководящих работников-непрофессионалов «больше поощрять, меньше вмешиваться в дела работников литературы и

искусства»[4]. Выступавшие подчеркивали, что они не отрицают самого принципа партийного руководства культурой. Недовольство сложившимся в ряде областей культуры положением и подходом к интеллигенции (уважение на словах и недоверие на деле) прозвучало и в выступлениях ряда делегатов сессий ВСНП и НПКСК. Особенно много говорилось о недостатке внимания к проблемам образования и мизерности финансовых ассигнований на школу. В пересчете на душу населения КНР тратит на образование значительно меньше, нежели многие освободившиеся страны.

Вместе с тем на протяжении 1980 г. продолжался количественный и качественный рост литературной продукции, числа кинофильмов и художественных выставок. Расширилась и тематика произведений. Большинство из обративших на себя внимание произведений по-прежнему принадлежали к социально-критическому направлению. В то же время немало книг, фильмов, спектаклей и рисунков пропагандировало внешнеполитический курс Китая. Следует отметить продолжавшееся увеличение числа переводов произведений иностранной литературы на китайский язык, а также популяризацию различных течений в зарубежном искусстве, включая модернистские. Вырос и объем переводов советских художественных произведений.

ПОЛОЖЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

На первом месте в политике китайского руководства по отношению к интеллигенции по-прежнему стояла проблема ее «использования», привлечения к осуществлению «четырех модернизаций». В связи с этим в прессе много говорилось о необходимости уважительного отношения к деятелям культуры, учителям и вообще людям умственного труда, специалистам в соответствующих областях, о правильной оценке интеллигенции. Трактовка последней как буржуазии бытовала многие годы (соответственно ее представители были лишены многих гражданских прав; особые испытания выпали на долю творческой интеллигенции). После 1976 г. эта трактовка была пересмотрена как якобы «правильная для своего времени, но не соответствующая потребностям текущего периода»[5]. В 1980 г. интеллигентов призывали вступать в партию и обещали использовать на тех постах, где могли бы наиболее полно проявиться их знания и способности. Широко декларировалась возможность большей свободы творческого самовыражения (в рамках курса «двух ста» — «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ»); раздавались призывы воздержаться от гонений, «больших или малых атак» на творческую интеллигенцию.

Так как в предыдущие годы был нанесен серьезнейший урон делу науки, культуры и образования, много усилий направля-

лось на подготовку новых кадров специалистов, на обучение молодежи.

Приобрел значительный размах процесс реабилитации жертв «культурной революции». Подавляющее большинство пострадавших от гонений деятелей литературы и искусства к концу 1980 г. были реабилитированы (многие из них — посмертно).

И тем не менее положение деятелей культуры все еще оставалось довольно сложным. Попытки мастеров литературы и искусства бороться своим творчеством с нарушениями законности, вскрывать бюрократизм и косность, показывать недостатки не только вчерашнего, но и сегодняшнего дня встречали подчас осуждение как проявление вредных, пессимистических настроений[6]. На многих руководящих постах, особенно в провинциях, по-прежнему оставались выдвиженцы «культурной революции», что предопределяло, как отмечает китайская пресса, живучесть антиинтеллигентских настроений. Борьба с литературно-художественными произведениями критического толка иногда принимала форму прямых гонений на их авторов («провинившегося» поэта или художника лишали продовольственного пайка и даже арестовывали). Не случайно пресса призывала изменить отношение к интеллигенции на деле, а не в газетных столбцах («как это нередко бывает сейчас») или сетовала на то, что «некоторые наши товарищи по-прежнему носят искажающие цвет очки и смотрят на полезных государству талантливых людей как на „гадких утят“»[7].

Об этом говорилось прямо и в выступлениях на сессии Всекитайского собрания народных представителей осенью 1980 г. «Если интеллигент не становится чиновником, его судьба весьма плачевна... На словах говорят об уважении к интеллигенции, на деле же вопрос об отношении к ней не решается», — подчеркивал депутат ВСНП Ло Даган. В «Хунци» отмечалось, что по-прежнему несправедливо запрещается издавать некоторые произведения, описывающие недостатки или ошибки, причем для этого прибегают даже к такой форме, как развертывание кампаний[8]. «Любители действовать дубинкой, — заявлял автор одной из статей „Жэньминь жибао“, — из тех, кто языком, пером, а то и с помощью кулака до смерти закритиковывает выступающих просто с искренней самокритикой, существуют и поныне, а иные из них даже занимают руководящие посты»[9].

В октябре 1980 г. «Жэньминь жибао» опубликовала письмо известного киноартиста Чжао Даня, который писал, что очень многие искренне преданные делу партии мастера культуры, услышав об «усилении партийного руководства», приходят в смятение, ибо опыт многочисленных предыдущих кампаний показал: каждый раз, когда речь идет «об усилении партийного руководства», получается «большая суматоха», происходит бесцеремонное вмешательство в литературно-художественное творчество, вплоть до применения «абсолютного диктата». Слишком

уж «конкретное» руководство литературой и искусством, подчеркивал артист, не оставляет никакой надежды на их подлинный расцвет и развитие. Тяжелобольной, Чжао Дань объяснил, почему он решился на полную откровенность: «Мне уже больше ничего не страшно» [10] (автор скончался через два дня после опубликования этого письма).

ЛИТЕРАТУРА

С точки зрения своего идейного содержания китайская литература оставалась в 1980 г. противоречивой. Как и в прошлые годы, появилось немало произведений националистического характера, например роман Ло Гоши и Лю Дихуа «Душа Амура». Определенное место занимали произведения антивьетнамской направленности. В июле 1980 г. Главное политическое управление НОАК присудило премии ряду таких произведений (но имена награжденных в печати названы не были). Однако далеко не все периодические издания печатали материалы о войне. Видимо, литературная общественность не оказала достаточной поддержки антивьетнамской кампании.

Наибольшей популярностью у читателей и критики пользовались произведения социально-критического направления. Внимание критики привлекли рассказы писателя Ван Мэна, опубликованные в 1980 г. (его произведения получали литературные премии в 1978 и 1979 гг.). Теперь Ван Мэн отказался от общепринятой в КНР литературной манеры, в его новых рассказах усматривают влияние западного литературного приема «потока сознания». Повесть «Мотылек», рассказ «Весенние голоса» изображают внутренний мир героев, поток воспоминаний, хаотическое восприятие прошлого и настоящего. Они поразили китайских читателей, да и критиков, непривычной литературной формой. Ван Мэн стремится в одном произведении охватить все события одной человеческой жизни. Герой повести «Мотылек» Чжан Сыюань за 30 лет существования КНР был секретарем партийной ячейки, потом ссыльным на исправительных работах и, наконец, стал заместителем министра. Герой другой повести, «С большевистским приветом», в то время, когда его избивает кнутом хунвэйбин, вспоминает о стойкости и мужестве большевиков и их твердости в любых испытаниях.

Плодотворно работал в 1980 г. писатель Лю Синьу, одним из первых выступивший в 1977 г. с произведением критического направления. Его рассказ «Нет времени вздохнуть» передает атмосферу напряженного труда женщины — директора школы, которая разрывается между своей семейной драмой, служебными заботами и состраданием к бедам своих учеников. Для того, кто трудится честно, в Китае бездна работы среди окружающего океана человеческой нужды и горя, говорит своим произведением писатель. В 1980 г. Лю Синьу напечатал свою пер-

вую повесть — «Жезл счастья». Это необычное произведение для литературы КНР. Его герои не стандартные носители групповых характеристик, а люди «с особинкой», со своей жизнью и собственной, а не чужой жизненной позицией. Главный герой — школьный подсобный рабочий, честный труженик, на глазах которого школа из миссионерской стала гоминьдановской, потом народной, потом притоном хунвэйбинов, потом снова стала превращаться в обычную школу... Женщина, которую герой любил всю жизнь, когда-то принадлежала к маньчжурской знатной семье. Революция 1911 г. превратила ее в нищую. Единственное, что напоминало о былом, был драгоценный нефритовый жезл, символ знатности рода. «Культурная революция» дана в повести через восприятие простого рабочего человека, всегда сохранявшего доброту к людям, совестливость и врожденную гуманность труженика.

В 1980 г. китайская литература сделала шаг вперед в осмыслении недавнего прошлого. В повести «Преступник Ли Тунчжун» Чжан Игуна впервые показаны голодающие и бунтующие крестьяне. События в повести происходят во время «трех трудных лет» в начале 60-х годов; тем не менее автора обвинили в «подрыве спокойствия и сплоченности» [11]. Писательница Цзун Пу в повести «Камень трех жизней» изобразила «культурную революцию» как злокачественную опухоль, рак, поразивший организм китайского общества. Героиня повести — вузовская преподавательница Мэй Пути была объявлена «уродом и чудовищем», ее отец загублен, друзья схвачены хунвэйбинами, мужа ее ждет бесконечная цепь хунвэйбиновских издевательств, сама она больна раком, но никто не желает ее лечить.

Обратила на себя внимание сатирическая повесть (необычное явление для китайской литературы прошлых лет) Чэнь Мяо «Неофициальная история крупного писателя» (переводы на русский язык этой повести, а также повестей «Мотылек» Ван Мэна и «Жезл счастья» Лю Синьу включены в сборник «Человек и его тень». М., 1983). Главный герой — литератор, снискавший покровительство и доверие «четверки» и процветающий, — один среди всеобщего погрома «культурной революции». Иллюстратор не колеблясь изобразил ее персонажей сходными с реальными лицами (например, в лице руководительницы можно узнать черты Цзян Цин).

Первую премию за лучшее литературное произведение 1980 г. получил Цзян Цзылун за рассказ «Директор Цяо вступает в должность», который сочли наилучшим образом отвечающим требованиям «четырех модернизаций». Поощренный писатель написал продолжение — новый рассказ с тем же героем. В произведении показана разруха на производстве, но положительный герой с подозрительной, по мнению некоторых китайских критиков, легкостью устраняет экономический хаос.

Китайский критик Фэн Му считает, что в современной китайской литературе «новые имена, новые произведения, новые

достижения возникают непрерывно, с такой быстротой, что рябит в глазах. Наша литература не только преобразилась по сравнению с десятилетием погрома, но и во многом превзошла достигнутое за предшествовавшие ему 17 лет» [12].

Активность китайских писателей в 1980 г. особенно впечатляла еще и потому, что занятие литературным творчеством, по их собственным многочисленным признаниям, продолжало оставаться в КНР «опасной профессией». Литературная критика не получила развития и находится, по существу, в «рудиментарном» состоянии. Стихи печатались часто, но ни одно поэтическое произведение не привлекло особого внимания общественности.

Значительное место в культурной жизни страны занимала переводная литература. Возросло число изданий и публикующих переводы журналов. Три журнала специально посвящены советской литературе. Два из них выходят в Пекине — «Сулянь вэньсюэ» («Советская литература») и «Сулянь вэньи» («Советская литература и искусство»), один в Ухане — «Э Су вэньи» («Литература и искусство России и СССР»). В КНР продолжали переводить и издавать антисоветские произведения американского и японского происхождения и даже клеветнические сочинения отщепенцев, покинувших СССР. Но наряду с этим в Китае переиздана значительная часть переведенной ранее русской классической литературы, выходят и новые переводы. Опубликованы автобиографическая трилогия, повесть «Мать» и рассказы А. М. Горького, готовится собрание его сочинений. В Шанхае вышел первый том 12-томного собрания сочинений А. П. Чехова. Переизданы «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение» Л. Н. Толстого; «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского; «Новь», «Накануне», «Отцы и дети» и «Записки охотника» И. С. Тургенева; «Обломов» И. А. Гончарова; первые два тома «Былого и дум» А. И. Герцена; «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, вышли избранные произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Китайский читатель в какой-то мере получил доступ и к современной советской литературе. В 1980 г. в китайском переводе можно было прочесть «Игоря Саввовича» В. Липатова, «Избранное» В. Быкова, «Избранное» Ч. Айтматова (в 2-х томах), «А зори здесь тихие...» Б. Васильева, рассказы Ю. Трифонова, Ф. Абрамова, В. Карпова, Н. Думбадзе, В. Распутина, В. Афонина, Ю. Рытхэу, Г. Семенихина.

Из советской литературы прежних лет изданы «Тюремные дневники. Письма» Ф. Э. Дзержинского, «Молодость с нами» В. Кочетова, «Люди. Годы. Жизнь» И. Г. Эренбурга. Переведены две работы советских литературоведов: «Современные литературы Африки» (т. I) И. Д. Никифоровой и «В. И. Ленин и Пролеткульт» В. Горбунова. Советская литература после двад-

цатилетнего перерыва снова стала заметным фактором в культурной жизни КНР.

ТЕАТР

Определенная нестабильность характеризовала театральную жизнь в стране в 1980 г. Это вынуждена была признать и китайская печать: «Сегодня дует восточный ветер, завтра — западный, сегодня говорят так, завтра — иначе... И все ведь большие начальники... Так кого же слушать?» В создавшихся условиях театральная общественность все настойчивее требовала выработать «устойчивую политику в литературе и искусстве на какое-то определенное время и чтобы ее не меняли хотя бы несколько лет» [13].

Нестабильность прослеживается в поворотах репертуарного курса. В 1977—1978 гг. на сцене появились произведения, критикующие и осуждающие китайскую действительность «черного десятилетия» и «банду четырех». Вместе с тем на совещании по драматургии и киносценариям, проходившем в январе—феврале 1980 г., авторам пьесы «Обманщик» (Ша Есинь, Ли Шоучэн и Яо Миндэ), в которой бичевались бюрократизм и кастовые привилегии кадровых работников в Китае конца 70-х годов, было инкриминировано «влияние мелкобуржуазной идеологии» и невнимание к «социальному эффекту» произведения [14].

Практическим следствием совещания стало принятие на местах мер «предосторожности» и «выправления ошибок по всему фронту», сопровождаемых финансовым давлением на драматургов и театры и постепенным вытеснением из репертуара пьес остросоциального звучания. Хотя в журналах продолжали публиковать пьесы критической направленности, но положительных рецензий на их постановки становилось все меньше. Широкое распространение в репертуаре драматических театров получили мелкотемье, сусальная развлекательность. Китайская пресса констатировала: «Произведениям остроактуальным хода нет... Это приводит к тому, что драматургам ничего не остается, как перейти на... детективы и пьесы, потакающие вульгарным вкусам определенного сорта зрителей». В фаворе оказались детективные пьесы «с кровью и дикими воплями». Для большей привлекательности они сдабривались «независимо от необходимости и оправданности сценами, показывающими картины жизни за границей, роскошные танцевальные залы... демонстрацией богатого гардероба главной героини... электронной музыкой» [15] и т. д. Следует отметить также популяризацию модных на Западе модернистских направлений — театра абсурда, сюрреалистического театра, балетной школы модерн.

Было бы ошибочно рассматривать все эти явления как стихийные: театры призывали «учиться у Америки и Западной Европы» [16]. Наметившаяся тенденция оторвать театр от действи-

тельности, подменить реализм модернистскими течениями настораживала многих театральных деятелей Китая: признавая правомерность существования различных творческих школ, участники совещания по вопросам драматического театра единодушно высказались в пользу реалистического творческого метода, серьезного подхода к жизни и искусству, против «отрыва от жизни и подмены ее фальшивыми моделями»[17].

Как попытку противостоять негативным тенденциям можно рассматривать настойчивые призывы театральной общественности к пересмотру статуса драматических театров — предоставлению им автономии в определении репертуара, подборе кадров, назначении руководства[18]. Отрадным явлением было продолжение работы театров над лучшими произведениями китайской драматургии прошлых лет и зарубежной классикой (пьесы Цао Юя, Лао Шэ, К. Гольдони, В. Шекспира и др.).

Сложным стал 1980 год для национального традиционного театра *сицюй*. После бума 1978—1979 гг., когда в Китае снова стали исполнять произведения традиционного репертуара, интерес аудитории к ним резко упал. Встал вопрос о дальнейшей судьбе национального театра, в котором занято более 200 тыс. актеров и музыкантов. Эта проблема обсуждалась на ряде совещаний, общие выводы участников которых были пессимистическими: молодежь предпочитает кино, оперу, драматический театр; репертуар засорен, исполнительский уровень низкий, материальное положение работников театра и коллективов тяжелое[19].

Наиболее представительным было Всекитайское совещание по репертуару театра сицюй. Оно было организовано совместно министерством культуры, Союзом деятелей театра Китая и отделением театра сицюй при НИИ литературы и искусства. В совещании приняли участие деятели театра из 29 провинций, городов и автономных районов — всего более 200 человек. Выступивший на совещании председатель Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства (ВАРЛИ) Чжоу Ян провозгласил, что исторические задачи реформы театра сицюй в основном выполнены, и объявил главными целями на ближайший период борьбу против консерватизма и неупорядоченности репертуара, за его обновление. На совещании была дана новая трактовка второй части формулы «отталкиваясь от старого, создавать новое»: «Главное — основываясь на реальной обстановке и запросах зрителей нашей эпохи, опираясь на традиции, осуществлять новаторство, развитие; при этом нужно стремиться воплотить в театре дух сегодняшней эпохи, сделать театр новым для зрительского глаза, новым по эмоциональному звучанию». В целях обновления традиционного театра рекомендовалось: «В музыке... заимствовать опыт Запада», в сценическом искусстве — сильные стороны местных разновидностей национального театра, телевидения, драматического театра, а также зарубежный опыт[20]. Оговаривая неправомерность установления

строго определенных пропорций классического и современного репертуара, совещание подчеркнуло особую важность работы театра над современной темой. В связи с этим было рекомендовано исполнять «образцовые спектакли» (в вариантах до «культурной революции»). Как и на предыдущих совещаниях, обсуждался вопрос о формировании разных категорий театральных коллективов национального театра сицюй: труппы музейного типа; труппы, специализирующиеся на переработке и обновлении произведений традиционного репертуара; экспериментальные коллективы, работающие над современной темой.

Участились поездки театральных делегаций и гастрольных трупп в США, ФРГ, Францию, Англию, Японию; в прессе публиковалось много материалов о театральном искусстве этих стран, рекомендовалось изучать модные на Западе модернистские театральные течения.

Продолжалось знакомство с драматургией и театральным опытом СССР. В ряде журналов были опубликованы пьесы советских авторов («Ожидание» А. Арбузова; «Добряки» Л. Зорина; «Мы, нижеподписавшиеся», «Обратная связь» А. Гельмана; «Прошлым летом в Чулимске» А. Вампилова и др.), статьи об изучении и использовании театральных систем К. С. Станиславского и В. Э. Мейерхольда. Проявление интереса к современной советской драматургии, к деятельности советских театров встречало иногда противодействие [21].

КИНЕМАТОГРАФИЯ

В области кино 1980 год характеризовался двумя противоположными тенденциями: нарастающим потоком теоретических исследований и дискуссий, с одной стороны, и усилением администрирования — с другой.

Такого обилия обсуждений и всякого рода мероприятий на разном уровне в сфере киноискусства в КНР еще не было. Наиболее значительными среди них можно считать: совещание по работе над сценариями и пьесами (январь — февраль); обсуждение проблем реализма (июнь); обсуждение эстетики киноискусства (ноябрь). В сентябре в Пекине собрались кинематографисты — делегаты ВСНП и НПКСК, которые вместе с директорами киностудий обсудили две важнейшие проблемы: демократия в искусстве, реформа структуры управления кино. Дискуссионным статьям и заметкам о творческом методе (включая вопросы социалистического реализма), а также о некоторых спорных фильмах и сценариях отводились многие страницы кинематографических журналов «Дяньин ишу» («Искусство кино»), «Дачжун дяньин» («Кино в массы»), «Дяньин вэньсюэ» («Кинолитература») и др.

В связи с обсуждением фильма «Сегодня ночью звезды блещут» (сценарий Бай Хуа, режиссер Се Тели), в котором исто-

рико-революционная тема подается в непривычном для кино КНР ракурсе — через частную судьбу крестьянской девушки, заместитель председателя Союза кинематографистов Юань Вэньшу поднял давнюю, но по-прежнему актуальную проблему: что считать достижением в искусстве. Он занял недвусмысленную позицию: уровень искусства определяется не значимостью темы в историческом и политическом ряду, а способностью дать на историческом фоне выпуклые и живые образы людей [22].

В начатой в «Жэньминь жибао» дискуссии об улучшении партийного руководства искусством выступили несколько кинематографистов. Наиболее значительным было упоминавшееся уже предсмертное письмо актера и режиссера Чжао Даня, задавшее тон дискуссии. В нем констатировалось, что искусство страдает от «дилетантского руководства», «приказных» порядков, игнорирующих индивидуальность художника. В тисках «жесткой системы» «у искусства не останется надежды, оно погибнет».

И тем не менее выход на экран некоторых фильмов был задержан («Сегодня ночью звезды блещут», «Заря»), на долгое время приостанавливались съемки («Вокруг суда»); некоторые сценарии, уже запущенные в производство, запрещались («Злодейка»); другие вообще не запускались в производство («В архиве общества»); кинематографистам не разрешалось браться за экранизацию острых литературных произведений (повести «Человек средних лет», «Незначительные события на западном фронте»).

В связи с этим в 1980 г. вновь зазвучали призывы принять специальный Закон о кинематографии, который дал бы кинематографистам гарантии демократических прав, и провести реформу структуры кинопроизводства (последний вопрос обсуждался в первой половине 1979 г., но затем дискуссия была приостановлена). К концу 1980 г. обе указанные темы привлекли к себе серьезное внимание печати.

В кинопроизводстве продолжались интенсивный количественный рост и стремление к качественной перестройке. Увеличилось число киностудий: при Институте кинематографии в Пекине была организована экспериментальная студия, начала функционировать Фуцзяньская студия, студия Внутренней Монголии выпустила первый художественный фильм. Запланированные на год показатели (около 70 художественных фильмов) были, несмотря на цензурные задержки, превзойдены (82 фильма).

В тематической структуре преобладали историко-революционные ленты (около 20 фильмов) и «обличительная кинематография», в резко критических тонах рассказывающая о бесчинствах последнего десятилетия (около 15 фильмов). В лентах, посвященных сегодняшним проблемам, тема «четырех модернизаций» сравнительно редко разрабатывалась непосредст-

венно (косвенно она затрагивалась в ряде работ). Современности посвящены были также многие произведения развлекательного характера, кинокомедии, некоторые детективы. Более десяти фильмов на внешнеполитические темы носили явно политически конъюнктурный характер.

Особо следует отметить «обличительное» направление. Во-первых, происходило, по существу, зарождение критического жанра, ранее в кино КНР не существовавшего. Во-вторых, пользуясь предоставленными возможностями, многие авторы, сознательно или стихийно (следуя за материалом), выходили за рамки дозволенного осуждения «четверки» и соединяли в единое целое как объект критики все левачество 40—70-х годов. В отдельных произведениях современная действительность также не изображалась принципиально иной по сравнению с недавним прошлым (в этом заключалась основная причина запрещения сценариев «Злодейка» и «В архиве общества», показавших судьбы женщин, сломленных «культурной революцией» и не воспрянувших после устранения «четверки»). Наконец, в некоторых фильмах этого направления был заметен новый подход к созданию образа человека, появились реалистические характеры, что имеет принципиальное значение для развития искусства кино.

Кинематографисты КНР вновь и по-новому обратились к творчеству Лу Синя. В 1980 г. был снят фильм «Скорбь по ушедшей» (режиссер Шуй Хуа), запущены в производство «Подлинная история A-Q» и «Лекарство». Началась также работа над экранизациями романов Ба Цзиня «Гибель», Мао Дуня «Перед рассветом», пьесы Цао Юя «Ван Чжаоцзюнь». Интерес к значительным произведениям литературы, несомненно, говорит о новой ситуации в кино.

Немаловажное значение имело возрождение системы премий. В 1980 г. было проведено несколько конкурсов фильмов, выпущенных в 1979 г. Министерство культуры КНР составило официальный список лучших фильмов: 22 художественных («От раба до генерала», «Следы слез», «Цзи Хунчан», «Сяохуа» и др.), 8 документальных, 7 хроникальных, 15 научно-популярных и 3 зарубежных (премия за дубляж). Широкий резонанс имел возрожденный журналом «Дачжун дяньин» «конкурс ста цветов», проведенный в третий раз (предыдущий, 2-й, был проведен в 1963 г.). Его результаты объявлялись после подсчета присланных читателями бюллетеней. Победителями стали картины «Цзи Хунчан», «Следы слез», «Сяохуа». Свой конкурс учредила шанхайская газета «Вэньхуэй бао». Представительный комитет (Ся Янь, Чэнь Хуанмэй, Чжун Дяньфэй, Шуй Хуа, Чжао Дань и др.) назвал лучшими три фильма — «О, колыбель!», «Сердце летит, как стрела», «Сяохуа». Кроме того, устраивались конкурсы фильмов для детей, а также внутристудийные конкурсы.

Участие кинематографистов КНР в международных кинофе-

стивалях по-прежнему было не слишком широким: Западный Берлин (серебряный приз научно-популярному фильму «Бабочка-цветочница»), Белград (приз актрисе Чэнь Чун за лучшее исполнение женской роли в фильме «Сяохуа»), Португалия (золотой приз фильму «Бабочка-цветочница»). В некоторых фестивалях фильмы КНР участвовали вне конкурса (Дели, Канн, Загреб). В ряде стран проводились фестивали китайских фильмов. Наиболее представительным следует считать лондонский месячник китайского кино, состоявшийся в октябре. В его рамках было продемонстрировано 30 художественных, 4 документальных, 15 короткометражных фильмов, выпущенных с 1937 по 1979 г. (фильмы периода «культурной революции» в программу не были включены). В Токио в октябре прошел уже четвертый фестиваль фильмов КНР. Таким образом, были сделаны определенные шаги по реализации задачи «выйти на международный кинорынок» [23].

В прокате иностранных фильмов в КНР продолжали лидировать США и Япония. Обращает на себя внимание выбор фильмов, который диктовался политическими и коммерческими интересами. Так, в русле сближения с США широко прошел в КНР американский фильм «Кошмар», который «Нью-Йорк таймс» (31 августа 1980 г.) осудила за аморальность, патологию и обилие убийств, а многие телекомпании США отказались демонстрировать. Купленный в 1979 г. фильм А. Хичкока «Ребекка» (1940 г., начало «черных детективов» — серии фильмов ужасов) получил в 1980 г. в КНР несколько премий за качество дубляжа, а перевод сценария был опубликован в китайском альманахе «Лес переводов» (1980, № 1) и отдельным изданием. Была опубликована также повесть Лукаса «Звездные войны» — сделанная в США литературная обработка нашумевшего коммерческого фильма. Японские фильмы, выходившие на экран КНР в 1980 г., были посвящены преимущественно современным темам. В прокате практически отсутствовали фильмы социалистических стран.

В прессе КНР расширилась информация о советской кинематографии, преимущественно нейтрально-объективного характера (о фестивалях в Москве и Ташкенте, о съемке фильмов «Карл Маркс», «Молодая жена», «Али-Баба и 40 разбойников»). Появлялись обзорные материалы кинокритиков (к 150-летию Л. Толстого), исторические исследования (статья о борьбе реалистических и лакировочных тенденций в советской кинематографии 30—50-х годов), переводы теоретических статей из советской периодики, а также (в журналах и отдельными изданиями) киносценариев («Сибириада», «День приема по личным вопросам», «Мы из Кронштадта», трилогия о Максиме).

Положение в изобразительном искусстве в 1980 г. характеризовалось усилением экспозиционно-выставочной и издательской деятельности, а также активности художников.

В начале 1980 г. в китайской печати появились отклики на состоявшуюся в конце предыдущего года выставку «Звезды», устроенную по инициативе группы молодых художников. На ней экспонировались модернистские по форме и обличительные по содержанию живописные, графические и скульптурные работы. Особое внимание художественной общественности привлекли произведения, отмеченные критическим отношением авторов к китайской действительности, например скульптура Ван Кэпина «Да здравствует!» — злая сатира на хунвэйбиновщину, гравюра Ма Дэшэна «Отдых» и др. Ма Дэшэн изобразил пахаря, идущего за сохой по полю, представленному в виде гигантской лежащей фигуры крестьянина. В сопроводительном тексте к гравюре говорилось: «Он молча пришел в мир людей и молча его покинул, оставив земле лишь мириады капель пота». По словам автора, он хотел выразить в этом графическом листе сочувствие крестьянам, которые «до сих пор занимаются крайне тяжелым, примитивным физическим трудом», в то время как некоторые кадровые работники, ссылаясь на бедность государства, «на словах призывают потуже затянуть пояса, а сами этого никогда не делают» [24].

Выставка «Звезды» вызвала споры, не все приняли ее благосклонно. Тем не менее положительных откликов было больше, и с 20 августа по 4 сентября в Пекине состоялась выставка «Звезды-2».

Крупнейшей экспозицией 1980 г. явилась посвященная 30-летию КНР Всекитайская художественная выставка, которая открылась в Пекине в феврале. По итогам проведенного конкурса 82 произведения из числа представленных на ней были награждены премиями. Наряду с работами, посвященными прославлению видных политических и военных деятелей Китая (преимущественно уже покойных — Чжоу Эньлая, Чжу Дэ и др.) и «воспеванию достижений Китая в социалистическом строительстве», были отмечены и произведения, отразившие критическое отношение авторов к событиям недавнего прошлого, прежде всего к «культурной революции»: картины «Почему?» Гао Сяохуа, «1968 год» Чэн Цунлиня, «Смерть механизатора» Шао Цзэнху.

Помимо юбилейной экспозиции в 1980 г. следует выделить несколько выставок карикатуры в Гуанчжоу и Пекине. Их доминирующей темой было разоблачение Цзян Цин и ее сторонников, но были представлены также и карикатуры, касающиеся отдельных сторон современной китайской действительности. К последним, в частности, относится работа Ляо Бинсюна «Скорее воспевайте!», высмеивающая призывы перенести акцент в

художественном творчестве с обличения негативных сторон жизни на прославление «достижений».

О возрастающем интересе к искусству Запада свидетельствует организация экспозиции произведений европейского искусства (в оригиналах и копиях) из собрания Центрального института изобразительных искусств в Пекине и художественных выставок, присланных из США, Франции и ФРГ.

Значительно вырос выпуск печатной изопродукции: общий тираж новогодних лубков в стране достиг 400 млн. экземпляров. Стали выходить около десяти новых журналов по искусству: «Баньхуа» («Гравюра»), «Чжунгохуа» («Китайская национальная живопись») и др. Был издан целый ряд альбомов и книг, в том числе по современному западноевропейскому искусству.

Продолжали развиваться формы организационного объединения деятелей изобразительного искусства. Помимо восстановленного ранее Союза китайских художников были созданы Союз китайских граверов, Пекинская студия акварельной живописи и ряд других объединений художников, часть которых возникла по инициативе снизу.

Реальные изменения в содержании художественного творчества были в 1980 г. не так велики, как можно было бы ожидать в условиях общей активности в художественной жизни.

В тематической живописи и графике доминировали произведения, для которых характерны иллюстративность, надуманность и схематизм. Лишь отдельные работы, относящиеся к довольно слабо представленному в изобразительном искусстве критическому направлению, составляли в этом отношении исключение: «Старость» Сунь Чжиюаня, «Что мне делать?» Чэн Шуйшэна.

Более смелые поиски вели художники в области формотворчества, в результате чего появилось немало подчеркнуто декоративных, вплоть до абстрактных, композиций, сильно отличающихся от того, что можно было видеть в китайской живописи в последние годы. Для большинства из них, однако, характерны излишняя «красивость» и нарочитая стилизация.

Различные подходы к решению проблем изобразительного искусства особенно ярко проявились в ходе нескольких больших дискуссий, организованных в течение года. Они прошли под лозунгом «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» и развернулись вокруг таких вопросов, как творческий метод, связь искусства с политикой, перспективы развития национальной живописи *гохуа*, отношение к изображению обнаженной натуры, и некоторых других.

Обсуждение последнего вопроса было вызвано тем, что после длительного запрета многочисленные «ню» не только появились на художественных выставках, но и стали воспроизводиться на страницах массовых изданий. Это вызвало недовольство определенной части китайских зрителей и читателей, незнакомых с

данным жанром изобразительного искусства. В Пекинском международном аэропорту был даже закрыт фрагмент декоративного панно «Праздник воды» с изображением нагих девушек. Большинство участников дискуссии пришли к компромиссному решению: жанр ню допустим и необходим в классах художественных школ, на выставках и в изданиях, предназначенных для узкого круга специалистов, но не нужен китайскому массовому зрителю [25].

Дискуссии на другие темы, в частности по принципиальной проблеме творческого метода, выявили более резкое, трудно примиримое расхождение взглядов их участников. Так, некоторые, открыто встав на позиции буржуазного либерализма, требовали «сорвать шоры социалистического реализма», «открыть дорогу западному искусству» [26]. Они утверждали, будто бы советское искусство оказало в 50-е годы отрицательное влияние на развитие китайской живописи [27], заявляли, что «абстракционизм должен стать одним из течений» художественного творчества в современном Китае [28]. Другие, например известный график и искусствовед Ван Ци, отстаивали иные позиции: «Мы ратуем за раскрепощение сознания, чтобы успешнее развивать социалистическое искусство, а вовсе не для того, чтобы освободиться от искусства социалистического и прийти к искусству буржуазному» [29].

Китайская художественная периодика продолжала знакомить читателей с зарубежным искусством. Так, в 4-м и 9-м номерах журнала «Мэйшу» были воспроизведены работы советских скульпторов И. Д. Шадра и В. И. Мухиной и иллюстрации графика С. Бродского, а в 8-м и 11-м номерах — картины Дж. Поллока, П. Мондриана, С. Дали и других представителей модернистского искусства Запада.

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В 1980 г. продолжались разработка и уточнение многосторонней реформы системы образования. Излагая тезисы речи министра Цзян Наньсяна на рабочем совещании министерства образования (прошедшем в канун пленума ЦК КПК), педагогический журнал «Жэньминь цзяоюй» подчеркивал, что важнейшим условием выполнения поставленных на 80-е годы задач в области образования является «правильная оценка его роли и места в обществе». Совещание утвердило в качестве официальной пропагандировавшуюся в предыдущие три года специалистами точку зрения, согласно которой необходимо сбалансировать подготовку кадров на основе планомерно-пропорционального развития экономики. Расходы на образование, признали участники совещания, «ошибочно рассматривать как статью потребления, дело образования должно опережать развитие экономики» [30].

На Всекитайском совещании по работе общеобразовательной и высшей школы в июле Цзян Наньсян заявил, что система образования будет реорганизовываться по мере проведения экономической реформы. Предполагалось оставить за министерством образования определение политического курса в этой области, разработку основных постановлений, планов развития, контроль и научные исследования. Новые положения об образовании должны были найти отражение в серии законодательных актов. Депутаты 3-й сессии ВСНП, в том числе и Цзян Наньсян, потребовали усовершенствования явно недостаточного для Китая законодательства в данной области, с тем чтобы не только официально закрепить обязанности и права органов просвещения и обеспечить бюджетные отчисления, но и предотвратить в будущем волюнтаристские ломки типа «революции в образовании» 1966—1969 гг.

Расходы на образование и науку в Китае были ничтожны — меньше, чем во многих развивающихся странах (подробнее см. раздел «Наука»). В ближайшие годы планировалось незначительное их увеличение в основном за счет сокращения вложений в капитальное строительство и сэкономленных на местах средств. Тем не менее на Всекитайском рабочем совещании по административно-финансовой работе в области культуры и образования (сентябрь) подчеркивалось, что и далее необходимо для обеспечения работы учебных заведений «опираться на собственные силы», «связывать воедино усилия государства, предприятия и коллектива». Кроме того, «разрешалось и поощрялось» создание частных школ отдельными лицами[31].

Многие проблемы оставались нерешенными: процент неграмотных, и так весьма высокий, продолжал расти за счет огромного отсева учащихся (причиной по-прежнему была нехватка рабочих рук в крестьянских семьях); в сельских местностях все еще не было введено всеобщее начальное образование; значительный процент школьных помещений оставался в аварийном состоянии (несмотря на директиву Госсовета от 1978 г., школам и вузам было возвращено к середине 1980 г. лишь 16% помещений, захваченных различными ведомствами в период «культурной революции»); качество обучения существенно не улучшилось, в большинстве сельских школ материальная база оставалась слабой, квалификация учителей — низкой. В этих условиях срок урегулирования в области образования был продлен до 1985 г.

В мае — июне в Секретариате ЦК КПК состоялись совещания по вопросам образования, на которых подчеркивалось, что в условиях Китая «ни в коем случае не следует добиваться единообразия типов школ»[32], а надо исходить из практики использования возможностей каждой провинции.

На январском совещании по вопросам образования со всей определенностью было заявлено, что и в этой области «не было никакой ревизионистской линии Лю Шаоци... не существовало

никакого господства буржуазной интеллигенции в учебных заведениях»[33]. Первоочередной задачей было объявлено упрочение «двух систем образования» (обычные и привилегированные — «ключевые» школы, идея создания которых ранее связывалась с именем Лю Шаоци).

В августе 1980 г. прошло первое Всекитайское совещание по проблемам «ключевых» школ, на котором отмечалось их «важное стратегическое значение» для повышения качества обучения. Совещание признало, что на какое-то время различия в характере образования между «ключевыми» и обычными школами увеличатся, но призвало не бояться этого[34]. Из критики, вновь прозвучавшей на совещании, явствовало, что деятельность «ключевых» школ по-прежнему была полностью подчинена натаскиванию наиболее способных учеников для поступления в вузы.

Важным итогом совещания явилось установление жесткого процента «ключевых» школ по городам и провинциям. Их и без того незначительное число по стране (12 200) сокращалось вследствие концентрации усилий на «первой группе», включавшей лучшие из лучших школ.

В связи с упорядочением сети начального образования количество начальных школ сократилось до 917 тыс. (т. е. на 127 тыс. по сравнению с 1976 г.), численность учащихся в них составила 147 млн. Всеобщее начальное образование введено в районах, в которых проживает 25% населения КНР. Усредненные данные об охвате обучением детей школьного возраста (93%) не дают представления о положении в отдельных провинциях, районах проживания национальных меньшинств, горных районах, где начальное образование по-прежнему получают далеко не все дети.

Общеобразовательных средних школ насчитывалось 118 400 (т. е. на 24 тыс. меньше, чем в 1976 г.), учащихся в них — 55,08 млн. (на 3,7 млн. меньше, чем в 1978/79 учебном году); профессионально-технических училищ — 3 314[35]. Причина сокращения числа средних школ — в продолжавшемся курсе на размежевание общеобразовательных и специальных учебных заведений.

В октябре Госсовет КНР утвердил доклад министерства просвещения и Главного управления труда о реформе средних учебных заведений и развитии профессионально-технического образования. В этом документе содержался призыв к созданию более широкой сети учебно-производственных школ и учебных заведений без отрыва от производства. Реформа коснулась в основном средних школ 2-й ступени — часть их преобразовывается в профессионально-технические училища либо сельскохозяйственные средние школы. Первые ощутимые результаты реформы ожидаются к 1985 г. В ближайшие 3—5 лет намечено провести урегулирование и реформу в системе среднего специального образования, прежде всего создать группу образцо-

вых (в количестве 239), восстановить старые и постепенно ввести в строй новые учебные заведения.

В конце октября в Пекине прошло Всекитайское совещание по работе учебно-производственных школ промышленного профиля, которые позволяют одновременно с аттестатом о среднем образовании получить рабочую профессию. За 1979—1980 гг. в строй введено около 100 подобных школ, которые на данном этапе прежде всего призваны «оказать помощь споткнувшейся молодежи»[36].

Реформа начальных и средних школ включает и увеличение срока обучения в них с 10 до 12 лет (как это было до 1965 г.). Обосновывалось это введением более насыщенных программ.

Переход к 6-летнему обучению в каждой из двух ступеней китайской школы — начальной и средней — должен начаться в первую очередь с «ключевых» школ. В конце 1980 г. появились сведения о переходе на 6-летний срок обучения в начальных школах Пекина. Подобный шаг потребовал значительных дополнительных ассигнований, нового пересмотра учебных программ и учебников. На проведенном в конце года совещании по пересмотру учебников по основным дисциплинам для начальных и средних школ было принято решение в течение года еще раз отредактировать ныне действующие учебники и ввести их в школах полного учебного дня с осени 1982 г.

Вырабатывая курс в области образования, китайское руководство обращалось за помощью и консультациями к деятелям демократических партий, значительная часть которых состоит из деятелей просвещения, работавших еще в гоминьдановском Китае. Им было поручено изучить положение в стране, систематизировать мнения и представить в ЦК КПК проекты и предложения по вопросам образования к XII съезду партии.

Большое внимание уделялось укреплению школьной дисциплины («стабильность и сплоченность»), воспитанию утерянных в период «культурной революции» элементарных навыков вежливости.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Объективно перед страной стоят задачи одновременно и индустриализации, и овладения достижениями научно-технической революции. Вузы, по существу, призваны готовить кадры для каждой из указанных целей. Но в Китае четко выявились три течения, по-разному определяющие соотношение этих приоритетов и пути их реализации.

Представители одного из них выступали за линию на достижение качественно высокого, соответствующего мировым стандартам уровня подготовки специалистов путем централизованного руководства. Система образования в рамках данной концепции рассматривалась как единый социальный организм, со-

стоящий из преемственных ступеней, среди которых важнейшая — средняя общеобразовательная школа. Сторонники такой позиции высоко оценивали результаты вузовской реформы периода первой пятилетки и утверждали, что модернизация образования должна проходить на основе положительного опыта 50-х годов.

Представители другого течения фактически стремились к верхушечной модернизации, игнорируя проблемы индустриализации как необходимой предпосылки дальнейшего прогресса. Они выдвигали требования немедленного осуществления фундаментализации научных знаний, широкой специализации в подготовке кадров, индивидуализации обучения. Иначе говоря, предлагалось немедленно применить методы, выработанные в ходе научно-технической революции в других странах, без учета конкретной китайской действительности и социальных потребностей страны. Подобная программа, впервые сформулированная в середине 50-х годов, была направлена против проходившей тогда реформы вузов. В современных условиях ее сторонники пытались под предлогом осуществления модернизации подорвать восстановление некогда заложенного фундамента системы высшего образования и навязать новую длительную реформу. По существу, это были проекты восстановления системы образования американского образца, существовавшей в Китае до 1949 г.

Сторонники этой точки зрения широко освещали в китайской печати некритически воспринимаемый опыт капиталистических стран. Для них характерно непонимание значения принципов государственного регулирования научной деятельности и высшего образования и таких мощных рычагов повышения уровня образования в экономически отсталой стране, как централизация руководства, унификация и стандартизация программ. Этим принципам противопоставлялся, по существу, элитарный вариант развития образования. Как дополнение к нему допускалось существование разнотипных и разнокачественных учебных заведений с низким уровнем подготовки специалистов для обслуживания мелкого промышленного производства местного подчинения.

Третий подход к системе образования исходил из интересов мелкого производства и был дополнением и продолжением второго. Объективно стремление приспособить образование к отсталым социально-экономическим условиям приводит к понижению уровня обучения на всех ступенях образовательной системы.

В практике высшего образования в 1980 г. были отражены в той или иной степени все перечисленные тенденции. Наиболее соответствующая нуждам китайского общества программа, выдвинутая представителями первого направления, далека от реализации, поскольку в сфере образования преобладали прозападно ориентированные деятели. Осуществлению ее препятство-

вало существование плохо финансируемых и с трудом поддающихся централизации, по существу автономных центров высшего образования на местах.

В 1980 г. в Китае функционировало около 675 регулярных (дневных, очных) вузов. В них обучались 1 144 тыс. человек (т. е. на 124 тыс. больше, чем в 1979 г.), а в вузах при заводах и в заочных вузах — 455 тыс. человек [37]. Была принята 281 тыс. абитуриентов, а завершили курс обучения 147 тыс. человек; в аспирантуре занимались 17 728 человек. Общее число преподавателей составляет 247 тыс. человек, из них профессоров — 4212, доцентов — 13 788, лекторов — 119 102, остальные — ассистенты [38].

Абсолютное большинство вузов находится или в ведомственном (министерства), или провинциальном подчинении. В ведении министерства образования их насчитывалось только 38. Кроме регулярных к системе высшего образования в Китае относятся также «фундаментальные» вузы (т. е. дающие основы знаний), местные университеты, отделения при вузах и другие учебные заведения, открытые по инициативе местных властей, финансирующих и комплектующих их кадрами. Программы в местных вузах, как правило, не унифицированы и определяются в зависимости от конкретной ситуации.

Долгое время проживание в вузовских общежитиях для студентов было обязательным. В 1979—1980 гг. начали открываться отделения для студентов, остающихся жить дома. Кое-где вводится плата за обучение.

Тенденция к неоправданному расширению сферы высшего образования критически оценивалась министром образования Цзян Наньсяном. Рассматривая вопрос о целесообразности открытия новых учебных заведений, он утверждал: «Если количество не обеспечено качеством, то название не соответствует содержанию, происходит растрата средств» [39]. И все же число вузов местного подчинения продолжало расти. Министерство образования, видимо, было не в состоянии проконтролировать в каждом случае обоснованность решений местных властей. Появление новых вузов мотивировалось обычно потребностями определенного города, района или провинции.

В китайской печати подчеркивалось, что вузы располагают большими нереализованными потенциальными возможностями. Так, в 1979 г. на одного преподавателя китайского вуза в среднем по стране приходилось 4,3 студента (показатель крайне низкий). Для сравнения укажем, что в 1952 г. это соотношение составило 1 : 7,1; в 1957 г. — 1 : 6,3; в 1965 г. — 1 : 4,9 [40]. Число преподавателей возросло до 247 тыс. человек (до «культурной революции» — 130 тыс.). Ряды старой профессуры и преподавателей поредели примерно на $^1/_3$. Преподаватели среднего поколения по целому ряду причин не могли выявить свои возможности: они в известной степени утратили квалификацию в период «культурной революции». У них низкий уровень жизни,

много времени ими тратится на внеучебные мероприятия. Цзян Наньсян считает, что «лишь формально ряды преподавателей возросли, конкретный же анализ говорит об обратном» (в связи со снижением их квалификации). По его мнению, отставание от мирового уровня китайской вузовской системы объясняется прежде всего низким уровнем подготовки преподавательских кадров: «В области высшей школы [у нас] нет ведущих ученых международного уровня. Мы не можем готовить большое число специалистов, способных к самостоятельному решению новейших проблем науки и техники. Если бы у нас в стране было 10—20 тыс. специалистов в различных областях, которые действительно бы достигли первоклассного мирового уровня, то мы смогли бы преодолеть отставание и неполную самостоятельность в области образования, науки и техники»[41].

В 1980 г. в системе высшего образования все еще продолжали сказываться последствия «культурной революции». Восстановительный период затягивался. Вузам не возвращено было более 3 млн. кв. м площади, медленно возмещалось уничтоженное оборудование.

По-прежнему давало себя знать отсутствие преемственности между средней школой и вузом. В 70-е годы охват молодежи средней школой скачкообразно возрос за счет резкого понижения качества обучения по сравнению с периодом до «культурной революции». Однако нормализация деятельности вузов требовала хорошо подготовленных абитуриентов. Давление со стороны вузов не способствовало стабилизации средней школы, а, наоборот, пагубно сказалось на ее деятельности, подчиняя подготовке к конкурсным экзаменам. Школьные программы выпускных классов подменялись программами для поступления в вуз. Учеников внутри каждой школы делили на «потоки» по степени подготовленности и способностям, как это рекомендуется многими течениями буржуазной педагогики. Тем не менее только примерно 4% выпускников средней школы поступали в вуз. Основная масса недавних школьников столкнулась с проблемой трудоустройства.

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

В 1980 г. заметно увеличилось число зарубежных ученых китайской национальности, посетивших КНР. Как правило, гостей принимали президент АН Китая Фан И и другие руководители КНР.

Среди посетивших КНР были профессор Ван Чжэнпин — специалист по лазерам; У Цзяовэй — физик; Дин Чжаочжун — лауреат Нобелевской премии по физике; Шэнь Юйган — химик, профессор Бостонского университета и почетный профессор Ланчжоуского НИИ физической химии АН Китая; Цзян Цзясы — заместитель директора Института физики Земли при Ин-

ституте управления промышленностью (штат Джорджия, США); профессор Ли Юаньчжэ, приехавший по научному обмену для чтения лекций [42]; профессор Ван Чжаокай, специалист по сельскохозяйственной технике, обследовавший бассейны рек Хуанхэ, Хуайхэ и Хайхэ [43], и др. К ним можно добавить и Чжао Цзяньфана — профессора Колумбийского университета, читавшего лекции в Хэфэйском промышленном институте с 1979 г. [44].

В целях лучшего изучения китайской эмиграции при Сямыньском университете, например, созданы Кабинет истории китайской эмиграции [45] и НИИ по изучению Тайваня с отделениями экономики, истории, археологии и национальностей, литературы, образования [46].

В работе семинара по теории лазера (Пекин) участвовали ученые китайского происхождения из США, Англии, ФРГ, Австралии, Малайзии, Сингапура [47].

Культурные, учебные и научные центры нередко создавались в Китае при помощи капиталов богатых соотечественников из-за рубежа. Так, некий проживающий в Японии китаец еще в 60-х годах подарил одной из коммун уезда Уси (пров. Цзянсу) детский сад и школу, после устранения с политической арены «четверки» там же построил среднюю школу, а затем — здание НИИ по сельскому хозяйству [48].

Интенсивно развивались культурные связи КНР со странами Западной Европы, где прошли гастроли Юньнаньской труппы пекинской оперы. Пекинский народный художественный театр показал пьесу Лао Шэ «Чайная» в ФРГ, Франции и Швейцарии. Труппа принимала участие в юбилейных торжествах, посвященных 200-летию Мангеймского национального театра (ФРГ) и 300-летию «Комеди Франсез».

В КНР 5 сентября начались юбилейные торжества, посвященные 50-летию творческой деятельности Й. Ивенса, снимавшего в Китае документальные фильмы: «400-миллионный народ» (1938), «Ранняя весна» (1958), «Юй-гун передвинул горы» (1972) и др. Эти фильмы демонстрировались во время торжеств.

В КНР побывала делегация писателей ФРГ; французские балетмейстеры помогли Центральной балетной труппе поставить балет «Сильвия»; выставка французской книги прошла в Пекине, Шанхае, Чунцине и Ухане.

Министры культуры Дании и КНР договорились о заключении соглашения по вопросам культуры и взаимном обмене гастрольными поездками Пекинской оперы и Королевского театра. О большом интересе, проявляемом в Китае к культурному обмену со Швецией, заявил министр просвещения КНР.

Интенсивно развивались контакты с Италией и Англией. Демонстрация в КНР итальянского фильма «Признание комиссара полиции прокурору республики» вызвала на страницах китайских газет дискуссию о неореализме в итальянском кино. Китайское телевидение заказало английской корпорации Би-би-

си телеспектакли по произведениям В. Шекспира, Ч. Диккенса, а также музыкальный вечер А. Превена, балеты «Щелкунчик», «Спящая красавица», детскую сказку «Принцесса света», «Легенду о Робин Гуде» и др.

Из числа развивающихся стран с наибольшей интенсивностью в 1980 г. велись культурные обмены КНР с Пакистаном, Сингапуром, Малайзией, Шри Ланкой, Филиппинами, Заиром, Алжиром, Конго, Аргентиной, Мексикой и некоторыми островными государствами. Был подписан ряд двусторонних соглашений по культуре и науке.

Предпринимались шаги к переводу китайско-индийских связей, прерванных в 1962 г. и восстановленных в 1978 г., в русло долговременных контактов. Велись, например, переговоры между кинокорпорациями обеих стран об обмене художественными фильмами. Китай предложил фильмы: «Опиумная война», «Жизнь в китайской деревне» и «Доктор Норман Бетьюн» (о канадском враче, участнике Великого похода).

По-прежнему сохранялась высокая активность культурных и научных связей с США. Балетные труппы Хьюстона и Бостона, симфонический оркестр Миннесотского университета гастролировали в КНР; американские книжные выставки прошли в Пекине, Гуанчжоу, Шанхае, Нанкине, Ханчжоу и Шэньяне. Китай посетили также издатели, журналисты и другие делегации.

В 1980 г. в США был опубликован отчет членов делегации Американского совета научных обществ, посетившей КНР в декабре 1979 г.[49]. 13 ученых-синологов из Объединенного комитета по современному Китаю и Комитета по изучению китайской цивилизации в течение трех недель знакомились с состоянием различных отраслей общественных наук в КНР. Американские специалисты встречались с китайскими официальными лицами и учеными. Они посетили НИИ Академии общественных наук Китая, вузы, библиотеки, музеи, архивы в Пекине, Нанкине, Чэнду, Шанхае, Гуанчжоу, Тяньцзине и Сучжоу.

В докладах освещаются проблемы, связанные с развитием общественных наук в КНР. В них дается краткая характеристика состояния общественных наук в КНР начиная с 50-х годов. Американских ученых особенно интересовали перспективы американо-китайского научного сотрудничества и его трудности.

26 октября — 1 ноября 1980 г. в Пекине проходил китайско-американский симпозиум «Китайская социология и экономическая история начиная с эпохи Сун (X—XIII вв.) до 1900 г.». Он проводился в рамках научного двустороннего американо-китайского обмена. Его организаторы с американской стороны — Комитет по научному обмену с КНР, куда входят Национальная академия наук, Комитет по исследованиям в области общественных наук, Американский совет по изучению общественного мнения; с китайской — АОН Китая и АН Китая. 10 амери-

канских ученых, участников симпозиума, ознакомились с изучением упомянутых проблем в Китае [50].

Общественность КНР широко отметила 30-летие со дня смерти А. Смедли и 10-летие со дня смерти А. Л. Стронг — журналисток, долгое время работавших в Китае, а также 40-летие деятельности в Китае врачей Дж. Хайтема (Ма Хайдэ), Миллера и Фрэя. Американцы Ма Хайдэ и известный в прошлом журналист С. Риттенберг назначены советниками министерства здравоохранения и Академии общественных наук Китая соответственно. В США прошла китайская выставка предметов материальной культуры бронзового века.

Если китайская сторона продолжает идти в русле ставших уже традиционными форм культурного обмена, то американская стремится поставить его на коммерческую основу. Так, американская торговая фирма (штат Вермонт) заключила с Китаем сделку на покупку картин китайских художников (акварель, масло) и устройство выставки в Бостоне. Ранее эта же фирма приобрела коллекцию китайских монет.

В 1980 г. получили дальнейшее развитие культурные контакты с Японией. При этом акцентировалась историческая преемственность связей между двумя странами, восходящих к раннему средневековью. Часто упоминалось, например, паломничество буддийского монаха Цзянь Чжэня в 779 г. в Японию. Газеты писали о дружбе Го Можо с прогрессивным японским писателем Ёсито Харада [51], о писательнице Хидеко Мидорикава, боровшейся за освобождение китайского народа [52], и т. д.

Китай принимал в 1980 г. активное участие в международных фестивалях, съездах, научных форумах и т. д. Писатель Ба Цзинь участвовал в работе 65-го международного конгресса эсперантистов (Швеция). «Возвращением в мир» назвала «Жэньминь жибао» принятие писательской организации Китайский центр Пен-клуба при Союзе китайских писателей в Международный Пен-клуб [53]. На международный конкурс ЮНЕСКО направлено из КНР пять детских стихотворений.

[1] «Хунци». 1980, № 5, с. 40—41.
[2] «Жэньминь жибао», 27.VIII.1980.
[3] «Вэньи бао». 1980, № 9, с. 35.
[4] «Вэньи бао». 1980, № 10, с. 21.
[5] См.: «Жэньминь цзяоюй». 1978, № 10; «Жэньминь жибао», 4.I.1979 и др.
[6] «Вэньи бао». 1980, № 6.
[7] «Жэньминь жибао», 17.VI.1980.
[8] «Хунци». 1980, № 18, с. 445.
[9] «Жэньминь жибао», 23.IX.1980.
[10] «Жэньминь жибао», 8.X.1980.
[11] «Шанхай вэньсюэ». 1980, № 5, с. 9.
[12] Там же, с. 7.
[13] «Жэньминь сицзюй». 1980, № 11, с. 4, 5.
[14] См.: «Хунци». 1980, № 20, с. 7—25.
[15] «Жэньминь сицзюй». 1980, № 11, с. 3.
[16] «Жэньминь сицзюй». 1980, № 8, с. 44—45.

[17] «Жэньминь сицзюй». 1980, № 11, с. 2.
[18] «Жэньминь сицзюй». 1980, № 12, с. 2—4.
[19] «Жэньминь сицзюй». 1980, № 1, с. 14.
[20] «Жэньминь сицзюй». 1980, № 8, с. 4.
[21] См. там же, с. 44—45.
[22] «Жэньминь жибао», 17.IX.1980.
[23] «Дачжун дяньин». 1980, № 2, с. 25.
[24] «Мэйшу». 1980, № 3, с. 9.
[25] См.: «Мэйшу». 1980, № 4, с. 14—16, 33.
[26] «Мэйшу». 1980, № 10, с. 3.
[27] «Мэйшу». 1980, № 3, с. 3.
[28] «Мэйшу». 1980, № 11, с. 12.
[29] «Мэйшу». 1980, № 10, с. 7.
[30] «Жэньминь цзяоюй». 1980, № 2, с. 5, 6.
[31] «Гуанмин жибао», 12.X.1980.
[32] «Гуанмин жибао», 7.VI.1980.
[33] «Жэньминь цзяоюй». 1980, № 2, с. 4.
[34] «Жэньминь цзяоюй». 1980, № 9, с. 3.
[35] Рассчитано по: «Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1981», разд. IV, с. 206.
[36] «Гуанмин жибао», 1.XI.1980.
[37] «Гуанмин жибао», 30.IV.1981.
[38] «Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1981», разд. IV, с. 205.
[39] «Жэньминь цзяоюй». 1980, № 10, с. 5.
[40] «Жэньминь жибао», 11.X.1980.
[41] «Жэньминь цзяоюй». 1980, № 10, с. 4.
[42] «Жэньминь жибао», 10.VII.1980.
[43] «Жэньминь жибао», 9.VIII.1980.
[44] «Жэньминь жибао», 4.II.1980.
[45] «Жэньминь жибао», 13.VI.1980.
[46] «Жэньминь жибао», 13.V.1980.
[47] «Жэньминь жибао», 7.I.1980.
[48] «Жэньминь жибао», 13.V.1980.
[49] Humanistic and Social Science Research in China: Recent History and Future Prospects. Ed. by A. F. Thurston and J. H. Parker. N. Y., 1980.
[50] См.: Chinese Social and Economic History from the Sung to 1900. Report of the American Delegation to a Sino-American Simposium, Beijing, 26 October—1 November 1980. Edited by A. Feuerwerker. Ann Arbor, 1982.
[51] «Жэньминь жибао», 2.VI.1980.
[52] «Жэньминь жибао», 7, 26.V.1980.
[53] «Жэньминь жибао», 6.VIII.1980.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Длительная неопределенность в выборе направлений научно-технической политики [1] завершилась с принятием курса урегулирования. Стратегические цели научно-технической политики КНР не изменились. Сохраняется сравнительная стабильность долговременных исследовательских программ в сфере разработки атомной и космической техники. Существенной корректировке подверглись сроки и методы осуществления некоторых программ фундаментальных научных исследований в области физики высоких энергий, астрофизики и др. На неопределенный срок решено было отложить работы по созданию мощного телескопа, термоядерного реактора, более мощного протонного ускорителя высоких энергий и др. Как заявил агентству Синьхуа заместитель председателя Госкомитета по науке и технике Тун Далинь, урегулирование ставит следующие задачи: содействие науки и техники развитию экономики; разработку и изучение технологических процессов; усиление научно-исследовательской работы на промышленных и горнорудных предприятиях и внедрение ее достижений в производство; развитие фундаментальных исследований; изучение и внедрение научных и технических достижений зарубежных стран. Особое внимание обращено на решение проблем, связанных с развитием энергетики, сельского хозяйства, легкой промышленности и повышением технического уровня существующих промышленных предприятий.

Анализ материалов 3-й сессии ВСНП 5-го созыва (август — сентябрь 1980 г.) позволяет сделать вывод, что действующий 8-летний план развития науки и техники, представляющий собой часть программы «четырех модернизаций», не претерпел существенных изменений. Модернизация науки и техники названа «ключом в деле четырех модернизаций». «В ходе модернизации, — говорится в материалах сессии, — научные исследования должны опережать темпы экономического строительства, разрешать научно-технические проблемы, особенно ключевые проблемы важного значения» [2]. Вместе с тем на сессии принято решение разработать новые «Основные положения 10-летнего плана на 1981—1990 гг.», а также исходя из них — 6-й пятилетний план на 1981—1985 гг. [3]. Они, по-видимому, будут отра-

жать потребности курса урегулирования в рассматриваемой сфере.

В соответствии с решением 3-й сессии ВСНП Госсовет КНР предполагает в течение десяти лет постепенно увеличивать государственные и местные ассигнования на развитие науки, техники и просвещения.

В 1980 г. на развитие науки, строительство и расширение научно-исследовательской базы из госбюджета было выделено, по оценке, 6,5 млрд. юаней, а с учетом местных бюджетов и средств предприятий — 7,6 млрд. юаней (т. е. около 1% валового общественного продукта).

Основным источником пополнения кадров научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций являются вузы страны. За 30 лет (1950—1979) они подготовили 2 млн. 946 тыс. специалистов с высшим образованием (в том числе 1 млн. 555 тыс. до «культурной революции») [4]. Большую роль в развитии науки в КНР играют специалисты, прошедшие подготовку за рубежом (в 1949—1966 гг. главным образом в СССР и других социалистических странах). «Китайскую науку возглавляют те, — отмечала Г. Б. Лубкин [5], — кто получил хорошую подготовку за границей: старшее поколение — в США или Европе, а младшее поколение — в Советском Союзе» [6].

В 1977—1980 гг. проведена организационная перестройка работы научно-исследовательских организаций и вузов страны. Был образован Госкомитет по науке и технике. В АН Китая и Академию сельскохозяйственных наук (АСН) был возвращен ряд НИИ, выведенных из их подчинения в период «культурной революции».

АН Китая стала крупнейшим научно-исследовательским и координационным центром страны в области естественных и технических наук. В программе НИОКР АН Китая заняты свыше 23 тыс. научных работников. Значительная часть научных работников академии в возрасте 40 лет и старше и около 25% — моложе 35 лет.

В 1980 г. в системе АН Китая насчитывалось 112 научно-исследовательских организаций, в том числе 103 НИИ, 5 астрономических обсерваторий, 3 станции слежения за искусственными спутниками, 1 вычислительный центр. В Куньмине велось строительство Института космических исследований. Некоторые НИИ находятся в двойном подчинении (например, НИИ атомной энергии в Пекине подчинен АН Китая и 2-му министерству машиностроения). В Пекине и его окрестностях расположены 33 НИИ, в том числе два двойного подчинения, астрономическая обсерватория и вычислительный центр. Их деятельностью непосредственно руководит АН Китая. Научное руководство деятельностью других 70 НИИ, 4 астрономических обсерваторий и 3 станций слежения за искусственными спутниками осуществляют 12 филиалов АН Китая.

Важным моментом преобразования системы управления

наукой стала организация Академии общественных наук (АОН) Китая на базе отделения общественных наук АН КНР. В 1980 г. в системе АОН функционировали 22 НИИ, аспирантура, 4 редакции и специальные группы по организации НИИ. Кроме того, в крупных городах, провинциальных центрах и автономных районах созданы 13 институтов и 14 местных АОН и подготовительная группа для организации АОН в Тибете. Каждая местная академия имеет от 5 до 8 отраслевых институтов. Так, в Тяньцзиньской АОН насчитывается 5 институтов: истории, экономики, философии, литературы, изучения Японии[7]. В 1980 г. большое внимание уделяется военным программам. Об этом свидетельствуют разработка и запуск ракеты-носителя в район Тихого океана в мае 1980 г., создание экспериментально-исследовательского многоцелевого ядерного реактора на быстрых нейтронах в НИИ 2-го министерства машиностроения и т. д.

В 1979—1980 гг. продолжалась организация новых отраслевых, провинциальных и заводских НИИ и лабораторий целевого назначения. Эти меры вызваны необходимостью совершенствования технологических процессов в промышленности и приобщением к прикладным научным исследованиям десятков тысяч специалистов, реабилитированных после «культурной революции». О результатах подобных исследований можно судить по итогам присуждения государственных премий «за важнейшие достижения в области науки и техники в 1979—1980 гг.». Единственную первую премию Госкомитет по науке и технике присудил группе специалистов металлургического комбината в Паньчжихуа (пров. Сычуань) «за технологию плавки в доменной печи ванадиево-титанового магнетита с высоким содержанием титана»[8].

В 1979—1980 гг. большое значение придавалось формированию научно-исследовательской базы сельского хозяйства. Ставились задачи разработать методы рационального использования естественных ресурсов, изменить экономическую структуру и территориальное размещение зерновых и технических культур, повысить продуктивность животноводства, активизировать борьбу с эрозией почв и наступлением песков в степных районах. В 1979 г. на базе прежней Академии сельскохозяйственных наук и лесного хозяйства были созданы Академия сельскохозяйственных наук Китая (АСН) и Академия лесного хозяйства Китая (АЛХ). За год значительно расширилась их научно-исследовательская база. В 1980 г. в системе АСН был 31 НИИ, а в системе АЛХ — 12[9]. В январе 1980 г. в Пекине состоялось совещание научно-технического совета АСН, на котором выступил президент АН Китая Фан И. Он отметил, что на современном этапе важной задачей является интенсификация научных исследований в области сельского хозяйства в соответствии с осуществляемой аграрной политикой. Сельскохозяйственной науке было посвящено специальное совещание ученых и спе-

циалистов академии, на котором присутствовали Хуа Гофэн и председатель Госкомитета по сельскому хозяйству Ван Жэньчжун. На совещании отмечалась необходимость развития многоотраслевого хозяйства, стимулирования научных исследований и увеличения ассигнований на капитальное строительство в сельском хозяйстве [10].

В 1979—1980 гг. восстановлена научно-исследовательская база Академии медицинских наук (АМН) и Академии китайской традиционной медицины (АКТМ). В 1980 г. в АМН насчитывалось 20 НИИ. Их деятельность направлена на внедрение достижений аллопатии (так называемой западной медицины) в стране. АКТМ имеет в своем составе НИИ акупунктуры и прижигания и НИИ китайской медицины. Эта академия пострадала во время «культурной революции» меньше других научных учреждений.

В 1980 г. в Китае насчитывалось свыше 4 тыс. научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций. Численность научных работников и техников, занятых НИОКР, составила 323 тыс., из них свыше 220 тыс. имели высшее образование [11].

В 1980 г. в Китае была развернута кампания по возвращению выпускников вузов и других учебных заведений на работу по специальности. Только за год в Чжэцзяне на работу по специальности были направлены 60 тыс. человек, в Ляонине — 10 тыс. человек. Часть этих специалистов пополнила научно-исследовательские кадры промышленных предприятий и НИИ местного подчинения [12].

В 1978—1980 гг. 5192 китайских студента, аспиранта и стажера выехали на учебу за границу за счет государства. Из них 90% направлены на факультеты естественных и технических наук.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ОБМЕН КНР С РАЗВИТЫМИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ

В 1980 г. КНР заключила около 30 межправительственных и более 40 межведомственных соглашений о научно-техническом обмене с зарубежными странами. Кроме того, китайские ученые установили контакты по отдельным научным проблемам с учреждениями и организациями еще 30 стран, с которыми не были подписаны соответствующие соглашения. К концу 1980 г. КНР осуществляла научно-техническое сотрудничество, закупку промышленной техники и технологии, обмен учеными и студентами практически со всеми промышленно развитыми капиталистическими странами. Из 80 научно-технических обществ КНР 21 являлись членами международных научных ассоциаций и поддерживали связи со 100 иностранными научными обществами. В международном обмене со странами Запад-

ной Европы, США и Японией принимали деятельное участие также некоторые китайские научные общества провинциального подчинения [13].

С США Китай подписал около 20 различных межправительственных и межведомственных соглашений, протоколов и контактов. К важнейшим из них следует отнести соглашение об обмене студентами и исследователями (октябрь 1978 г.) и соглашение о сотрудничестве в области науки и техники (январь 1979 г.). На основании последнего между обеими странами было подписано в 1979—1980 гг. свыше 10 соглашений и протоколов по отдельным видам и направлениям научно-технического обмена, включая приобретение лицензий на изобретения и «ноу-хау» [14], в таких областях, как атомная энергетика, космическая техника, спутниковая связь, охрана окружающей среды, геология, машиностроение, метеорология, океанология и рыболовство, метрология и стандартизация, здравоохранение, техническая информация и др. [15].

24 января 1980 г. в Пекине было подписано шесть документов по научно-техническому сотрудничеству между КНР и США: совместный отчет о первой сессии китайско-американской научно-технической комиссии; протокол о научно-исследовательском и техническом сотрудничестве в области прогнозирования и изучения землетрясений, в соответствии с которым будет проводиться обмен научной информацией и специалистами; протокол о сотрудничестве в области наук о Земле; план сотрудничества в области сельского хозяйства; памятная записка о сотрудничестве академий двух стран, положившая начало официальным контактам между ними и предусматривавшая проведение совместных научных исследований, семинаров и симпозиумов; меморандум АН Китая и НАСА о строительстве на территории Китая систем спутниковой связи [16]. В соответствии с ним КНР должна закупить два американских спутника связи «Уэст стар» и оборудование для обеспечения связи с ними, а также наземные станции слежения, способные получать информацию с американских ИСЗ (искусственных спутников Земли) «Лэндсэт».

В феврале подписано соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды. Пенсильванский университет и Шанхайский институт транспорта достигли соглашений о размещении в Шанхае ЭВМ для двухгодичного обучения 70 аспирантов [17].

В качестве активных форм научно-технического сотрудничества с США Китай стремился использовать контакты между профессиональными ассоциациями и научными обществами, объединяющими ученых и специалистов различных направлений науки и техники. Наиболее активно развивались контакты между американским Институтом инженеров по электротехнике и электронике и китайскими научными обществами. С ознакомительными визитами в Китай выезжали делегации специа-

листов этого института по вычислительной технике, электронике и энергетике. Для ознакомления с центрами КНР по исследованию космического пространства их посетили сотрудники Американского института аэронавтики и астронавтики.

Делегация НАСА посетила заводы и лаборатории в Пекине, Шанхае и Нанкине, стенд для испытания ракетного двигателя на жидком водороде (под Пекином) и космодром в Шуангэцзы (пустыня Гоби) [18].

В 1980 г. некоторые глубинные районы КНР были открыты для иностранцев. Около 300 ученых и специалистов 17 стран после состоявшейся в Пекине конференции по проблемам Цинхай-Тибетского высокогорного плато совершили поездку через Чэнду (пров. Сычуань) в Лхасу (Тибет) [19]. Несколько позже специалисты в области ядерной физики КНР, Пакистана, США и Англии участвовали в экспедиции «Каракорум-80». Основываясь на ее результатах, правительство Пакистана приняло решение создать при Исламабадском университете Центр по исследованию Каракорума [20].

Сотрудничество Китая с Францией в 1980 г. регламентировалось соглашением о научно-техническом сотрудничестве от 21 января 1978 г. и рядом соглашений в области науки и техники, включая соглашения о ядерных и космических исследованиях (октябрь 1978 г.) и о сотрудничестве в области информации и электроники (декабрь 1978 г.).

Интенсивное развитие получили научно-технические контакты КНР с Японией, хотя официально межправительственное соглашение о сотрудничестве в этой области было подписано лишь в мае 1980 г. В течение ряда лет обе страны обмениваются учеными, студентами и специалистами в связи с приобретением Китаем японской технологии в области электроники, металлургии, энергетики, химии и т. п.

Аналогичного типа научно-техническое сотрудничество Китай осуществлял с Англией, ФРГ и прочими развитыми капиталистическими странами.

Несмотря на значительное расширение сферы научно-технических отношений с внешним миром и подписание многочисленных соглашений и контрактов, фактические объемы реализации взаимных обязательств в ходе сотрудничества КНР с зарубежными странами были существенно урезаны: нехватка материальных ресурсов и валютных резервов обусловливала необходимость строжайшей экономии средств и внесения дополнительных коррективов в научные планы и планы научно-технического обмена с зарубежными странами.

Расчеты на получение от западных стран щедрой экономической и научно-технической помощи на льготных условиях оказались несостоятельными, а осуществление подобного сотрудничества на коммерческих условиях было для Китая явно не по средствам. Многие проекты сотрудничества с развитыми капиталистическими странами, включавшие такие элементы научно-

технических связей, как привлечение иностранных специалистов, подготовка китайского инженерно-технического персонала за границей, использование зарубежных лицензий и «ноу-хау», а также обмен учеными и студентами, были подвергнуты значительному пересмотру.

На 3-й сессии ВСНП и на страницах китайской печати подвергались резкой критике негативные стороны сотрудничества с капиталистическими странами, причинившие КНР значительный материальный ущерб. Приводились многие примеры нерентабельности, некачественности и чрезвычайно высокой стоимости поставленных США, Японией и странами Западной Европы комплектных предприятий и технологических линий, а также отдельные факты некомпетентности западных экспертов.

КНР имеет ряд соглашений с западными странами о получении технологии производства самолетов, вертолетов и авиационной техники военно-гражданского назначения. В сентябре 1980 г. американская администрация одобрила 400 лицензий на экспорт в Китай техники двойного использования (военного и гражданского), электронного оборудования и технологии. В ноябре 1980 г. страны НАТО приняли решение о снятии ограничений на поставки в Китай военной технологии, вооружения и боевой техники: бомбардировщиков, противолодочных самолетов [21].

В свете решений 2-й и 3-й сессий ВСНП разрабатывались мероприятия по урегулированию в сфере науки и техники, а также международного научно-технического обмена, подчиненные новым задачам развития сельского хозяйства, легкой промышленности, энергетики и транспорта. Был заключен с крупными капиталистическими странами ряд соглашений о научном и техническом содействии Китаю в этих областях, в частности соглашения с нефтяными корпорациями США, Англии, Франции, Дании и Японии о проведении изыскательских работ на нефть вдоль китайского континентального шельфа; соглашения с американскими, английскими, западногерманскими и японскими фирмами о предоставлении технологии по производству горно-шахтного оборудования и нефтепереработки. С рядом западных стран осуществлялось научно-техническое сотрудничество по разработке месторождений цветных металлов и развитию гидроэнергетики. С помощью японских специалистов в КНР проводились работы по возведению портовых сооружений и строительству железнодорожных линий [22].

В целях заимствования зарубежного опыта в подготовке производственных и научных кадров китайские власти наряду с командированием своих граждан за границу и приглашением иностранных преподавателей создают на территории самого Китая учебные заведения и профессионально-технические училища с помощью некоторых западных стран.

Проводя техническое перевооружение народного хозяйства и стремясь в то же время к максимальной экономии средств,

Китай закупал иностранное оборудование и технологию с таким расчетом, чтобы импортная техника не была дорогостоящей и не подменяла рабочей силы, имеющейся в стране в огромном избытке. В данной связи указывалось на необходимость тщательно взвешивать в каждом случае целесообразность ввоза зарубежных машин и оборудования, отдавая предпочтение закупкам отдельных образцов машин, лицензий и патентов, с тем чтобы наладить на их базе собственное производство и содействовать таким образом наибольшей занятости населения КНР [23].

Учитывая хронический дефицит валютных средств, Китай изыскивал в 1980 г. новые дополнительные каналы для получения западной технологии и «ноу-хау», не требующие значительных затрат. Китайские внешнеторговые организации производили закупку образцов иностранной техники для последующего копирования на предприятиях КНР. Этой же цели служили проводимые в Китае промышленные выставки зарубежных стран, на которых китайские специалисты собирали необходимую научную информацию и техническую документацию для своих заводов и фабрик.

В связи с реформой управления экономикой, предусматривающей предоставление предприятиям некоторой хозяйственной самостоятельности, а также внедрение методов рыночного регулирования и активизацию частного сектора, китайские эксперты командировались в европейские страны для ознакомления с существующими системами экономического и хозяйственного управления, а в КНР приглашались западные консультанты — специалисты по проблемам организации и управления народным хозяйством.

В марте 1980 г. достигнута договоренность с ЮНИДО (Организация Объединенных Наций по промышленному развитию) о направлении в Китай в порядке научно-технической помощи экспертов из ФРГ для чтения лекций ответственным работникам Госэкономсовета КНР и для создания экспериментальных центров подготовки руководителей промышленных предприятий. В сентябре 1980 г. в Китай приезжала делегация швейцарских предпринимателей и технических специалистов во главе с деканом Лозаннского института изучения методов руководства предприятиями, которая на месте дала рекомендации по экономическому и хозяйственному управлению [24]. США согласились оказать содействие КНР в создании юридической и патентной служб, подготовке специалистов в области западного законодательства в американских университетах, а также в прохождении ими практики в юридических конторах США [25].

Строительство на территории Китая смешанных промышленных предприятий рассматривалось как дополнительный канал для поступления передовой техники и технологии, подготовки инженерно-технических и научных кадров. Однако, несмотря на значительное расширение сферы сотрудничества КНР со

странами капиталистического мира в 1978—1980 гг., возможность дальнейшего продвижения в этом направлении весьма ограниченна. Перспективы такого сотрудничества в значительной степени сдерживаются слабой платежеспособностью Китая.

СОСТОЯНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В КНР

После фактического развала службы научно-технической информации (НТИ) в Китае в период «культурной революции» в этой области за вторую половину 70-х годов произошли определенные положительные сдвиги.

Возобновились научно-исследовательские работы по совершенствованию системы НТИ в стране и оснащению ее техническими средствами. Уделялось внимание машинной обработке научной информации. Применение современных ЭВМ дало возможность китайским специалистам повысить технический уровень информационной службы. В НИИ вычислительной техники Академии наук Китая разрабатывалась диалоговая система обработки и поиска информации на китайском языке. При этом специалистам приходилось решать сложный вопрос ввода в ЭВМ иероглифического текста. Трудность решения этой проблемы объясняется не только техническим отставанием, но и сложной лингвистической ситуацией, возникшей в результате проведенного упрощения иероглифов, стандартизации школьных программ китайского языка и введения транскрипции иероглифов, имеющих разное произношение в различных частях Китая при одинаковом значении. Исследовались два варианта ввода иероглифического текста в ЭВМ — система фонетического ввода с применением китайского фонетического алфавита и система непосредственного ввода кодов иероглифов [26].

Важнейшие библиотеки Китая, сконцентрированные в основных экономически развитых районах страны, в крупнейших городах и провинциальных центрах, расширяют свои фонды для распространения НТИ среди различных категорий потребителей информации. В 1979 г. в КНР насчитывалось 40 крупных библиотек (с книжным фондом более 500 тыс. книг). В самой большой из них, Пекинской, в 1949 г. хранилось 1400 тыс. томов, а в 1980 г. — 10 млн. томов, из них около 40% на иностранных языках. В библиотеке имелось около 3 млн. 800 тыс. экземпляров журналов, из которых 80% на иностранных языках. Поступление периодических изданий, численность которых превысила 13 тыс. наименований, расширяется (80% — журналы по естественным и техническим наукам). В библиотеке 15 читальных залов: политической литературы, научно-технических журналов на китайском языке, научно-технических журналов на европейских языках, научно-технических реферативных журналов, справочной литературы и словарей, зал для чтения микрофильмов и др. [27].

В 1979 г. завершено строительство нового здания Пекинской библиотеки с полезной площадью 160 тыс. кв. м, с читальными залами на 3 тыс. мест и с книгохранилищем на 20 млн. томов.

Деятельность основных библиотек КНР характеризуется следующими данными [28]:

Название библиотеки	Место расположения	Год основания	Количество книг, тыс. томов [29]	Обслужено читателей, тыс. человек [30]	Выдано книг, тыс. томов
Пекинская государственная (Бэйцзин тушугуань)	Пекин	1912	10 190	480	1100
Столичная (Шоуду, тушугуань)	Пекин	1913	1 950	250	570
Тяньцзиньская народная	Тяньцзинь	1952	2 600	510	1400
Шанхайская городская	Шанхай	1952	6 920	910	2330
Ляонинская провинциальная	Шэньян	1946	2 120	300	450
Шэньянская городская	Шэньян	1908	1 460	360	400
Люйдаская городская	Люйда	1951	1 500	410	610
Гиринская провинциальная	Чанчунь	1960	2 120	90	220
Хэйлунцзянская провинциальная	Харбин	1958	1 600	180	350
Харбинская городская	Харбин	1950	780	90	140
Шаньсийская провинциальная	Тайюань	1957	1 460	210	280
Библиотека АРВМ	Хух-Хото	1950	1 120	30	40

Помимо упомянутых выше наиболее значительными библиотеками (располагающими фондом свыше 500 тыс. томов) являются: Шаньдунская (в Цзинани), Цзянсийская (в Наньчане), Фуцзяньская (в Фучжоу), Аньхойская (в Хэфэе), Чжэцзянская (в Ханчжоу), Хубэйская (в Ухани), Сычуаньская (в Чэнду), Нанкинская, Гуанчжоуская, Наньнинская, Чаньшаская, Уханьская, Сианьская, Ланьчжоуская, Сининская, Иньчуаньская, Чунцинская, Гуйянская, Куньминская (городские).

Важным показателем восстановления информационной деятельности является возобновление издания научно-технической литературы. В начале 70-х годов после многолетнего перерыва вновь стали выходить такие научные журналы, как «Чжунго кэсюэ» («Наука Китая»), «Кэсюэ тунбао» («Научный вестник»), «Тяньвэнь сюэбао» («Вестник астрономии»), «Наньцзин дасюэ сюэбао» («Вестник Нанкинского университета»), и десятки других научных и технических журналов. В конце 70-х годов в Китае издавалось уже около 1200 периодических изданий, в том числе 900 журналов по естественным наукам и технике [31].

Наряду с ростом выпуска первичных научных документов за последние годы в КНР расширилась подготовка вторичной информации. Органы НТИ осуществляют реферативную и библиографическую обработку книг, журналов, патентов и другой

научно-технической литературы, как отечественной, так и зарубежной. Вторичная информация распространяется информационными центрами в виде реферативных журналов, бюллетеней, указателей, каталогов и других информационных документов по государственной системе средств связи. Деятельность информационных центров развивается и координируется в рамках Национальной системы НТИ.

Ведущим органом этой системы НТИ является Институт научной и технической информации Китая (ИНТИК), созданный в 1958 г. в Пекине на базе прежнего Института научной информации Академии наук Китая и подчиненный Государственному комитету по науке и технике. ИНТИК создан как головной центр для информационного обслуживания специалистов по различным отраслям научно-технических знаний, а также в целях стимулирования развития научной информации путем контроля и координации работы других информационных центров страны [32].

В начале своей деятельности институт имел в штате около 200 человек, но по мере расширения его функций и увеличения поступления отечественной и зарубежной литературы число сотрудников увеличивалось и к концу 70-х годов достигло 1000 человек (включая работников типографии и копировального цеха).

Большое внимание в ИНТИК уделяется обработке зарубежной литературы. Институт получает из-за рубежа большое количество научно-технической литературы, не уступая в этом, как видно из приводимых ниже данных (на 1979 г.), Японскому центру научной и технической информации (ЯЦНТИ) [33]:

	ИНТИК	ЯЦНТИ
Периодические издания, наименования	7 200	5 500
Труды конференций, тома	1 400	900
Технические доклады, документы	35 000	40 000
Патенты	760 000	49 000
Стандарты	28 000	—
Каталоги	120 000	—
Микрофильмы, рулоны	208	—

По состоянию на 1979 г., в ИНТИК хранилось более 7 тыс. наименований зарубежных периодических научно-технических изданий, около 600 тыс. зарубежных технических докладов, трудов конференций, научных монографий и другой научно-технической литературы, более 6 млн. патентов, около 300 тыс. стандартов, около 300 тыс. зарубежных каталогов и, кроме того, 2,5 тыс. наименований отечественных периодических изданий. На базе отечественной и зарубежной научной литературы ИНТИК подготовил 149 выпусков различного типа информации общим тиражом более 10 млн. экземпляров. Все эти выпуски делились на три вида изданий [34]:

	Количество выпусков	Число экземпляров, тыс.
Справочно-информационные	90	1420
Переводные	50	1880
Научно-исследовательские	9	6730

Справочно-информационные издания представляют собой выпуски реферативных журналов, в которых помещается 240 тыс. рефератов на зарубежную литературу в год (для сравнения: японский информационный центр публикует 500 тыс. рефератов в год, но в это число входят также и рефераты японских публикаций); к тому же виду изданий относятся каталоги и указатели патентов и стандартов.

Переводные издания представляют собой сборники сокращенных переводов отдельных важнейших публикаций либо полный перевод журналов.

Научно-исследовательские издания — аналитические обзоры современного состояния науки и техники, главным образом за рубежом; специальные тематические доклады, ежегодные обзоры и другие справочные материалы, предназначенные для руководящего состава и специалистов государственных органов, а также для руководства и инженеров промышленных предприятий.

ИНТИК осуществляет переводы на китайский язык с английского, японского, французского, немецкого, русского, польского, чешского, румынского, шведского, итальянского и других языков, копирует документы и организует информационное обслуживание организаций и учреждений, производящих разработки важнейших научно-исследовательских тем.

Крупным центром научно-технической информации является также созданный в 1958 г. Шанхайский институт научной и технической информации, где в 1980 г. работали более 500 сотрудников. Он получал 3400 зарубежных (из 30 стран) и 2000 отечественных журналов, а также технические доклады, труды конференций и большое количество патентных документов. В нем было накоплено около 6,5 млн. патентных описаний, из которых 2140 тыс. — японские, остальные — из США, Великобритании, Франции, ФРГ, СССР, Швеции, Канады, ГДР. Под общим заголовком «Зарубежные научно-технические новости» институт выпускал 10 периодических изданий, выходящих тиражом по 50—60 тыс. экземпляров, а также более 100 переводных изданий. За год производился перевод до 10 тыс. статей с английского, французского, немецкого, японского и других языков. Осуществлялась экспертная проверка заявок на изобретения [35].

Ляонинский институт научной и технической информации, созданный в 1958 г., в 1980 г. имел штат 220 человек. Специализируясь в области патентной информации, он хранил 6,5 млн.

документов, среди них 95% — патенты, в том числе 3,5 млн. — японские, 1,3 млн.— американские, 720 тыс.— английские. Институт получал 2042 зарубежных журнала, в том числе 622 из США, 582 из Японии, 330 из Великобритании, 250 из СССР, 199 из ФРГ, 52 из Франции. В библиотеке института хранилось также 93 тыс. технических докладов, 5 тыс. трудов конференций, 1 млн. отечественных научно-технических документов, 450 названий реферативных журналов (200 из США, 150 из СССР, 10 из Японии). Печатные издания института выходят нерегулярно. Он издавал семь выпусков реферативных журналов: «Трансформаторы за рубежом», «Легкие металлы за рубежом» и др. Время от времени выпускались также сборники переводов по литью, сварке, электроизмерительным приборам, изоляционным материалам, трансформаторам, металлургии, коксохимии и т. д. [36].

В Ляонине функционируют также отраслевые информационные центры в области сельского хозяйства (Шэньянская сельскохозяйственная академия), медицины (Китайский медицинский институт), фундаментальных наук (соответствующие институты АН Китая) [37].

[1] Подробнее см.: Китайская Народная Республика в 1977 г. М., 1979, с. 270—275; Китайская Народная Республика в 1978 г. М., 1980, с. 313—317.
[2] «Жэньминь жибао», 15.IX.1980.
[3] «Жэньминь жибао», 17.IX.1980.
[4] «Жэньминь жибао», 30.IV.1981.
[5] Старший редактор американского журнала «Физикс тудэй», посетившая КНР в конце 1979 г.
[6] «Physics Today». 1980, № 3, с. 34.
[7] «Чжунго байкэ няньцзянь. 1980», с. 426—427, 479—480.
[8] «Жэньминь жибао», 2.X.1980.
[9] «Чжунго байкэ няньцзянь. 1980», с. 427.
[10] «Жэньминь жибао», 28.II.1980.
[11] «Чжунго тунцзи няньцзянь. 1981», с. 452.
[12] «Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1981», разд. IV, с. 172—173.
[13] «Гуанмин жибао», 28.II.1980.
[14] Обязательства по передаче другой стране в форме документации технических знаний, опыта, навыков иногда с одновременным направлением специалистов.
[15] Подробнее см.: Нагорный А. А., Парканский А. Б. США и Китай: экономические и научно-технические аспекты китайской политики Вашингтона. М., 1982, с. 133—151.
[16] «Жэньминь жибао», 25.I.1980.
[17] «Жэньминь жибао», 4.VIII.1980.
[18] «New York Times», 11.III.1980.
[19] «Жэньминь жибао», 1.VII.1980.
[20] «Pakistan Times», 14.IX.1980.
[21] Л. В. Филатов. Научно-техническое сотрудничество Китая с капиталистическими странами.— «Проблемы Дальнего Востока». 1981, № 4, с. 128.
[22] Ninety-seventh Congress. Background Readings on Science, Technology and Energy R and D in Japan and China, Ser. A. Wash., 1981, c. 481—482.
[23] См.: «Жэньминь жибао», 11.VIII, 3.X.1980.
[24] «Vinght-quatre heures», 3.VIII.1980.
[25] «Washington Post», 28.XI.1980.
[26] «Дзёхо сёри». 1980, № 7, с. 614—623.

[27] «Майкуро сясин». 1980, № 1, с. 16—20.
[28] «Чжунго байкэ няньцзянь. 1980», с. 624.
[29] По состоянию на 1979 г.
[30] В 1979 г.
[31] «Кагаку гидзюцу бункэн сабису». 1980, № 54, с. 25—29.
[32] «Дзёхо канри». 1980, № 11, с. 831—835.
[33] Там же, с. 833.
[34] Там же.
[35] Там же, с. 834—835.
[36] Там же, с. 833, 835.
[37] Там же, с. 835.

В ОБЩЕСТВЕ СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

В 1980 г. Общество продолжало пропагандировать идеи советско-китайской дружбы, отражая проводимую СССР в отношении Китая последовательную политику добрососедства и сотрудничества. Важнейшим элементом его деятельности было ознакомление советской общественности с историей и культурой китайского народа, традициями советско-китайской дружбы и сотрудничества. Как и в прежние годы, ОСКД регулярно проводило различные мероприятия, посвященные памятным и юбилейным событиям в истории революционного и национально-освободительного движения Китая, советско-китайских отношений.

На торжественном собрании по случаю 110-летия со дня рождения В. И. Ленина основное внимание докладчиков было сконцентрировано на вопросах роли ленинизма в судьбах китайской революции.

35-летию разгрома японского милитаризма и освобождения Маньчжурии от японских захватчиков было посвящено торжественное заседание, проведенное ОСКД совместно с Советским комитетом ветеранов войны. Выступившие видные советские ученые и военачальники подчеркивали, что одним из решающих факторов, обеспечивших успех китайской революции, была победа прогрессивных сил во главе с Советским Союзом во второй мировой войне над германским фашизмом и японским милитаризмом. Освобождение Советской Армией Маньчжурии предоставило революционным силам Китая возможность не только воспользоваться благоприятными условиями, возникшими в результате разгрома японского милитаризма, но и непосредственно опереться на помощь и поддержку Советского Союза на заключительном этапе китайской революции.

В связи с 31-й годовщиной создания КНР в Доме дружбы состоялся киновечер, на котором были показаны фильм «СССР — у карты мира», китайские видовые киноленты.

В докладах на вечере, посвященном выдающемуся сыну китайского народа Сунь Ятсену, были подробно освещены его многогранная деятельность, направленная на освобождение китайского народа, его установка на дружбу с Советским Союзом. Отмечались также годовщины начала китайской революции 1925—1927 гг., 60-летие создания марксистских кружков в стране и другие события. Проведено заседание, посвященное памяти видного китайского коммуниста и государственного деятеля КНР Гао Гана. В работе Общества дружбы активное участие принимали специалисты-китаеведы и советские советники, в разные годы оказывавшие помощь китайскому народу. На некоторых мероприятиях ОСКД присутствовали представители посольства КНР в Москве.

Информация о вечерах и заседаниях, посвященных культурному наследию китайского народа, его борьбе за победу революции, печаталась в центральных советских газетах, в журналах, издающихся в СССР на китайском языке, включалась в программу радиовещания.

ПЕРСОНАЛИИ

Ху Яобан — Генеральный секретарь ЦК КПК. Член Постоянного комитета Политбюро ЦК.

Род. в 1915 г. в уезде Люян пров. Хунань в семье крестьянина-бедняка. В 1929 г., учась в начальной школе, вступил в пионерскую организацию. После этого покинул родные места и перебрался в Советский район пров. Цзянси. Там в 1930 г. принят в комсомол, а в 1933 г.—в КПК. С 1933 г. работал в аппарате ЦК КСМК (в отделе по делам детей и подростков), был ответственным секретарем Лиги юных коммунистов Центрального советского района. Участвовал в 1934—1936 гг. в Северо-Западном походе (в стратегическом перебазировании основных сил Красной Армии Китая из Южного Китая на север), занимая должность секретаря объединенной комсомольской ячейки 3-го корпуса (армейской группы), которым командовал Пэн Дэхуай.

В 1936 г. по прибытии в Северную Шэньси Ху Яобан занял пост заведующего Организационным отделом ЦК КСМК. В 1937 г. направлен на учебу в Антияпонскую военно-политическую академию, после окончания которой в конце 1939 г. был назначен заместителем начальника ее политотдела.

В 1941 г. стал начальником организационного отдела политуправления 8-й армии, а затем возглавил организационный отдел Главного политуправления Военного совета ЦК КПК в Яньани.

В 1947 г. Ху Яобан был назначен начальником организационного отдела Главного политуправления Реввоенсовета НОАК. Однако уже примерно в начале 1948 г. его перевели в действующую армию на должность политкомиссара полка. Затем он стал политкомиссаром колонны полевой армии Центральной равнины (командующий — Лю Бочэн, политкомиссар — Дэн Сяопин).

В конце апреля 1949 г. назначен третьим заместителем председателя военно-контрольной комиссии г. Тайюаня (административный центр пров. Шаньси). Тогда же был заочно избран членом ЦК Новодемократического союза молодежи Китая 1-го созыва. В сентябре 1949 г. был делегатом 1-й сессии НПКСК 1-го созыва; в октябре введен в состав правления Общества китайско-советской дружбы (ОКСД).

В конце 1949 г. назначен начальником политотдела 18-го корпуса, входившего в состав 2-й полевой армии (командующий — Лю Бочэн). В феврале 1950 г. стал политкомиссаром Северосычуаньского военного округа и руководителем Северосычуаньского административного управления, в июле того же года введен в состав Юго-Западного военно-административного комитета (председатель — Лю Бочэн, заместитель — Дэн Сяопин) и назначен председателем финансово-экономической комиссии Северосычуаньского административного управления.

В конце августа 1952 г. переведен в Пекин и в сентябре того же года утвержден секретарем ЦК Новодемократического союза молодежи Китая. В январе 1953 г. вошел в состав комиссии по претворению в жизнь Закона о браке. В феврале введен в состав Центральной избирательной комиссии, в мае — в состав Исполкома Всекитайской федерации профсоюзов. На II всекитайском съезде Новодемократического союза молодежи (23 июня—2 июля 1953 г.) сделал основной доклад, избран членом ЦК и секретарем ЦК Новодемократического союза молодежи Китая. В том же месяце стал членом ВК Всекитайской федерации молодежи.

В июле 1953 г. возглавлял китайскую делегацию, участвовавшую в работе конференции Всемирной федерации демократической молодежи в Бухаресте, избран вице-президентом ВФДМ. В августе 1954 г. возглавлял делегацию ВКФМ на конгрессе Всемирной федерации демократической молодежи в Пекине.

В том же месяце избран депутатом ВСНП 1-го созыва (от пров. Шаньдун), на 1-й сессии которого в сентябре 1954 г. введен в состав ПК ВСНП; в декабре 1954 г. введен в состав ПК ВК НПКСК. В том же месяце принимал участие в работе 2-й всекитайской конференции ОКСД.

В январе 1955 г. введен в состав комитета по сбору подписей в Китае за запрещение применения атомного оружия, в феврале — в состав комиссии Госсовета КНР по распространению разговорного языка «путунхуа»; в марте утвержден заместителем председателя Всекитайской ассоциации по ликвидации неграмотности.

В сентябре 1956 г. в качестве делегата участвовал в работе VIII съезда КПК, на котором выступил с докладом о работе Новодемократического союза молодежи Китая и об идеологическом воспитании молодежи. Избран членом ЦК КПК.

В мае 1957 г. руководил работой III Всекитайского съезда Новодемократического союза молодежи, переименованного съездом в Коммунистический союз молодежи Китая (КСМК), выступал с основным докладом. Избран членом ЦК, введен в состав Постоянного комитета ЦК, утвержден 1-м секретарем ЦК КСМК. В июле во главе китайской делегации приезжал в Москву для участия в 6-м всемирном фестивале молодежи и студентов. В сентябре введен в состав подготовительного комитета по празднованию в Китае 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В декабре участвовал в работе VIII всекитайского съезда профсоюзов.

В ноябре 1958 г. избран депутатом ВСНП 2-го созыва (от пров. Шаньдун). В апреле 1959 г. на 1-й сессии ВСНП 2-го созыва выступал с речью; введен в состав ПК ВСНП, затем (в том же месяце) — в состав ВК НПКСК 3-го созыва. В сентябре был членом президиума торжественного заседания, проведенного в Пекине по случаю 10-й годовщины образования КНР; в середине декабря 1959 г. имел встречу и беседу с советской молодежной делегацией, находившейся в КНР.

В октябре 1960 г. участвовал в переговорах с находившейся в КНР делегацией Лиги демократической молодежи Японии, подписал совместное китайско-японское заявление.

В 1961 г. возглавил отдел ЦК КПК по работе с молодежью. В сентябре был в президиуме торжественного заседания, посвященного 80-летию со дня рождения Лу Синя. В сентябре 1962 г. во главе китайской делегации участвовал в торжествах, проведенных в Албании по случаю 13-й годовщины образования КНР. В декабре 1962 г. избран членом пекинского городского комитета КСМК. В мае 1963 г. участвовал в переговорах с прибывшей в Пекин делегацией Союза трудовой молодежи Албании.

В июне 1964 г. участвовал в переговорах с прибывшей в КНР делегацией трудящейся молодежи Вьетнама. В июле руководил работой IX съезда КСМК, выступал с докладом, избран членом ЦК КСМК, введен в состав Постоянного комитета ЦК, утвержден 1-м секретарем ЦК КСМК. В сентябре избран депутатом ВСНП 3-го созыва от пров. Сычуань.

В январе 1965 г. введен в состав ПК ВНСП 3-го созыва и ПК ВК НПКСК 4-го созыва. В марте назначен 3-м секретарем Северо-Западного бюро ЦК КПК и одновременно 1-м секретарем комитета КПК пров. Шэньси. В ноябре назначен также заместителем председателя комитета по организации празднеств, посвященных 100-летию со дня рождения Сунь Ятсена.

В апреле 1966 г. выступал с заключительной речью на пленуме ЦК КСМК. С октября хунвэйбиновские издания подвергали Ху Яобана ожесточенной критике, называя его «черным бандитом». В октябре лишен постов в КСМК. В декабре в Пекине были организованы специальные митинги с осуждением Ху Яобана, на которых его подвергали публичным оскорблениям.

«Обвинения», высказанные в адрес Ху Яобана во время «культурной революции», можно свести в основном к следующим пунктам: а) в организациях

по работе среди молодежи он «был верным агентом контрреволюционеров-ревизионистов, черного штаба Лю Шаоци — Дэн Сяопина»; б) «принижал решающую роль идей Мао Цзэдуна в революционизации молодежи»; в) «извращая характер молодежных организаций», пытался превратить комсомол в «общенародную организацию» и сделать его «орудием реставрации капитализма»; г) проповедовал воспитание «чистых специалистов», принципы «техника — на первое место», «профессия и дело — командная сила»; д) в 1960 г. открыто выступал против политики «трех красных знамен», пропагандировал «единоличные хозяйства» и принцип «распределения производственных заданий по дворам».

В апреле 1967 г. стало известно, что Ху Яобан снят со всех занимаемых постов и репрессирован. В течение пяти лет (до апреля 1972 г.) о его судьбе не было никаких сведений.

14 апреля 1972 г. Ху Яобан снова был упомянут в газете «Жэньминь жибао». Затем до января 1975 г. его фамилия эпизодически появлялась в официальных китайских информациях о присутствовавших на различных общественно-политических мероприятиях в Пекине (в рубрике «члены ПК ВСНП и ПБ ВК НПКС»). С января 1975 до августа 1977 г. Ху Яобан был известен как ответственный работник Академии наук Китая, при этом с апреля по октябрь 1976 г. он подвергался в «дацзыбао» критике как «не желающий перевоспитываться каппутист в сфере науки и техники». Особенно резкой критике подвергался проект «тезисов доклада о работе Академии наук Китая», объявленный «ядовитой травой».

В августе 1977 г. был делегатом XI съезда КПК, находился в президиуме съезда, избран членом ЦК. В октябре назначен проректором Центральной партийной школы при ЦК КПК. В середине декабря назначен заведующим Организационным отделом ЦК КПК; в том же месяце избран депутатом ВСНП 5-го созыва (от пров. Аньхой). В феврале—марте 1978 г. участвовал в работе 2-го пленума ЦК КПК и сессий ВСНП и ВК НПКСК 5-х созывов, был заместителем председателя мандатной комиссии 1-й сессии ВСНП 5-го созыва; находился в ее президиуме, утвержден членом Постоянного комитета ВСНП. В марте участвовал в работе Всекитайского совещания по вопросам развития науки в стране. В мае «по поручению ЦК КПК» выступал в Пекине на первом заседании подготовительного комитета по проведению X съезда КСМК.

9 ноября 1978 г. Ху Яобан выступил с большой речью перед слушателями партийной школы при ЦК КПК, в которой призвал аудиторию свести «полностью счеты» с Кан Шэном и искоренить его «ядовитое влияние». С этим выступлением связывается начало массовой реабилитации жертв «культурной революции».

В декабре 1978 г. участвовал в работе 3-го пленума ЦК КПК, кооптирован в состав Политбюро ЦК КПК, утвержден 3-м секретарем Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины, назначен заведующим Отделом пропаганды и и. о. заведующего Секретариатом ЦК КПК; в том же месяце выступил на 7-м всекитайском совещании работников прокуратуры и контроля. Во время новогодних празднеств произнес большую речь перед 300 известными деятелями литературы и искусства.

На проходившей с 4 по 22 января 1979 г. 1-й сессии Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины выступал с речью. В начале февраля выступал с речью на совещании поэтов-песенников, созванном редакцией журнала «Шикань» («Поэзия»). В начале марта на Всекитайском совещании директоров и управляющих студий документальных фильмов, в середине марта — на Всекитайском совещании по вопросам литературы. Принимал участие в работе и выступал с речью на совещании (22 апреля—7 мая) по вопросам идейно-политической и воспитательной работы в средних и начальных школах. В сентябре участвовал в работе 4-го пленума ЦК КПК; выступал с речью на проведенном (с 5 сентября по 7 октября 1979 г.) Организационным отделом ЦК КПК совещании по вопросам оргработы. В течение ноября—декабря 1979 г. выступал с установочными указаниями на расширенном заседании президиума АН Китая, на 2-м расширенном заседании Исполкома Всекитайской федерации профсоюзов, на 2-м всекитайском совещании начальников управ-

лений кадров государственных органов, на Всекитайском совещании профсоюзных работников системы образования.

Руководил работой 2-й сессии (7—25 января 1980 г.) Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины. В конце января 1980 г. выступал с речью на заключительном заседании 2-го пленума ЦК КСМК 10-го созыва. В феврале на 5-м пленуме ЦК КПК введен в состав Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и назначен Генеральным секретарем ЦК КПК. В марте выступал с большой речью на Всекитайском совещании начальников управлений культуры провинций. В том же месяце выступил с речью на заключительном заседании 2-го съезда научно-технического общества Китая (15—23 марта 1980 г.). В апреле возглавлял делегацию на переговорах с прибывшей в КНР делегацией Итальянской коммунистической партии во главе с Э. Берлингуэром, участвовал в беседе последнего с Дэн Сяопином. В мае—июне вместе с секретарем ЦК КПК Вань Ли совершил инспекционную поездку в Тибетский автономный район. В июне дал интервью корреспонденту югославской газеты «Виесник» Т. Буторацу. В том же месяце выступил на сессии Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины. 27 июня выступил с речью на проведенном Секретариатом ЦК КПК совещании по вопросу подготовки преподавательских кадров. В июле выступал с речью на траурном митинге во время похорон члена ЦК КПК Ань Цзывэня в Пекине; в том же месяце имел встречу и беседу с находящейся в КНР делегацией Центральной школы при ЦК СКЮ им. И. Б. Тито. В августе вместе с секретарем ЦК КПК Пэн Чуном встречался и беседовал с прибывшей в Пекин делегацией ТАР, в том же месяце имел встречу и беседу с участниками Всекитайского совещания работников юстиции. В сентябре на 3-й сессии ВСНП 5-го созыва введен в состав комиссии по пересмотру Конституции КНР. В октябре на 13-м заседании ПБ ВК НПКСК 5-го созыва назначен заместителем председателя комиссии по организации празднеств, посвященных 70-летию Синьхайской революции. В ноябре встречался и беседовал с находившимся в Пекине председателем Союзного исполнительного веча СФРЮ В. Джурановичем; в том же месяце участвовал в переговорах с прибывшей в КНР делегацией испанской компартии, возглавляемой С. Каррильо.

Чжао Цзыян — Член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК; премьер Госсовета КНР; председатель Государственного комитета по преобразованию системы хозяйственного управления.

Род. в 1919 г. в уезде Хуасянь пров. Хэнань, сын помещика, окончил среднюю школу. В 1932 г. вступил в комсомол. В феврале 1938 г. принят в КПК. В 1940 г. занял пост секретаря уездного комитета КПК в 3-м специальном подрайоне Хэбэй-Шаньдун-Хэнаньского погранрайона, затем стал секретарем окружного комитета КПК в этом районе. В 1947 г.—заместитель секретаря комитета КПК района Тунбайшань (стык пров. Хэнань и Хубэй). В 1948 г. назначен секретарем комитета КПК Хэнань-Хубэй-Аньхойского погранрайона. В 1950 г. утвержден секретарем комитета КПК спецрайона Наньян пров. Хэнань.

В декабре 1951 г. был переведен на Юг и назначен начальником секретариата и одновременно заведующим отделом по работе в деревне Южно-Китайского бюро ЦК КПК, заместителем председателя комиссии по проведению земельной реформы народного правительства пров. Гуандун. В августе 1953 г. утвержден заместителем секретаря Южно-Китайского бюро ЦК КПК.

В начале 1955 г. стал заместителем секретаря комитета КПК пров. Гуандун, в феврале введен в состав народного комитета пров. Гуандун. В 1956 г. утвержден секретарем комитета КПК пров. Гуандун, назначен 1-м политкомиссаром Гуандунского провинциального военного округа. В мае 1962 г. занял пост 2-го секретаря комитета КПК пров. Гуандун. В июне 1965 г. занял посты секретаря Центрально-Южного бюро ЦК КПК, 1-го секретаря комитета КПК, председателя союза бедняков и низших середняков пров. Гуандун.

В начальный период «культурной революции» подвергался ожесточенной критике, был назван «второй преданной собакой Тао Чжу» (1-го секретаря Центрально-Южного бюро ЦК КПК). В апреле 1967 г. был смещен со всех занимаемых им постов и направлен в «школу 7 мая» по перевоспитанию кадровых работников, откуда вышел лишь в 1971 г.

В мае этого года был утвержден секретарем комитета КПК и назначен заместителем председателя ревкома АРВМ. В марте 1972 г. переведен на Юг на должность секретаря комитета КПК и заместителя председателя ревкома пров. Гуандун. В августе 1973 г. был делегатом X съезда КПК, избран членом ЦК. В апреле 1974 г. стал 1-м секретарем комитета КПК и председателем ревкома пров. Гуандун. В конце 1974 г. избран депутатом ВСНП 4-го созыва. В январе 1975 г. участвовал в работе 2-го пленума ЦК КПК и 1-й сессии ВСНП 4-го созыва, находился в президиуме сессии. В октябре переведен в пров. Сычуань, где занял посты 1-го секретаря комитета КПК и председателя ревкома провинции. Примерно в то же время был назначен 1-м политкомиссаром Чэндуского регионального военного округа и военного округа пров. Сычуань. В апреле—августе 1976 г. подвергался критике в «дацзыбао» как «крупнейший каппутист в пров. Гуандун».

В сентябре 1976 г. входил в состав комиссии по организации похорон Мао Цзэдуна, приезжал в Пекин, участвовал в траурных церемониях; 18 сентября выступал на траурном митинге памяти Мао Цзэдуна в Чэнду. 23 октября 1976 г. выступал на массовом митинге, созванном в Чэнду по случаю назначения Хуа Гофэна председателем ЦК и Военного совета ЦК КПК, а также в связи с «подавлением заговора „группы четырех“».

В июле 1977 г. участвовал в работе 3-го пленума ЦК КПК; 24 июля 1977 г. выступал на митинге в г. Чэнду по итогам его работы. В августе принимал участие в работе XI съезда КПК, находился в президиуме съезда, избран членом ЦК, на 1-м пленуме которого был утвержден кандидатом в члены Политбюро ЦК КПК. На сессии СНП пров. Сычуань (15—20 декабря 1977 г.) вновь был утвержден председателем провинциального ревкома, избран депутатом ВСНП 5-го созыва.

В январском 1978 г. номере журнала «Хунци» была опубликована его статья, призывающая ускорить темпы строительства, а также поиски новых методов и форм управления производством в пров. Сычуань. В соответствии с его идеями, в 1979 г. 100 предприятий этой провинции впервые в Китае были экспериментально переведены на систему хозрасчета. Впоследствии эксперимент стал проводиться в общенациональном масштабе. В начале 1980 г. партком пров. Сычуань выступил инициатором закрепления части производственных площадей за крестьянскими дворами, положив начало созданию системы «производственной ответственности» в китайской деревне (подробнее о «сычуаньском эксперименте» см. ежегодник «Китайская Народная Республика в 1979 г.». М., 1981, с. 85—86, а также данный ежегодник, с. 75, 76, 91.

В феврале—марте 1978 г. Чжао Цзыян участвовал в работе 2-го пленума ЦК КПК 11-го созыва и сессий ВСНП и ВК НПКСК 5-го созывов, находился в президиуме сессии ВСНП, был «исполнительным председателем» сессии ВК НПКСК, введен в состав ПК ВК НПКСК, утвержден заместителем его председателя. В августе в составе делегации, возглавляемой Хуа Гофэном, посетил Румынию, Югославию, Иран; участвовал в переговорах с руководителями этих стран. 13 октября «Жэньминь жибао» опубликовала выдержки из выступлений Чжао Цзыяна на семинаре, проведенном сычуаньским провинциальным парткомом для секретарей окружных и уездных комитетов КПК по вопросу о практике как единственном критерии истины. В декабре участвовал в работе 3-го пленума ЦК КПК; 24 декабря присутствовал на церемонии перезахоронения останков Пэн Дэхуая и Тао Чжу в Пекине.

На конференции организации КПК пров. Сычуань (20—23 января 1979 г.) введен в состав провинциального парткома, на 1-м пленуме которого снова утвержден его 1-м секретарем. «Жэньминь жибао» 23 марта 1979 г. опубликовала его статью, посвященную Тао Чжу.

На 4-м пленуме ЦК КПК (25—28 сентября 1979 г.) переведен из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПК. «Жэньминь жибао» 10 ноября 1979 г. поместила изложение его выступления на совещании секретарей городских, окружных и ведомственных комитетов КПК пров. Сычуань, посвященном изучению речи Е Цзяньина на торжественном собрании по случаю 30-летия КНР. В декабре в связи с ликвидацией провинциального ревкома освобожден от должности его председателя.

В феврале 1980 г. на 5-м пленуме ЦК КПК введен в состав Постоянного

комитета Политбюро ЦК КПК; одновременно освобожден от выполнения обязанностей 1-го секретаря комитета КПК, 1-го политкомиссара военного округа пров. Сычуань, а также 1-го политкомиссара Чэндуского регионального военного округа; в апреле на 14-м заседании ПК ВСНП 5-го созыва назначен заместителем премьера Госсовета КНР. В мае Чжао Цзыян был введен в состав комиссии по организации перезахоронения праха Лю Шаоци. «Жэньминь жибао» 2 июня 1980 г. опубликовала информацию о выступлении Чжао Цзыяна на торжественном чаепитии в конференц-зале Чжуннаньхая по случаю Международного дня защиты детей, а 22 июня — информацию о его встрече с делегацией мексиканских журналистов. В июле имел беседу с делегацией Международного банка развития и реконструкции.

10 сентября 1980 г. решением 3-й сессии ВСНП 5-го созыва назначен премьером Госсовета КНР; введен в состав комиссии по пересмотру Конституции КНР, 12 сентября на 3-й сессии ВК НПКСК 5-го созыва освобожден от обязанностей заместителя председателя ПБ ВК НПКСК. 11 сентября 1980 г. выступил впервые в качестве премьера Госсовета КНР на банкете в честь премьер-министра Новой Зеландии Р. Малдуна; в том же месяце имел встречи и беседы с делегацией японских деловых кругов, возглавляемой председателем японо-китайской экономической ассоциации Т. Дако и президентом японской федерации экономических организаций И. Инаяма, с делегациями японской партии Комэйто, ассоциации японо-китайской дружбы, журналистов из Гонконга; участвовал в переговорах с прибывшими в КНР президентом Италии А. Пертини, президентом Кении Д. Арап-Мои, подписал китайско-кенийское соглашение о сотрудничестве в области экономики, техники и культуры; участвовал в переговорах с премьер-министром Норвегии О. Нурдли, подписал китайско-норвежское соглашение об экономическом, промышленном и техническом сотрудничестве. «Жэньминь жибао» 1 октября 1980 г. опубликовала изложение речи Чжао Цзыяна на приеме по случаю 31-й годовщины КНР. В октябре 1980 г. имел встречи и беседы с главным консультантом японской корпорации К. Мацусита и председателем англо-китайского совета Дж. Кесуиком; участвовал в переговорах с прибывшим в КНР президентом Франции В. Жискар Д'Эстэном.

В конце октября участвовал в переговорах с правительственной делегацией Тринидада и Тобаго, заместителем премьер-министра Фиджи, премьер-министром Нидерландов А. Ван Агтом, подписал китайско-нидерландское соглашение о технико-экономическом и культурном сотрудничестве; в ноябре участвовал в переговорах с прибывшими в КНР председателем Союзного исполнительного веча СФРЮ В. Джурановичем, премьер-министром Сингапура Ли Куан Ю; имел встречу и беседу с парламентской делегацией Таиланда; в декабре участвовал в переговорах с прибывшими в Пекин японской правительственной делегацией, с министром иностранных дел Пакистана Ага Шахи.

Члены Секретариата ЦК КПК

Ниже помещены биографические справки о тех членах Секретариата ЦК КПК, биографии которых ранее (в ежегодниках 1976—1979 гг.) не публиковались.

Ван Жэньчжун — 1917 г. рождения. Член КПК с 1933 г. Был кандидатом в члены ЦК КПК 8-го созыва. В 1967 г. снят с постов секретаря Центрально-Южного бюро ЦК КПК и политкомиссара Уханьского регионального военного округа. Реабилитирован в 1978 г. В декабре 1978 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва доизбран членом ЦК. Затем назначен заместителем премьера Госсовета КНР и председателем Госкомитета по делам сельского хозяйства. С февраля 1980 г.— заведующий отделом пропаганды ЦК КПК; 26 августа 1980 г. освобожден от должности председателя Государственного комитета по делам сельского хозяйства, а в сентябре 1980 г.— заместителя премьера Госсовета.

Вань Ли — 1916 г. рождения. Член КПК с 1936 г. Перед «культурной революцией» был секретарем комитета КПК и заместителем мэра Пекина. Репрессирован в 1966 г. Реабилитирован в 1971 г. В 1975—1977 гг.— министр

железных дорог. С 1977 по декабрь 1979 г. был 1-м секретарем комитета КПК, председателем ревкома, 1-м политкомиссаром военного округа пров. Аньхой. В апреле 1980 г. назначен заместителем премьера Госсовета КНР, председателем Государственного комитета по делам сельского хозяйства.

Гу Му — 1914 г. рождения. Член КПК с 1932 г. Перед «культурной революцией» занимал пост председателя Государственного комитета капитального строительства. В 1967 г. раскритикован и снят с поста. Реабилитирован в 1972 г. В 1973 г. восстановлен в должности председателя Государственного комитета капитального строительства. С января 1975 г.— заместитель премьера Госсовета КНР; в июле 1979 г. введен в состав финансово-экономического комитета при Госсовете КНР, назначен по совместительству председателем Комитета по иностранным капиталовложениям и председателем Комитета по экспорту и импорту. В декабре 1980 г. освобожден от должности председателя Государственного комитета капитального строительства.

Сун Жэньцюн — 1909 г. рождения. Член КПК с 1926 г. Перед «культурной революцией» занимал посты 1-го секретаря Северо-Восточного бюро ЦК КПК и 1-го политкомиссара Шэньянского регионального военного округа. На 11-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва (август 1966 г.) был утвержден кандидатом в члены Политбюро ЦК КПК. В 1968 г. раскритикован и снят со всех постов. Реабилитирован в 1974 г. В марте 1978 г. назначен министром 7-го министерства машиностроения; в декабре 1978 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва доизбран членом ЦК. В январе 1979 г. возглавил Организационный отдел ЦК КПК, в связи с чем освобожден от должности министра.

Ху Цяому — 1912 г. рождения. Член КПК с 1935 г. Был членом ЦК КПК 8-го созыва. С 1949 г.— заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК; с 1956 г.— кандидат в члены Секретариата ЦК КПК 8-го созыва. В 1966 г. подвергся ожесточенной критике, был снят со всех постов и репрессирован. Реабилитирован в 1974 г. В марте 1978 г. назначен президентом Академии общественных наук Китая. Автор книги «30 лет Коммунистической партии Китая», изданной в июне 1951 г. и переведенной на русский язык.

Ян Дэчжи — 1910 г. рождения. В 1927 г. участвовал в восстании «Осеннего урожая» в пров. Хунань, в 1928 г. был принят в КПК по рекомендации Мао Цзэдуна. Длительное время служил в частях, которыми командовали Линь Бао, а затем Не Жунчжэнь. Участник Северо-Западного похода (1934—1936), антияпонской войны (1937—1945), гражданской войны (1946—1949), войны в Корее (1950—1953). Окончил Высшую военную академию в 1958 г. Имел звание генерал-полковника. В 1958—1973 гг.— командующий Цзинаньским региональным военным округом. С 1973 по 1978 г. командовал Уханьским, а с января 1979 по январь 1980 г.— Куньминским региональными военными округами. Участвовал в руководстве «войсками вторжения» во Вьетнам (февраль—март 1979 г.). В январе 1980 г. назначен заместителем министра обороны и начальником Генерального штаба НОАК. Кандидат в члены ЦК КПК 8-го созыва, член ЦК КПК 9, 10 и 11-го созывов.

Яо Илинь — 1917 г. рождения. Член КПК с 1935 г. С 1949 по 1960 г.— заместитель министра; с 1960 по 1967 г.— министр торговли КНР; с 1959 по 1967 г.— заместитель начальника канцелярии по финансам и торговле Госсовета КНР. В 1956 г. назначен заместителем заведующего, а в 1964 г.— заведующим торгово-финансовым отделом ЦК КПК. В мае 1958 г. был избран кандидатом в члены ЦК КПК 8-го созыва.

В 1967 г. подвергся ожесточенной критике и был снят со всех постов. Реабилитирован в 1973 г. С 1973 по август 1978 г.— заместитель министра внешней торговли. С августа 1978 по февраль 1979 г.— министр торговли КНР. С января 1979 г.— заведующий канцелярией ЦК КПК (вместо Ван Дунсина). С 1 июля 1979 г.— заместитель премьера Госсовета, заведующий секретариатом финансово-экономического комитета при Госсовете КНР. В августе 1980 г. назначен председателем Государственного планового комитета. Был кандидатом в члены ЦК КПК 10-го созыва. Член ЦК КПК 11-го созыва.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ*

Внутриполитическая жизнь

Январь

5—23 — В Пекине проходило Всекитайское совещание по вопросам просвещения. С докладами выступили Дэн Сяопин и министр просвещения Цзян Наньсян.

7—25 — 2-я сессия Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины.

23 — Вышел в свет первый номер журнала «Общественные науки Китая» («Чжунго шэхуэй кэсюе»).

— Опубликовано сообщение о Всекитайском совещании по вопросам охраны общественного порядка в городах.

23—28 — В Пекине проходил 2-й пленум ЦК КСМК 10-го созыва. С отчетным докладом выступил первый секретарь ЦК КСМК Хань Ин.

23 января—13 февраля — В Пекине состоялось совещание китайских драматургов и сценаристов, на котором выступил Ху Яобан.

31 — Помещена информация о предстоящей переписи и учете промышленных предприятий в масштабе страны.

Февраль

5—12 — В Пекине проходило 13-е заседание ПК ВСНП 5-го созыва. Рассматривались следующие вопросы: о современном положении и задачах, стоящих перед страной (доклад Дэн Сяопина); о проведении в экспериментальном порядке прямых выборов в собрания народных представителей на уровне уездов; положение о научных степенях; положение о гражданстве КНР; о результатах работы промышленности и транспорта в 1979 г. и о плановых показателях на 1980 г.; об укреплении общественного порядка в городах и др.

8 — Опубликовано сообщение о состоявшемся Всекитайском совещании по вопросам цен. Принято решение в 1980 г. «в основном стабилизировать цены».

15 — В торжественных мероприятиях по случаю праздника весны в Пекине приняли участие Хуа Гофэн, Дэн Сяопин, Ли Сяньнянь и другие китайские руководители. Е Цзяньин находился в Гуанчжоу.

16 — Ян Дэчжи, Хань Сяньчу, Ян Юн и Ван Пин названы в прессе членами Постоянного комитета Военного совета ЦК КПК.

17 — Опубликовано решение о создании Главного таможенного управления, непосредственно подчиненного Госсовету.

23—29 — В Пекине проходил 5-й пленум ЦК КПК 11-го созыва. Пленум принял постановление о созыве XII съезда КПК. В Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК избраны Ху Яобан и Чжао Цзыян. Учрежден Секретариат ЦК КПК. Генеральным секретарем ЦК КПК избран Ху Яобан. Принят документ «Некоторые нормы политической жизни в партии». Внесены изменения в Устав КПК. Принято решение о реабилитации Лю Шаоци. Из состава

---

* Хроника составлена по материалам «Жэньминь жибао», за исключением специально оговариваемых случаев.

Политбюро ЦК КПК выведены Ван Дунсин, Цзи Дэнкуй, У Дэ, Чэнь Силянь.

24—27 — В ЦК КПК состоялось собеседование с разъяснением вопросов, обсуждавшихся на 5-м пленуме ЦК КПК, с представителями «демократических партий и организаций» и беспартийными деятелями, включая представителей Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев. Хуа Гофэн принял участников собеседования.

28 — Агентство Синьхуа сообщило о выходе в свет первого номера журнала «Жэньу» («Персоналии»).

Март

10 — В американской газете «Ньюсдей» (штат Нью-Йорк) опубликована статья Дэн Сяопина «Как я представляю себе будущее Китая» (написанная для «Ежегодника британской энциклопедии»).

12 — В Пекине, Шанхае и других городах прошли мероприятия по случаю 55-й годовщины со дня смерти Сунь Ятсена.

15 — Опубликован принятый на 5-м пленуме ЦК КПК документ «Некоторые нормы политической жизни в партии».

16 — Вышел в свет первый номер нового журнала «Сулянь вэньсюе» («Советская литература»).

28 — Опубликовано сообщение о принятии отделом пропаганды и орготделом ЦК КПК документа «Замечания относительно усиления воспитания членов партии и оздоровления организационной жизни партии».

Апрель

6 — Вышел в свет первый номер газеты «Чжунго нунминьбао» («Китайская крестьянская газета»).

— В Пекине открылся 4-й съезд Всекитайского общества мусульман.

8—16 — В Пекине проходила 14-я сессия ПК ВСНП 5-го созыва под председательством Е Цзяньина. Сессия рассмотрела итоги выполнения народнохозяйственного плана 1979 г. и наметки на 1980 г.; приняты Закон о браке; Закон о гражданстве КНР; решения об изменениях в ст. 45 Конституции КНР, о созыве 3-й сессии ВСНП 5-го созыва.

30 — Государственное статистическое управление КНР опубликовало сообщение об итогах выполнения народнохозяйственного плана 1979 г.

Май

1 — В Автономном районе Внутренняя Монголия были проведены «торжественный митинг» и «церемония почтения памяти», посвященные Чингисхану (по случаю 753-й годовщины со дня его смерти).

4—9 — В Пекине проходило Всекитайское совещание работников издательств, на котором выступил член Секретариата ЦК КПК, заведующий Отделом пропаганды ЦК КПК Ван Жэньчжун.

17 — В Пекине в здании ВСНП под председательством Хуа Гофэна состоялся траурный митинг памяти Лю Шаоци. С речью выступил Дэн Сяопин.

22—31 — Инспекционная поездка Ху Яобана и Вань Ли в Лхасу.

29 — В Пекине проведена «церемония перезахоронения праха» последнего китайского императора Пу И (скончался в 1967 г.).

Июнь

2 — Хуа Гофэн и Гу Му посетили строительство Баошаньского металлургического комбината.

10 — Ху Яобан, Хуа Гофэн, Дэн Сяопин, Ли Сяньнянь, Чэнь Юнь, Сюй Сянцзянь, Пэн Чжэнь присутствовали на митинге, посвященном испытанию китайской баллистической ракеты-носителя. С речью выступил Ху Яобан.

13 — Опубликована статья «Коммунист должен говорить правду» (самокритика деятельности «Жэньминь жибао» за 20 лет).

14—24 — Е Цзяньин совершил инспекционную поездку в провинции Цзянсу и Чжэцзян.

17 — В связи с мероприятиями, посвященными памяти Цюй Цюбо, опубликованы две статьи Лу Динъи о нем.

21 — Агентство Синьхуа сообщило о завершении в масштабах всей страны экспериментального проведения прямых выборов в собрания народных представителей на уровне уездов и ниже.

30 июня— 4 июля — Хуа Гофэн и Е Цзяньин совершили инспекционную поездку в г. Люйда и в пров. Хубэй.

Июль

1 — Опубликована передовая статья «Воспрянув духом, как следует наладить партийный стиль», посвященная 59-й годовщине со дня создания КПК.

9—13 — Дэн Сяопин совершил инспекционную поездку в пров. Сычуань.

18—26 — В Пекине состоялось учредительное заседание общества изучения истории КПК. Председателем исполкома общества избран Фэн Вэньбинь.

21—24 — В Пекине состоялось 10-е заседание ВК НПКСК 5-го созыва. Заседание заслушало отчеты инспекционных групп о результатах обследования провинций Сычуань, Аньхой, Цзянсу, Хунань, Гуандун, а также городов Пекина и Тяньцзиня.

28 — Опубликовано сообщение о состоявшемся в Бэньси (пров. Ляонин) Всекитайском совещании по работе угольной промышленности. На совещании выступил Юй Цюли.

Август

2—7 — В Пекине состоялось Всекитайское совещание по вопросам трудоустройства населения.

8 — Возобновила свою работу Всекитайская ассоциация журналистов.

9 — Сообщено о восстановлении в Китае юридических консультаций.

12 — Опубликовано указание ЦК КПК — уменьшить прославление отдельных личностей. Один из его пунктов предписывал ограничить число портретов Мао Цзэдуна и стендов с его высказываниями.

20—24 — ЦК КПК провел «демократическое консультативное совещание» с участием деятелей «демократических партий и организаций» для обсуждения повестки дня предстоявшей 3-й сессии ВСНП 5-го созыва. На совещании выступил Хуа Гофэн.

21—26 — В Пекине состоялась 15-я сессия ПК ВСНП 5-го созыва, на которой обсуждались повестка дня 3-й сессии ВСНП 5-го созыва, вопросы перестановки кадров в государственных органах КНР, а также принято решение об учреждении Государственного комитета энергетических ресурсов.

28 августа — 12 сентября — В Пекине работала 3-я сессия ВК НПКСК 5-го созыва.

30 августа — 10 сентября — В Пекине состоялась 3-я сессия ВСНП 5-го созыва. Вступительную речь произнес Е Цзяньин. С докладами выступили Хуа Гофэн, Ван Бинцянь, Яо Илинь, Тань Чжэньлинь, Хуан Хоцин. Сессия удовлетворила ходатайства ряда высших партийных ру-

ководителей КНР об освобождении их от параллельно занимаемых административных постов и утвердила новые назначения в в составе Госсовета и руководящих органов ВСНП. Принят ряд постановлений и законов, а также резолюция об изменении ст. 45 Конституции КНР.

Сентябрь

15 — В Пекине состоялось 1-е пленарное заседание комиссии по пересмотру Конституции КНР. На заседании избран секретариат комиссии во главе с Ху Цяому.
23 — Вышел из печати «Ежегодник китайской энциклопедии» (1980 г.).
26—29 — В Пекине состоялось 16-е заседание ПК ВСНП 5-го созыва. Принят ряд решений, в частности о создании особой прокуратуры при Верховной народной прокуратуре КНР и особого суда при Верховном народном суде КНР для рассмотрения дела группировок Линь Бяо и Цзян Цин.
30 — Премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян выступил на праздничном приеме, посвященном 31-й годовщине образования КНР.

Октябрь

7 — На 13-м пленарном заседании ПБ ВК НПКСК принято решение о проведении 10 октября 1981 г. торжественного празднования 70-й годовщины Синьхайской революции. Образован подготовительный комитет во главе с Е Цзяньином.
8—18 — Состоялось 10-е всекитайское совещание по вопросам телевидения и радиовещания, на котором выступил секретарь ЦК КПК Ван Жэньчжун.
16 — В КНР произведен ядерный взрыв в атмосфере.
25 — Начало работу Всекитайское совещание по трудоустройству уволенных в запас из армии кадровых работников и демобилизованных военнослужащих.
28 — Статья «Важная реформа партийного и государственного руководства» о ликвидации системы пожизненного занятия постов руководящими работчиками.
29 октября и 10 ноября — «Гунжэнь жибао» напечатала интервью Дэн Сяопина (в 2-х частях), данное итальянской журналистке А. Фаллачи 21 и 23 августа.

Ноябрь

1 — Сообщение агентства Синьхуа о решении ЦК КПК посмертно исключить из КПК бывшего заместителя председателя ЦК КПК Кан Шэна и бывшего члена Политбюро ЦК КПК, министра общественной безопасности Се Фучжи, «принимавших непосредственное участие в контрреволюционной заговорщической деятельности Линь Бяо, Цзян Цин и других».
5 — Помещена информация о предстоящем увеличении продолжительности обучения в начальных школах с пяти до шести лет и об изменении учебных программ.
6 — Сообщение о политической реабилитации одного из основателей КПК — Ли Да.
7 — Особая прокуратура, созданная для судебного процесса над «четверкой» и группой Линь Бяо, завершила следствие и передала обвинительный акт в особый суд.
— Сообщение о реабилитации бывшего проректора высшей партийной школы при ЦК КПК, секретаря ЦК КПК Ян Сяньчжэня.
13 — Информация о результатах расследования взрыва на Пекинском вокзале (29 октября). Инцидент назван «контрреволюционной подрывной акцией».

14—29 — В Пекине состоялась 3-я сессия Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины, на которой выступили Ху Яобан и Чэнь Юнь.

16 — Опубликовано изложение обвинительного заключения, представленного особой прокуратурой, проводившей следствие по делу группы Линь Бяо и «четверки».

20 — В Пекине начался судебный процесс по делу «контрреволюционных группировок Линь Бяо и Цзян Цин».

24 — Опубликовано интервью Дэн Сяопина, данное 15 ноября главному редактору американской газеты «Крисчен сайенс монитор».

Декабрь

1—13 — В Тяньцзине проходило Всекитайское совещание по вопросам образования.

6 — Опубликовано «экстренное предписание» Госсовета КНР «Решительно пресечь произвольную вырубку леса!».

8 — Опубликован документ Госсовета КНР «Предписание о строгом контроле над ценами и упорядочении договорных цен».

22 — Статья «Веха социалистической демократии и законности», где затрагивался вопрос о роли Мао Цзэдуна в проведении «культурной революции».

24 — В газетах помещено сообщение о состоявшейся в Пекине 4-й национальной конференции китайского общества буддистов.

— Вышел в свет первый номер нового журнала «Э Су вэньсюэ» («Русская и советская литература»).

25 — Опубликовано сообщение о закончившемся Всекитайском совещании по вопросам цен.

27 — Вышел в свет 1-й том «Избранных произведений Чжоу Эньлая» (двухтомник), подготовленный Комиссией ЦК КПК по редактированию и изданию документов.

29 — По сообщению агентства Синьхуа, на встрече Нового года, проводившейся ЦК КПК в Пекине, Чжао Цзыян сообщил о состоявшемся рабочем совещании ЦК КПК, где было рассмотрено экономическое положение в стране.

31 — Завершилось судебное разбирательство по делу «контрреволюционных группировок Линь Бяо и Цзян Цин».

— Агентство Синьхуа опубликовало предварительные данные ГСУ КНР о промышленном производстве за 1980 г.

Внешнеполитические связи

Январь

5—10 — Визит вице-президента АРЕ М. Мубарака. Был принят Хуа Го-
ных и военно-промышленных объектов, вел переговоры с Хуа
5—13 — Визит министра обороны США Г. Брауна. Он посетил ряд воен-
фэном.
Гофэном, Дэн Сяопином, Гэн Бяо, Сюй Сянцянем.

10 — МИД СРВ заявил протест по поводу проведения китайскими организациями геологоразведочных работ у Парасельских островов.

19—23 — Визит в Пакистан министра иностранных дел КНР Хуан Хуа.

21 — Опубликовано заявление представителя отдела печати МИД КНР о прекращении советско-китайских переговоров о нормализации отношений.

31 — Опубликован документ МИД КНР «Неоспорим суверенитет Китая над островами Сиша и Наньша (Парасельские о-ва и о-ва Спратли)».

Февраль

1 — Японское агентство Киодо Цусин сообщило об обмене нотами между Японией и КНР об учреждении генконсульств в Гуанчжоу и Саппоро.
2 — Отдел печати МИД КНР сделал заявление об отказе КНР от участия в московской Олимпиаде.
6—11 — Визит члена Политбюро ЦК КПК Дэн Инчао в Таиланд.
7 — КНР и Колумбия установили дипломатические отношения.
14 — Агентство Синьхуа сообщило, что постоянное представительство КНР в Женеве внесло в Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев 300 тыс. долл. в «фонд помощи афганским беженцам» в Пакистане.
22—23 — По случаю 62-й годовщины Советской Армии представители местных органов власти и отделений общества китайско-советской дружбы возложили венки к могилам и памятникам советским воинам (в пров. Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян, Хубэй).
26 — В Пекине подписано соглашение о породнении городов Пекина и Нью-Йорка.

Март

5 — Дэн Сяопин принял делегацию американских газетных издателей, возглавляемую У. Херстом.
11—19 — Визит министра иностранных дел Хуан Хуа на Филиппины, в Малайзию и Сингапур.
16 марта—23 апреля — Визит заместителя премьера Госсовета КНР Чэнь Мухуа в Тунис, Марокко, Сенегал, Мавританию, Либерию, Алжир.
23—28 — Визит министра обороны Великобритании Ф. Пима. Был принят Хуа Гофэном и Хуан Хуа.
24—31 — Визит президента Заира С. Мобуту. Состоялись переговоры с Хуа Гофэном и Дэн Сяопином. Подписано соглашение о культурном сотрудничестве.

Апрель

9—15 — Визит президента Замбии К. Каунда. Подписаны протоколы об экономическом и техническом сотрудничестве и соглашение по культуре.
12 — Визит вице-президента Танзании А. Джумбе.
13—16 — Визит министра иностранных дел КНР Хуан Хуа в Танзанию.
14—23 — Визит по приглашению ЦК КПК Генерального секретаря ИКП Э. Берлингуэра. В ходе визита встречался с Хуа Гофэном, Дэн Сяопином, вел переговоры с Ху Яобаном.
16—22 — Визит Хуан Хуа в Зимбабве; 17 апреля в Солсбери встретился с премьер-министром Индии И. Ганди.
18 — Между КНР и Зимбабве установлены дипломатические отношения на уровне послов.
20 — В Москву отбыл новый чрезвычайный и полномочный посол КНР в СССР Ян Шоучжэн.
21—27 — Визиты Хуан Хуа в Танзанию, Мозамбик, Зимбабве.
22 — Китайское народное общество дружбы с заграницей и Общество китайско-советской дружбы устроили в Пекине кинопросмотр, посвященный 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.
30 апреля—18 мая — Визиты Ли Сяньняня в Папуа—Новую Гвинею, Австралию, Новую Зеландию.

Май

2—6 — Визит президента Пакистана Зия уль-Хака. Состоялись переговоры с Хуа Гофэном и Дэн Сяопином.
3—6 — Официальный визит в КНР президента Гвинеи А. Секу Туре.
6—9 — В Югославии на похоронах И. Б. Тито находилась китайская партийно-правительственная делегация во главе с Хуа Гофэном.
9 — В Бухаресте по приглашению Н. Чаушеску с однодневным визитом находился Хуа Гофэн.
10 — Визит Хуан Хуа в Таиланд.
11—16 — Визит в КНР лидера лейбористской партии Великобритании Дж. Каллагэна.
13 — Франс Пресс сообщило, что правительство Фиджи направило протест китайскому посольству в Суве по поводу объявленного испытания китайских ракет в Тихом океане.
18—21 — Китай произвел запуск ракет-носителей в район Тихого океана.
24 мая—13 июня — Посещение заместителем премьера Госсовета КНР Гэн Бяо США (по приглашению министра обороны Г. Брауна) и Японии.
27 мая—1 июня — Визит Хуа Гофэна в Японию. Между Китаем и Японией подписано соглашение о научно-техническом сотрудничестве (сроком на 2 года), достигнута договоренность о создании консультативного органа на уровне министров иностранных дел. Опубликовано совместное китайско-японское коммюнике о визите.
30 — В Мадриде состоялась встреча делегации «Жэньминь жибао» с Д. Ибаррури и С. Каррильо.
31 мая—7 июня — Визит заместителя премьера Госсовета КНР Кан Шиэня в Норвегию.

Июнь

5—10 — В КНР с официальным визитом находился президент Аргентины генерал Хорхе Рафаэль Видела.
6—20 — Визиты Хуан Хуа в Швецию, Норвегию, Данию.
8—14 — Визит Кан Шиэня в Великобританию. Состоялась его встреча с М. Тэтчер.
9—19 — Парламентская делегация КНР во главе с Дэн Инчао находилась во Франции. Посетила Европейский парламент.
11—18 — Визит в КНР премьер-министра Барбадоса Дж. Адамса.
17 — МИД СРВ направил МИД КНР ноту с предложением начать третий раунд вьетнамо-китайских переговоров в Ханое 15 июля 1980 г.
17—21 — Визит премьер-министра Западного Самоа Тупуола Таиси Эфи. Подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве.
19—21 — Визит Хуан Хуа в ФРГ.
22 — Опубликован протест агентства Синьхуа против поставок американского оружия на Тайвань.
23 — МИД КНР в ответ на ноту МИД СРВ отклонил предложение о возобновлении переговоров.
25 — КНР и Республика Кирибати установили дипломатические отношения.

Июль

3—10 — В КНР находился помощник государственного секретаря США Р. Холбрук.
6—11 — Визит президента Конго Д. Сассу-Нгессо. Подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве.
8—10 — В Токио на похороны премьер-министра Японии М. Охиры выезжал Хуа Гофэн.
16 — Встреча прибывшего в КНР с визитом генерального секретаря

социалистической партии Португалии М. Соареша с Ли Сяньнянем.

21—24 — Визит президента Республики Бангладеш З. Рахмана. Подписано соглашение о предоставлении Китаем кредитов Бангладеш и соглашение о воздушном сообщении между двумя странами.

Август

20 августа—8 октября — Турне заместителя премьера Госсовета КНР Цзи Пэнфэя по ряду африканских и арабских стран (Кения, Бурунди, Мадагаскар, Джибути, Иордания, Кувейт, ЙАР, Оман и др.).

Сентябрь

2—4 — В КНР находился министр иностранных дел Японии М. Ито.

11—18 — Визит в КНР премьер-министра Новой Зеландии Р. Малдуна.

14—19 — Визит президента Кении Д. Арап Мои. Подписаны соглашения о технико-экономическом и культурном сотрудничестве.

16—19 — Визит заместителя министра обороны США У. Перри.

18—26 — Визит президента Италии А. Пертини.

22—29 — Визит премьер-министра Норвегии О. Нурдли. Подписано соглашение об экономическом, промышленном и техническом сотрудничестве.

Октябрь

1 — Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР направили поздравление Постоянному комитету ВСНП и Госсовету КНР по случаю 31-й годовщины провозглашения Китайской Народной Республики.

1—2 — Визит Хуан Хуа в Великобританию. Состоялась его встреча с премьер-министром Великобритании М. Тэтчер.

6 — МИД КНР направил посольству СССР в КНР ноту по поводу инцидента, имевшего место на советско-китайской границе 5 октября.

7—15 — Официальный дружественный визит делегации КПК во главе с членом Политбюро и членом Секретариата ЦК КПК Пэн Чуном в СФРЮ.

9 — МИД СССР направил посольству КНР в СССР ноту в связи с инцидентом на советско-китайской границе.

9—16 — В Пхеньяне находилась китайская партийная делегация во главе с Ли Сяньнянем, принимавшая участие в VI съезде ТПК.

10 — КНР официально присоединилась к Гаагской и Монреальской (1971) конвенциям по вопросам безопасности в гражданской авиации.

15 — МИД КНР вручил ноту протеста послу США в КНР Л. Вудкоку по поводу заключения между США и Тайванем соглашения о предоставлении обоюдных дипломатических привилегий и иммунитета.

16—21 — Визит президента Франции В. Жискар д'Эстэна. Подписано соглашение по консульским вопросам; достигнута договоренность о проведении консультаций на уровне министров.

20—24 — Визит президента Бирмы У Не Вина.

27—31 — Визит премьер-министра Таиланда П. Тинсуланона.

28 октября—4 ноября — Визит премьер-министра Нидерландов А. ван Агта. Подписано соглашение о технико-экономическом и культурном сотрудничестве.

Ноябрь

4 — МИД Тайваня вновь сделал заявление о суверенитете «Китайской Республики» над островами Сенкаку.

6—10 — Визит председателя Союзного исполнительного веча СФРЮ В. Джурановича.

7 — В Пекине посол СССР в КНР И. С. Щербаков устроил прием по случаю 63-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. С китайской стороны присутствовали заместитель министра иностранных дел Ван Юпин и заместитель министра внешней торговли Ван Жуньшэн.

— ПК ВСНП и Госсовет КНР направили Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР поздравление по случаю 63-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

9—24 — Визит премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю.

10—25 — В КНР находилась делегация компартии Испании во главе с Генеральным секретарем КПИ С. Каррильо.

25 ноября—2 декабря — Визит премьер-министра СРР И. Вердеца.

Декабрь

3—5 — В Пекине впервые состоялись китайско-японские межправительственные консультации на уровне министров.

5 — Сообщено о встрече начальника Генерального штаба НОАК Ян Дэчжи с делегацией министерства обороны США.

22 — МИД КНР направил посольству СРВ в Пекине ноту с отказом от проведения третьего раунда китайско-вьетнамских переговоров.

24—27 — Визит министра иностранных дел Пакистана Ага Шахи.

24 — Заместитель министра иностранных дел КНР Ван Юпин и заведующий отделом МИД КНР Юй Хунлян посетили советское посольство в Пекине и выразили соболезнование в связи с кончиной А. Н. Косыгина.

30 — «Нян зан» опубликовала меморандум МИД СРВ о враждебных действиях Китая против Вьетнама в 1980 г.

Внешнеэкономические связи

Январь

7 — Ливия приняла решение о прекращении торгово-экономических отношений с КНР.

18 — КНР и Шри Ланка подписали соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве.

21 — Агентство Франс Пресс сообщило, что Международный фонд сельскохозяйственного развития (специализированное учреждение ООН) принял на третьей сессии ряд новых членов, в их числе — КНР.

22—24 — В Пекине на первой сессии американо-китайской смешанной комиссии по научно-техническому сотрудничеству подписано два протокола — о сотрудничестве в сейсмических исследованиях и в сфере наук о Земле.

Февраль

1 — После одобрения конгрессом США вступило в силу американо-китайское соглашение о предоставлении КНР режима наибольшего благоприятствования в торговле.

19 — В г. Хэйхэ (пров. Хэйлунцзян) завершилось очередное (22-е) заседание смешанной китайско-советской комиссии по судоходству на пограничных реках.

22 — Генеральный директор ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН) сообщил о решении КНР выделить 0,5 млн. долл. для двух специальных программ ФАО.

Март

1 — В Дакке подписаны первое долгосрочное (на 5 лет) торговое соглашение и торговый протокол на 1980 г. между КНР и Бангладеш.

28 — Опубликовано сообщение о проведенном в Пекине Всекитайском совещании по работе в области внешнеэкономических связей.

Апрель

3 — Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило, что президент США Дж. Картер санкционировал финансирование Экспортно-импортным банком США займов для КНР.

15 апреля—15 мая — Весенняя ярмарка китайских экспортных товаров в Гуанчжоу.

17 — Восстановлено членство Китая в Международном валютном фонде.

23 — Агентство Синьхуа сообщило, что в Токио подписано соглашение о предоставлении КНР займа в 122 800 млн. иен (свыше 500 млн. ам. долл.).

29 — По сообщению японской печати, подписано японо-китайское соглашение о совместном освоении нефтяных месторождений в Бохайском заливе.

— «Вашингтон пост» сообщила о подписании в Вашингтоне китайско-американского соглашения относительно продажи КНР Соединенными Штатами электронной техники и военного снаряжения.

Июнь

6 — В Пекине между КНР и СССР подписано соглашение о товарообороте и платежах на 1980 г.

7 — В Пекине подписаны соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве и культурном обмене между КНР и Аргентиной.

Июль

3 — В Рангуне подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между КНР и Бирмой.

27 — В Вашингтоне КНР и США заключили торговое соглашение о поставке текстильных и швейных изделий из Китая в США (сроком по 31 декабря 1982 г.).

— Открылась новая международная авиалиния Пекин—Карачи—Багдад.

Сентябрь

16 — В Пекине подписаны соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве между Кенией и КНР.

— В Вашингтоне состоялось первое заседание совместной китайско-американской экономической комиссии с участием заместителя премьера Госсовета КНР Бо Ибо и министра финансов США У. Миллера.

17 — В Вашингтоне подписаны три американо-китайских соглашения: о воздушном сообщении, о судоходстве, о торговле текстилем, а также договор о консульских отношениях.

Октябрь

15 октября—15 ноября — Осенняя ярмарка китайских экспортных товаров в Гуанчжоу.

29 октября—первая декада ноября — Визиты делегаций КНР во главе с министром внешней торговли Ли Цяном в Швейцарию и Австрию.

31 — Сообщено об обмене между КНР и США документами об охране и гарантиях американских инвестиций в китайскую экономику.
— Американская газета «Дейли Уорлд» сообщила о подписании в Пекине нового соглашения о научном и техническом сотрудничестве между КНР и Чили.

Ноябрь

12 — Сообщение о подписании соглашения о научно-техническом сотрудничестве в области сельского хозяйства между министерством сельского хозяйства КНР и министерством сельского хозяйства, рыболовства и продовольствия Великобритании.

20 — Опубликованы временные правила Госсовета КНР «Об управлении иностранными предприятиями, создаваемыми в Китае».

Декабрь

3 — Японская газета «Асахи» сообщила, что в Пекине на китайско-японских переговорах на уровне министров достигнуто соглашение о предоставлении Японией Китаю льготного кредита в размере 56 млрд. иен.

16 — Агентство Синьхуа сообщило, что между КНР и иностранными предпринимателями подписано более 300 контрактов об образовании смешанных акционерных обществ.

22 — Опубликована информация о подписании в Пекине китайско-кубинского соглашения о торговле и платежах на 1981—1985 гг. и протокола о товарообороте на 1981 г.

25 — Газета «Санкэй симбун» (со ссылкой на МИД Японии) сообщила, что КНР уведомила Японию об отсрочке строительства второй очереди Баошаньского металлургического комбината.

ОСНОВНЫЕ КНИГИ О КИТАЕ, ИЗДАННЫЕ В СССР В 1980 г.

История

В небе Китая. 1937—1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. Отв. ред. и сост. Ю. В. Чудодеев. М., 1980, 381 с.
Вишнякова-Акимова В. В. Два года в восставшем Китае. 1925—1927. Воспоминания. Изд. 2-е. М., 1980, 287 с.
Гельбрас В. Г. Социально-политическая структура КНР. 50—60-е гг. М., 1980, 264 с.
Горбачев Б. Н. Социально-политическая роль китайской армии. 1958—1969. М., 1980, 232 с.
Григорьев А. М. Революционное движение в Китае в 1927—1931 гг. Проблемы стратегии и тактики. М., 1980, 293 с.
Дальний Восток и соседние территории в средние века. Сборник. Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск, 1980, 151 с.
Делюсин Л. П. Спор о социализме. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1980, 150 с.
Дубинский А. М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны. 1937—1945. М., 1980, 279 с.
Кузес В. С. Шанхайское восстание «Союза малых мечей». 1853—1855 гг. М., 1980, 200 с.
Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье. Разделы «Ши хо чжи» из династийных историй. Пер. с кит. А. А. Бокщанина и Лин Кунъи. Ред. пер., вступит. статья и коммент. А. А. Бокщанина. М., 1980, 256 с.
Меликсетов А. В. История Китая в новейшее время. Учеб. пособие. М., 1980. Ч. 1. Китай к началу новейшего времени. 91 с.
Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980, 312 с.
Непомнин О. Е. Социально-экономическая история Китая. 1894—1914. М., 1980, 367 с.
Никифоров В. Н. Первые китайские революционеры. М., 1980, 255 с.
Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века. Изд. 2-, доп. М., 1980, 360 с.
35 лет победы над милитаристской Японией. М., 1980, 138 с.
Тюрин А. Ю. Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III—VIII веках. М., 1980, 194 с.
Филатов Л. В. Экономическая оценка научно-технической помощи Советского Союза Китаю. 1949—1966. М., 1980, 165 с.

Идеология. Внутриполитическое положение. Экономика

Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. М., 1980, 158 с.
Буров В. Г. Современная китайская философия. М., 1980, 311 с.
КНР. Краткий исторический очерк. 1949—1979 гг. Отв. ред. М. Сладковский. М., 1980, 206 с.
Китайская Народная Республика в 1978 г. Политика, экономика, идеология. Глав. ред. чл.-кор. АН СССР М. И. Сладковский. М., 1980, 366 с.

Молодцова Л. И. Промышленность Китая. Пропорции и диспропорции. М., 1980, 208 с.
Современный Китай. Справочник. М., 1980, 222 с.

Внешняя политика

Андреев М. КНР и развивающиеся страны. М., 1980, 192 с.
Борисов О. Б., Колосков Б. Т. Советско-китайские отношения. 1945—1980. Изд. 3-е, доп. М., 1980, 638 с.
Капустин Д. Т. Тайвань и Южная Корея в китайско-американских отношениях (1969—1979). М., 1980, 196 с.
Мазуров В. М. США—Китай—Япония. Перестройка межгосударственных отношений. 1969—1979. М., 1980, 214 с.
Манежев С. А. Экономические отношения КНР со странами Юго-Восточной Азии. М., 1980, 192 с.
Сладковский М. И. Китай и Англия. М., 1980, 351 с.

Культура, литература, искусство, языкознание, словари

Антиповский А. А., Боревская Н. Е., **Франчук** Н. В. Политика в области науки и образования в КНР. 1949—1979. М., 1980, 288 с.
Бежин Л. Е. Се Линъюнь. М., 1980, 208 с.
Белозерова В. Г. Традиционная китайская мебель. М., 1980, 142 с.
Березкина Э. И. Математика древнего Китая. М., 1980, 311 с.
Виноградова Н. А. Сюй Бэйхун. Альбом. М., 1980, 62 с.
Голыгина К. И. Новелла средневекового Китая. Истоки сюжетов и их эволюция. VIII—XIV вв. М., 1980, 326 с.
Горбачев Б. Н. Учебное пособие по общественно-политическому переводу [Для студентов 2—3 курсов, изучающих кит. яз.]. М., 1980, 112 с.
Задоенко Т. П. Ритмическая организация потока китайской речи. М., 1980, 267 с.
Китайско-русский словарь. Около 60 000 слов. Сост. З. И. Баранова, В. Е. Гладцков, В. А. Жаворонков, Б. Г. Мудров. М., 1980, 527 с.
Краткая история Вьета. Пер. с вэньяня и вступит. статья А. Б. Полякова. М., 1980, 288 с. (Памятники письменности Востока. Т. 59).
Никольская Л. А. Тянь Хань и драматургия Китая XX века. М., 1980, 216 с.
Прядохин М. Г. Учебное пособие по китайскому языку для 3-го курса. М., 1980, 226 с.
Разыскания по общему и китайскому языкознанию. Сб. ст. М., 1980, 224 с.
Спешнев Н. А. Фонетика китайского языка. Учебное пособие. Л., 1980, 143 с.
Суханов В. Ф. Упрощенные начертания и разнописи китайских иероглифов. Справочник. М., 1980, 128 с.
У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. Пер. с кит. А. Н. Желоховцева и др. Под ред. В. П. Илюшечкина. Предисл. Л. С. Переломова. М., 1980, 254 с.
Фишман О. Л. Три китайских новеллиста XVII—XVIII вв. Пу Сунлин, Цзи Юнь, Юань Мэй. М., 1980, 430 с.
Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана. Транскрипция, пер., примеч., коммент. и указатели Л. Ю. Тугушевой. М., 1980, 175 с.
Цянь Чжуншу. Осажденная крепость. Роман. Пер. с кит. В. Ф. Сорокина. М., 1980, 381 с.
Черкасский Л. Е. Китайская поэзия военных лет. 1937—1949. М., 1980, 270 с.
Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия. Материалы и исследования. М., 1980, 405 с.

Китаеведение

Е ф и м о в Г. В. Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой и новейшей истории Китая. Л., 1980, ч. 4. Советская литература по новой и новейшей истории Китая. Западное китаеведение. Некоторые вопросы истории Китая в исторической науке КНР. 1960—1970-е годы. 180 с.

Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 5. Отв. ред. А. Д. Желтяков. Л., 1980, 131 с.

Одиннадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1980, ч. 1—3.

У р с у л Д. Т. Николай Гаврилович Милеску Спафарий. М., 1980, 191 с.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Указатель таблиц и основных справочных данных

The yearbook *The Chinese People's Republic in 1980: Politics. Economy. Ideology* is the eighth publication in the series started in 1973 by the Institute of the Far East of the USSR Academy of Sciences. The present issue deals with major facts and events underscoring the country's development in the 1980.

The 1980 saw a continuation of economic measures put forward in June 1979 by the 2nd Session of the National People's Congress of the 5th convocation which adjusted economic development plans as well as outlined measures to eliminate economic disproportions (primarily between industry and agriculture), cut back the national budget deficit and reduce capital investment in the heavy industry. Thus growth rates in the production of coal, oil, gas, steel, cast iron and some engineering goods went down in 1980.

Furthered were the decentralization of industrial management, provision of greater economic independence for industrial enterprises, moves to combine centralized planning with the free market mechanism. The "four modernizations" program still stood as a strategic goal of China's development up to the year 2000.

In agriculture, most of the farms changed over to a "production responsibility" system, while towns registered the growth of private enterprise (maily in trade and services).

The country has been making extensive use of capital investment and know-how from capitalist states. The springing up of enterprises incorporating foreign capital signified the emergence of state-capitalist type economic activity forms within the country's socio-economic structure.

There formed a trend towards bringing back the earlier multiplicity of economic structures and the rise of non-socialist economic forms—small-scale and state-capitalist structures.

Substantial changes took place in the Chinese society. There was a tendency towards higher living standards of the working masses. The process of rehabilitation of the "cultural revolution" victims continued, and direct election into local government bodies up to the district level were resumed.

The foreign policy course remained intact.

The book's lay-out keeps to the problem-subject principle of material presentation used in the earlier reference-analytical publications of the series.

The book has the following major sections:

a general outline of geographical characteristics (specifically data on population patterns and main administrative regions); the publication continues the regional economic-geographical description of China with a survey of the economy of south-west China;

the social and political system (the 3rd Session of the National People's Congress, fundamental legislation, the composition of the leading bodies of the Chinese Communist Party, the Chinese Communist Party, the Chinese government and the military leadership);

political parties and social organizations;

political and social problems (national policy, the conditions of classes and main social groups, the upshot of the trial of the "gang of four" and Lin Biao's supporters);

the economy (new aspects of economic policy, reshaping of the economic mechanism; the situation in major economic sectors: industry, agriculture, trade, etc; the quality of life of the working people);

foreign policy;

ideology (the ideological situation, problems of historical legacy and conditions of the believers);

culture and education (predominant trends in cultural advancement, the situation in literature, theatre, cinema, art as well as in school and higher education).

science (principal trends in scientific development, China's scientific and technological links with the industrialized capitalist nations, and the level of scientific and technological information).

The book has many supplements: the activities of the Soviet-Chinese Friendship Society; profiles (the biographies of Hu Yaobang and Zhao Ziyang, biographical data on the secretaries of the Central Committee of the Chinese Communist Party); a round-up of current developments in China; books on China put out in the USSR; an index of personal and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА
в 1980 году

Политика, экономика, идеология

Утверждено к печати Институтом Дальнего Востока Академии наук СССР

Редактор *В. Б. Меньшиков*. Младший редактор *Н. Н. Сенина*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*. Технический редактор *Л. Е. Синенко*. Корректоры *К. Н. Драгунова* и *О. Л. Щигорева*

ИБ № 15101

Сдано в набор 05.03.84. Подписано к печати 27.08.84. А-012892. Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 16,0. Усл. кр.-отт. 16,25. Уч.-изд. л. 18,35. Тираж 8700 экз. Изд. № 5124. Зак. № 178.
Цена 1 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

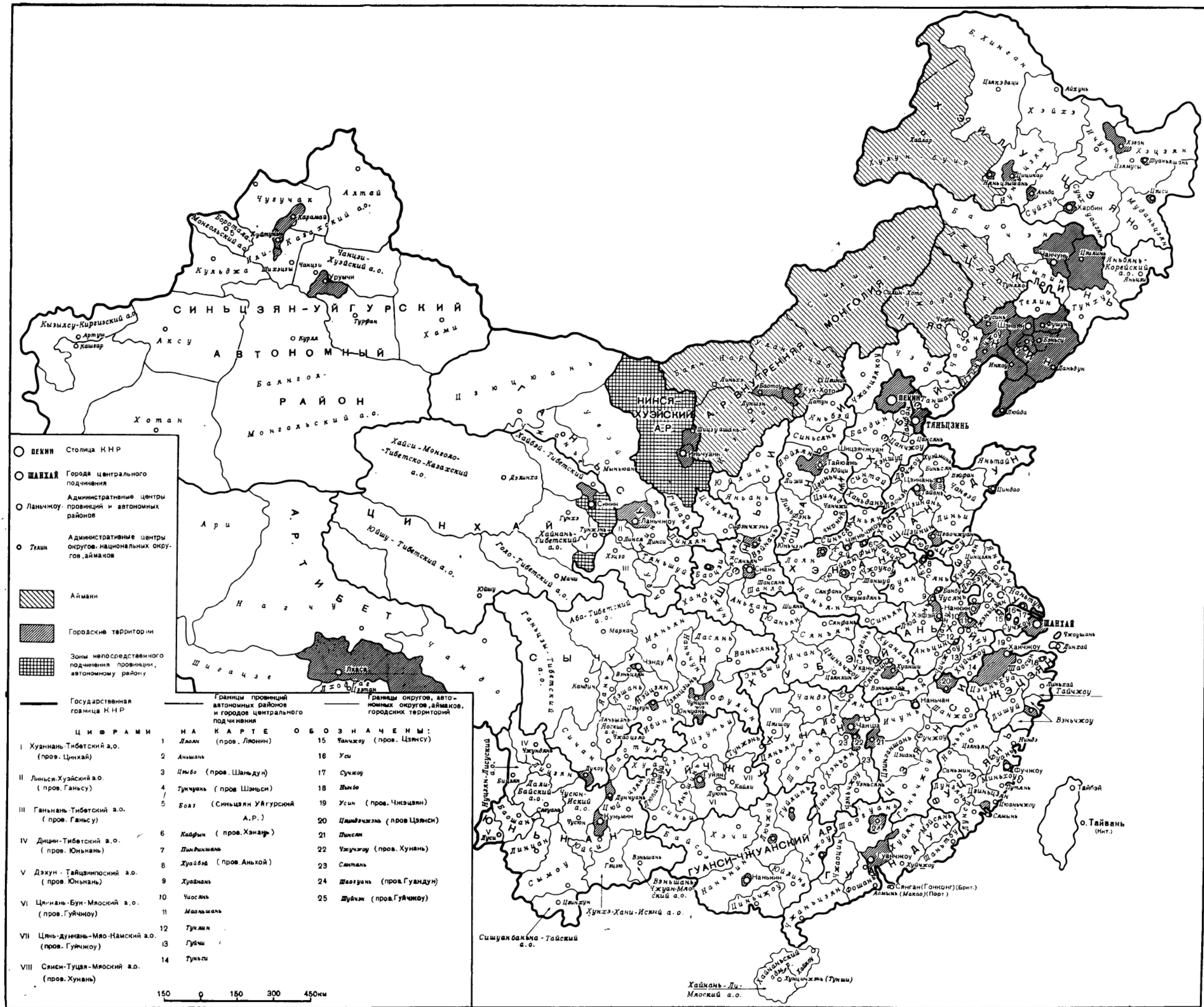
ИСПРАВЛЕНИЕ

На стр. 233 строки 10—15 сн. следует читать:

.5—10 — Визит вице-президента АРЕ М. Мубарака. Был принят Хуа Гофэном.

5—13 — Визит министра обороны США Г. Брауна. Он посетил ряд военных и военно-промышленных объектов, вел переговоры с Хуа Гофэном, Дэн Сяопином, Гэн Бяо, Сюй Сянцянем.

Зак. 178



АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ КНР

Заказ № 3360

ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

- Черная металлургия
- Цветная металлургия
- Машиностроение
- Нефтехимическая
- Химическая
- Строительных материалов
- Текстильная
- Пищевая
- Прочая

ДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

- Уголь
- Железные руды
- Марганцевые руды
- Оловянные руды
- Полиметаллические руды
- Вольфрамовые руды
- Сурьмяная руда
- Горючие сланцы
- Известняк
- Серный колчедан

110 0 110 220 км

- Границы государственные
- Границы экономических районов
- Железные дороги
- Линии электропередач

ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

мощностью свыше 150 тыс. квт.

- Тепловые
- Гидроэлектростанции

СЕВЕРНЫЙ КИТАЙ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ
ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ
ВОСТОЧНЫЙ КИТАЙ
ВЬЕТНАМ
ЛАОС

Чанчжи
Аньян
Хуанхэ
Лоян
Кайфын
Чжэнчжоу
Ханьшуй
Янцзы (Чанцзян)
Шаши
Ухань
Хуанши
оз. Дунтинху
Юаньцзян
Чанша
Сянтань
Чжучжоу
Сикуаншань
Хэньян
Сянцзян
Гуйлинь
Лючжоу
Хэсянь
Шаогуань
Наньнин
Сицзян
Гуанчжоу
Фошань
Цзянмынь
Дунцзян
Цзюлун (Брит.)
Шаньтоу
Маомин
Чжаньцзян
залив Бакбо (Тонкинский)
Хайкоу
о. Хайнань
Шилу

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНО-ЮЖНОГО КИТАЯ

СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКИЙ АВТОНОМНЫЙ РАЙОН
Урумчи
АВТОНОМНЫЙ РАЙОН ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ
Хух-Хото
ХЭЙЛУНЦЗЯН
Харбин
ЦЗИЛИНЬ
Чанчунь
ЛЯОНИН
Шэньян
ПЕКИН
ТЯНЬЦЗИНЬ
ХЭБЭЙ
Шицзячжуан
ШАНЬСИ
Тайюань
ШАНЬДУН
Цзинань
ГАНЬСУ
Ланьчжоу
Иньчуань
1
ЦИНХАЙ
Синин
АВТОНОМНЫЙ РАЙОН ТИБЕТ
Лхаса
ШЭНЬСИ
Сиань
ХЭНАНЬ
Чжэнчжоу
ЦЗЯНСУ
Нанкин
ШАНХАЙ
АНЬХОЙ
Хэфэй
СЫЧУАНЬ
Чэнду
ХУБЭЙ
Ухань
Ханчжоу
ЧЖЭЦЗЯН
Наньчан
ЦЗЯНСИ
ХУНАНЬ
Чанша
ГУЙЧЖОУ
Гуйян
ФУЦЗЯНЬ
Фучжоу
Тайбэй
о. Тайвань (Кит.)
ЮНЬНАНЬ
Куньмин
ГУАНСИ-ЧЖУАНСКИЙ АВТ. РАЙОН
Наньнин
ГУАНДУН
Гуанчжоу
Сянган (Гонконг) (Брит.)
Аомынь (Макао) (Порт.)
о. Хайнань (Кит.)
ПЕКИН Столица КНР
ШАНХАЙ Города центрального подчинения
Ланьчжоу Административные центры провинций и автономных районов
Государственная граница КНР
Границы провинций, автономных районов и городов центрального подчинения
1 - Нинся-хуэйский автономный район
250 0 250 500км

1980 КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА